
B 272529
ZN II
1910

Двѣ книги вмѣстѣ.

Первая – „Письма изъ Англiи" без
последнихъ страницъ (см. стр. 17…
и вторую мѣру объявленiе

Генрикъ Сенкевичъ

ПИСЬМА ИЗЪ АФРИКИ

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО

О. И ИВАНОВОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
«С.-Петербургская Электропечатня», Вознесенскій, 53
1902.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30 Мая 1902 г.

ПИСЬМА ИЗЪ АФРИКИ.

I.

Неаполь.—Ожиданіе.—Наканунѣ отъѣзда.—Шлиманъ.—"Равенна."—Отъѣздъ.—Море.—Мессинское ущелье.—Пассажиры.—Два дня качки.—Утро.—Даміетта.

Я выѣхалъ изъ Неаполя на англійскомъ суднѣ «Равенна» какъ разъ въ день Рождества Христова, подъ вечеръ. Это судно не останавливается нигдѣ по пути до самыхъ береговъ Египта, откуда направляется далѣе, въ Индію. Взойдя на пароходъ, я точно переселился въ новый міръ: увидѣлъ лица, не встрѣчавшіяся въ путешествіяхъ по Европѣ, и услыхалъ звуки рѣчи, чуждые европейскимъ языкомъ. Экипажъ «Равенны» состоялъ почти весь изъ индусовъ: въ немъ выдѣлялось лишь нѣсколько англійскихъ офицеровъ, да два, три матроса той-же національности: остальной экипажъ составляли какія-то темныя фигуры въ бѣлыхъ бурнусахъ, въ чалмахъ, тощія, смуглыя, съ небольшими, похожими на обезьяньи, руками и ногами.

Погода прекрасная: небо ярко-лазурное: гладкая поверхность воды изгибается, подобно блестящему листу изъ жести, но не даетъ ряби. Вокругъ звучатъ однообразные голоса индусовъ, тянущихъ канаты. Судно испускаетъ мощный ревъ, возвѣщая часъ отъѣзда, и начинаетъ дрожать внутри. Убираютъ мостки, по которымъ поднимаются на палубу; стоящія внизу лодки, переполненныя различными торговцами, медленно уходятъ; кое-гдѣ мелькаетъ въ знакъ прощанія нѣсколько платковъ. Судно вторично издаетъ ревъ, и, наконецъ—до chead! Мы трогаемся.

go ahead!

Быть въ пути лучше, нежели ждать. Хотя Неаполь—чудо свѣта, и такъ хорошъ, какъ греческій миѳъ, однако, ожиданіе непріятно и въ немъ. Сверхъ того намъ хотѣлось поскорѣе vedere Napoli poi.... Egipt! Поэтому время казалось безконечнымъ. Особенно тягостнымъ былъ предпослѣдній день, такъ какъ это былъ канунъ Рождества. Когда я въ этотъ вечеръ сидѣлъ въ залѣ отеля «Піацца Умберто», въ моей памяти вставалъ лѣсъ на родинѣ, ярко освѣщенныя окна, радость дѣтей, рѣзвящихся вокругъ елки, и я чувствовалъ, что этого не можетъ замѣнить ни Санта-Лючія, ни величественная вершина Be-

зувія, время отъ времени вспыхивавшая краснымъ огнемъ на фонѣ темнаго неба.

Такія воспоминанія о далекой родинѣ похожи на туманъ. Они заслоняютъ отъ человѣка свѣтъ и наполняютъ день тоскою. Въ то время когда я предавался своимъ мыслямъ, въ отель внесли умирающаго человѣка, что еще болѣе усилило тягостное настроеніе. Его несли четверо; голова у него склонилась на грудь, глаза были закрыты, лицо землистаго цвѣта, а руки повисли, какъ плети Эта печальная группа прошла мимо меня: спустя нѣсколько минутъ, къ моему креслу подошелъ завѣдывающій отелемъ и спросилъ:

— Знаете-ли вы, кто этой больной?

— Нѣтъ.

— Это—великій Шлиманъ!

Бѣдный великій Шлиманъ! Онъ произвелъ раскопки Трои и Микенъ, добился славы и безсмертія и въ настоящую минуту.... умиралъ.

Газеты принесли извѣстіе объ его смерти даже сюда, въ Капръ.

Вотъ какія печальныя ощущенія волновали меня наканунѣ, и вотъ почему я съ необыкновенной радостью услыхалъ на другой день: go ahead!

Заливъ гладокъ и не столь рѣзкаго голубого цвѣта, какимъ отличается Средиземное море; онъ напоминаетъ скорѣе цвѣтъ незабудки, отливающій жемчугомъ, опаломъ, мѣдью и матовымъ серебромъ. Эти переливы, ежеминутно соединяющіеся и разбѣгающіеся, кажутся какою-то сѣтью, распростертой на водѣ, дрожащей и измѣняющейся. Но прекраснѣе всего необыкновенная нѣжность и мягкость общаго тона, которыя рѣдко приходится видѣть на Средиземномъ морѣ, основной тонъ котораго большей частью грубый. Исключеніемъ въ этомъ отношеніи является Неаполитанскій заливъ. Можно было бы предположить, что прибывшіе сюда нѣкогда цѣлыми толпами греки принесли съ собой водамъ залива кристальную прозрачность Архипелага.

Солнце медленно опускается за Искію. «Равенна» разбиваетъ винтомъ воду на мелкія брызги, отливающія жемчугомъ, опалами и изумрудами, и плыветъ, наклонившись на бокъ, точно большая рыба. Мы оставили позади Сарренто, пронеслись между возвышенностью Кампанелли и скалистымъ островомъ Капри и полнымъ ходомъ идемъ впередъ, погружаясь въ мракъ ночи.

Я рѣшилъ не ложиться, чтобы посмотрѣть на Липарскіе Острова и вулканъ Стромболи, который, подобно гигантскому фонарю, освѣщаетъ ночью на большомъ разстояніи вокругъ себя поверхность моря. Съ этой цѣлью я вышелъ послѣ обѣда на палубу. Поднялся вѣтеръ, и замѣтно ощущается холодъ. Пароходу приходится даже бороться съ волнами, что онъ дѣлаетъ легко, какъ-бы шутя, подобно дельфину, играющему въ морѣ. Сейчасъ видно, что это хорошее судно! Липарскіе Острова еще далеко, огня въ окутывающемъ насъ мракѣ вовсе не видно. Тучи, которыя днемъ прятались гдѣ-то въ ущельяхъ горъ, точно драконы, начинаютъ выползать изъ своихъ убѣжищъ, какъ бы прикрываясь темнотой ночи, и быстро несутся по небу. Онѣ то и дѣло закрываютъ собой мѣсяць и звѣзды; вѣтеръ то сталкиваетъ ихъ въ

кучу, то снова разгоняетъ, какъ овчарка стадо. Онѣ собираются позади судна и точно намѣреваются догнать насъ.

Прошелъ часъ, другой. Въ залѣ и на палубѣ электрическія лампы уже погашены, осталось лишь нѣсколько разноцвѣтныхъ фонарей. Движеніе людей затихаетъ. Изрѣдка раздается сторожевой звонъ, которому съ носа парохода отвѣчаютъ индусы,—и снова все погружается въ глубокую тишину.

Тишина эта сопровождается лишь шумомъ машины, которая никогда не спитъ и своимъ однообразнымъ, мѣрнымъ «гда! гда! гда!» напоминаетъ намъ о томъ, что мы ѣдемъ. Море тоже шумитъ тѣмъ таинственнымъ ночнымъ шумомъ, въ которомъ чудятся точно человѣческіе голоса и крики, громкіе вздохи или рыданья. Въ немъ есть что-то невыразимо грустное, такъ какъ съ представленіемъ о ночи въ умѣ человѣка связывается представленіемъ о снѣ и покоѣ, а въ этомъ ночномъ движеніи. въ этой борьбѣ волнъ проявляются какъ-бы страданія и жалобы стихіи, которой никогда не даютъ покоя.

Сильной дождь заставилъ меня уйти съ палубы, и такимъ образомъ Страмболи я не видѣлъ. Утромъ мы были уже въ Мессинскомъ проливѣ. День пасмурный и холодный. Берегъ Сициліи кажется сѣрымъ и туманнымъ, потому что, если нѣтъ солнца, то вездѣ пасмурно и скучно; въ эту зиму солнце рѣдко показывалось даже въ Египтѣ. Если бы хотя одинъ солнечный лучъ прорѣзалъ эту мглу, то Сицилія заблестѣла бы безчисленнымъ множествомъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Туманъ измѣняетъ очертанія горизонта и понижаетъ вершины горъ. Я вспомнилъ отрывокъ изъ «Ванды» Деотимы:

Пока сердце не любило,
Жизнь, точно поле,
Которое не освѣщается солнцемъ.
Быть можетъ, оно и величественно,
Но что изъ того, когда подъ покровомъ ночи
Скрыты его краски?...
Поле лежитъ, точно мертвое...
Но лишь только румяная зоря
Разорветъ пелену тучъ,
Каждая былинка зажжется
Безсмертной искрой жизни,
Поля заблестятъ красками
Запестрѣютъ цвѣтами....
Что-же стало съ полемъ?
Его озарило солнце!

Но солнце не показывается. «Равенна» такъ быстро несется вдоль береговъ Сициліи, точно крадется тайкомъ. На самымъ дѣлѣ, нѣкогда въ этомъ мѣстѣ суда прокрадывались съ трепетомъ, ибо тутъ находилась логовища Сциллы и Харибды, описанныя въ безсмертныхъ стихахъ Гомеромъ.

Послѣ ты двѣ повстрѣчаешь скалы: до широкаго неба
Острой вершиной восходитъ одна, облака окружаютъ
Темносгущенную ту высоту, никогда не рѣдѣя.
Тамъ никогда не бываетъ ни лѣтомъ, ни осенью свѣтелъ
Воздухъ; туда не взойдетъ и оттоль не сойдетъ ни единый

Смертный, хотя бъ съ двадцатью былъ руками и двадцать
Ногъ бы имѣлъ—столь ужасно, какъ будто обтесанный, гладокъ
Камень скалы; и на самой ея серединѣ пещера,
Темнымъ жерломъ обращенная къ мраку Эреба на западъ;
Мимо нея ты пройдешь съ короблемъ, Одиссей многославный,
Даже и сильный стрѣлокъ не достигнетъ направленой съ моря
Быстролетающей стрѣлою—до входа высокой пещеры;
Страшная Сцилла живетъ искони тамъ. Безъ умолку лая,
Визгомъ пронзительнымъ, визгу щенка молодого подобнымъ,
Всю оглашаетъ окресность чудовище. Къ ней приближаться
Страшно не людямъ однимъ, но и самимъ безсмертнымъ. Двѣнадцать
Движется спереди лапъ у нея; на плечахъ же косматыхъ
Шесть подымается длиныхъ, изгибистыхъ шей; и на каждой
Шеѣ торчитъ голова, а на челюстяхъ въ три ряда зубы,
Частые, острые, полные черной смертью, сверкаютъ;
Вдвинувшись задомъ въ пещеру и выдвинувъ грудь изъ пещеры,
Всѣми глядитъ головами изъ лога ужасная Сцилла.
Лапами шаря кругомъ по скалѣ, обливаемой моремъ,
Ловитъ делфиновъ она, тюленей и могучихъ подводныхъ
Чудъ, безъ числа населяющихъ хладную зыбь Амфитриты.
Мимо нея ни одинъ мореходецъ не могъ невредимо
Съ лекимъ пройти кораблемъ: всѣ зубастыя пасти разинувъ,
Разомъ она по шести человѣкъ съ корабля похищаетъ.
Близко увидишь другую скалу, Одиссей многославный:
Ниже она, отстоитъ же отъ первой на выстрѣлъ изъ лука.
Дико растетъ на скалѣ той смоковница съ сѣнью широкой.
Страшно все море подъ тою скалою тревожитъ. Харибда,
Три раза въ день поглощая и три раза въ день извергая
Черную влагу. Не смѣй приближаться, когда поглащаетъ:
Самъ Посейдонъ отъ погибели вѣрной тогда не избавитъ.

. . . .

Нынче все перемѣнилось. Харибда уже не поглащаетъ и не извергаетъ обратно морской воды, а Сцилла, вѣроятно, подъ старость лишилась зубовъ и поэтому оставляетъ въ покоѣ мореплавателей. Теперь это мѣсто вполнѣ безопасно для кораблей. Для нашей «Равенны», разъ десять слишкомъ уже пересѣкавшей постоянно возмущаемое бурями Чермное море и еще болѣе опасный Бабъ-эль-Мандебскій проливъ, эти скалы не имѣютъ никакого значенія.

Впрочемъ, еще до прибытія въ Неаполь «Равенна» перенесла бурю въ полномъ смыслѣ слова и то не выказала ни малѣйшей оплошности. Во время той бури волны оторвали шлюпку и унесли ее въ море, пассажиры падали съ коекъ, а какой-то молодой англичанинъ получилъ порядочные ушибы: но всѣ вспоминаютъ объ этой бурѣ съ такимъ хладнокровіемъ, точно она представляла одинъ изъ обычныхъ эпизодовъ во время путешествія. Всѣ пассажиры ѣдутъ изъ Лондона и успѣли уже освоиться съ моремъ: никто не страдаетъ морской болѣзнью. Большая часть изъ нихъ ѣдутъ въ Калькуту и, слѣдовательно, не сдѣлала еще и половины необходимаго пути.

Пассажиры всѣ англичане; исключеніемъ являемся мы и молодой индусъ. Мелькаетъ нѣсколько миссъ: одна изъ нихъ молода и красива и поэтому заслуживаетъ даже названіе «миссочки». Она весь день гуляетъ на палубѣ, придерживая свое платье зонтикомъ, такъ какъ шаловливый вѣтеръ поднимаетъ его какъ ему вздумается. Молодой индусъ сидитъ или, лучше сказать, лежитъ все время на диванѣ, под-

нивъ ноги кверху, и поднимается съ своего мѣста только для того, чтобы закурить трубку, но дѣлаетъ это какъ бы съ неохотой. Онъ сходитъ внизъ только тогда, когда подаютъ завтракъ, обѣдъ или ужинъ, а въ остальное время лежитъ неподвижно. Очевидно, это какой нибудь знатный индусъ, быть можетъ, сынъ какого-нибудь раджи, возвращающійся изъ Оксфорда или Кембриджа. Его золотисто-оливковое лицо и черные, бархатистые глаза навѣрное казались бы прелестными, если бы у него была надѣта чалма. Сѣрый же пиджакъ англійскаго покроя и сѣрая шляпа съ двумя козырьками придаютъ ему далеко непрезентабельный видъ. Онъ старается дать понять, что сильно утомленъ путешествіемъ, наукой или жизнью, и поэтому едва-едва отвѣчаетъ на вопросы обращающихся къ нему англичанъ.

Вообще, характерныхъ типовъ почти нѣтъ. Даже капитанъ походитъ не на морского волка, а на мирнаго англійскаго фермера. Онъ, повидимому, хорошо знаетъ свое дѣло, поэтому при взглядѣ на него является увѣренность въ томъ, что онъ ни самъ никогда не утонетъ, ни другихъ не подвергнетъ опасности.

Пасмурная погода вызываетъ и пасмурное настроеніе. На лицахъ всѣхъ пассажировъ отражается скука. Какое-то совсѣмъ крошечное «baby» составляетъ great attraction и дѣлаетъ все, что можно, чтобы обратить на себя вниманіе: громко кричитъ благимъ матомъ по цѣлымъ днямъ и не даетъ намъ спать по ночамъ. Красивый, молодой докторъ, напоминающій наружностю лорда Байрона, терпѣливо и заботливо носится съ «baby» а также и съ его матерью хотя и не похожей на Байрона, но тѣмъ не менѣе очень хорошенькой.

огода часто мѣняется. Изрѣдко выпадетъ дождь и такъ неожиданно перемочитъ всѣхъ гуляющихъ на палубѣ, точно хочетъ подразнить ихъ и потѣшиться надъ ними. Весь экипажъ желаетъ или хорошей погоды или даже сильной бури, лишь бы что-нибудь опредѣленное.

На третій день желанія эти стали сбываться. Съ утра поднялся сильный вѣтеръ. Началась качка, которая къ полудню стала увеличиваться, послѣдствіемъ чего были головокруженіе и апатія у пассажировъ. Море все болѣе темнѣло и на его мрачной поверхности, насколько могъ охватить глазъ, бѣлѣли гребни волнъ, поднимавшихся другъ надъ другомъ все выше и выше. Судно то начало работать и взбиралось на гребни волнъ, то опять опускалось, качалосъ съ боку-на-бокъ и скрипѣло. Волны перекатывались черезъ палубу. Мы находились близъ западного мыса Кандіи. Буря продолжалась весь вечеръ и ночь, а утромъ стала еще сильнѣе; это, однако, не помѣшало богослуженію, такъ какъ было воскресенье. За обѣдомъ сидѣло только пятнадцать человѣкъ вмѣсто сорока. Стаканы, рюмки и тарелки были укрѣплены въ рамахъ. Мы проѣхали мимо восточнаго берега Кандіи. «Равенна» двигалась и поворачивалась точно человѣкъ, страдающій болями въ желудкѣ и не знающій, какъ избавиться отъ нихъ. Такъ прошелъ третій и четвертый день.

На пятый день погода рѣзко измѣнилась. Мы проснулись отъ солнечнаго свѣта. Поднимаемся на палубу: небо спокойно и ясно, море блѣдное и тоже спокойное. Воздухъ отличается невыразимой сла-

достью; вѣтеръ стихъ совершенно, наступила тишина, дуновеніе весны. Мгла скрывается за горизонтомъ. Судно идетъ размѣреннымъ ходомъ впередъ, а за нимъ вьются цѣлыя стаи чаекъ, которыхъ раньше не было видно. Внезапно раздались крики: «Look here! look here!» и нѣсколько рукъ указали на бортъ судна.

Взлянувъ туда, я замѣтилъ маленькую сѣрую птичку имѣвшую большое сходство съ жаворонкомъ и сидѣвшую на канатѣ; она довѣрчиво посматривала на людей маленькими черными глазками. Это, дѣйствительно, трогательно! Эта птичка несетъ намъ вѣсть о близости земли, это признакъ, что мы скоро пристанемъ къ берегу. Вскорѣ прилетѣла цѣлая стая такихъ птичекъ: однѣ расположились на снастяхъ, другія вьются надъ нами; ихъ движеніе почти незамѣтно, потому что и судно тоже движется.

Солнце поднимается все выше и выше, съ каждой минутой теплота становится ощутительнѣе. Вѣдь, на насъ льетъ свои лучи уже знойное солнце Египта! Какая сладостная весна! Легкія дышатъ легко и свободно. Солнце залило своимъ блескомъ море и воздухъ. Въ лучезарной дали начинаетъ что-то обрисовываться, что-то бѣлѣетъ, мелькаетъ и выступаетъ все рѣзче.

— Что тамъ такое ?—спрашиваю я у одного изъ офицеровъ, стоящихъ подлѣ меня.

— Даміетта! — отвѣчаетъ.

Мы спѣшимъ въ каюты за биноклями. Въ бинокли намъ видны не только зданія Даміетты, но и пальмы и сильно освѣщенные солнцемъ пески. Александрія и Розетта находятся такъ далеко, что ихъ совсѣмъ не видно. Мы пристали къ Портъ-Саиду на нѣсколько часовъ, а отсюда двинемся далѣе черезъ каналъ къ Измаліи.

Я съ страннымъ ощущеніемъ глядѣлъ на тянувшуюся передъ нами свѣтлую полоску земли, которая все время была предъ нашими глазами, ибо первый разъ въ жизни находился у береговъ Египта и Африки.

II.

Портъ-Саидъ.—Городъ.—Отмели.—Нилъ и море.—Прибытіе.—Арабы.—Дельта.—Каналъ.—Пустыня—.Ея характеръ.—Ветхій Завѣтъ.

Весь Портъ-Саидъ представляетъ лишь группу нѣсколькихъ магазиновъ, нѣсколькихъ обыкновенныхъ желтыхъ каменныхъ домовъ съ трещинами; кромѣ того, въ немъ есть доки. Пароходъ нашъ не успѣлъ еще причалить, и хотя мы еще стояли съ биноклями въ рукахъ, но успѣли уже разсмотрѣть, что городъ не представляетъ никакого интереса. Кое-гдѣ виднѣется церковная колокольня, или тянется къ небу, блистая на солнцѣ, минаретъ, напоминая зажженную свѣчу; все это слишкомъ ново, свѣжо и лишено типическихъ чертъ востока. Городъ возникъ недавно, во время постройки канала. Прежде здѣсь тянулась песчаная отмель, служившая мѣстопребываніемъ чаекъ,

цаплей, розовыхъ фламинго и пеликановъ, которые наслаждались здѣсь безмятежнымъ спокойствіемъ, ненарушаемымъ даже рыболовами. Когда начали рыть каналъ, началъ расти и городъ, и вскорѣ обществамъ пернатыхъ пришлось переселиться на другія отмели, что не причинило имъ много хлопотъ, такъ какъ отмелей здѣсь много, а древній пелузійскій рукавъ Нила испещренъ ими. Все пространство вокругъ занято отмелями, песчаными насыпями, порогами и искусственными плотинами, возведенными рукой человѣка. Все это перерѣзано изгибами каналовъ и такъ переплетено, что даже и опытный путешественникъ не можетъ разобраться въ томъ, гдѣ берегъ моря, и гдѣ берега озера Мензалехъ, какая часть относится къ Африкѣ, и какая къ Азіи.

Въ дѣйствительности, эти отмели, а также и та, на которой построенъ Портъ-Саидъ, не принадлежатъ ни Африкѣ, ни Азіи, но составляютъ собственность моря. На протяженіи всей Дельты Нилъ черезъ свои рукава и каналы несетъ морю черный илъ, захваченный имъ у береговъ, а море, точно гнѣваясь на то, что рѣка мутитъ прозрачность его водъ, засыпаетъ его пескомъ и съуживаетъ его устье. Поэтому очень трудно проникнуть въ египетскіе порты безъ опытнаго пр водника.

Не берутъ проводниковъ одни лишь австрійцы, пользующіеся указаніями далматинцевъ, которые по знанію Средиземнаго моря и по искусству въ мореплаваніи стоятъ даже выше англичанъ. Послѣднее обстоятельство, быть можетъ, объясняетъ отчасти битву подъ Лиссой и побѣду Тегетгофа. Но займемся снова Портъ-Саидомъ. Своеобразную прелесть этого мѣста составляютъ громадныя пространства водъ и неба, являющіяся такимъ рѣзкимъ контрастомъ маленькому клочку земли, на которомъ воздвигнутъ городъ. Благодаря этому, городъ кажется маленькимъ свѣтлымъ пятномъ среди двухъ необъятныхъ пространствъ лазури; онъ точно для того только здѣсь и стоитъ, чтобы солнцу было на что изливать свои лучи и, что освѣщать ими. Блескъ солнечныхъ лучей здѣсь до того силенъ, что невольно приходится жмурить глаза.

Судно все ближе подходитъ къ берегу, стукъ винта прекращается, и мы въѣзжаемъ въ портъ. Нашъ пароходъ окружаютъ неожиданно десятки лодокъ. Хотя городъ и не отличается характерными чертами востока, зато видъ этихъ лодокъ невольно вызываетъ мысль: «все-таки это — востокъ!» Входъ на палубу еще невозможенъ, такъ какъ рѣшетка заперта, а лѣстница не спущена, зато внизу происходитъ свалка. Всѣ шумятъ и кричатъ, точно на ярмаркѣ. Арабы, бедуины, полуголые суданцы съ обнаженной грудью и яркими фесками на головѣ, всѣ кричатъ, отталкиваютъ лодки сосѣдей веслами или баграми. Каждый изъ борющихся старается стать ближе къ судну, чтобы первымъ взойти на палубу и захватить вещи пассажировъ, высаживающихся въ Портъ-Саидѣ. При видѣ этихъ разгоряченныхъ лицъ, вытаращенныхъ глазъ, блестящихъ зубовъ, при видѣ всей этой суматохи и бѣшенства невольно является мысль, что эти люди бросятся другъ на друга и пустятъ въ дѣло зубы. Но бѣды не будетъ.

Они неистовствуютъ такимъ образомъ ежедневно, даже по нѣскольку разъ въ день, при каждомъ прибытіи парохода. Такой способъ добыванія заработка практикуется только на востокѣ. Когда же эта толпа врывается, наконецъ, на палубу, напоминая вторженіе морскихъ разбойниковъ или злыхъ духовъ, то для мгновеннаго водворенія порядка вполнѣ достаточно палки англичанина.

Наконецъ, отворили рѣшетку и спустили лѣстницу. Внизу между гребцами разгорается битва, причемъ крики усиливаются. Такъ какъ я не остаюсь въ Портъ-Саидѣ, то и не забочусь о своихъ вещахъ, но стою у перилъ и смотрю. Лодки тѣсно обступили лѣстницу со всѣхъ сторонъ. Къ пассажирамъ протягиваются черныя руки. Многіе изъ ѣдущихъ далѣе хотятъ осмотрѣть городъ, тѣмъ болѣе, что пароходъ простоитъ здѣсь три часа. Я также поѣду, но сперва мнѣ хочется смотрѣть на эту сумятицу, на лодки, на эти экзотическія фигуры, освѣщаемыя солнцемъ Африки. Многіе изъ нихъ уже взобрались на наше судно, которое какъ бы превратилось въ живописный рынокъ, заваленный цыновками, восточными тканями, кораллами, деревянными издѣліями, табуретами и т. п.

Въ одномъ мѣстѣ небольшая толпа англичанъ глазѣетъ на арабскаго фокусника; въ другомъ—пассажиры перегнулись за перила и слѣдятъ за тѣмъ, какъ молодой, какъ бы вылитый изъ мѣди бедуинъ ныряетъ на дно моря и достаетъ бросаемыя ему съ палубы монеты. Послѣ предыдущаго монотоннаго и скучнаго путешествія эта лихорадочная жизнь, незнакомая Европѣ, пріобрѣтаетъ своеобразную прелесть.

Я беру лодку и направляюсь къ городу. Онъ не интересенъ, чего нельзя сказать объ его обитателяхъ. Улицы вытянулись въ прямыя линіи, образующія при перекрещиваніи прямые углы, постройки однообразны, это тѣ же европейскія стѣны, покрытыя, правда, восточной грязью,—вотъ и вся разница. Только на окраинахъ города встрѣчаются среди мусора и песку арабскіе дома, возлѣ которыхъ бѣгаютъ грязныя ребятишки да безрогія вислоухія козы. На главныхъ улицахъ происходитъ то-же, что происходило возлѣ парохода. На нихъ невозможны ни прогулка, ни тѣмъ болѣе бесѣда. Каждому европейцу сопутствуетъ десятокъ арабовъ, которые кричатъ по-англійски, по французски, по итальянски или на томъ жаргонѣ, который на востокѣ извѣстенъ подъ названіемъ: «lingua franca». Одни предлагаютъ свои услуги въ качествѣ драгомановъ, другіе тащатъ въ лавки, третьи предлагаютъ купить разныя мелочи. Они совершенно оглушаютъ человѣка своими криками и надоѣдаютъ невообразимо. Мы спаслись отъ нихъ въ какую-то кофейную, состоящую изъ двухъ комнатъ: въ одной нѣсколько сильно напудренныхъ нѣмокъ играло на волторнахъ и другихъ духовыхъ инструментахъ, въ другой слышалось трещаніе рулетки.

Между тѣмъ «Равенна» запаслась уже углемъ, которымъ снабдили ее негры, пора было подумать о возвращеніи. Въ третьемъ часу нашъ пароходъ оставилъ Портъ-Саидъ и, проѣхавъ мимо длинныхъ каменныхъ моловъ, въѣхалъ въ каналъ.

Каналъ оказывается скромнымъ на водѣ, какъ впрочемъ, нерѣдко бываетъ съ великими вещами. Объ его грандіозности столько писалось и говорилось, что воображеніе ожидаетъ чего-то необычайнаго и испытываетъ разочарованіе при столкновеніи съ дѣйствительностью. Это созданіе рукъ человѣческихъ — вѣчно, объ его величіи можно было бы исписать томы, но по внѣшнему виду каналъ представляетъ длинную, узкую полосу воды, берега которой укрѣплены низкими запрудами. Ширина его не болѣе ста метровъ, на такомъ разстояніи съ трудомъ могутъ разойтись два судна. Первый лучшій каналъ французскій или бельгійскій производитъ такое же впечатлѣніе. Но значеніе канала громадно, ибо онъ раздѣляетъ двѣ части свѣта и соединяетъ ихъ съ Европой, открывая ей востокъ Африки и югъ Азіи.

Съ одной стороны низкая запруда защищаетъ каналъ отъ напора воды изъ озера Мензалехъ, съ другой—простирается дикая пустыня. Я вижу пустыню въ первый разъ со времени своего пребыванія въ Африкѣ, и при видѣ ея забываю обо всемъ на свѣтѣ. Человѣкъ, стремившійся увидѣть ее, прежде всего начинаетъ сравнивать дѣйствительвость съ тѣмъ представленіемъ, которое сложилось въ его воображеніи.

Песокъ и небо—вотъ и вся пустыня; но въ этихъ словахъ нельзя выразить ея души. Ее трудно изобразить, такъ какъ въ первый моментъ трудно отдать себѣ отчетъ въ своихъ ощущеніяхъ. Спустя немного, начинаешь ясно сознавать, что между небомъ и пескомъ есть еще нѣчто, что и составляетъ ея сущность. Этимъ «нѣчто» является невыразимая мертвенность, странная, что ея нельзя представить себѣ, не видѣвъ пустыни. Песокъ, лежащій волнами, кажется застывшимъ; надъ нимъ простирается небесный сводъ, блескомъ своимъ напоминающій блескъ глазъ мертвеца, въ которыхъ не видно души. Тутъ внезапно явно сознаешь, что пустыня и должна быть такою. Когда находишься на морѣ, гдѣ также ничего нѣтъ, кромѣ неизмѣримой поверхности воды и неба, все-таки чувствуешь движеніе, жизнь. Пустыня—это страна окаменѣвшая. Тишина на морѣ есть спокойствіе стихій, тишина же пустыни—оцѣпенѣніе. Здѣсь все напоминаетъ о смерти. Какой-то необъяснимый страхъ, зловѣщая тишина, душу человѣка охватываетъ глубокая меланхолія и тоска, несущіяся точно изъ самой глубины пустыни и наполняющія сознаніе смутной тревогой. Тревога эта постепенно растетъ и, наконецъ, до того захватываетъ сознаніе, что утомляетъ человѣка и вызываетъ вопросъ: въ чемъ заключается ея причина? Не легко найти. Въ пустынѣ человѣкъ переживаетъ все, что составляетъ смерть, но не находитъ въ ней милосердія. Въ безжизненныхъ массахъ песку и въ столь-же безжизненномъ небѣ ощущается что-то неумолимое. Иначе говоря,—съ этого мертваго неба никто не смотритъ, среди этихъ горячихъ песковъ никто не откликнется, и тщетны были бы въ пустынѣ дикіе вопли о помощи. Вотъ отчего въ душѣ рождается угнетенность, тревога и необъяснимый страхъ. Если бы человѣкъ считалъ пустыню своимъ врагомъ, она не казалась бы ему столь страшной, потому что гдѣ есть враждебная

стихія, тамъ возможна и борьба, какъ напримѣръ, съ моремъ. Но пустыня гнететъ лишь своимъ мертвеннымъ равнодушіемъ, которое поражаетъ сильнѣе самаго необузданнаго гнѣва.

Мнѣ не пришлось видѣть ураганъ, взрывающій пески; но думаю что это менѣе страшно, ибо въ ураганѣ есть движеніе, порывы, т. е. признаки жизни, благодаря которымъ пустыня дѣлается такою-же, какъ остальной міръ, тишина же и безмолвіе придаютъ ей такой видъ, точно она кусокъ другой планеты, на которой все угасло и неподвижно. и которая превратилась въ кладбище. Эта то непривычная тишина и поражаетъ насъ

Наступалъ вечеръ. Солнце медленно опускалось въ воды озера Мензалехъ. Пески окрасились сперва розовымъ цвѣтомъ, который черезъ цѣлую гамму оттѣнковъ перешелъ въ лиловый, постепенно блѣднѣвшій. Но даже эти мягкіе тоны, которые при другихъ условіяхъ доставили бы человѣку глубокое эстетическое наслажденіе, не могли смягчить суроваго, чисто библійскаго величія пустыни. Здѣсь на каждомъ шагу припоминаются страницы изъ Ветхаго Завѣта. Позже около Тель-Эль-Кебира мнѣ пришлось видѣть вереницу верблюдовъ, шедшихъ чрезъ пустыню. Они тянулись другъ за другомъ длинною цѣпью, мѣрно раскачиваясь изъ стороны въ сторону, съ изогнутыми шеями. Передъ каждымъ верблюдомъ шелъ человѣкъ въ длинномъ, бѣломъ бурнусѣ и въ бѣлой чалмѣ на головѣ. И фонъ и самая картина точно выхвачены изъ Библіи. Эти фигуры такъ печальны и просты, такъ полны важности и вѣковѣчной традиціи, что похожи болѣе на призраки изъ библейской жизни, нежели на дѣйствительность. Человѣку начинаетъ казаться, что онъ только что читалъ Библію, а потомъ уснулъ и видитъ сонъ. Съ трудомъ вѣришь, что живешь въ наше время. Эти образы составляютъ своеобразную прелесть пустыни.

III.

Ночная поѣздка къ пирамидамъ.—Ночи на востокѣ.—Пирамиды.—Сфинксъ при лунномъ свѣтѣ.—Пустыня.—Симфонія.

Безъ сомнѣнія. каждый европеецъ, побывавшій въ Каирѣ, по нѣскольку разъ осматривалъ пирамиды и сфинксы, но очень немногіе отправляются любоваться ими ночью. Я, вѣроятно, также не додумался бы до этого, если бы одинъ знакомый не описалъ мнѣ впечатлѣнія, которое произвелъ на него сфинксъ при лунномъ свѣтѣ. Тогда я рѣшилъ нанять въ Каирѣ лошадей и ѣхать.

Путешествіе это не затруднительно, но мнѣ пришлось обождать нѣсколько дней, потому что луна не показывалась. Наконецъ, наступила ночь, хотя и не совсѣмъ свѣтлая, но все-же болѣе свѣтлая, нежели предыдущія, и я, пользуясь удобнымъ моментомъ, еще до полуночи, отправился къ пирамидамъ съ тремя товарищами съ площади Эзбекехъ.

Уже самая дорога, идущая черезъ спящіе кварталы города, черезъ Нильскій мостъ и тянущіяся за нимъ аллеи носитъ совсѣмъ другой характеръ, нежели днемъ. Днемъ, когда бродишь по улицамъ, мостамъ и площадямъ какого-нибудь восточнаго города, главное впечатлѣніе производятъ толкотня и шумъ человѣческой жизни. Городъ кажется шумливымъ, какъ нигдѣ, напоминаетъ большой улей. Днемъ черезъ мостъ на Нилѣ и черезъ аллеи за нимъ трудно проложить себѣ дорогу. По обѣимъ сторонамъ улицы суетятся арабы, евреи, бедуины, копты, негры, греки и англичане, по средней улицы движутся вереницы верблюдовъ, запряженные буйвалами возы и экипажи пашей съ бѣгущими впереди саяпми. Тутъ перемѣшиваются люди всѣхъ расъ и раздаются звуки всевозможныхъ языковъ. Движеніе и шумъ до того сильны, что подъ конецъ начинается головокруженіе. Подъ растущими вдоль дороги акаціями и пальмами стоятъ цѣлые обозы; всюду, куда ни взглянешь, масса лавокъ, яркоцвѣтныя ткани, чалмы, груды бакалейныхъ товаровъ, снопы сахарнаго тростника, затѣмъ верблюды, стадо ословъ; между ними крикливая суетня проводниковъ, словомъ—цѣлая картина безъ общаго тона, поражающая въ одномъ мѣстѣ яркимъ блескомъ, въ другомъ—рѣзкими черными тѣнями, но въ общемъ отличающаяся столь насыщенными красками, что у сѣверянина послѣ болѣе продолжительнаго времени утомляется зрѣніе и рождается скука.

Ночью, напротивъ, все тихо и пустынно. Свѣтъ неясенъ, такъ какъ его заслоняютъ испаренія Нила, и какъ бы ослабленъ. Съ востокомъ такъ тѣсно соединено представленіе о блескѣ и рельефности, что невольно рождается вопросъ: неужели эта покрытая мглою рѣка—Нилъ? А этотъ городъ—Каиръ? Быть можетъ, лѣтомъ эти ночи болѣе напоминаетъ востокъ, но зимою онѣ точно переносятъ насъ подъ сѣверное небо и порождаютъ нѣкоторое разочарованіе. Зато сознаніе, утомленное яркостью дневныхъ впечатлѣній, пользуется отдыхомъ.

На дорогу изъ Каира къ пирамидамъ уходитъ полтора часа. Раньше приходилось ѣхать дольше, потому что дорога шла частью черезъ живописныя арабскія и бедуинскія деревушки, частью вдоль рѣки и далѣе черезъ пальмовыя рощи и обширныя поля. Въ настоящее время инженеры провели дорогу, представляющую совершенно прямую линію, которая хотя и сокращаетъ путь, зато лишила его прежней живописности. Деревень не видно даже и днемъ, ночью же мелькаютъ лишь придорожные пни акацій, освѣщаемые фонарями нашихъ экипажей. На нѣкоторомъ разстояніи отъ пирамидъ культурный край внезапно кончается безъ какого-бы то ни было промежуточнаго перехода, какъ, впрочемъ, все въ Египтѣ. За зеленѣющимъ хлѣбнымъ полемъ, которое ночью кажется чернымъ, вдругъ начинается большое, открытое и довольно свѣтлое пространство—это пески пустыни. Вдали виднѣются треугольныя очертанія пирамидъ.

Мы у цѣли и заѣзжаемъ въ «Менъ». Такъ называется англійскій отель, въ убранствѣ котораго древне-египетская и мавританская орнаментика соединяются съ современнымъ комфортомъ. Въ немъ живутъ частью больныя, которыя лѣчатся воздухомъ пустыни, частью тѣ, которые чувствуютъ потребность любоваться пирамидами за утрен-

нимъ кофе. Была давно уже полночь, когда мы подъѣхали къ воротамъ отеля. Въ отелѣ полная тишина. Мы обращаемся къ живущему около воротъ бедуину, который, вѣроятно, исполняетъ и должность привратника, но тотъ спросонья туго соображаетъ, чего мы хотимъ, и, поговоривъ немного съ возницей, снова идетъ спать.

Мы отправляемся безъ проводника, потому что пирамиды видны, дорогу найти не трудно. Луна поднялась уже высоко но ее заволакиваетъ широкая пелена тучъ. Но это не тѣ тяжелыя, мрачныя тучи, которыя, по словамъ Шекспира, представляютъ какъ бы «наполненные водою сосуды, готовые каждое мгновеніе лопнуть»; это легкія облака, днемъ напоминающія пасущіяся на возвышенностяхъ стада овецъ, а послѣ вечерней зари, отъ которой розовѣетъ ихъ шерсть, собирающіяся въ большую толпу и засыпающія надъ міромъ. Свѣтъ луны не пронизываетъ ихъ, но какъ бы освѣщаетъ ихъ извнутри. Поэтому ночь была не совершенно темна, но скорѣе сѣрая, чѣмъ серебристая.

Идти приходится ощупью. Пирамиды, издали казавшіяся черными, вблизи оказываются сѣрыми. Мы приближаемся къ пирамидѣ Хеопса. Когда стоишь у самого подножія пирамиды, вершины ея не видно, потому что треугольная площадь стѣны, поднимаясь наклонно въ гору, ускользаетъ изъ поля зрѣнія: вся пирамида имѣетъ тогда видъ холма. Дальше виденъ Кефренъ. Въ этомъ полумракѣ ночи глазъ хотя и различаетъ предметы, но не улавливаетъ подробностей, контуры ихъ таютъ и сливаются съ мракомъ. Основной тонъ блѣдно-сѣрый: пески пустыни, пирамиды, груды обрушившихся камней,—все это представляется міромъ призраковъ, лишеннымъ формы и тяжести.

Царитъ такая тишина, что даже звенитъ въ ушахъ. Она кажется гробовою, да мы и находимся среди гробовъ. Вокругъ насъ слѣды умершаго міра, поэтому мы невольно стараемся говорить пониженнымъ тономъ и мало. Взобравшись на одинъ изъ уступовъ пирамиды Хеопса, мы сидимъ молча, стараясь оформить свои ощущенія. Все, что окружаетъ насъ въ настоящую минуту, совсѣмъ не похоже на то, что приходилось видѣть раньше, все такъ чудесно и такъ странно въ своемъ величіи среди этой ночной тишины, — что оробѣвшая мысль кажется себѣ столь-же ничтожною, какъ человѣкъ, затерянный среди этихъ гигантовъ.

Мы очнулись отъ раздумья только тогда, когда гдѣ-то далеко, во мракѣ раздался вой шакаловъ. Ихъ много въ этой мѣстности, нерѣдко въ свѣтлыя лунныя ночи англичане, живущіе въ отелѣ «Менъ», дѣлаютъ на нихъ засаду, скрываясь въ самыхъ пирамидахъ. Мы спускаемся съ пирамиды, чтобы приблизиться къ сфинксу, такъ какъ замѣчаемъ, что луна скоро поднимется выше закрывающей ео пелены тучъ и выплыветъ на чистое небо.

Мы прошли мимо группы меньшихъ пирамидъ. Онѣ представляютъ гробницы тѣхъ фараоновъ, которые царствовали не долго и не успѣли соорудить себѣ такіе громадные мавзолеи, какъ Хеопсъ, Кефренъ и Менкера. Изъ этихъ меньшихъ пирамидъ въ теченіе многихъ столѣтій брали каменья, поэтому онѣ почти совершенно разрушены и ночью кажутся безформенными грудами развалинъ.

Повсюду лежатъ каменья, земля усѣяна обломками, вездѣ слѣды разрушенія; дорога очень затруднительна. Но вотъ начинаетъ обрисовываться на фонѣ темнаго неба что-то, напоминающее темное пятно гигантскихъ размѣровъ. Это сфинксъ.

Мы приближаемся къ нему. Онъ не имѣетъ того сѣраго оттѣнка, какимъ отличаются пирамиды. Его громадная голова, сложенная изъ краснаго камня, ночью совершенно черна, точно поглотила весь мракъ ночи. Чертъ лица нельзя разсмотрѣть, также и туловища, оно засыпано песками пустыни. Недавно его съ обоихъ боковъ освободили отъ песка, но формы его все-таки не видны, такъ какъ цвѣтъ сливается съ цвѣтомъ окружающихъ его песковъ. Одна голова его царитъ надъ пустыней, громадная и таинственная.

Сфинксъ, положительно, производитъ болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ пирамиды. Что бы ни говорили, но пирамиды представляютъ лишь геометрическія глыбы. Въ нихъ не видно души, зато въ нихъ проглядываетъ какая-то чисто математическая сухость. Наоборотъ, сфинксъ—это гиганское существо. Когда стоишь передъ нимъ, то кажется, что онъ въ своемъ глухомъ безмолвіи что-то соображаетъ, размышляетъ о вещахъ великихъ и таинственныхъ.

Наконецъ, луна вынырнула изъ облаковъ на чистое небо, и тогда я началъ переживать одну изъ прекраснѣйшихъ ночей, какой мнѣ ни разу въ жизни не приходилось еще переживать. Черная голова сфинкса окрасилась въ темно-зеленый цвѣтъ старой бронзы, лицо приняло человѣческій обликъ, точно проснулось отъ сна и усмѣхнулось лунѣ.

На нашихъ глазахъ совершается чудо: внезапно между сфинксомъ и луной возникаетъ какая-то мистическая связь. Я забываю дѣйствительность, и мнѣ начинаетъ казаться, что я живу въ древнемъ Египтѣ. Вотъ тамъ Изида на небѣ, вотъ сфинксъ что то шепчетъ ей, вотъ сейчасъ изъ-за пирамидъ покажется шествіе гіеродуловъ въ бѣлыхъ одѣяніяхъ, и начнется какой-то священный и таинственный обрядъ. То, что я раньше представлялъ лишь по книгамъ, теперь превращается въ дѣйствительность, отъ которой душа наполняется суевѣрной тревогой. Сфинксъ кажется до такой степени живымъ, что трудно убѣдить себя, что это только иллюзія. Нельзя отвести глазъ отъ этого лица, которое обращено прямо къ лунѣ и все время усмѣхается ей. Я видѣлъ это лицо и днемъ, но при солнечномъ освѣщеніи на немъ видны трещины, которыя сдѣлало время; ночью же въ серебристомъ свѣтѣ луны это вполнѣ человѣческое лицо, которое измѣняется, отражаетъ думы и чувства.

Днемъ виденъ и песокъ, засыпавшій тѣло сфинкса; ночью же кажется, точно сфинксъ самъ сбросилъ песокъ и всталъ изъ земли, чтобы послать привѣтствіе лунѣ и побесѣдовать съ нею о такихъ древнихъ событіяхъ, при которыхъ никто, кромѣ нихъ, не присутствовалъ, которыхъ никто не запомнилъ и не записалъ.

И въ самомъ дѣлѣ, чего не видѣлъ этотъ сфинксъ, онъ, время возникновенія котораго осталось нерѣшенной загадкой, котораго починялъ уже Хеопсъ? Онъ возносился подъ пустыней уже тогда, когда строились пирамиды, и, можетъ быть, тотъ же Хеопсъ спасался въ

его тѣни отъ палящихъ лучей солнца. Передъ нимъ прошли Моисей и Камбизъ, Александръ и Птоломей, Цезарь и Маркъ Антоній, Клеопатра и Пресвятая Дѣва, онъ видѣлъ зарево пожара Александріи и неистовства дикаго Амру, святого Людовика и Наполеона. Все это прошло предъ его взорами, и въ то время онъ улыбался лунѣ точно такъ же, какъ и теперь. Все это ушло въ даль вѣковъ, лишь онъ устоялъ. Онъ стоитъ уже столько вѣковъ, что почти не походитъ болѣе на созданіе человѣческихъ рукъ, въ немъ есть что-то первозданное, что-то космическое, точно онъ былъ созданъ изъ того же вещества, что и луна, съ которой бесѣдуетъ въ свѣтлыя лунныя ночи.

И такъ смотрятъ они другъ на друга въ залитой серебристымъ свѣтомъ спящей пустынѣ. Пески принимаютъ теперь свѣтло-зеленый цвѣтъ: вдали блестятъ пирамиды, а за ними простирается безконечное пустое пространство. Въ соотношеніяхъ между вещами проявляется гармонія или дисгармонія. Здѣсь же все гармонично: величіе, таинственность, уединеніе и громадныя могилы, а кромѣ нихъ кругомъ ничего; нѣтъ разнообразія въ предметахъ, что исключаетъ всякое сравненіе.... Одна пустыня безъ конца, озаренная волшебнымъ, но невыразимо печальнымъ блескомъ.

Но эта меланхолія лишена горечи. Наоборотъ, она представляетъ какъ бы великую и совершеннѣйшую симфонію, основными аккордами которой являются: пирамиды, сфинксъ, луна и пустыня. Эта симфонія подчиняетъ себѣ душу человѣка и убаюкиваетъ ее, точно ко сну. Да, въ Египетъ слѣдуетъ ѣхать хотя бы ради того только, чтобы разъ въ жизни упиться этой симфоніей.

Кругомъ все спокойно. Только луна восходитъ все выше и выше. Нагрѣтая за день солнечными лучами земля испускаетъ испаренія, которыя ползутъ по пустынѣ, хотя не чувствуется ни малѣйшаго дуновенія вѣтерка. На мгновеніе они заволокли сфинкса, но луна освободила его. Испаренія поползли дальше и окутали пирамиду Менкера, которая, неизвѣстно почему, изъ серебряной вдругъ стала розовой, затѣмъ погасла, а послѣ этого снова сдѣлалась серебряной.

До разсвѣта было еще далеко, такъ какъ ни луна, ни звѣзды еще не блѣднѣли, однако ночь уже уходила. Въ шатрахъ бедуиновъ, разбитыхъ въ глубинѣ пустынѣ, раздался крикъ пѣтуха; первому откликнулся второй, третій, десятый.... Вдругъ заскрипѣлъ песокъ. и послышались чьи-то голоса. Очевидно, къ намъ кто-то приближался. И вотъ, спустя немного, на песчаномъ холмѣ за сфинксомъ показался силуэтъ верблюда, а за нимъ два бедуина, одѣтыхъ въ длинные, бѣлые бурнусы.

Этотъ библейскій верблюдъ и эти люди, казавшіеся призраками, были какъ бы заключительными аккордами ночной симфоніи.

IV.

Разочарованіе.—Размышленія.—Суэцъ.—Городъ и портъ.—Виды.—„Bundesrath".—Отъѣздъ.

Французскій пароходъ общества «Messageries Maritimes», на которомъ я предполагалъ отправиться далѣе, въ Красное море и Индійскій океанъ, всѣхъ обманулъ. Въ агентурахъ намъ сказали, что это судно прибудетъ въ Суэцъ 19-го января, но оказалось, что оно пришло и ушло 18-го. Что сдѣлали тѣ, которые заранѣе запаслись билетами и, надѣясь на срокъ, пробыли въ Каирѣ и его окрестностяхъ до 19-го числа,—не знаю, я же вслѣдствіе осторожности или, пожалуй, лѣни не взялъ билета заранѣе. Тѣмъ не менѣе, когда я узналъ о продѣлкѣ капитана парохода или пароходнаго общества, мнѣ стало непріятно. Теперь поневолѣ приходилось или ждать цѣлый мѣсяцъ прихода слѣдующаго французскаго парохода или ѣхать на другомъ. Судна другихъ компаній, включая сюда и англійскія, много хуже французскихъ, идутъ медленнѣе и не такъ удобны.

Я подумалъ, что, очевидно, пароходы не такъ строго придерживаются опредѣленнаго по расписанію времени, какъ желѣзнодорожные поѣзда, поэтому рѣшилъ ѣхать въ Суэцъ и тамъ на мѣстѣ справиться о рейсахъ.

Мнѣ хотѣлось посѣтить Суэцъ по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, меня привлекала новизна; во-вторыхъ, кто хотя до нѣкоторой степени одаренъ натурой вѣчно-странствующаго жида,—тому не усидѣть долго на мѣстѣ; въ-третьихъ, мнѣ хотѣлось согрѣться: стояла какъ разъ та суровая зима, которая засыпала снѣгомъ французскіе полки въ Алжирѣ и чувствовалась даже здѣсь, на берегахъ Нила. У насъ попросту зубъ-на-зубъ не попадалъ въ комнатахъ отеля, въ которыхъ со временъ Хеопса считали излишнимъ топить печи. Ночи, въ особенности, были до того холодны, что въ Большомъ Музеѣ, какъ говорили шутя, покраснѣли носы у мумій Рамзесовъ, Сетовъ, Тутмесовъ и Пепихъ, чего ни разу еще не случалось съ ними въ теченіе четырехъ тысячъ лѣтъ. У меня къ тому же болѣло горло, и я надѣялся, что климатъ Суэца подѣйствуетъ на меня въ благопріятномъ направленіи. Вѣдь, онъ находится уже въ настоящей Африкѣ, на берегу Краснаго моря, гдѣ зима поневолѣ должна-же постѣсняться хоть сколько-нибудь.

Почти каждый человѣкъ въ тотъ моментъ, когда ожидаетъ чего-нибудь необыкновеннаго и долю желаннаго, ощущаетъ страхъ и волненіе при мысли, сбудутся-ли его ожиданія. Я испытывалъ то-же самое. Меня влекло въ Африку, о которой я давно мечталъ, но въ то-же время думалось: повѣрю въ свою поѣздку только тогда, когда буду на палубѣ парохода. А Суэцъ именно и приближалъ меня къ цѣли. Мнѣ казалось, что когда я переѣду туда, тогда только осуществится задуманное мною путешествіе. Я предполагалъ также, что такъ какъ Суэцъ портовый городъ, въ которомъ постоянно бываетъ масса людей, ѣдущихъ съ разныхъ пунктовъ Индійскаго океана, мнѣ

удается собрать необходимыя свѣдѣнія о Массовѣ, Занзибарѣ и африканскомъ материкѣ. Свѣдѣнія, собранныя мною въ Каирѣ, до того противорѣчили другъ другу, что я не зналъ, чему вѣрить. Одни говорили, что такъ называемая массика, т. е. періодъ дождей, начинается въ январѣ: а тогда нельзя, да и не имѣетъ смысла, путешествовать; другіе утвеждали, что январь и слѣдующіе за нимъ мѣсяцы наиболѣе благопріятны для путешествій: одни пугали насъ лихорадкой, другіе, наоборотъ, говорили, что это самая здоровая пора. Мы обращались за совѣтомъ къ тѣмъ, которымъ приходилось бывать въ Занзибарѣ и въ глубинѣ материка, но бывать и жить—не одно и тоже. Вѣрныя свѣдѣнія мы могли бы получить только отъ постояннаго жителя страны Путешественникъ, пробывшій на материкѣ лишь нѣсколько мѣсяцевъ, строго говоря, не знаетъ его и отдѣлывается общими фразами. Такъ, напримѣръ, въ каждой странѣ можетъ выпасть исключительно дождливое лѣто, причемъ не особенно наблюдательный путешественникъ, перенесшій такое лѣто, будетъ утверждать, что въ такой то странѣ лѣто бываетъ всегда дождливое, туманное и холодное.

Изъ слишкомъ поспѣшныхъ обобщеній образуются масса заблужденій, господствующихъ въ жизни и путешествіяхъ. Помню, давно пришлось мнѣ прочитать анекдотъ объ одномъ англичанинѣ, котораго въ Суданѣ застигъ крокодилъ: онъ влѣзъ на пальму и желая привлечь людей къ себѣ на помощь, началъ махать пучкомъ пальмовыхъ листьевъ. Другой англичанинъ, замѣтивъ это издали, немедленно съ важностью вынулъ свою памятную книжку и записалъ, что въ Суданѣ встрѣчается такой видъ пальмъ, которыя даже при полномъ отсутствіи вѣтра махаютъ листьями при приближеніи человѣка, точно приглашаютъ полакомиться финиками.

Почему мы не можемъ освободиться отъ ложнаго самолюбія и не хотимъ сознаваться, что чего-нибудь не знаемъ?! Еще во время своего пребыванія въ Суэцѣ я узналъ, что изъ Занзибара только что пріѣхалъ одинъ греческій купчикъ, побывавшій по дѣламъ торговли въ глубинѣ Африки. Это былъ братъ моего хозяина, поэтому мнѣ легко удалось встрѣтиться съ нимъ и разспросить кое о чемъ. Онъ увѣрялъ меня, что побывалъ вездѣ, но не знаю почему отвѣты его показались мнѣ сомнительными, и я, чтобы провѣрить его, спросилъ:

— Скажите, Багамойо большой городъ?

Онъ сказалъ мнѣ, что въ немъ столько-то жителей.

— А Килима-Нджаро?

— Столько-же.

Такъ какъ Килима-Нджаро гора, а не городъ, то естественно, что послѣ такого отвѣта я посовѣтовалъ ему погулять по Суэцу.

Но я все—таки время отъ времени посѣщалъ агентуры и раздумывалъ надъ тѣмъ, съ чего начать путешествіе. Я не зналъ, какое мѣсто выбрать. Благодаря любезности Семирадскаго и его связямъ въ Римѣ, у меня были письма и въ Массову. Въ пользу Массовы было не мало аргументовъ. Прежде всего она находилась близко, и путешествіе туда было бы менѣе утомительно, что мнѣ, хворавшему въ Каирѣ, приходилось поневолѣ принять въ соображеніе. Затѣмъ, хотя въ Массовѣ

и стоятъ сильные жары, но климатъ ея одинъ изъ самыхъ здоровыхъ; въ ней не бываетъ болотной лихорадки, такъ какъ нѣтъ болотъ. Абиссинцы тамъ попросту схватываютъ человѣка и свертываютъ ему шею, что, вѣроятно, не особенно непріятно, судя потому, что итальянцы до того очарованы Абиссиніей, что стремятся въ нее, не думая о своихъ шеяхъ. Окраины этой страны столь-же пустынны, какъ Аравія и Египетъ. Правда, въ ней ощущается недостатокъ въ водѣ, но ея тамъ никто и не пилъ, когда на свѣтѣ существуютъ вещи и получше! Страна изрѣзана горами, покрытыми роскошной растительностью и богатыми дикими звѣрями: населена она народомъ, хотя и принявшимъ христіанство, но сохранившимъ въ то-же время всѣ инстинкты дикарей.

Впрочемъ, это послѣднее обстоятельство не имѣетъ особеннаго значенія, и въ общемъ Абиссинія представляетъ соблазнительный кусочекъ. Кромѣ того, я не зналъ въ точности, въ какомъ положеніи находились въ это время отношенія между итальянцами и абиссинцами, такъ какъ не получалъ газетъ. Если бы эти отношенія были натянуты и можно было бы ожидать войны, то самаго нейтральнаго путешественника могло бы постигнуть повѣшеніе на его же собственномъ нейтралитетѣ. Это меня мало привлекало. Сидѣлъ бы я тогда на какомъ-нибудь островкѣ или песчаномъ прибрежьи, не имѣя возможности двинуться въ глубь материка. Правда, мнѣ предлагали добраться до Керена, но съ сильнымъ конвоемъ, а это обошлось бы слишкомъ дорого. Кромѣ того, если бы я уѣхалъ въ Абиссинію, то мнѣ уже не пришлось бы посѣтимъ Занзибаръ и прилегающій къ нему материкъ.

Занзибаръ и ближайшіе къ нему края представлялись мнѣ носящими болѣе экзотическій характеръ. Такое длинное путешествіе предпринимается, вѣдь, разъ въ жизни, поэтому, чтобы явилось желаніе вторично путешествовать, необходимо забираться подальше и посмотрѣть вещи дѣйствительно имѣющія большой интересъ. Затѣмъ, если хватитъ денегъ и позволитъ здоровье, то можно и на обратномъ пути изъ Занзибара заѣхать въ Массову.

На основаніи этихъ соображеній, я рѣшилъ отправиться въ Занзибаръ.

Каждое рѣшеніе прекращаетъ колебанія и влечетъ за собою облегченіе и примиреніе съ судьбою. Мы какъ разъ находимся въ странѣ, въ которой вѣрятъ въ предопредѣленіе. Очевидно, оно рѣшило, что я поѣду не на французскомъ суднѣ «Amazone», а на нѣмецкомъ «Bundesrath», и что подъ экваторомъ долженъ ѣсть lebervur t, sauerkraut и kalbsbrust mit kartoffel-salat (ливерную колбасу, кислую капусту и тѣлячью грудинку съ картофельнымъ салатомъ). Пусть будетъ такъ. А впереди у меня еще пять дней времени, могу провести, если не особенно пріятно, то во всякомъ случаѣ оригинально: проклинать зиму въ Африкѣ и разгуливать по берегу Краснаго моря въ тепломъ пальто.

Такое препровожденіе времени могло бы вызвать зависть въ любомъ англичанинѣ.

Красное море, вопреки своему названію, прежде всего замѣчательно тѣмъ, что оно зеленое. По утрамъ воды его бываютъ почти изумруднаго цвѣта. Въ теченіе года вода бываетъ и синей, но никогда

не имѣетъ того лазурнаго цвѣта, какимъ отличается поверхность Средиземнаго моря. Но удивительнѣе всего то, что каналъ сохраняетъ особенный цвѣтъ и напоминаетъ небесно-голубую ленту, распростертую на золотыхъ пескахъ Аравіи и Египта.

Суэцъ представляетъ какъ бы заброшенный уголъ, затерянный далеко отъ другихъ городовъ. Въ городѣ нѣтъ ничего интереснаго. Это—группа строеній безъ какого бы то ни было отпечатка оригинальности, имѣющихъ сходство съ строеніями нашихъ второстепенныхъ городовъ. Казенныя зданія, вокзалы и отели поражаютъ своей мизерностью. Евро пейцевъ немного. Большинство селится въ портѣ Ибрагимъ. Впрочемъ, въ центрѣ города имѣется такъ называемый европейскій кварталъ, но въ немъ живутъ преимущественно греки. Здѣсь арабы и негры еще грязнѣе, крикливѣе и навязчивѣе, нежели въ другихъ городахъ Египта. Собранія до такой степени отчаянныхъ фигуръ я не видѣлъ нигдѣ. Арабы живописно задрапированы въ свои лохмотья, и у каждаго на лицѣ такое выраженіе, точно онъ два дня ничего не ѣлъ. Ихъ порывистыя движенія и наглая навязчивость представляютъ какъ бы припадки голодной горячки. Сначала трудно сообразить, въ чемъ кроется причина этого. Городъ расположенъ, повидимому, на бойкомъ мѣстѣ, при устьѣ канала: тысячи большихъ судовъ, идущихъ мимо, останавливаются въ здѣшнемъ портѣ. Суэцъ представляетъ какъ бы ворота, открытыя на всѣ морскія пространства, черезъ него идетъ путь въ Индію, Африку и Австралію. Желѣзнодорожная линія соединяетъ городъ съ Измаиліей и Каиромъ, и, несмотря на это, здѣсь всюду сталкиваешься съ застоемъ, убожествомъ и нищетой.

Проѣзжающій — добыча, которую толпа теребитъ, точно стая шакаловъ. Кто не умѣетъ защищаться, будетъ разстерзанъ. Вообще пріѣзжихъ здѣсь мало. Лица, желающія ѣхать изъ Египта въ болѣе далекія страны, берутъ обыкновенно билетъ отъ Портъ-Саида. Возвращающіеся также рѣдко останавливаются здѣсь, хотя слѣдовало бы ожидать обратнаго, такъ какъ проѣздъ черезъ каналъ обходится довольно дорого. Но несмотря на это, пассажирское движеніе незначительно.

Здѣсь, дѣйствительно, останавливаются тысячи судовъ, но исключительно съ той цѣлью, чтобы визировать въ инспекціи порта свои бумаги и затѣмъ тотчасъ-же отправиться далѣе. Если бы Суэцу удалось превратиться въ центральный пунктъ торговли между Египтомъ съ одной стороны и побережьемъ Краснаго моря и Абиссиніей съ другой, то въ такомъ случаѣ онъ несомнѣнно достигъ бы извѣстнаго благосостоянія. Въ настоящее же время его можно сравнить съ Танталомъ. Мимо него, совсѣмъ близко, текутъ неизмѣримыя богатства, но текутъ именно мимо, не попадая ни въ ротъ, ни въ руки.

Портъ-Саидъ совершенно уничтожилъ его благосостояніе.

Въ этомъ египетскомъ Мориголодѣ было страшно скучно. У меня все время болѣло горло, что препятствовало мнѣ предпринять прогулку къ источникамъ Моисея, находящимся по другой сторонѣ залива. Погода стояла холодная, но была не всегда пасмурна, и въ

такіе дни я совершалъ прогулку къ порту Ибрагимъ, къ которому вела длинная насыпь, равнявшаяся почти тремъ километрамъ, проведенная черезъ морской заливъ. Во время отлива вода настолько понижается, что видны желтые пески, освѣщаемые солнцемъ. Ближе къ городу мѣстность ниже, окаймлена возвышенностями, которыя придаютъ ей видъ амфитеатра, поэтому вода здѣсь никогда не высыхаетъ. Здѣсь водятся цѣлые рои крабовъ и молюсковъ со спирально изогнутыми раковинами. У самаго города образуются изъ стекающей изъ него грязи большія лужи, блистающія на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги. Во время прилива зеленая волна заливаетъ все и движется такъ быстро, что отъ нея даже на лошади трудно спастись. Извѣстно, что Наполеонъ чуть не погибъ во время одного изъ такихъ приливовъ.

Тогда весь заливъ принимаетъ видъ большого озера, окруженнаго холмами. Эти холмы бываютъ окутаны сѣрымъ туманомъ, почему въ хорошую погоду кажутся темноголубыми, точно на нихъ наброшенъ тонкій, голубой флеръ. Во время заката солнца холмы обрисовываются яснѣе, вершины ихъ покрываются золотомъ и пурпуромъ, склоны становятся лиловыми, воздушными, нѣжными. Потомъ они начинаютъ постепенно блѣднѣть и, наконецъ, сливаются съ мракомъ ночи.

Въ этихъ холмахъ скрыто особое очарованіе. Они поднимаются точно стѣны на грани, отдѣляющей жизнь отъ смерти. Здѣсь, внизу находятся городъ, портъ, насыпь, видно движеніе судовъ, поѣздовъ и лодокъ, тамъ же царитъ вѣчное молчаніе. Никто не посѣщаетъ тѣхъ мѣстъ, потому что это не имѣетъ смысла. Тамъ простирается страна скалъ и пустынныхъ песковъ. Быть можетъ, кое-гдѣ поднимается изъ земли красный верескъ, быть можетъ, въ какомъ-нибудь уголкѣ іерихонская роза простираетъ къ небу свои засохшія вѣтви, но больше нигдѣ нѣтъ ни дерева, ни кустика, ни капли воды, одни только обширныя, безмолвныя пространства, до того угнетающія человѣка, что у него невольно рождается вопросъ, для чего они существуютъ, кому или чему нуженъ ихъ просторъ, и какую они приносятъ пользу? Въ существованіи ихъ проявляется какая-то слѣпая безцѣльность, и при взглядѣ на нихъ невольно начинаешь думать, что не жизнь цѣпляется за все, за что можетъ, подобно плѣсени, но что міръ представляетъ лишь результатъ игры слѣпыхъ жизненныхъ силъ.

Кому хоть разъ приходилось смотрѣть на луну въ телескопъ, тотъ знаетъ, до какой степени подавляютъ человѣческое сознаніе эти мертвыя, точно изрытыя поля луны, столь неестественныя, точно они погибли въ конвульсіяхъ. Суэзскіе холмы, особенно ночью, залитые холоднымъ зеленоватымъ блескомъ, кажутся какъ бы выхваченными съ луны.

Позднѣе мнѣ пришлось убѣдиться, что берега Краснаго моря вплоть до побережья Аденскаго залива и мыса Гвардафуй имѣютъ отпечатокъ такой-же мертвенности.

Днемъ у подножія горъ раздаются свистки локомотивовъ, которымъ вторитъ изъ порта ревъ большихъ пароходовъ. Пески Синайскаго полуострова ярко блестятъ подъ солнечными лучами. По узкой полосѣ канала движутся взадъ и впередъ лодки или фелюки арабовъ,

напоминающія издали стаи дикихъ утокъ или гусей. Иногда пройдетъ огромный пароходъ, напоминающій своими размѣрами кита. Стекла его оконъ свѣтятся такимъ яркимъ блескомъ, точно онъ везетъ изъ-подъ экватора дюжину солнцъ, чтобы продать ихъ въ сѣверныхъ странахъ, а изъ трубы клубами вырывается дымъ, поднимающійся къ небу черными облаками. Всюду обиліе воздуха и свѣта. Стаи чаекъ съ наслажденіемъ купаются въ нихъ, то блестя на солнцѣ своими бѣлыми перьями, то исчезая въ голубой дали. Кому интересно полюбоваться игрой свѣта, пусть обратитъ вниманіе на паруса арабскихъ фелюкъ. Въ пасмурный день они бѣлаго цвѣта, но когда солнечные лучи играютъ на водѣ и пескахъ, они принимаютъ то золотой, то розовый или голубой цвѣтъ, мѣняясь, подобно цвѣтамъ радуги. Тогда только становится понятной та яркость красокъ на картинахъ «plein air'истовъ», которая при первомъ взглядѣ производитъ впечатлѣніе произвольности и случайности.

Въ общемъ, пасмурныхъ дней было больше, нежели ясныхъ, вслѣдствіе чего преобладалъ однообразный колоритъ.

Я вскорѣ совершенно освоился и съ городомъ, и съ портомъ Ибрагимъ и съ пароходами, и зналъ почти каждое арабское лицо. Наконецъ, однажды ночью прибылъ «Bundesrath». Мнѣ не пришлось видѣть, какъ онъ шелъ черезъ каналъ; въ тотъ же день, вечеромъ мы выѣхали изъ города и направились въ портъ, чтобы утромъ, чуть забрезжитъ свѣтъ, быть уже на пароходѣ. Ночлегъ въ портѣ былъ ужасенъ! Бѣдная и грязная гостинница была биткомъ набита народомъ, кажется—служащими въ пароходномъ обществѣ. Намъ пришлось ночевать въ ванной. Мы не сомкнули глазъ, такъ какъ всю ночь насъ тревожили тараканы и другія болѣе или менѣе кровожадныя существа, и душилъ запахъ трубъ ванной. Послѣ этого ночлега я возымѣлъ большое уваженіе къ мѣстной арміи: мѣстная кавалерія если немногаго стоитъ, то зато пѣхота отличается большой настойчивостью.

На разсвѣтѣ насъ разбудилъ негръ, и мы въ сопровожденіи арабовъ, несшихъ наши вещи, направились къ каналу, гдѣ уже стоялъ небольшой пароходикъ, при помощи котораго мы должны были перебраться на «Bundesrath». Городъ спалъ. Пробираясь такъ ночью съ массой узелковъ и тюковъ, мы напоминали грабителей, старающихся ускользнуть изъ города. Но вотъ вдали, у бульвара замигалъ голубой свѣтъ фонаря: это былъ нашъ пароходикъ. Мы сходимъ на палубу, беремъ вещи, расплачиваемся съ арабами и... ѣдемъ. Тутъ-же сидитъ какой-то грекъ, также направляющійся въ Занзибаръ, и нѣсколько арабовъ, образующихъ гарнизонъ судна. Мигающій блескъ фонарей придаетъ имъ фантастическій видъ. Кругомъ тишина, нарушаемая лишь хриплыми и вмѣстѣ съ тѣмъ сонными голосами арабовъ. Мы ѣдемъ вдоль ряда домовъ съ закрытыми окнами и, наконецъ, выѣзжаемъ на открытое пространство, уже освѣщаемое еле брезжущимъ свѣтомъ утра. «Bundesrath» стоитъ довольно далеко: но подъ тѣми широтами разсвѣтаетъ гораздо быстрѣе, нежели у насъ, поэтому вскорѣ наступилъ день. Проѣхавъ мимо нѣсколькихъ пароходовъ, мы направляемся къ «Bundesrath'у». Онъ почти такихъ же размѣровъ, какъ «Равенна», на

которой я ѣхалъ изъ Неаполя въ Портъ-Саидъ. Если волны ударятъ нашъ пароходъ спереди или сбоку, то придется порядочно покачаться. Но это не бѣда. Пароходъ дѣлается все ближе. Черезъ перила высокой палубы смотрятъ на насъ нѣмецкіе матросы. Мы поднимаемся на палубу, оттуда идемъ въ залъ. Видно, что судно новое и построено хорошо. Всюду стѣны изъ полированнаго дерева, зеркала, красная бархатная мебель... Все это хотя и не отличается утонченнымъ изяществомъ, все-же сносно. Наше вниманіе привлекаютъ накрытые бѣлыми скатертями столы, чашки и чайники, изъ которыхъ несется запахъ кофе и напоминаетъ намъ, что мы голодны. Залъ, однако, пустъ. Пассажиры, повидимому, покоются еще въ объятіяхъ Морфея, лишь кое-гдѣ мелькаютъ заспанныя лица. У насъ берутъ билеты и указываютъ предназначенныя для насъ каюты: съ этого момента мы должны подчиняться принятому здѣсь режиму въ теченіе четырнадцати дней... разумѣется, если все будетъ благополучно.

Первый туалетъ на пароходѣ дѣлается обыкновенно съ большой тщательностью онъ представляетъ кокетство, направленное прот въ мимолетныхъ спутницъ по дорогѣ. Намъ и помимо этихъ соображеній необходимо было заняться имъ болѣе старательно послѣ ужаснаго ночлега въ портѣ.

Затѣмъ мы пили тродиціонный кофе и желали въ душѣ, чтобы первая нѣмка, которую мы увидимъ, была хоть немного похожа на Гретхенъ.

Въ залѣ никого еще нѣтъ, но это не бѣда. Не надо забывать, что это нѣмецкій «Bundesrath», а не какой-нибудь «Fliegende Hollander». Вотъ слышатся шаги, и входитъ молодой человѣкъ съ коротко подстриженной шевелюрой и длинными желтыми усами. Войдя, онъ сейчасъ-же представляется:

— Моя фамилія X. X.

Послѣ соблюденія обычныхъ въ такихъ случаяхъ вѣжливостей завязывается разговоръ, и я прежде всего справляюсь о томъ, сколько пассажировъ ѣдетъ въ первомъ классѣ?

— Кромѣ меня—никого,—отвѣчаетъ молодой человѣкъ.

— Значитъ, будетъ просторно.

Мы идемъ на палубу, такъ какъ слышимъ, что уже тянутъ якорь.

Еще рано; утро блѣдное. Надъ поверхностью моря виситъ прозрачный туманъ; однако, по всему видно, что день будетъ хорошій. Вода спокойна, въ ней много какой то утренней свѣжести. На ней нѣтъ волнъ, и она только слегка поднимается и опускается, подобно груди спящаго человѣка. Вокругъ покачиваются на водѣ сигнальныя бочки, плаваетъ солома, клочья бумаги, между ними копошатся чайки, внимательно поглядывая по сторонамъ, точно имъ приказано наблюдать надъ тѣмъ, что происходитъ въ портѣ. Въ воздухѣ стоитъ запахъ соломы, морской гнили и дыма каменнаго угля. Вблизи насъ стоятъ на якоряхъ большіе пароходы. Ихъ отраженія въ водѣ напоминаютъ гигантскихъ чудовищъ, изнуренныхъ утомительной дорогой... Портъ всегда имѣетъ такой видъ! Все это я видѣлъ и раньше, по-

тому что мнѣ приходилось путешествовать по разнымъ морямъ, но каждый разъ смотрю съ новымъ удовольствіемъ.

Вдругъ пароходъ испустилъ ревъ, точно прощаясь съ землею, и началъ дрожать. Сзади за нимъ вода заклубилась и покрылась пѣной. Бульваръ порта сталъ удаляться отъ насъ все больше и больше. Въ такія минуты трудно удержаться отъ волненія. особенно если ѣдешь въ какія-нибудь далекія страны, которыхъ еще не видѣлъ и не знаешь. Человѣкъ внезапно ощущаетъ такую сильную тоску по близкимъ людямъ, что если бы у него могли выросли крылья чайки, онъ сейчасъ-же унесся бы и вернулся бы къ нимъ.

Но все кончено! Суэцъ постепенно исчезаетъ вдали, берегъ Египта точно убѣгаетъ, и мы несемся уже по широкой глади Краснаго моря.

V.

Суэцкій заливъ.—Температура.—Нѣмцы.—Маленькій пароходъ.—Закатъ солнца.—Ночь.—Синай.—Побережье.—Экваторъ.—Маяки.—Бабъ - эль - Мандебъ.—Вѣтеръ.—Аденскій заливъ.—Аденъ.

Мы выѣхали изъ Суэца 2-го февраля и весь этотъ день и слѣдующую ночь потратили на переѣздъ черезъ Суэцкій заливъ. Красное море на Сѣверѣ дѣлится на два рукава, охватывающіе Синайскій полуостровъ. Суэцкій заливъ нѣсколько шире другого рукава, но все-же онъ такъ узокъ, что мы видѣли все время оба берега. Во время нашего переѣзда вѣтеръ дулъ попутный, поэтому на носу парохода подняли нѣсколько парусовъ. За нами вились стаи чаекъ, постоянно опускавшихся на слѣдъ парохода и дравшихся между собою изъ-за разныхъ объѣдковъ, которые выбрасывались за бортъ поваромъ. Получивъ разрѣшеніе отъ капитана, мы задумали поохотиться за чайками, но первая-же подстрѣленная нами чайка, упавшая въ воду, произвела на насъ непріятное впечатлѣніе и отняла всякое желаніе продолжать охоту. Нужно замѣтить, что чайки отличаются необыкновенно сильно развитымъ чувствомъ товарищества и сострадания: если одна изъ нихъ упадетъ. всѣ остальныя кружатся надъ нею всей стаей съ такими жалобными криками, точно хотятъ спасти своего товарища. Эти крики, напоминающіе какъ бы плачъ, производятъ такое впечатлѣніе на охотника, что онъ невольно начинаетъ сознавать, что явился причиной несчатья.

Постепенно темнѣло. Въ тяжелыхъ пальто, въ которыхъ мы выѣхали изъ Суэца, становилось жарко. Солнце хотя и закрывалось поминутно облаками, однако, въ промежуткахъ припекало таки порядочно. Было все-же не слишкомъ жарко,—поэтому всѣ были въ превосходномъ настроеніи. Это постепеное повышеніе температуры было такъ чувствительно, что порою у меня являлась такое ощущеніе. какое испытываешь, входя съ холоду въ теплую комнату.

За «lunch'емъ» *) сидѣло семь человѣкъ, въ томъ числѣ капитанъ,

*) Поздній англійскій завтракъ.

докторъ, два офицера и тотъ молодой человѣкъ, съ которымъ я познакомился утромъ за кофе, и который, какъ я узналъ потомъ, получилъ въ городѣ Багомойо какую то должность въ судебномъ вѣдомствѣ. Послѣ «lunch'a» мы пошли осматривать пароходъ. Во второмъ и третьемъ классѣ было больше пассажировъ; тутъ было, между прочимъ, нѣсколько молодыхъ людей, назначенныхъ на разныя должности въ нѣмецкихъ колоніяхъ Багомойо и Даръ-эсъ-Салямъ. Глядя на ихъ здоровыя лица и потучнѣвшія отъ гамбурскаго пива фигуры, я думалъ: какія перемѣны произойдутъ во внѣшности этихъ людей черезъ годъ, и многіе-ли изъ нихъ увидятъ вновь Германію? На носу парохода мнѣ пришлось вспомнить центральную Африку. Тамъ я увидѣлъ, кромѣ обыкновенныхъ шлюпокъ, еще небольшой пароходикъ, предназначенный для Викторіи-Ніанца. Его везли разобраннымъ по частямъ, доставить его къ берегамъ озера должна была особая экспедиція. При видѣ этого пароходика я ощутилъ истинное удовольствіе, во-первыхъ, потому, что я сейчасъ же подумалъ. что присоединюсь къ этой экспедиціи, если это будетъ возможно, а во вторыхъ, потому, что ту глубокую Африку до сихъ поръ я зналъ только изъ книгъ, а теперь она стала казаться мнѣ чѣмъ-то осязательнымъ. Уже не разъ и прежде меня охватывало такое чувство, когда я знакомился съ памятниками древняго міра въ Римѣ, Аѳинахъ и Египтѣ. Всѣмъ намъ извѣстно существованіе и Колизея, и римскаго форума, и аѳинскаго Парѳенона, и сфинкса и пирамидъ, но мы знаемъ ихъ лишь теоретически, въ формѣ идеальнаго понятія, и только тогда, когда мы увидимъ ихъ и коснемся ихъ руками, они превращаются для насъ въ дѣйствительность, имѣющую объективный характеръ. То-же самое можно сказать о всѣхъ тѣхъ краяхъ, которыхъ мы не видѣли. Я уже говорилъ раньше, что именно это воплощеніе отвлеченнаго понятія въ дѣйствительности, это подтвержденіе представленій. выработанныхъ путемъ чтенія, и составляютъ главную прелесть путешествій.

Съ обѣихъ сторонъ были все время видны берега, безплодные и пустынные. Цвѣтъ ихъ постоянно измѣнялся, очертанія же оставались одинаковыми. Поэтому при переѣздѣ черезъ Красное море не испытываешь того удовлетворенія, какое ощущается въ открытомъ морѣ, когда мысль и взоры тонутъ въ безбрежномъ просторѣ. При этомъ исчезаетъ сознаніе собственнаго «я»,—что необыкновенно успокаиваетъ. Наоборотъ, на Красномъ морѣ зрѣніе утомляется однообразіемъ очертаній, и между эти близкими берегами дѣлается какъ-то тѣсно.

Сегодня я наслаждался великолѣпнымъ закатомъ солнца. Море, земля и воздухъ были точно золотые, а весь горизонтъ точно объятъ былъ пламенемъ. Такое фантастическое обиліе блеска и свѣта заключаетъ въ себѣ что-то печальное, быть можетъ, потому, что имъ освѣщаются пустынныя пространства. Спустя минуту, я сошелъ въ залъ, изъ окна котораго точно виднѣлось зарево гигантскаго пожара: столько тамъ было краснаго цвѣта! Все приняло красный цвѣтъ, какъ при освѣщеніи бенгальскимъ огнемъ: скатерти, стѣны зеркала и человѣческія лица. Но это длилось очень короткое время. Темнѣло до того

быстро, словно кто-нибудь сѣялъ темноту съ неба на землю черезъ гигантское рѣшето. Потомъ небо погасло, море потемнѣло, а пароходъ освѣтили внутри электричествомъ.

После обѣда я снова поднялся на палубу. Ночь, звѣзды... Млечный путь ясно виденъ, но Большая Медвѣдица стоитъ здѣсь гораздо ниже надъ горизонтомъ, чѣмъ у насъ. Видно, что теплый вѣтеръ несетъ съ собою много сырости, потому что на губахъ образуется соленый осадокъ. Большихъ волнъ нѣтъ, но море, по выраженію моряковъ, «говоритъ». Порою оно точно вздыхаетъ. Я забрался на самую корму парохода, къ рулевому колесу. Море темное, но въ брызгахъ бѣлой пѣны, образующейся за пароходомъ, блестятъ по временамъ свѣтло-голубыя звѣздочки, внезапно выскакивающія изъ глубины воды. Отъ этого пѣна каждую ночь издаетъ фосфорическій свѣтъ.

Чистота воздуха необыкновенна. Легкія свободно расширяются. Монотонный звукъ винта и шумъ моря точно убаюкиваютъ. Мысли и воспоминанія отличаются особенной ясностью и живостью. Если улетаешь мыслью къ прошлому, то оно возстаетъ въ памяти, какъ живое. Среди такой ночи, среди этихъ безформенныхъ окружающихъ насъ предметовъ, среди этой неопредѣленной грусти, которую всегда навѣваетъ темнота, человѣкъ точно освобождается отъ своей вещественной оболочки: онъ превращается въ мысль, которая уносится, куда хочетъ, и вызываетъ въ памяти то, что хочетъ: и свѣтлыя мгновенія и дорогія лица.

Утромъ мы выѣхали изъ залива въ открытое море. Съ лѣвой стороны въ утреннемъ разсвѣтѣ была видна гора Синай. Она кажется выступающей прямо изъ моря. Склоны ея видны, но вершина, хотя и не особенно высокая, напоминаетъ скорѣе розоватое облачко, которое вскорѣ стало блѣднѣть и исчезло въ дали. Я попытался снять гору, но мы были уже черезчуръ далеко, поэтому на фотографіи гора и море слились.

Около полудня мы встрѣтили два судна, шедшія изъ Индіи въ Суэцъ, а подъ вечеръ на египетскомъ берегу обрисовались горы Вереники. Мнѣ показалось, что онѣ выше Синая. Пришлось снова перемѣнить одежду, потому что стало еще теплѣе. Однако, небо покрылось тучами, а море приняло свинцовый цвѣтъ, который казался зловѣщимъ. Иногда оно утихало, точно собираясь съ силами и стараясь что-то обдумать. Угрозы оказались тщетными. Ночь настала спокойная. Небо было усѣяно яркими звѣздами, серебромъ, отражавшимися въ водѣ; море казалось точно вышитымъ звѣздами.

4-го февраля «Bundesrath» миновалъ тропикъ Рака. Никогда еще въ жизни я не бывалъ такъ далеко. Капитанъ говоритъ, что завтра мы должны быть въ Бабъ-эль-Мандебѣ.

Красное море очень опасно, такъ какъ усѣяно подводными коралловыми рифами; поэтому, когда пароходъ проѣзжаетъ его благополучно, капитану даютъ награду. Ночью путь освѣщается маяками, поставленными черезъ промежутки въ нѣсколько десятковъ миль на мысахъ или пустынныхъ островкахъ. При взглядѣ на нихъ мнѣ вспоми-

нался мой «фонарщикъ», который дѣйствительно существовалъ *). На большей части маяковъ, вѣроятно, нѣтъ людей, а зажигаютъ ихъ при помощи электрическихъ проводовъ.

Впрочемъ, крушенія судовъ случаются часто даже и днемъ. Причиною ихъ можетъ послужить малѣйшая невнимательность капитана. Въ настоящее время Бабъ-эль-Мандебъ или «Врата слезъ» не такъ уже страшенъ, какъ прежде. Конечно, онъ и теперь не вполнѣ безопасенъ для мореплавателей, потому что здѣсь сталкиваются вихри пустыни и Краснаго моря съ муссонами, дующими съ Индійскаго океана, и вздымаютъ воду, которая кипитъ и реветъ, какъ въ пасти Харибды. Крѣпкій прочный пароходъ всегда выходитъ побѣдителемъ изъ этого столкновенія. Машина его работаетъ сильнѣе, онъ яростью отвѣчаетъ на ярость волнъ и крыльями винта хлещетъ воду, подобно тому, какъ Ксерксъ нѣкогда хлесталъ ее розгами.

Въ теченіе нѣкотораго времени я пробылъ на палубѣ, глядя на морскія волны, съ ревомъ и бѣшенствомъ разбивавшіяся вдали о неприступныя скалы. Иногда бушующія волны бросались на бокъ парохода, а порою переливались даже черезъ борты на палубу, точно намѣриваясь кого-то схватить и унести.

Въ воздухѣ носилась соленая пыль. Свинцовыя тучи низко висѣли надъ землей: обрывистыя и дикія скалы приняли черный цвѣтъ. Около парохода снова появились стаи чаекъ; рядомъ съ нашимъ пароходомъ совсѣмъ низко надъ волнами долго летала какая-то небольшая птица желтаго цвѣта съ пестрыми крылями. Издали она была похожа на прекраснаго мотылька.

Я спустился въ залъ къ «lunch'у», но внизу было гораздо хуже, чѣмъ на палубѣ. Что за качка! Боковыя стѣны такъ рѣзко мѣняли направленіе, что каждая изъ нихъ по-очереди чуть не дѣлалась то поломъ, то потолкомъ. Сидя на привинченномъ креслѣ, оказываешься то повышеннымъ безъ всякой заслуги, то пониженнымъ безъ всякой вины. Иногда точно лежишь на спинѣ, а столъ оказывается висящимъ надъ тобой, такъ что того и гляди, что кушанья сами собой польются въ ротъ; то поднимаешься выше стола, а тарелки только потому не скатываются въ противоположную сторону, что уставлены въ рамахъ. Слышенъ скрипъ мачтъ, судно то содрогается отъ сильнаго движенія винта, то вдругъ издаетъ стонъ, точно ему нанесли ударъ въ животъ. Чудная ѣзда, нечего сказать!

Утромъ мы проснулись уже въ Аденскомъ заливѣ. Море все время сильно волновалось, палуба была мокра. Въ первомъ часу на южной сторонѣ горизонта стали обрисовываться скалы, которыя были еще выше, неприступнѣе и грознѣе, чѣмъ въ Бабъ-эль-Мандебѣ. Это — Аденъ. Въ третьемъ часу пароходъ вошелъ въ портъ.

---

*) Только тѣ, которые здѣсь живутъ, еще болѣе одиноки и еще болѣе отдалены отъ остального міра.

Послѣ того, какъ нѣсколько дней проведешь въ пути, испытываешь большое удовольствіе, когда движеніе винта дѣлается слабѣе и тише, когда судно замедляетъ ходъ, и когда передъ глазами растилается спокойная поверхность воды, а на ней колышатся суда съ разноцвѣтными флагами различныхъ національностей, расположившись на отдыхъ, точно стада въ загородкѣ; вдали, на берегу блестятъ на солнцѣ окна домовъ. Каждый портъ напоминаетъ хозяйство въ большихъ размѣрахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ на немъ чувствуется что-то гостепріимное. Это пріятное впечатлѣніе портилъ видъ трехъ мачтъ, торчавшихъ изъ воды. Оказалось, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ здѣсь произошло столкновеніе двухъ судовъ компаніи «Messagerie Maritimes». Никто изъ людей не погибъ, но одинъ изъ пароходовъ сейчасъ опустился на дно и теперь сдѣлался жилищемъ морскихъ угрей, крабовъ, омаровъ, различныхъ головоногихъ и прочихъ морскихъ диковинъ Амфитриды.

Въ тотъ моментъ, когда нашъ пароходъ входилъ въ портъ, всѣ пассажиры вышли на палубу, и на лицахъ ихъ виднѣлось то удовольствіе, о которомъ я уже говорилъ. «Bundesrath» остановился вблизи большого англійскаго парохода, шедшаго изъ Австраліи и, очевидно, недавно пріѣхавшаго, такъ какъ онъ еще выбрасывалъ клубы пара, точно выдыхая изъ себя остатки усталости. Вскорѣ показалась большая ладья, приближавшаяся къ нашему пароходу. Матросами были индусы въ чалмахъ, кромѣ того въ ней сидѣли портовые и санитарные англійскіе чиновники въ бѣлыхъ шлемахъ. За этой ладьею слѣдовало множество другихъ; ими управляли негры. Нѣкоторыя изъ этихъ лодокъ были такъ малы и узки, что по временамъ совсѣмъ исчезали за волнами, но затѣмъ снова показывались на ихъ гребняхъ, мокрыя и блестящія. Нашъ пароходъ окружила толпа чернокожихъ, раздались крики, выражавшіе предложеніе нанять лодку. При видѣ этихъ нагихъ фигуръ, опоясанныхъ небольшимъ платкомъ вокругъ бедеръ, этихъ черныхъ плечъ, сверкающихъ бѣлковъ глазъ и этихъ шерстистыхъ волосъ, покрытыхъ брызгами известки, я понялъ, что это уже другой міръ, чисто экзотическій. Оказалось, что въ тѣхъ маленькихъ лодкахъ помѣщались подростки-негры, а профессія ихъ заключалась въ добываніи изъ глубины моря денегъ, бросаемыхъ имъ путешественниками съ палубы. Въ лодкѣ они сидятъ вдвоемъ, втроемъ, даже вчетверомъ, и я до сихъ поръ не могу понять, какъ такія легонькія корыта удерживаются на водѣ и не перевертываются? Каждая волна заливаетъ лодки водой, и тогда негрята преспокойно выкачиваютъ ее ногами. Но вотъ съ палубы бросаютъ монету, и моментально съ нѣсколькихъ лодокъ кидается въ море внизъ головой цѣлая группа. Мелькаютъ только черныя ноги и громадныхъ размѣровъ ступни съ бѣлыми подошвами; потомъ видно, какъ они дерутся въ водѣ изъ-за монеты, точно карпы изъ-за крошекъ хлѣба, затѣмъ все скрывается. Наконецъ, на поверхности воды показываются кудрявыя головы, выбрасывающія изо рта соленую воду. Счастливецъ, нашедшій монету, показываетъ ее публикѣ и за неимѣніемъ кармана прячетъ въ ротъ. Въ продолженіе всего этого времени лодки стоятъ на водѣ пустыми, негрята-же носятся все время по морю, точно пробки по волнамъ. Кажется почти невѣроятнымъ то.

что они проводятъ иногда въ водѣ по половинѣ дня, плавая вокругъ корабля. Мнѣ приходилось видѣть ловлю монетъ подъ водой и въ Неаполѣ и въ Портъ-Саидѣ, но такихъ пловцовъ, какъ здѣсь и въ Обокѣ, я никогда и нигдѣ не встрѣчалъ.

Какъ въ Аденскомъ заливѣ, такъ и въ другихъ водахъ Индійскаго океана, водятся акулы, но онѣ, повидимому, принимаютъ этихъ чернушекъ, за какія-нибудь родственныя имъ существа, и потому оставляютъ дѣтишекъ въ покоѣ.

Аденъ, подобно Суэцу, дѣлится на двѣ части. Одна часть приходится на портъ и носитъ названіе Стимеръ-Пойнтъ, другая, составляющая собственно городъ, лежитъ въ пяти или шести километрахъ отъ порта. Такъ какъ намъ было объявлено, что «Bundesrath» простоитъ здѣсь не болѣе двухъ часовъ, то намъ не пришлось съѣздить въ городъ. Я рѣшилъ посѣтить его на обратномъ пути и тогда осмотрѣть гигантскія цистерны, которыя были вырублены въ скалахъ за городомъ португальцами и затѣмъ еще увеличены англичанами. Отъ нихъ то именно и зависитъ жизнь города и порта, потому что въ самомъ Аденѣ вовсе нѣтъ прѣсной воды. Трудно встрѣтить болѣе безплодную и болѣе неблагопріятную для какой-бы то ни было жизни мѣстность, чѣмъ эту: въ городѣ, въ портѣ и во всей окрестности не растетъ ничего,—нигдѣ ни деревца, ни травки, ни мха. Обнаженныя скалы, палимыя цѣлый день солнцемъ, испускаютъ ночью дневную теплоту, вслѣдствіе чего температура здѣсь выше, нежели въ Индіи и Занзибарѣ. До появленія человѣка—въ этомъ краю не было жизни: но человѣкъ вторгся въ это царство смерти, захотѣлъ здѣсь жить, поселился и вызвалъ жизнь, даже шумную.

Время отъ времени, чаще всего весною, въ Аденѣ бываютъ страшныя бури. Тучи, которыя гонитъ сильный вихрь, сталкиваются другъ съ другомъ и разражаются надъ скалами и моремъ проливнымъ дождемъ. Цистерны тогда наполняются водою до краевъ, и жители бываютъ обезпечены ею года на два.

Цистерны расположены въ разстояніи нѣмецкой мили отъ города; мы не успѣли бы съѣздить туда и поэтому рѣшили ограничиться осмотромъ Стимеръ—Пойнта. Мы взяли ближайшую лучшую лодку и велѣли ѣхать къ берегу. Гребцы наши принадлежали къ племени Сомали, живущему на противоположномъ берегу Африки. Они совсѣмъ нагіе, и только вокругъ ихъ бедеръ лежали небольшіе куски бумажной матеріи. Волосы ихъ покрыты слоемъ засохшей извести, что придаетъ имъ такой видъ, словно они въ парикахъ. Ихъ черныя лица напоминаютъ европейскіе. Они имѣютъ узкій носъ, узкія губы, прогнотизмъ среди нихъ наблюдается рѣдко—только въ помѣси съ галласами. По строенію тѣла они также не похожи на другихъ негровъ: фигуры ихъ тонки, а шея не такъ могуча. Это—сильное племя, занимающее восточное побережье отъ тѣснины Бабъ-эль-Мандебскаго пролива на сѣверѣ вплоть до самаго Момбоса на югѣ. Этотъ народъ отличается необыкновенной подвижностью. Ихъ много въ Аденѣ, въ Массовѣ, во французской колоніи Обокъ и въ англійскомъ Берберѣ. Когда дуетъ южный муссонъ, они спускаются до Занзибара, гдѣ я встрѣчалъ ихъ

сотнями. Въ общемъ, это жестокое племя, а по своему вѣроломству оно превосходитъ всѣ хамитическія племена Африки. Путешественники, желавшие посѣтить ихъ край, не разъ пытались составлять караваны изъ сомалисовъ, которые бродятъ въ Аденѣ; но каждый разъ случалось такъ, что сомалисы убивали путешественниковъ и грабили ихъ товары. Поэтому немногіе изъ европейцевъ рѣшались проникнуть въ ихъ селенія: они обыкновенно подвергали пришельцевъ жестокимъ истязаніямъ. Даже миссіонеры не могли оказать никакого вліянія на этихъ дикарей. Сомалисы—фанатики—мусульмане, опасающіеся того, что ихъ страной рано или поздно завладѣетъ какое-нибудь европейское государство. Эти опасенія возбуждаетъ, главнымъ образомъ, Италія, и не безъ основанія, потому что значительная часть побережья Сомали попала уже въ «сферу итальянскихъ интересовъ».

Но все-таки это интересный народъ. Отличаясь большей кровожадностью, чѣмъ другіе негры, они смышленѣе ихъ и довольно искусно приготовляютъ разныя издѣлія. Оружіе ихъ, особенно копья и ножи, отличается необыкновенной красотой Благодаря этому послѣднему обстоятельству, я уже въ Занзибарѣ завязалъ сношенія съ сомалисами, при чемъ убѣдился, что они въ довершеніе всего еще обманщики и комедіанты. Послѣ возвращенія съ материка мнѣ пришлось лечь въ госпиталь, куда ихъ приходило ко мнѣ нѣсколько. Разъ пришло двое, изъ которыхъ одинъ продавалъ ножи и всѣми силами старался обмануть меня, подсовывая худшіе вмѣсто лучшихъ: другой же все время стоялъ, держа сложенныя руки у рта и поднявъ къ небу глаза, точно въ экстазѣ. Не понимая, для чего онъ продѣлываетъ эти штуки, я попросту спустилъ его съ лѣстницы.

Изслѣдованіе верхняго теченія ихъ главной рѣки Джуба дало бы, вѣроятно, очень интересный результатъ. Этотъ уголъ Африки принадлежитъ къ числу наименѣе извѣстныхъ. Но путешественнику, который отважился бы на такую экспедицію, необходимо имѣть при себѣ отрядъ, по крайней мѣрѣ изъ двухсотъ вооруженныхъ суданцевъ или занзибарцевъ, не считая проводниковъ. Иначе сомалисы прогонятъ его изъ своей страны или убьютъ, каковой участи подвергались до сихъ поръ всѣ тѣ, которые желали добраться до истока рѣки.

Гребцамъ нашимъ было отъ 18 до 20 лѣтъ. Такъ какъ мнѣ пришлось видѣть сомалисовъ первый разъ, то я смотрѣлъ на нихъ съ любопытствомъ, удивляясь сходству ихъ черныхъ лицъ съ лицами европейцевъ. Когда мы сидѣли въ лодкѣ, одинъ изъ нихъ запѣлъ пѣсню, напоминавшую молитву, которая въ то-же время исполняла роль команды для гребцовъ. Подъ тактъ ея черныя тѣла и бѣлыя головы начали мѣрно опускаться и подыматься, и черезъ полчаса мы были уже у портовыхъ свай. Вторично у меня мелькнула мысль о томъ, какой это новый и незнакомый міръ. Время шло подъ вечеръ, солнце спускалось къ западу. Дома, скалы и воздухъ были точно залиты и насыщены красноватымъ свѣтомъ. Было еще очень жарко. Въ этомъ своеобразномъ, словно кирпичномъ освѣщеніи, въ жарѣ, которая пышетъ отъ раскаленныхъ камней, суетятся арабы, индусы, сомалисы, галласы. Они всѣ нагіе или полуодѣтые, у всѣхъ рѣзко выдѣляются

своей бѣлизной бѣлки глазъ; раздаются смѣхъ, крики, одни просятъ милостыни, другіе машутъ руками, тянутъ въ разныя стороны... все это необыкновенно и напоминаетъ что-то дьявольское. Прежде всего насъ обступила группа совершенно голыхъ ребятишекъ, назойливо просившихъ милостыню. Среди нихъ виднѣлись четырехъ, пятилѣтнія крошки. напоминавшія куколъ, съ круглыми кудрявыми головками, съ большими животами и тоненькими ножками, на которыхъ они подпрыгивали, точно черныя блошки. Эта смѣсь различныхъ расъ, обнаженныя тѣла взрослыхъ и дѣтей, ихъ страстныя движенія, звуки всевозможныхъ языковъ,—все это походитъ на какую-то тропическую оргію. Получается такое впечатлѣніе, точно видишь сонъ, въ которомъ, однако, есть что-то подавляющее, что-то бурное и враждебное, напоминающее кошмаръ. При видѣ этихъ людскихъ роевъ напрашивается сравненіе съ червями. Жизнь сконцентрирована въ этомъ пунктѣ, люди шумятъ только здѣсь, а вокругъ простираются огромныя, пустынныя и безмолвныя пространства, отъ которыхъ вѣетъ тоскою и смертью.

Среди этого моря людей чернаго и оливковаго цвѣтовъ кожи мелькаютъ бѣлые шлемы европейцевъ, главнымъ образомъ—англичанъ. Лица ихъ указываютъ на анемію, потому что блѣдны и измождены, въ глазахъ отражается скука. Англичане заняли этотъ пунктъ потому, что онъ находится на полпути въ Индію, и что здѣсь имѣется большой, укрѣпленный ими складъ каменнаго угля, а это дѣлаетъ ихъ господами Индійскаго океана. Однако, всѣ эти обстоятельства не могутъ скрасить жизнь въ Аденѣ, которая представляетъ изгнаніе.

Мы отправились на почту въ коляскѣ, возимой индусомъ. Какая геніальная и симпатичная выдумка, этотъ «Poste-restante»! Впервые въ жизни прибываешь въ Аденъ, и вдругъ находишь пришедшія еще до тебя письма, напримѣръ..... изъ Закопаннаго. Человѣка охватываетъ такое чувство, точно среди этого вавилонскаго столпотворенія съ нимъ внезапно заговорилъ кто-нибудь близкій, дорогой его сердцу. И тогда среди этихъ новыхъ мѣстъ, чуждыхъ людей и новыхъ впечатлѣній до того погружаешься мыслью въ содержаніе дорогого письма, что совершенно забываешь обо всемъ окружающемъ.

На каменной портовой панели Стимеръ-Пойнта стоитъ рядъ высокихъ каменныхъ домовъ. Въ нихъ нѣтъ ничего оригинальнаго, такъ какъ ихъ построили европейцы. Нѣкоторые украшены широкими навѣсами, именно тѣ, которыя служатъ помѣщеніемъ для агентовъ, кофеенъ и подваловъ. На послѣдніе стоитъ обратить вниманіе. Среди ихъ товаровъ найдешь все, что есть въ тропическомъ поясѣ. Въ нихъ продаются: львиныя, тигровыя и леопардовыя шкуры, индійское оружіе, издѣлія изъ бронзы и японскія вазы, страусовыя перья, красивыя издѣлія изъ мѣди, приготовленныя въ Бомбеѣ и Калькутѣ: разныя ткани изъ Мадреса и Кашмира, вѣера изъ павлиньихъ перьевъ, кораллы, мѣшки съ рисомъ, пуки корицы и сахарнаго тростника, выкрашенные пурпуровой краской бунчуки изъ конскихъ хвостовъ, слоновые клыки и тысячи другихъ вещей всевозможныхъ цвѣтовъ, среди которыхъ преобладаютъ красные, желтые и блестяще-металлическіе, сверкая среди сумерокъ на подобіе блѣдной радуги.

Солнце здѣсь заходитъ скоро, и ночь спускается внезапно. Пора возвратиться на пароходъ, который скоро двинется дальше. Мы потеряли товарищей, бродя возлѣ магазиновъ, и теперь намъ приходится отыскивать другъ друга. На берегу залива меня снова обступила толпа чернокожихъ хищниковъ, въ которой прыгали и маленькія двуногія блошки. Одни чуть не силой тащатъ меня въ свои лодки, другіе подскакиваютъ и просятъ милостыню. Ихъ назойливость усиливается съ каждой минутой, и я чувствую, что теряю терпѣніе. Внезапно вся эта толпа бросилась бѣжать. Что такое случилось? Оказывается, ихъ испугало приближеніе англійскаго полисмэна-индуса. Онъ готовъ унижаться, сколько угодно, передъ бѣлымъ, какъ передъ высшимъ существомъ, но обильно разсыпаетъ удары кнутомъ людямъ цвѣтныхъ расъ. Бываютъ случаи, что къ помощи полисмэна прибѣгаютъ даже тогда, когда торговцы въ подвалахъ запрашиваютъ слишкомъ высокія цѣны.

Тѣмъ временемъ мы отыскиваемъ своихъ товарищей, къ берегу подплываетъ тяжелая арабская барка, въ которую мы и садимся. Вмѣстѣ съ экономомъ парохода насъ четверо. Онъ закупалъ въ портѣ провизію, и за нимъ тащатъ на барку коровьи туши, бѣлыхъ барановъ съ черными головами, мѣшки картофеля и корзины съ какими-то овощами, привезенными, навѣрное, изъ Англіи или Индіи, потому что здѣсь онѣ не могутъ расти. Мы отплываемъ. На баркѣ поднимаютъ мачту, и она начинаетъ колыхаться на волнахъ. Насъ обступаетъ темнота, но вода вокругъ барки свѣтится блѣднымъ фосфорическимъ свѣтомъ. Въ водѣ постоянно загораются и быстро гаснутъ цѣлые снопы бриллiантовыхъ звѣздъ.

Вопросъ въ томъ, гдѣ нашъ «Bundesrath»? На большомъ, темномъ пространствѣ порта свѣтятся вдали окна нѣсколькихъ пароходовъ, напоминая окна избъ въ деревнѣ. Если бы еще въ этой темнотѣ послышался лай собакъ или крикъ пѣтуховъ, это окончательно довершило бы иллюзію. Мнѣ и такъ порою кажется, что я подъѣзжаю къ деревнѣ... Приближаемся, наконецъ, къ какому-то пароходу, оказывается — не нашъ! Направляемся къ другому, — опять не нашъ! Между нами начинается споръ о томъ, гдѣ стоитъ «Bundesrath». Оказывается, что мой товарищъ лучше всѣхъ помнитъ мѣсто его стоянки, и указываетъ вѣрный путь.

Намъ трудно подойти къ своему пароходу, потому что его окружаетъ множество фелюкъ, привезшихъ каменный уголь. Переходъ нашъ съ барки на судно напоминаетъ разныя гимнастическія упражненія. Начинается ночной приливъ. Волненія нѣтъ, вода то поднимается очень высоко, то опускается, вслѣдствіе чего мы оказываемся то рядомъ съ палубой, то гдѣ-нибудь подъ низомъ парохода. Приходится уловить благопріятный моментъ, схватиться за перила лѣстницы, мчаться, что есть мочи, наверхъ, иначе барка, снова поднявшись, можетъ придавить руку или ногу, а то и попросту разможжить.

Это сальто-мортале обошлось благополучно, мы вскорѣ были на палубѣ, а за нами тутъ же очутились и бараны, и коровы и мѣшки съ картофелемъ. Пароходъ и не думаетъ еще двигаться. Быть можетъ,

капитанъ нарочно сказалъ, что простоитъ здѣсь недолго, а можетъ быть, и самъ ошибся. Пароходная лебедка неутомимо таскаетъ уголь, причемъ стукъ зубчатыхъ колесъ и скрипъ цѣпей до такой степени сильны, что заглушаютъ всѣ прочіе звуки. Пароходъ весь дрожитъ. Спать—и думать нечего: мы высыпали всѣ на палубу, потому что въ каютахъ душно. Въ десятомъ часу ночи къ намъ подъѣзжаетъ какой-то другой пароходъ, везущій какія-то бѣлыя, фантастическія фигуры, которыя видны издали, потому что освѣщены зеленымъ свѣтомъ его фонариковъ. Моментально разносится вѣсть, что это гаремъ, который на нашемъ пароходѣ отправится съ нами въ Занзибаръ. Гаремъ! Можно десять лѣтъ прожить на востокѣ и никогда не увидѣть такъ близко гарема. У всѣхъ начинаетъ работать воображеніе, тѣмъ болѣе что извѣстіе оказывается справедливымъ. Пароходъ остановился. Перегнувшись черезъ бортъ мы съ любопытствомъ смотримъ, какъ будутъ пересаживаться къ намъ эти дамы, но пересадка долго не удается: вода подбрасываетъ вверхъ и внизъ ихъ пароходъ точно такъ же, какъ нашу барку. Дамъ четыре, онѣ находятся подъ надзоромъ одного опекуна, лицо котораго лишено признаковъ какой-бы то ни было растительности. Лицъ не видно, потому что дамы закутаны съ ногъ до головы въ бѣлыя покрывала, но руки видны, такъ какъ имъ приходится держаться за перила, а также и ноги. Одна пара рукъ черная, а одна пара ногъ такихъ почтенныхъ размѣровъ, что годилась бы для самаго большого муфти. Но «à la mer, comme à la guerre». Мысль, что гаремъ ѣдетъ съ нами до самаго Занзибара, что хотя одалиски и не будутъ выходить къ обѣду, но все-же будутъ сталкиваться съ нами на палубѣ и въ коридорѣ, казалась намъ необыкновенно забавной. Капитанъ, бывшій все время въ дурномъ настроеніи изъ-за того, что нагрузка угля сильно затянулась, теперь замѣтно повеселѣлъ. Онъ сообщаетъ намъ двѣ вещи: во-первыхъ, что гаремъ помѣстится въ первомъ классѣ, во-вторыхъ, что поѣздку эту онъ совершаетъ въ кредитъ. «Что касается опекуна,—говоритъ капитанъ,—то я его пихнулъ во второй классъ. Га! Тѣмъ лучше!»

— А вдругъ вамъ не заплатятъ и въ Занзибарѣ? — задаетъ капитану вопросъ одинъ изъ пассажировъ.

Въ отвѣтъ на это старый морякъ прищурилъ одинъ глазъ, давая понять, что его не обойдутъ, и убытка онъ не потерпитъ.

Между тѣмъ дамы занимаютъ двѣ находящіяся другъ противъ друга каюты и плотно закрываютъ двери. Вѣроятно, онѣ приготовляются ко сну. Мы всѣ тоже вскорѣ ложимся, не обращая вниманія на стукъ лебедки, лязгъ цѣпи и содроганія судна.

Заснуть трудно. Впадаешь въ какое-то забытье или полусонъ, въ которомъ мерещатся лодки, сомалисы, галласы, индусы, фосфорическій свѣтъ и женскія фигуры въ бѣлыхъ одѣяніяхъ. Все это кружится въ головѣ, кричитъ, сходится, расходится, блѣднѣетъ и, наконецъ, пропадаетъ въ туманѣ сонныхъ грезъ. Внезапно водворяется тишина, отъ которой я просыпаюсь, и сейчасъ же въ сознаніи мелькаетъ мысль, что лебедка уже прекратила работу, и что мы подвигаемся. Сквозь стѣну каюты слышенъ протяжный, печальный шумъ волнъ,

судно начинаетъ равномѣрно покачиваться, и движеніе это постепенно убаюкиваетъ.... Остатки сознанія исчезаютъ, разсѣиваясь въ этомъ движеніи, мракѣ и шумѣ.

VI.

Океанъ.—Мысъ Гвардафуй.—Гаремъ.—Летающія рыбы.—Необыкновенное явленіе.—Свѣтъ Зодіака.—Новыя звѣзды.—Жара.—Экваторіальное торжество.—Случай въ каналѣ.—Земля. — Берегъ Занзибара. — Растительность. — Городъ..— Таможня.— Жители.

Океанъ! Послѣдніе два дня, т. е. 8 и 9 февраля, мы проѣзжали все еще Аденскій заливъ. Море волновалось, качка была сильная. Волны были короткія, но высокія; онѣ подбрасывали пароходъ по своему произволу. Я не страдалъ морской болѣзнью, но былъ разбитъ и утомленъ. Отъ такой качки человѣкъ чувствуетъ боль въ плечахъ, груди, въ стѣнкахъ желудка, а кости до того ноютъ, точно онъ въ теченіе трехъ дней рубилъ дрова или всходилъ на крутыя горы. Гаремъ до такой степени страдалъ отъ качки, что его крики и стоны разносились по всему пароходу.

Наконецъ, въ ночь съ 9-го на 10 февраля мы проѣхали между грознымъ Гасъ-Асиръ или мысомъ Гвардафуй, который подобно рогу вонзается въ океанъ, и островомъ Сокоторой. Утро мы провели въ филологическомъ спорѣ относительно того, что означаетъ названіе «Гвардафуй». Къ сожалѣнію, среди насъ не было никого, кто былъ бы знакомъ съ португальскимъ языкомъ. Кто-то сказалъ, что названіе означаетъ «былая стража», но это объясненіе намъ показалось неправдоподобнымъ. Что было дѣлать здѣсь какой-бы то ни было стражѣ, что ей было сторожить среди этой пустоты и безлюдья? Гораздо ближе къ истинѣ другой переводъ; «Смотри и берегись!» А смотрѣть, дѣйствительно, необходимо: здѣсь поднимаются изъ воды такіе гигантскіе утесы, что въ сравненіи съ ними пароходъ напоминаетъ букашку; и опасаться необходимо, потому что морскія волны при сильномъ вѣтрѣ ударяются со страшною силой о скалы, покрывая ихъ бѣлой пѣной.

Пароходъ проѣхалъ это мѣсто до разсвѣта, а когда мы поднялись на палубу къ утреннему кофе, то передъ нами разстилалось открытое море, и кромѣ неба и воды ничего не было видно. Съ этого времени пароходъ нашъ шелъ постоянно въ разстояніи ста двадцати миль отъ берега. На такомъ разстояніи отъ берега держатся всѣ суда, направляющіяся къ югу, потому что вдоль самого берега идетъ сильное теченіе съ юга на сѣверъ. Зато на обратномъ пути необходимо держаться все время вблизи материка; тогда то мнѣ и удалось видѣть ясно мысъ Гвардафуй.

Океанъ широко вздымался, пароходъ то будто взбирался на холмы, то ѣхалъ по долинамъ. Но какая большая разница между этимъ широкимъ волненіемъ и тѣми сердитыми, короткими волнами, которыя бываютъ въ Аденскомъ заливѣ! Это вздыманіе океана доставляетъ даже удовольствіе: во-первыхъ, отъ него не устаешь, во-вторыхъ, въ

этомъ движеніи проявляется величіе океана, чѣмъ онъ рѣзко отличается отъ тѣхъ малыхъ морей, которыя иначе не могутъ проявить свою силу, какъ въ формѣ злости. Впрочемъ, эта черта характеризуетъ вообще всякое ничтожество.

Къ полудню вѣтеръ прекратился. Дуновеніе его дѣлалось все мягче и постепенно точно разглаживало поверхность воды. Небо сдѣлалось голубымъ, океанъ бирюзовымъ. Только солнечные лучи, преломляясь въ изгибахъ волнъ, разсыпались огненнымъ дождемъ и разбрасывали такія блестки, что глазамъ было больно смотрѣть. Изъ воды начали выскакивать цѣлыя стаи летающихъ рыбъ. Онѣ вылетали изъ воды неожиданно, точно куропатки изъ кустарника, и летѣли надъ поверхностью океана такимъ-же полетомъ. Въ то время, какъ онѣ падали въ воду, слышался такой же всплескъ воды, какой производитъ паденіе крупныхъ капель дождя. Порою онѣ, не разсчитавъ прыжка, падали на палубу. Послѣ полудня поваръ парохода принесъ одну такую рыбу, которая ударилась о мачту и выбила себѣ одинъ глазъ. Длина ея равнялась шести или семи дюймамъ; голова тупая, спинка окрашена въ голубой цвѣтъ, брюшко серебристо-бѣлое. Въ Неаполѣ мнѣ пришлось видѣть сортъ изъ семейства летучекъ, отличавшійся большими размѣрами и окрашенный въ красный цвѣтъ. Вблизи эта рыба напоминаетъ болѣе мотылька, нежели птицу. Грудныя плавники у нея прозрачныя, съ блестяще-металлическимъ отливомъ; они такъ длинны, что доходятъ до хвоста. Она напоминаетъ нашу стрекозу, которая летаетъ надъ водой и садится на тростникъ и на водяныя лиліи. Эти рыбы попадались намъ въ пути до самаго Занзибара, вылетая изъ воды иногда цѣлыми сотнями.

Ночью съ 10 на 11 число я наблюдалъ необыкновенное явленіе на морѣ. Былъ уже поздній часъ, на палубѣ все стихло. Капитанъ игралъ въ карты съ молодымъ, ѣхавшимъ въ Багомойо нѣмцемъ и съ докторомъ; я же углубился въ чтеніе, забравшись въ верхній залъ для курящихъ. Уставъ читать, я отправился на палубу и съ удивленіемъ замѣтилъ, что все море сдѣлалось бѣлымъ, какъ мѣлъ. Сначала я принялъ это за обманъ зрѣнія, такъ какъ только что перешелъ изъ ярко освѣщенной электричествомъ комнаты къ темнотѣ, окутывавшей палубу, но, взглянувъ по другую сторону парохода, увидѣлъ ту-же бѣлизну, точно вся вода превратилась въ молоко. Тогда я позвалъ капитана, разбудилъ спавшаго въ каютѣ товарища, и всѣ мы стали наблюдать это необыкновенное явленіе.

Было совсѣмъ тихо; вода лежала неподвижно, точно на замерзшей поверхности океана лежалъ снѣгъ. Мы поднялись на мостикъ, чтобы окинуть взоромъ бо́льшее пространство. Всюду тишина, кругомъ парохода бѣлое пространство. Капитанъ объяснилъ намъ, что это свѣтится само море. Но въ этомъ свѣченіи не проявлялось ни малѣйшихъ признаковъ свѣта, не было никакого блеска; все море казалось матово-бѣлымъ, какъ саванъ. Луны не было видно. Звѣзды напоминали серебряные гвозди, вбитые въ траурное облаченіе, такъ какъ небо въ противоположность морю было черно, какъ траурное покрывало. Явленіе производило впечатлѣніе чего-то мистическаго и вмѣстѣ съ тѣмъ

необыкновенно печальнаго. Намъ казалось, что мы перенесены съ земли на другую планету, где все было иное, чѣмъ на землѣ: и море и небо, гдѣ господствовали только два эти цвѣта, говорившіе о смерти, и гдѣ жизнь среди таинственнаго мрака была исполнена тревоги и неизвѣстности.

Это впечатлѣніе, точно мы находимся въ чуждомъ мірѣ, на другой планетѣ, было такъ живо, что мы не могли отъ него освободиться. Я слышалъ, как капитанъ пробормоталъ: «Ser unangehnem!» между тѣмъ какъ онъ, въ качествѣ моряка, ужъ долженъ бы быть привыкнуть къ разнымъ явленіямъ на морѣ. Затѣмъ онъ сказалъ, что видѣлъ и раньше такую бѣлую воду, но ни разу явленіе не было такъ рѣзко и никогда еще не происходило такъ далеко отъ береговъ. Онъ, видимо, встревожился и пошелъ взглянуть на барометръ, но явленіе, какъ оказалось, не имѣло на послѣдній никакого вліянія.

Я еще долгое время пробылъ на палубѣ, ожидая конца явленія. Но эта удивительная фосфоресценція длилась нѣсколько часовъ. Порою мнѣ казалось, что бѣлизна моря усиливается, а небо дѣлается еще болѣе чернымъ. Дѣйствительно, это точно навожденіе! Я замѣтилъ также, что слѣдъ корабля, который бываетъ ясно виденъ въ обыкновенныя ночи, теперь слабо выдѣлялся среди общей бѣлизны и то только благодаря тому, что въ немъ поблескивало что-то голубое. Явленіе это въ концѣ концовъ сильно утомило зрѣніе, и я незадолго до разсвѣта ушелъ спать, оставивъ попрежнему бѣлую, подобно мѣлу, воду, и черное, какъ трауръ, небо.

Но я не могъ заснуть. На зарѣ я снова поднялся на палубу, чтобы удостовѣриться, не сохранилось ли какихъ-нибудь слѣдовъ вчерашняго свѣченія. Все исчезло безслѣдно. Утро дышало свѣжестью; веселое прозрачное море точно посылало улыбки небу, а небо—ему. Поверхность океана была до того гладка, что такую гладь мнѣ приходилось видѣть лишь на Тихомъ океанѣ. Ни малѣйшей ряби, вода точно зеркальное стекло. Затѣмъ надъ моремъ нависъ туманъ или скорѣе легкія, прозрачныя, чуть видимыя испаренія. Этотъ туманъ не затемнилъ свѣта, но лишь смягчилъ его. Голубой куполъ неба отражался въ гладкой водѣ до того ясно, что казалось, словно у насъ подъ ногами былъ опрокинутъ другой куполъ, такой же бездонный, такой же голубой и одинаково расцвѣченный розовыми и золотыми отблесками зари. Черезъ легкую завѣсу этихъ испареній нельзя было различить, гдѣ кончается воздухъ, и гдѣ начинается море, и пароходъ точно плылъ среди громаднаго мыльнаго пузыря. Но туманъ этотъ стоялъ недолго. Лишь только взошло солнце, испаренія мгновенно растаяли въ воздухѣ, а лучи солнца огнемъ разсыпались по водной глади. Занимался знойный день, да, вѣдь, иначе и не могло быть, такъ какъ мы были уже вблизи экватора.

Уже въ теченіе нѣсколькихъ дней мы любовались по ночамъ сіяніемъ Зодіака. Большая Медвѣдица была еще видна, но на самомъ горизонтѣ, на половину скрытая отъ насъ выпуклостью океана. Зато передъ нами появлялись все новыя и новыя созвѣздія. Я никогда не думалъ, чтобы можно было тосковать по звѣздамъ. Я часто мечталъ,

о томъ, какъ бы увидѣть Южный Крестъ, а когда увидѣлъ его, онъ показался мнѣ страннымъ и чуждымъ. Хотѣлось сказать этимъ звѣздамъ: «Кто-вы? Ни вы не знакомы мнѣ, ни я вамъ, а тѣхъ я привыкъ видѣть съ самаго дѣтства.» Человѣкъ съ удивленіемъ смотритъ на эти новыя звѣзды, сіяющія вонъ тамъ въ темной безднѣ неба, но затѣмъ обертывается назадъ, чтобы взглянуть на старыхъ товарищей... и когда ихъ уже больше не видно, ему становится грустно.

Было новолуніе. Взошедшій со стороны Африки серпъ луны перебросилъ черезъ море широкую золотую, сверкающую ленту, потомъ вскорѣ скрылся. Теперь мы выходили на палубу большей частью по ночамъ, днемъ же спали, потому что зной стоялъ страшный. Мы постепенно стали надѣвать все болѣе легкую одежду. Головы наши уже давно были защищены легкими бѣлыми шлемами, и съ каждымъ днемъ шлемы, вѣроятно, все болѣе шли къ нашимъ лицамъ, принимавшимъ понемногу цвѣтъ торнскаго пряника.

Подъ извѣстнымъ градусомъ широты даже употребленіе рубашки начинаетъ казаться устарѣлымъ европейскимъ предразсудкомъ. Бѣлая полотняная куртка поверхъ сѣтчатой сорочки, такіе же «недостойные упоминанія» и полотняные башмаки,—вотъ всѣ принадлежности костюма, необходимыя путешественнику, заботящемуся о немъ. Тотъ, кто меньше заботится о костюмѣ, можетъ еще кое-что выкинуть изъ этихъ принадлежностей, если на суднѣ нѣтъ дамъ. Иногда стоялъ такой зной, что несмотря на двойной навѣсъ изъ парусиннаго полотна, насъ поджаривало на палубѣ, точно на сковородѣ. Но наша участь могла бы даже возбудить зависть въ сравненіи съ участью гарема. Несчастный гаремъ! Со времени нашего выѣзда изъ Адена одалиски не выходили на палубу и вообще не показывались изъ своей каюты. Только одна изъ нихъ, молоденькая негритянка, которой было, вѣроятно, лѣтъ четырнадцать, садилась по вечерамъ съ наргилэ на полу коридора передъ входомъ въ каюту. Капитанъ изъ состраданія разрѣшилъ ей курить, хотя внутри судна курить вовсе нельзя. Сидя такъ передъ дверью каюты, низко согнувшись въ тѣсномъ коридорѣ, она походила на какую-то дикую, осовѣлую птицу, посаженную въ клѣтку.

Когда мы проходили черезъ залъ, иногда сквозь открытыя двери мелькали бѣлыя покрывала этихъ затворницъ. Разъ передо мною мелькнуло даже одно личико, на половину дѣтское; щеки были накрашены, брови вычернены, а глаза большіе, грустные, точно у газели. Кого должны были прельстить эти румяна и вычерненныя брови? Развѣ одинъ океанъ!

Иногда мы забавлялись тѣмъ, что спускали съ палубы на веревочкѣ апельсины и бутылки съ содовой воды, направляя ихъ прямо къ оконцу каюты, занятой одалисками. Тогда онѣ открывали оконце, изъ него высовывались бѣлыя или черныя руки и схватывали подвѣшенный на веревкѣ предметъ съ жадной посиѣшностью. Капитану эта забава доставляла истинное удовольствіе; однажды онъ шутя сказалъ, что спуститъ доктора, за что тотъ сильно обидѣлся.

Между тѣмъ экипажъ судна готовился къ празднованію перехода черезъ экваторъ. Праздникъ этотъ справляется лишь на пути изъ сѣ-

вернаго полушарія въ южное. Впрочемъ, не могу сказать навѣрно, справляется ли это торжество также и французами и англичанами, но нѣмцы неизмѣнно его справляютъ, напоминая ту дѣву, которая, въ сорокъ пять лѣтъ вступая въ бракъ, въ день свадьбы, потупивъ свои взоры, спрашиваетъ у матери: «Развѣ вы не дадите мнѣ никакихъ наставленій? Неужели вы не подготовите меня къ тому, что меня ожидаетъ?» Бѣдняжкѣ хочется, чтобы всѣ предсвадебные обычаи были выполнены. Таковы и нѣмцы. Моряки они искусные, но странствуютъ по океану недавно и экваторъ пересѣкаютъ тоже недавно; поэтому они соблюдаютъ всѣ морскіе обычаи съ гораздо большимъ тщаніемъ, нежели тѣ народы, которые въ теченіе столѣтій успѣли уже свыкнуться съ этими обычаями.

Въ тотъ день, когда судно наше должно было пересѣчь экваторъ, всѣ матросы были въ радостномъ настроеніи. Погода была хороша. Дулъ легкій попутный муссонъ, качка была почти незамѣтная. Надъ поверхностью моря мѣстами пролетали стаи летающихъ рыбъ, вырываясь изъ пронизываемой солнечными лучами воды. На нижней палубѣ устроили огромную ванну изъ непромокаемаго парусиннаго полотна, въ серединѣ поставили скамеечку, на которой должны были брить всѣхъ тѣхъ лицъ, которые переѣзжали экваторъ въ первый разъ. Около четырехъ часовъ нижнюю палубу заняли матросы и пассажиры второго и третьяго классовъ. Началась толкотня, потому что, кромѣ ѣхавшихъ изъ Гамбурга и Портъ-Саида нѣмцевъ и грековъ, въ Аденѣ на низъ палубы было принято еще болѣе десятка арабовъ. Вдругъ на носу судна послышалась громкая музыка, толпа стихла, и мы увидѣли посольство изъ замаскированныхъ фигуръ, которое шло въ нашу сторону.

Впереди всѣхъ шелъ Нептунъ съ трезубцемъ, въ золотой коронѣ изъ бумаги, съ бородой льняного цвѣта, спускавшейся до пояса, и съ большимъ придѣланнымъ носомъ, окрашеннымъ въ кораловый цвѣтъ. За нимъ выступали дикари чернаго, темно-коричневаго и желтаго цвѣтовъ, разукрашенные перьями, держа въ рукахъ дубины, дротики и всевозможные музыкальные инструменты. Медленно поднявшись по лѣстницѣ на палубу, Нептунъ со своей свитою остановился передъ капитаномъ и, махнувъ въ знакъ привѣтствія своимъ трезубцемъ, спросилъ громовымъ голосомъ, кто онъ самъ, какіе это люди окружаютъ его, и что это за судно, осмѣлившееся проникнуть въ недоступныя владѣнія его нептунскаго величества. Капитанъ отрекомендовался, показалъ какія-то бумажки, долженствовавшія изображать бумаги судна и письма путешественниковъ, послѣ чего Нептунъ внимательно сталъ разсматривать каждаго изъ пассажировъ, касаясь своимъ краснымъ носомъ лица почти каждаго изъ насъ. Повидимому результатъ осмотра оказался для насъ благопріятнымъ потому что богъ Нептунъ не ударилъ трезубцемъ по морскимъ валамъ, но съ нескрываемымъ удовольствіемъ схватилъ рюмку вина, поднесеннаго ему въ эту минуту на подносѣ пароходнымъ служителемъ. Дикари, подражая его примѣру, схватили рюмки съ еще большимъ усердіемъ, послѣ чего мы чокнулись съ ними, а затѣмъ получили приглашеніе на представленіе, которое должно было произойти на нижней палубѣ.

Представленіе заключалось въ томъ, что каждый по очереди садился на скамеечку подъ ванной; его мылили чуть ли не саженной кистью, брили деревянной бритвой такихъ же размѣровъ, затѣмъ перевертывали скамеечку, и «паціентъ» летѣлъ внизъ головой въ воду, въ которую дикари окунали его до тѣхъ поръ, пока онъ наглотается ея достаточное количество. Такъ какъ накрашенная кожа дикарей линяла, то вода сперва приняла зеленый цвѣтъ, затѣмъ потемнѣла и, наконецъ, стала черной. Увидѣвъ это, мы рѣшили заплатить за себя выкупъ.

Выкупъ равнялся десяти бутылкамъ пива, но зато каждому изъ насъ выдали свидѣтельство о переходѣ черезъ экваторъ съ печатью и надписью: «Neptunus, deus in mare vasto». Свидѣтельство это хранится у меня на память и понынѣ.

Затѣмъ выкупали всѣхъ пассажировъ, не пожелавшихъ заплатить выкупъ. Солнце склонялось уже къ западу; спустя немного, оно превратилось въ гигантскій огненный шаръ, выглянуло еще разъ изъза пурпуровыхъ облаковъ и сразу погрузилось въ океанъ. Вода и небо внезапно потемнѣли, и на землю спустилась настоящая экваторіальная ночь, жаркая, тихая, звѣздная. Праздникъ все еще продолжался. Къ намъ на палубу пришли матросы съ импровизированнымъ оркестромъ и пили за здоровье капитана, офицеровъ и пассажировъ, давшихъ за себя выкупъ. Эти столь поглощенные въ обыкновенное время дѣломъ люди веселились до поздняго вечера. Игра оркестра сопровождалась пѣніемъ хора. Эта музыка, раздававшаяся на маленькой скорлупѣ, затерянной среди безконечнаго простора океана, производила странное впечатлѣніе.

Ей отвѣчалъ шумъ ночного прилива.....

Шли уже одиннадцатыя сутки нашего плаванія, и праздникъ Нептуна былъ пріятенъ для насъ потому, что указывалъ на скорое окончаніе морского путешествія. Слѣдующій день, несмотря на то, что было не жарко (23° R въ тѣни), показался намъ ужасно длиннымъ, потому что на утро мы разсчитывали увидѣть островъ Пембу, находящійся на 5° южной широты. За столомъ разговоръ все время вертѣлся на Пембѣ, Занзибарѣ, Багомойо; то и дѣло высказывались замѣчанія о климатѣ Африки и о мѣрахъ предосторожности, предупреждающихъ заболѣваніе лихорадкой. Если бы кто-нибудь слышалъ наши разговоры со стороны, то навѣрное принялъ бы насъ за опытныхъ путешественниковъ, исколесившихъ Африку вдоль и поперекъ.

Мы пробыли всю ночь на палубѣ и почти не спали. Утромъ 14-го февраля мы плыли уже подъ широтой острова Момбасса. Это названіе часто упоминается въ сочиненіяхъ Ливингстона, Стенли, Томсона и др. Экспедиціи, направлявшіяся къ великимъ озерамъ, всегда избирали исходнымъ пунктомъ своего путешествія этотъ портъ. Въ немъ останавливаются исключительно англійскія суда. Нашъ «Bundesrath» пройдетъ мимо Момбасса и будетъ плавать въ открытомъ морѣ.

Четыре часа пополудни. Тишина полная, зной все увеличивается,

дошло уже до 26° R въ тѣни. Наконецъ, вдали показывается Пемба, блистающая, точно золотое пятно, на яркой лазури водъ. Мы могли бы быть въ Занзибарѣ уже сегодня ночью, но нашему пароходу не имѣющему большого электрическаго фонаря, нельзя среди темноты входить въ каналъ, лежащій между Пембой и Занзибаромъ съ одной стороны и материкомъ съ другой и извѣстный своими подводными рифами и мелями. Поэтому всю ночь мы должны пробыть въ открытомъ морѣ, держась на востокъ отъ острововъ.

Передъ закатомъ солнца Пемба скрылась за горизонтомъ. Все время, однако, замѣчается близость земли. Чайки снова вьются за пароходомъ, а вечеромъ слетаются цѣлыя рои крупныхъ мухъ. На пароходѣ упоминали уже о москитахъ, но пока присутствіе ихъ незамѣтно. Становится невыносимо душно, воздухъ пропитанъ горячей влажностью, которой покрывается одежда, борты и полъ, такъ что все мокро. Въ каютахъ трудно усидѣть, но, необходимо спуститься туда, чтобы уложить вещи. Покончивъ съ укладываніемъ, я снова вышелъ на палубу и тутъ узналъ, что вопреки первоначальному намѣренію пароходъ вошелъ въ каналъ.

Въ одиннадцатомъ часу вечера мы замѣтили вдали, по лѣвую сторону судна, три огонька, какъ бы висѣвшіе въ воздухѣ. Дежурный офицеръ сказалъ намъ, что это—Занзибаръ.

Великое слово! Океанъ хорошъ своимъ просторомъ: человѣкъ точно разсѣивается въ этомъ безконечномъ пространствѣ, теряетъ сознаніе собственнаго «я», забывается и успокаивается: но плыветъ онъ все-таки съ опредѣленной цѣлью куда-нибудь доплыть, и поэтому возгласъ: «Земля!» всегда вызываетъ въ немъ чувство облегченія. Хочется глубоко вздохнуть, точно послѣ тяжелой работы, тѣмъ болѣе—что цѣль уже передъ глазами, а съ нею смѣна впечатлѣній, новизна, тысячи невиданныхъ вещей.... цѣлый міръ, о которомъ раньше приходилось черпать свѣдѣнія лишь изъ книгъ.

Завтра утромъ мы пріѣдемъ въ Занзибаръ. Не могу сообразить, что намъ дѣлать въ каналѣ цѣлую ночь? Впрочемъ, въ каналѣ—такъ въ каналѣ, все равно. Движеніе винта стало слабѣе, и пароходъ нашъ спокойно заколыхался на освѣщенной луннымъ свѣтомъ водѣ. Былъ уже первый часъ ночи. Я сидѣлъ на своемъ полотняномъ складномъ стулѣ и началъ было дремать, какъ вдругъ меня разбудилъ легкій толчокъ парохода. На носу судна началась сильная возня, я видѣлъ, какъ быстро пробѣжалъ куда-то офицеръ. Что случилось? А то, что на островѣ забыли зажечь какой то огонь, мы не ознакомились, какъ слѣдуетъ, съ положеніемъ города, и пароходъ нашъ въѣхалъ носомъ въ мель.

Онъ сразу остановился, точно его прищемили клещами. Винтъ работалъ такъ сильно, что всѣ доски судна дрожали, какъ въ лихорадкѣ, но всѣ усилія не приводили ни къ чему, и пароходъ не двигался съ мѣста.

Въ другой и третій разъ сдѣлали попытку сдвинуть судно, но напрасно; тогда наступила полная тишина, странно поражавшая ухо, привыкшее уже къ постоянному стуку машины. Слышался только

плескъ спокойныхъ волнъ, ударявшихся о бортъ нашего судна. Потомъ мы узнали, что сотрясеніе, котораго мы въ первомъ классѣ даже не почувствовали, въ передней части судна было настолько сильно, что нѣкоторые изъ пассажировъ слетѣли съ коекъ. Вначалѣ тамъ, вѣроятно, испугались, но вскорѣ оправились отъ страха. Я замѣтилъ, что въ общемъ всѣ были спокойны, повидимому потому, что море было спокойно, а земля находилась по близости. Если бы такой же случай произошелъ съ пароходомъ близъ мыса Гвардафуй, и если бы намъ пришлось спасаться на лодкахъ и высадиться въ странѣ сомалисовъ,—не думаю, чтобы и тогда мы сохранили такое же спокойствіе духа, какъ теперь. Здѣсь же мы во всякое время могли пересѣсть въ шлюпки со своими вещами и доѣхать до города, сравнительно цивилизованнаго, въ которомъ хотя и грабятъ людей, зато производятъ эту операцію съ предупредительной любезностью и въ отеляхъ.

Но намъ не пришлось даже прибѣгать къ помощи шлюпокъ. Капитанъ приказалъ спустить одну изъ нихъ на воду, чтобы изслѣдовать, насколько глубоко врѣзался носъ парохода въ песокъ. Оказалось, что на девять футовъ, т. е. не настолько глубоко, чтобы пароходъ не могъ сдвинуться отъ дѣйствія прилива. Пришлось вооружиться терпѣніемъ и ждать, что мы и дѣлали до самаго разсвѣта. Въ тотъ моментъ, когда приливъ достигъ наибольшей высоты и началъ поднимать судно, снова пустили въ ходъ винтъ, и благодаря ему и приливу мы, наконецъ, сдвинулись съ мѣста.

Было уже свѣтло. Затѣмъ быстро взошло солнце, и горизонтъ прояснился. Вдали обрисовывалась длинная и высокая полоса земли. То былъ Занзибаръ.

Черезъ полчаса мы были отъ него на разстояніи нѣсколькихъ сотъ метровъ и затѣмъ поплыли вдоль острова. Въ прозрачномъ воздухѣ онъ былъ ясно виденъ. Какой видъ! Это уже не мертвыя пространства Суэца, не сожженныя солнцемъ скалы Адена, не грозные утесы Гвардафуя; это совершенно другая страна, дѣйствительно тропическая, представляющая сплошной лѣсъ, цѣлое море роскошной зелени. Надъ нею кое-гдѣ поднимаются въ одиночку или группами перистыя короны кокосовыхъ пальмъ, вырисовываясь на небѣ необыкновенно ясно. Насколько можетъ охватить взглядъ, всюду поражаетъ эта экзотическая мощь растительности, производящая отчасти подавляющее впечатлѣніе. Видно, что солнце въ изобиліи льетъ свои лучи, и все это разростается, размножается и безумствуетъ въ избыткѣ силъ. Мѣстами лѣсъ подходитъ къ самому морю. Въ зеркальной поверхности воды видны отраженія деревьевъ, производящія такое впечатлѣніе, точно въ глубинѣ растетъ другой лѣсъ. Порою среди темной зелени мелькаютъ бѣлыя стѣны уединенныхъ домовъ. Пароходъ подошелъ ближе къ берегу. Въ бинокль я различаю даже незнакомыя мнѣ породы деревьевъ.

Мое вниманіе особенно сильно привлекаютъ кокосы и какія-то другія гигантскія деревья, издали напоминающія наши липы, но они больше ихъ и развѣсистѣе. Отъ кого-то я узнаю, что это дерево-манго, доставляющее одинъ изъ лучшихъ плодовъ въ тропическомъ поясѣ.

Глаза разбѣгаются, не знаешь, на что и глядѣть. Рядомъ съ нашимъ пароходомъ плыветъ группа большихъ негритянскихъ пирогъ съ плавнями. Плавни эти-доски, которыя прикрѣпляются бабмуковыми стержнями къ бокамъ лодки и удерживаютъ ее въ равновѣсіи. Въ пирогахъ сидятъ темнокоричневые туземцы и тащатъ за собою сѣти. Немного дальше видны неуклюжія арабскія барки съ красными и бѣлыми парусами. Я снова начинаю смотрѣть на берегъ. Кое-гдѣ среди темной зелени лѣса я замѣчаю свѣтло-зеленыя пространства, занятыя плантаціями банановъ: ихъ гигантскіе листья можно узнать прибѣгнувъ къ помощи бинокля; далѣе—рощи стройныхъ пирамидальныхъ деревьевъ. Капитанъ говоритъ, что это гвоздичныя деревья. Все чаще попадаются дома на берегу, наконецъ, берегъ дѣлаетъ изгибъ, образуя обширный заливъ. Тутъ находится портъ и городъ.

Мы входимъ въ портъ. Издали городъ имѣетъ великолѣпный или, по крайней мѣрѣ, живописный видъ. Надъ водой поднимаются свѣтлыя стѣны домовъ и султанскаго дворца, у береговъ стоитъ рядъ фелюкъ и меньшихъ лодокъ. Ближе къ намъ расположились нѣсколько большихъ пароходовъ и нѣсколько англійскихъ и нѣмецкихъ броненосцевъ, которые выдѣляются среди другихъ судовъ бѣлымъ цвѣтомъ боковъ и твердыми линіями бортовъ. Нашъ «Bundesrath» замедляетъ ходъ, подвигается къ городу совсѣмъ медленно и, наконецъ, останавливается. На лодкахъ къ намъ со всѣхъ концовъ несутся туземцы. Въ нѣкоторыхъ видны и европейцы въ бѣлыхъ костюмахъ. Это—нѣмцы, которые торопятся встрѣтить своихъ родныхъ, знакомыхъ, а можетъ быть, имъ просто хочется вступить ногой на палубу нѣмецкаго парохода и хотя на минуту представить себя находящимися въ далекой отчизнѣ. Они поспѣшно всходятъ на палубу, за ними появляются чиновники порта, носильщики-туземцы, и начинается обыкновенный шумъ, поднимающійся при каждомъ пріѣздѣ судна или поѣзда и слагающійся изъ привѣтствій именъ, громкихъ приказаній, брани, путаницы, толкотни, лязга цѣпей.. . . . .

Приходится обождать, пока вытащатъ изъ трюма чемоданы: поэтому я началъ разсматривать пріѣхавшихъ изъ города нѣмцевъ. Видъ ихъ производитъ тяжелое впечатлѣніе. Они точно обречены на смертъ. Лихорадка и анемія положили на ихъ лицахъ свою ужасную печать. Они двигаются, здороваются, восклицаютъ, въ ихъ взглядахъ и движеніяхъ проявляется столько радости, что это производитъ даже трогательное впечатлѣніе, но всѣ имѣютъ такой видъ, точно недавно перенесли тяжелую болѣзнь. Всѣ пассажиры «Bundesrath'а» до того загорѣли отъ дѣйствія солнца и морского вѣтра, что цвѣтъ ихъ кожи мало разнится отъ цвѣта этихъ сомалисовъ, которые кричатъ тамъ, внизу судна. У нѣмцевъ же, живущихъ здѣсь, лбы, носы и лица точно восковые. Можно подумать, что они вѣчно живутъ подъ землей и никогда не видятъ ни лучей солнца, ни свѣжаго воздуха. Но именно солнце-то и высасываетъ ихъ кровь. Повидимому, плохо живется людямъ бѣлой расы среди этой роскошной теплицы, которая издали такъ плѣняла насъ своей могучею зеленью и зрѣлыми кистями кокосовыхъ пальмъ.

Потомъ эти лица уже не бросаются такъ въ глаза, быть можетъ, потому, что человѣкъ самъ дѣлается малокровнымъ, а можетъ быть, и потому, что къ нимъ уже привыкаешь. Но въ первыя минуты, когда я ихъ увидѣлъ, у меня невольно мелькалъ вопросъ, для чего эти люди покидаютъ свою родину, за чѣмъ стремятся въ этотъ убійственный климатъ, въ которомъ всѣ даже самыя удачныя предпріятія обвѣяны дыханіемъ неумолимой смерти, превращающей ихъ въ ничто.

Между тѣмъ наши чемоданы были, наконецъ, выгружены; ихъ бросили, точно горохъ съ капустой, въ лодку негровъ — сомалисовъ, и мы направились къ городу. Берегъ непривлекателенъ; покрытъ слоемъ сора, по которому приходится пробираться вверхъ, въ городъ. На берегу мы вспомнили Египетъ, потому что едва успѣли расплатиться съ перевозчиками, какъ насъ окружила толпа туземцевъ, предлагая свои услуги; и хотя занзибарцы далеко не такъ навязчивы, какъ арабы, намъ все-таки пришлось ихъ отгонять. По узкимъ и довольно бѣднымъ улицамъ города направились мы съ черными носильщиками во главѣ къ его центру, а наши чемоданы повезли въ таможню. Осмотрѣвъ помѣщеніе въ довольно бѣдномъ отелѣ, подъ названіемъ «De la Poste», такъ какъ здѣсь же помѣщается и нѣмецкая почта, мы отправились въ таможню, которую вѣрнѣе было бы назвать вавилонской башней: смѣшеніе всѣхъ языковъ и народностей. Такъ какъ Занзибаръ находится подъ покровительствомъ Англіи, то во главѣ таможни стоитъ англичанинъ; въ составѣ прочихъ таможенныхъ чиновниковъ входятъ частью арабы, прежніе владѣльцы острова, частію индѣйцы Баніани. Чемоданы, ящики, тюки переносятся сомалисами, съ пароходовъ доставляютъ ихъ матросы, словомъ—здѣсь настоящій Ноевъ ковчегъ. Какой-то баніани, похожій болѣе на мандриллу, нежели на человѣка, съ окрашенной въ красный цвѣтъ бородой, привязался къ намъ изъ-за ножей и патроновъ. Онъ обращался къ намъ на своемъ языкѣ и, мы отвѣчали по польски, прося не печь насъ и наши чемоданы на солнечной жарѣ, которая къ этому времени поднялась, ужъ не знаю, на сколько градусовъ. Этотъ своеобразный разговоръ, котораго я не привожу дословно, разумѣется, не привелъ ни къ какому результату; затрудненія были устранены лишь благодаря вмѣшательству начальника таможни.

Таможня сама по себѣ представляетъ большой интересъ. На дворѣ и подъ обширными навѣсами навалены грудами слоновые клыки. Они были различнаго цвѣта и величины: бѣлые, желтые, небольшіе, средніе и даже такіе громадные, что трудно было поднять ихъ съ земли. Они были сложены, какъ дрова. Принимая во вниманіе высокую цѣну слоновой кости, думаю, что на этомъ дворѣ клыковъ было, вѣроятно, на нѣсколько милліоновъ.

Отправились мы, наконецъ, въ отель въ второмъ часу, т. е. во время наибольшей жары. На улицахъ почти никого не встрѣчаешь. Съ одной стороны улицы выстроенныя изъ коралловыхъ рифовъ бѣлыя стѣны домовъ отражаютъ блескъ солнечныхъ лучей до того сильно, что одно ужъ это отраженіе способно произвести солнечный ударъ; съ другой стороны—лежатъ рѣзкія, чуть ли не совсѣмъ черныя тѣни.

Порою намъ попадаются негры, дремлющіе на порогѣ своего жилища; когда мы проходили мимо колодцевъ, на встрѣчу намъ попались женщины, несшія на головахъ большія глиняныя посудины. Туловище ихъ покрыто отъ груди до колѣнъ яркими ситцевыми матеріями, подъ которыми обрисовываются ихъ пластическія, могучія формы. Я съ любопытствомъ смотрѣлъ на ихъ круглыя головы съ волнистыми волосами, очень искусно заплетенными во множество косицъ, лежащихъ на головѣ въ видѣ полосокъ. Онѣ всѣ некрасивы, у всѣхъ правая ноздря обезображена вдѣтой въ нее металлической пуговицей, нѣкоторыя носятъ бусы на шеѣ и браслеты на рукахъ и ногахъ. Вообще, въ это время на улицахъ пусто. Жители днемъ прячутся отъ солнца, потому что оно здѣсь не свѣтитъ, но положительно заливаетъ весь городъ моремъ огня, вслѣдствіе чего въ немъ, какъ во всѣхъ тропическихъ городахъ, днемъ молчаливо и пустынно.

Добравшись до отеля и пообѣдавъ, я началъ раздумывать надъ тѣмъ, какъ распорядиться своимъ временемъ и какъ, ознакомившись съ городомъ и островомъ, приготовиться къ путешествію на материкъ.

VII.

Семья Лазаревичей.—Абдалла и Назибоу.—Жильцы отеля.—Вечера.—Мназимья.—Толпа дѣвушекъ.—„Riva“.—Дворецъ.—Индусы и арабы.—Базары овощей и плодовъ.—Манго.—Бананы. — Обезьяній хлѣбъ. — Гоявы. — Папая-Негритянская часть города.—Языкъ суачили. — Магометанство.

Подъѣзжая къ Занзибару, я не былъ увѣренъ въ томъ, что найду что-нибудь въ родѣ постоялаго двора, и предполагалъ возможнымъ и то, что намъ придется разбить гдѣ-нибудь подъ первымъ встрѣчнымъ деревомъ палатку и жить въ ней до прінсканія болѣе удобнаго помѣщенія. Не во всѣхъ мѣстечкахъ и поселеніяхъ, лежащихъ на побережьи, есть такіе дворы, и въ такихъ случаяхъ путешественникамъ приходится жить въ палаткахъ или въ факторіяхъ и зданіяхъ миссій, которыя, впрочемъ, принимаютъ путешественниковъ очень гостепріимно. Такъ было съ нами, напр., въ Багомойо. Но Занзибаръ — это «м'буанамъ куба», что означаетъ въ переводѣ на туземный языкъ «большой господинъ», въ сравненіи съ другими городами тропической Африки. Въ немъ имѣется нѣсколько отелей, причемъ трудно сказать, который изъ нихъ хуже, хотя всѣ они довольно хороши для этой широты.

Я остановился въ «Hotel de la Poste». Онъ представляетъ домъ, построенный изъ коралловаго рифа съ галлереей и раздѣленный внутри посредствомъ мадагаскарскихъ цыновокъ на десять слишкомъ комнатъ. Меблировку каждой комнаты составляютъ: кровать, переполненная насѣкомыми, столъ, стулъ, ящерицы на карнизѣ, масса муравьевъ и комаровъ. Вся эта роскошь вмѣстѣ со столомъ обходится въ пять рупій, что составляетъ около 10 франковъ въ сутки, причемъ за ту же плату вы можете любоваться гимнастическими упражненіями обезьяны

на лѣстницѣ и слушать пѣніе журавля, который, главнымъ образомъ, ночью, кричитъ въ садикѣ при отелѣ такимъ громкимъ голосомъ, что онъ разносится по всему городу.

У хозяина нашего отеля историческая фамилія, его зовутъ—Лазаревичъ. Но за исключеніемъ фамиліи у него нѣтъ ничего общаго съ Сербіей и могучимъ Лазаремъ. Онъ «славянинъ моисеева вѣроисповѣданія» какъ выражается Прусъ. Родился онъ въ Одессѣ и былъ раньше дамскимъ портнымъ, вслѣдствіе чего недоволенъ настоящимъ своимъ занятіемъ и говоритъ о немъ съ нѣкоторой горечью, какъ, впрочемъ, всегда дѣлаетъ всякое низверженное злой судьбою величіе. Когда жильцы задаютъ ему вопросъ относительно города, острова или мѣстныхъ жителей, онъ измѣнно отвѣчаетъ одно и то-же: «Ничего не могу сказать вамъ: знаю только то, что ѣмъ и пью». Этотъ стереотипный отвѣтъ такъ смѣшитъ жильцовъ, что они нарочно по нѣсколько разъ въ день задаютъ ему этотъ вопросъ, чтобы услышать отвѣтъ хозяина отеля. Сама госпожа Лазаревичъ со своей дочерью, «биби» Кларой, занимается хозяйствомъ и кухней. «Биби», которой около семнадцати лѣтъ, очень красива и говоритъ на всѣхъ языкахъ. По воскресеньямъ она бываетъ у обѣдни при католической миссіи: но она не принимала христіанства, и ходитъ въ церковь только потому, что въ Занзибарѣ это считается признакомъ принадлежности человѣка къ высшему обществу. Такъ какъ Клерхенъ появилась на свѣтъ спустя десять лѣтъ послѣ брака родителей, то мать ее очень любитъ и защищаетъ отъ нападокъ со стороны отца, которые случаются всегда, какъ только онъ въ дурномъ настроеніи. Выговоры, которымъ подвергается господинъ Лазаревичъ въ присутствіи постороннихъ, доказываютъ правдивость его жены, хотя врядъ ли пріятны самолюбію этого джентльмена. Такія фразы, какъ: «Что-жъ ты, шелопай, думаешь, что эта твоя дочь? Какое ты имѣешь право ее бранить?» мы слышали очень часто. Нѣсколько разъ въ нашемъ присутствіи поднималась такая перебранка между супругами, изъ которой видно, что подъ экваторомъ супружескія отношенія отличаются откровенностью, совершенно неизвѣстной въ холодныхъ климатахъ.

Кромѣ семьи Лазаревичей, при отелѣ живутъ еще два негра. Одному изъ нихъ, Абдаллѣ, шестнадцать лѣтъ; онъ, впрочемъ, уже женатъ и принадлежитъ къ мѣстному племени суачили; другому—Назибоу—двѣнадцать лѣтъ, онъ родомъ изъ глубины Африки, невольникъ и принадлежитъ Абдаллѣ. Это характерно для занзибарскихъ порядковъ, по которымъ право торговли невольниками уничтожено, но свобода невольникамъ не возвращена. Абдалла беретъ себѣ заработки Назибоу, оставляя на долю послѣдняго лишь столько, сколько ему заблагоразсудится. Мы, конечно, покровительствуемъ Назибоу, которому даемъ гостинцы, запрещая Абдаллѣ отнимать ихъ и угрожая его поколотить, если онъ вздумаетъ прибѣгнуть къ насилію надъ мальчикомъ.

Въ отелѣ съ утра до ночи раздаются звуки всѣхъ европейскихъ языковъ, но, главнымъ образомъ, нѣмецкаго, затѣмъ слышенъ звучный языкъ ки—суачили, блеянье козъ, которыя въ промежуткахъ между завтракомъ и обѣдомъ прыгаютъ по столамъ, но надъ всѣмъ этимъ

шумомъ царитъ шумъ откупориваемыхъ бутылокъ. Жара и днемъ и ночью страшная,—не успѣваешь утолять жажду; поэтому мы поглощаемъ необыкновенное количество пива, шотландскаго виски, содовой воды, лимонаду и даже шампанскаго. Хотя каждая порція поглощенной жидкости выступаетъ сейчасъ же наружу въ видѣ обильнаго пота, однако, пить хочется, и пьется тѣмъ охотнѣе, что въ Занзибарѣ имѣется фабрика «борофу», т. е. льда. Эта фабрика содержится самимъ султаномъ и приноситъ ему значительный доходъ: ледъ покупается здѣсь не только европейцами, богатыми купцами—индусами, отелями, торговыми заведеніями, но и всѣми судами, идущими съ юга на сѣверъ. Затѣмъ эта фабрика снабжаетъ льдомъ еще нѣмецкія колоніи Багомойо и Даръ-эсъ-Салямъ, гдѣ до сихъ поръ не завели еще собственныхъ фабрикъ.

Завтракая, обѣдая и ужиная за однимъ столомъ, легко знакомишься съ многими людьми, тѣмъ болѣе, что здѣсь всѣ равны въ отношеніи... жары и комаровъ. Общество необыкновенно разнообразное какъ по профессіямъ, такъ и по образованію. Есть здѣсь молодыя чешки, которыя играютъ на всѣхъ инструментахъ духовыхъ и струнныхъ; неудачи въ области ихъ профессіи привели ихъ въ Занзибаръ и задержали долѣе продолжительнаго времени. Онѣ легко поправили-бы свои дѣла, отрекшись отъ служенія Аполлону и перейдя подъ покровительство Киприды. Кромѣ нихъ въ отелѣ живутъ еще нѣмецкіе купцы и землевладѣльцы изъ «Ost-Afrikaniche Gesellschaft» (Восточно-Африканской компаніи), затѣмъ ученый докторъ Кергеръ съ женой и съ маленькимъ ребенкомъ, лепечущимъ исключительно на языкѣ кисуахили. Во время вечернихъ прогулокъ на дворѣ отеля я познакомился также съ извѣстнымъ африканскимъ путешественникомъ Бэккеромъ. Онъ занималъ важный административный постъ въ Конго, его обвинили въ разныхъ злоупотребленіяхъ, и теперь онъ отправлялся въ Бельгію, чтобы снять съ себя это обвиненіе. Впослѣдствіи я съ удовольствіемъ прочелъ въ газетахъ, что процессъ, поднятый въ Брюсселѣ Бэккеромъ, окончился для него вполнѣ благопріятно. Въ Занзибарѣ онъ имѣлъ при себѣ двухъ служащихъ, родомъ Суданцевъ, одѣтыхъ въ бѣлые коленкоровые плащи и бѣлыя чалмы, которые ходили за нимъ по пятамъ, точно двѣ тѣни.

Но знакомство мое съ Бэккеромъ совсѣмъ неожиданно прервалось въ самомъ началѣ; онъ заболѣлъ лихорадкой въ тяжелой формѣ, и его перенесли во французскій госпиталь. Говорятъ, что получилъ онъ лихорадку оттого, что ходилъ иногда на солнцѣ въ одной фескѣ, неосторожность дѣйствительно непонятная въ столь опытномъ путешественникѣ.

Кромѣ Бэккера, въ высшей степени интересенъ профессоръ Дабени изъ Генуи. Онъ пріѣхалъ въ Занзибаръ исключительно съ тою цѣлью, чтобы найти здѣсь какой-то особый сортъ летучей мыши и готовъ перевернуть вверхъ дномъ весь міръ, лишь бы только найти его. Негры ежедневно приносили ученому профессору летучихъ мышей цѣлыми дюжинами, но, увы, желаемый сортъ не отыскивался. Кромѣ своей летучей мыши, онъ ничѣмъ больше не интересуется: ни Занзи-

баромъ, ни Африкой вообще, ни жарой, ни лихорадкой и почти ни о чемъ иномъ не говоритъ. Приходившіе въ нашъ отель соотечественники его подшучивали надъ нимъ, сколько могли, но онъ переносилъ всѣ шутки и посмѣиванія съ самымъ невозмутительнымъ спокойствіемъ.

Мы познакомились и съ нѣсколькими итальянцами, среди которыхъ особенное вниманіе обращалъ на себя Робекхи, молодой путешественникъ атлетическаго сложенія, удивлявшій негровъ своею необыкновенной силою. Ему хотѣлось составить въ Занзибарѣ экспедицію для изслѣдованія дикой и небезопасной страны Сомали. Впослѣдствіи я слышалъ, что судно, на которомъ отправился Робекхи со свой экспедиціей, сѣло гдѣ то у береговъ Сомали на мель, вслѣдствіе чего онъ принужденъ былъ вернуться въ Занзибаръ.

Въ общемъ, я по натурѣ довольно дикъ, люблю уединеніе, вѣроятно, потому, что, какъ говоритъ Chamfart, «слишкомъ свыкся со своими недостатками и не могу мириться съ чужими», и поэтому съ трудомъ знакомлюсь съ людьми. Однако, эти вечернія бесѣды имѣли въ моихъ глазахъ особую прелесть, а теперь, окутанныя свѣтлой дымкой воспоминаній, кажутся еще лучше. Мы сидѣли обыкновенно за круглымъ столомъ при лампѣ, свѣтъ которой смѣшивался съ яркимъ блескомъ луны. Было всегда очень жарко, хотя не такъ, какъ днемъ. Абдалла и Назибоу откупоривали бутылки содовой воды, переливая содержимое ихъ въ кружки, наполненныя льдомъ, и часто бесѣда о материкѣ Африки затягивалась до поздней ночи.

Докторъ Кергеръ выкладывалъ передъ нами всѣ свои познанія по антропологіи и другимъ наукамъ, Дабени вздыхалъ по отыскиваемому сорту летучей мыши; иногда мы разсматривали оружіе другъ у друга, причемъ тѣ, которые уже бывали въ глубинѣ материка, заводили рѣчь объ охотничьихъ приключеніяхъ, о способахъ охоты, о нравахъ звѣрей и о путешествіяхъ. Каждый вечеръ разговоръ въ концѣ концовъ сводился къ воспоминанію прошлыхъ экспедицій и обсужденію предстоящихъ. Одинъ зналъ Стэнли, другой Томсона, третій Эмина пашу. Все это создавало какое то, такъ сказать, путешественное настроеніе, полное африканскаго духа, которое для меня было ново и интересно. Аккомпаниментомъ къ нашимъ бесѣдамъ служили глухіе отголоски бубновъ и пѣсенъ, потому что негры въ своихъ кварталахъ забавляются такимъ образомъ всю ночь.

Передъ тѣмъ, какъ лечь спать, мы часто совершали прогулку въ Мназимою. Нашъ отель стоялъ почти на окраинѣ города. За нимъ находилось еще около двадцати каменныхъ домовъ, а потомъ шла негритянская часть города, представлявшая группу круглыхъ хижинъ, покрытыхъ тростниковыми крышами. За этимъ кварталомъ по правой сторонѣ стоятъ казармы, въ которыхъ живутъ черные солдаты султана, затѣмъ улица переходитъ въ широкую дорогу, по обѣ стороны которой разстилаются лагуны. Это мѣсто и извѣстно подъ названіемъ Мназимои.

Сюда совершаютъ вечернія прогулки всѣ жители Занзибара. До четырехъ часовъ пополудни тамъ не увидишь никого, кромѣ негровъ, несущихъ корзины съ бананами, манго, ананасами, маніоками, и кромѣ

негритянокъ съ наполненными водой сосудами на головахъ. Тогда тамъ всюду царитъ всемогущее солнце. Съ четырехъ часовъ въ Мназимоѣ начинается движенie. Арабы, нѣкогда владѣвшie Занзибаромъ, а теперь являющiеся лишь номинальными его владѣтелями, выѣзжаютъ туда на лошадяхъ, иногда очень красивыхъ, или на ослахъ, у которыхъ шерсть выкрашена ченной въ красный цвѣтъ. Между ними ѣдутъ экипажи, которые въ Занзибарѣ, впрочемъ. можно по пальцамъ перечесть: экипажъ его султанскаго величества, экипажъ генеральнаго консула. «ея прекраснѣйшаго величества» и нѣсколько другихъ, составляющихъ собственность богатыхъ индiйцевъ банiацн или занимающихся торговлей парсовъ. Мелькаютъ и велосипеды, на которыхъ ѣздятъ португальскie индiйцы Гоанезе: но больше всего пѣшихъ, цвѣтныхъ и бѣлыхъ, одѣтыхъ въ англiйскiя шляпы и фланелевые сюртуки. Здѣсь идутъ нѣмцы, направляющiеся во свою виллу, расположенную за Мназимоей, подъ тѣнью гигантскихъ манго: англичане отправляются на лаунъ - теннисъ, безъ котораго не могутъ обойтись даже подъ экваторомъ; католическie и англиканскie миссiонеры выводятъ на прогулку свою черную паству; сюда же приходятъ и французскie сестры милосердiя, чтобы подышать хоть немного свѣжимъ воздухомъ послѣ спертой госпитальной атмосферы. Словомъ, всѣ, кто только могутъ, идутъ въ Мназимою.

Между тѣмъ солнце медленно склоняется къ западу, къ Багомойо, дѣлаясь все больше и краснѣе, вслѣдствie чего весь воздухъ пропитывается красноватымъ свѣтомъ, который придаетъ лицамъ людей видъ бодрости и здоровья. Морской приливъ постепенно наполняетъ лагуны, превращая Мназимою какъ бы въ дамбу, служащую связью между материкомъ и городомъ. Тогда лѣвая лагуна разливается въ большое озеро, а правая, болѣе узкая, ограниченная выс кимъ берегомъ острова, подходитъ къ подножью бѣлаго индiйскаго святилища. скрытаго среди кокосовыхъ пальмъ. Обѣ лагуны въ тихie вечера напоминаютъ отполированныя зеркальныя стекла, въ которыя съ одной стороны смотрится городъ, а съ другой—лѣса манго, кокосовыхъ пальмъ и другихъ роскошныхъ растенiй. Эта растительность придаетъ острову видъ какой-то гигантской оранжереи, которую Богъ сооружилъ для самого себя.

Сейчасъ-же съ закатомъ солнца пестрая толпа идетъ обратно въ городъ, и Мназимоя дѣлается снова пустынной. Въ ней остаются лишь негры въ длинныхъ бѣлыхъ рубахахъ. издали кажущiеся какими-то бѣлыми духами. Не могу сказать навѣрное. вполнѣ-ли безопасно было-бы прогуливаться въ такую пору по Мназимоѣ одному или двумъ, тремъ европейцамъ безъ всякаго оружiя? Мы гуляли тамъ до поздней ночи, и съ нами ни разу не случилось какой-либо непрiятности. Зато виды тамъ въ такую пору, особенно во время полнолунiя. открывались волшебные. Луна показывается изъ воды огромная, красная и поднимается все выше, постепенно блѣднѣя и уменьшаясь. Надъ городомъ на султанской башнѣ зажигаютъ электрическie фонари, которые освѣщаютъ путь пароходамъ, входящимъ ночью въ каналъ: съ другой стороны луна обливаетъ серебристымъ свѣтомъ колеблющiяся кисти пальмъ. поднимающiяся выше темной зелени манго, хлѣбныхъ деревьевъ и баобабовъ.

Пройдя Мназимою, мы входимъ въ таинственный мракъ этого чуднаго сада. Кое гдѣ лунный свѣтъ проникаетъ сквозь густую листву и образуетъ на землѣ свѣтлыя, пестрыя пятна; въ другихъ мѣстахъ все сливается въ одну сплошную массу, до того черную, точно темнота, поглотивъ всѣ предметы и формы, сгустилась и образовала какое-то особое вещество, доступное осязанію. Нѣсколько сотъ шаговъ идешь точно въ тоннелѣ; только гдѣ-то далеко впереди видна свѣтлая точка, которая съ каждымъ нашимъ шагомъ увеличивается, и вотъ мы выходимъ на открытую, залитую луннымъ свѣтомъ полянку. На ней выдѣляются высокіе папоротники, напоминающіе повиснувшія въ воздухѣ серебряныя кружева, и кокосовыя пальмы, листья которыхъ напоминаютъ большія страусовыя перья. Черезъ освѣщенное пространство быстро перебѣгаютъ какія-то длинныя фигуры; это дикія собаки, подходящія ночью почти къ самому городу. Мы переходимъ полянку и снова идемъ въ чащѣ, въ густой тьмѣ. Иногда намъ попадается какая-нибудь негритянская избушка, скрытая гигантскими листьями банановъ, такъ что видишь ее только тогда, когда уже подойдешь къ ней. Иногда въ темнотѣ человѣческій голосъ крикнетъ: «Уйямбо!», причемъ и мы отвѣчаемъ: «Уйямбо!», но не можемъ угадать, кто насъ привѣтствовалъ,—мужчина или женщина, потому что въ этой темнотѣ трудно отличить даже бѣлаго, не то что негра, который сливается съ нею, какъ съ своей природной стихіей.

Однажды я, мой товарищъ и итальянецъ Раунуци, возвращаясь съ такой прогулки и войдя въ Мназимою, услышали подъ гигантскимъ деревомъ манго какой-то шопотъ, сдержанный смѣхъ и топотъ нѣсколькихъ босыхъ ногъ по травѣ. Подъ широко раскинутыми вѣтвями манговаго дерева было черно, какъ въ подвалѣ; поэтому, желая узнать, въ чемъ дѣло, мы быстро бросились подъ дерево. Вдругъ изъ мрака на лунный свѣтъ выскочила цѣлая группа молодыхъ дѣвушекъ, точно встревоженное стадо сернъ. Раздались взрывы смѣха и крики: «Уйямбо! Уйямбо!» Очевидно, дѣвушки устроили подъ манго какой-нибудь вечеръ или, можетъ быть, отдыхали тутъ послѣ купанья въ лагунахъ, такъ какъ были почти голы. Съ хохотомъ окружили онѣ насъ кольцомъ; ихъ темныя тѣла казались подъ зеленоватымъ блескомъ луны изваянными изъ старой бронзы. Въ темнотѣ поблескивали только бѣлки ихъ глазъ и зубы. Въ ихъ движеніяхъ, въ ихъ взглядахъ проявлялась какая то чисто тропическая дикость и вмѣстѣ съ тѣмъ кокетство. Это была настоящая Занзибарская идиллія, фономъ для которой служили темныя листья манго и зеркальная поверхность лагунъ, блестѣвшихъ подъ луннымъ свѣтомъ, точно серебро. Дѣвушки кружились и прыгали вокругъ насъ, напоминая какой-то фантастическій хороводъ, затѣмъ стали убѣгать парами или одиночками, навѣрное для того, чтобы мы погнались за ними....

Днемъ мы заводили знакомство и осматривали городъ. Я предполагалъ, что постройки въ Занзибарѣ должны отличаться какимъ-нибудь особымъ арабскимъ или индійскимъ стилемъ, и ошибся,— ничего характернаго! Дома, построенные изъ кораллового рифа и выбѣленные известью, ослѣпляютъ глаза своей бѣлизною, но вообще они

подобно нашимъ каменнымъ зданіямъ, напоминаютъ большія кубическія коробки. Только плоскія крыши и просторныя сѣни, иногда наполненныя слоновыми клыками, придаютъ городу хотя отчасти тропическій характеръ. Городъ стоитъ надъ самымъ моремъ. У султанскаго дворца, гарема, таможни и европейскихъ консульствъ, кромѣ нѣмецкаго, устроены террасы, спускающіяся прямо къ водѣ. Эта «Riva», которой справедливѣе, нежели венеціанской, можно было бы дать названіе «Riva dei Schiavoni», представляетъ самую красивую часть города. Дворецъ султана совершенно новый и похожъ на англійскія виллы. Вверху и въ первомъ этажѣ устроены красивыя веранды, на которыхъ его занзибарское величество можетъ наслаждаться прохладой; сбоку идетъ висячій мостъ, нѣчто вродѣ деревяннаго «Ponte dei sospiri», по которому султанъ можетъ пройти въ свой гаремъ, если его достойная грудь переполнится любовнымъ томленіемъ. Рядомъ возвышается башня, на которой по ночамъ зажигаютъ большой электрическій фонарь; далѣе въ сторону таможни тянется довольно большая площадь, служащая мѣстомъ для муштровки и упражненій регулярной и нерегулярной боевой арміи занзибарцевъ. Наконецъ, въ глубинѣ виденъ старый дворецъ, выстроенный еще португальцами, а въ настоящее время обращенный въ тюрьму.

Когда направляешься отъ моря въ глубь города, улицы становятся все тѣснѣе и, наконецъ, переходятъ въ настоящій лабиринтъ переулковъ, изъ которыхъ нѣкоторые не превышаютъ полутора метровъ. Это—индійскій кварталъ города, самый богатый и промышленный во всемъ Занзибарѣ.

Тутъ масса складовъ и большое разнообразіе видовъ. Торговлей европейскими товарами завладѣли европейцы, торговля произведеніями тропиковъ находится въ рукахъ индійца. Они дѣлятся на португальскихъ индійцевъ Гоанезе и англійскихъ Баніана и Парси. Первые отличаются отъ европейцевъ только цвѣтомъ кожи: они ходятъ въ европейскихъ костюмахъ, исповѣдуютъ католическую религію и живутъ, какъ европейцы. Нѣкоторые изъ нихъ торгуютъ европейскими товарами, и въ большихъ магазинахъ Сузы можно получить все то, что имѣется въ англійскихъ и американскихъ большихъ магазинахъ.

Персы носятъ черные сюртуки и большія кожанныя шапки. Когда культъ огня былъ вытѣсненъ изъ Персіи магометанствомъ, они бѣжали въ Индію, гдѣ сохранили свой культъ въ первоначальной его чистотѣ до настоящаго времени. Они составляютъ индійскую интеллигенцію. Многіе изъ нихъ занимаются изученіемъ медицины и юриспруденціи. Мнѣ приходилось слышать о нихъ самыя разнорѣчивыя мнѣнія: одни говорили, что персы—самое честное племя изъ всѣхъ индійцевъ, другіе отзывались о нихъ, какъ о величайшихъ мошенникахъ. Такъ какъ мнѣ не пришлось близко сталкиваться съ ними, то я не знаю, которое изъ этихъ двухъ мнѣній справедливо.

Самое многочисленное среди индійцевъ племя—Баніана. Они исповѣдуютъ браминизмъ, буддизмъ, а нѣкоторые—магометанство, что способствуетъ ихъ сближенію съ арабами и доставляетъ почетное положеніе на островѣ. Къ индійцамъ Баніана въ Занзибарѣ принад-

лежатъ служащіе при таможнѣ, чиновники, крупные и мелкіе купцы и ремесленники; въ ихъ рукахъ находятся банкирскія операціи, а также и ростовщичество. Благодаря безпечности арабовъ, они завладѣли всѣми богатствами страны. Арабы изъ Маската, покоривъ Занзибаръ, подѣлили между собою землю негровъ и завладѣли крупной земельной собственностью. Теперь крупные землевладѣльцы кругомъ должны индійцамъ Баніана, такъ что урожай гвоздичныхъ плантацій, хотя и вспахиваются арабомъ, попадаетъ въ руки индуса. «Tout comme chez nous.» Разница лишь въ томъ, что крупная земельная собственность не имѣетъ соотвѣтствующаго органа печати для защиты своихъ интересовъ.

Однако, индіецъ Баніана имѣетъ и хорошія черты характера. Онъ ссужаетъ араба деньгами въ кредитъ до тѣхъ поръ, пока сумма долга съ процентами не сравняется съ цѣнностью гвоздичныхъ плантацій, затѣмъ отнимаетъ у араба собственность, а потомъ... открываетъ ему еще кредитъ и даже широкій. Въ такихъ случаяхъ онъ отводитъ араба въ сторону и говоритъ ему приблизительно такъ:

— Кто я такой? Я обыкновенный житель, т. е. я хотѣлъ сказать,—обыкновенный баніана, который избѣгаетъ опасностей, но ты, о внукъ пророка, ты ищешь ихъ, потому что отваженъ, какъ левъ, быстръ, какъ антилопа, и выносливъ, какъ верблюдъ. Дамъ тебѣ товары, порохъ, пули, ружья, копья, — возьми сколько нужно людей, и предприми съ ними экспедицію куда-нибудь на берега озера Танганайки или Большого Ніанца: тамъ ты найдешь хорошія развлеченія, пробудешь годъ или полтора, добудешь слоновой кости столько, сколько можно свезти, и привезешь ее ко мнѣ въ Занзибаръ, а я тебѣ за это столько то и столько откину изъ твоего долга и еще открою новый кредитъ.

И арабъ, эксъ-владѣлецъ земли, рыцарь по натурѣ, къ тому же еще нищій, съ удовольствіемъ принимаетъ такое предложеніе. Онъ отправляется въ незнакомыя страны чернаго материка, накупаетъ слоновой кости, а гдѣ можно и грабитъ ее, мимоходомъ устраиваетъ облаву на невольниковъ, ежедневно рискуетъ жизнью, а часто и гибнетъ тамъ; однако, нерѣдко ему удается собрать большіе запасы драгоцѣнной кости, съ которыми онъ, свято исполняя принятое на себя обязательство, возвращается къ своему индійцу въ Занзибаръ.

Читатель можетъ подумать, что арабъ, разъ очутившись въ глубинѣ чернаго материка съ оружіемъ въ рукахъ и съ товарами, могъ бы сказать индійцу: «Прощай!» Нисколько! Индіецъ ослабляетъ цѣпь лишь потому, что знаетъ, что это можно сдѣлать. Вѣдь, арабъ обыкновенно оставляетъ въ Занзибарѣ отъ пяти до двадцати женъ, столько же тещъ и дважды или трижды столько же дѣтей, не считая прежней «крупной собственности», на которую онъ не прочь иногда взглянуть, говоря при этомъ:

— На то была воля Провидѣнія!...

Самъ великій Типу-Тибъ, король, владѣющій огромными пространствами въ глубинѣ Африки, и тотъ долженъ индійскимъ купцамъ, а

потому неохотно бываетъ въ Занзибарѣ. Недавно его вызывали туда по поводу процесса противъ Стэнли, но прозорливый арабъ, очевидно не имѣющій въ Занзибарѣ ни женъ ни дѣтей, лаконически отвѣтилъ на красивомъ пальмовомъ листѣ: «Я не дуракъ!»

Это единственный человѣкъ въ цѣломъ мірѣ, имущество котораго не можетъ пойти съ молотка, такъ какъ его владѣнія не имѣютъ границы и только потому составляютъ собственность Типу-Тибу, что собственно не принадлежатъ никому. Они могли бы такъ же принадлежать тебѣ, читатель, какъ и мнѣ. Вернувшись на родину, я даже подарилъ своимъ дѣтямъ по цѣлому озеру въ центральной Африкѣ со всѣми штатами, за что они поблагодарили меня, хотя съ нѣкоторымъ удивленіемъ, но вполнѣ искренно.

Однако, вернемся опять къ индійцамъ Баніана. Въ узкихъ торговыхъ переулкахъ Занзибара ихъ встрѣчается очень много. Большинство изъ нихъ ремесленники. Они сидятъ въ тѣни нишъ, часто голые по поясъ, но всегда въ вышитыхъ золотой мишурою ермолкахъ на головѣ, и прилежно работаютъ. Богатые купцы имѣютъ большіе склады, напоминающіе музеи. Здѣсь имѣются и продукты европейскаго производства въ видѣ ситцевъ, раскупаемыхъ неграми и приготовленныхъ въ Англіи, Остъ-Индіи и Соединенныхъ Штатахъ. Главнымъ предметомъ торговли служитъ слоновая кость: бѣлые и желтые клыки, крупныхъ, среднихъ и малыхъ размѣровъ. Затѣмъ бросаются въ глаза: арабское и индійское оружіе, сандалъ, рога носороговъ, львиныя и леопардовыя шкуры, клыки гиппопотамовъ, страусовыя яйца, головы и рога антилопъ, смѣшной формы гигантскіе орѣхи съ острововъ Сешель, кожи крокодиловъ, щиты и трости изъ кожи гиппопотамовъ, луки, стрѣлы, дротики, палицы, негритянскіе гребни, ожерелья и браслеты. Индіецъ Баніана все принимаетъ, все покупаетъ и затѣмъ продаетъ. Все это богатство спрятано отъ палящихъ лучей солнца въ глубинѣ дома, хозяинъ же съ бронзовымъ цвѣтомъ лица спокойно сидитъ у входа въ магазинъ на корточкахъ на индійской циновкѣ, напоминая бронзовое изваяніе. Однако, онъ не флегматичнаго темперамента, какъ напримѣръ, турецкій купецъ: онъ радостно привѣтствуетъ покупателя, торопится, запрашиваетъ невозможно высокія цѣны, но быстро ихъ затѣмъ спускаетъ. Къ тому же индійцы Баніана отличаются гостепріимствомъ. Однажды, чтобы укрыться отъ сильнаго дождя, я, мой товарищъ и миссіонеръ, отецъ Руби, зашли въ магазинъ маніоковой муки и гвоздики. Хозяинъ, хотя и зналъ, что мы зашли не съ тѣмъ, чтобы купить чего-либо, однако, сейчасъ же приказалъ принести воды, сироповъ различнаго сорта и угощалъ насъ очень любезно.

Фигуры этихъ индійцевъ въ пестрой одеждѣ очень живописны; лица замѣчательно выразительны, а глаза такъ красивы, что болѣе красивыхъ я никогда въ жизни не видѣлъ. Арабскій типъ въ Занзибарѣ, отчасти, вѣроятно, благодаря смѣшаннымъ бракамъ, а отчасти вліянію климата, очень похожъ на типъ баніана и, напротивъ, довольно сильно разнится отъ того арабскаго типа, который встрѣчается въ Египтѣ, на полуостровѣ Синая и въ собственной Аравіи. Вліяніе индійцевъ замѣтно даже въ одеждѣ ихъ и вооруженіи; напримѣръ, ножи

ихъ, сильно искривленные на концѣ, имѣютъ форму индійскихъ и украшены индійской орнаментикой.

Лабиринтъ узкихъ улицъ прерывается кое-гдѣ маленькими площадями, на которыхъ устроены колодцы. Возлѣ нихъ, подъ палящими лучами солнца, всегда толпятся негритянки, черпающія воду, или стоятъ ряды закованныхъ въ цѣпи арестантовъ, мужчинъ и женщинъ. Тутъ же производится торговля овощами, очень интересная по тѣмъ овощамъ и фруктамъ, которые здѣсь выставлены, благодаря ихъ экзотическому характеру.

Главную пищу арабовъ какъ въ Занзибарѣ, такъ и въ глубинѣ материка, составляютъ ядра маніока или кассавы. Въ свѣжемъ видѣ они ядовиты, но выжатыя и смолотыя въ муку превращаются въ питательный продуктъ. Я видѣлъ цѣлыя груды этого плода, съ виду напоминающаго картофель. Рядомъ лежатъ плоды манго. Они бываютъ двухъ сортовъ—большіе или меньшіе, но оба очень вкусны. Крупные сорта манго иногда бываютъ величиною съ небольшую дыню, болѣе мелкій сортъ, не больше мужского кулака, считается лучше крупнаго. Они покрыты зеленоватой морщинистой кожей, мясо ихъ янтарнаго цвѣта и въ серединѣ заключаетъ плоскую косточку, похожую на косточку персика, но только большую по размѣрамъ. Ко вкусу манго чуть-чуть примѣшивается какъ будто терпентинный запахъ, но къ этой особенности быстро привыкаешь, и тогда этими плодами не наѣшься, до того они изысканно сладки, сочны, холодны и таютъ во рту. Послѣ манго на языкѣ и небѣ остается необыкновенно характерный овощный запахъ, который напоминаетъ о вкусѣ манго и вызываетъ желаніе сново поѣсть его.

Художникъ, ищущій яркихъ, живыхъ красокъ, увидѣлъ бы на этихъ базарахъ дѣйствительную прелесть. Что за богатство колеровъ! Рядомъ съ темными, косматыми кокосами, наполненными свѣжей, сладкой водой, заключенной въ бѣлой скорлупѣ, бросаются въ глаза громадные пуки свѣтло-желтыхъ банановъ; тамъ корзины съ красными, какъ кораллы, помидорами, величиною со сливу, пріятнаго, кисловатаго вкуса; далѣе на пальмовыхъ рогожахъ лежатъ кучи золотистыхъ мандариновъ, которые своей пористой кожурою словно намѣриваются поглотить весь солнечный свѣтъ. Куда ни взглянешь, всюду что-нибудь новое: здѣсь большіе свѣтло-желтые ананасы, величиною съ голову, и необыкновенно дешевые, тамъ зеленые чешуйчатые анноны, наполненные въ серединѣ словно взбитыми сливками съ сахаромъ, наконецъ, далѣе гигантскихъ размѣровъ плоды, носящіе названіе обезьяньяго хлѣба; въ ихъ огненнаго цвѣта мясѣ сидятъ черныя сѣмячки, точно грѣшники въ аду.

А теперь—воздайте должное почтеніе и этому плоду: это карика-папая! Вкусъ ея напоминаетъ вкусъ манго: она такъ же сочна и такъ же оставляетъ послѣ себя легкій запахъ терпентина, но при этомъ заключаетъ въ себѣ столько пепсина, что даже послѣ самаго обильнаго обѣда нѣсколько ломтиковъ ея сейчасъ-же устраняютъ всякое ощущеніе тяжести и вызываютъ чувство легкости, свободы, а также возбуждаютъ аппетитъ. Даже врачи обратили вниманіе на эту

особенность папаи, и экстрактъ ея можно получить здѣсь во всѣхъ большихъ аптекахъ, въ которыхъ она отпускается подъ названіемъ папаина. Меня увѣряли что папаинъ, распространенный въ продажѣ, фальсифицированъ, но я рѣшительно не понимаю, къ чему эта фальсификація, когда карико-папая растетъ здѣсь въ такомъ же изобиліи, какъ у насъ, напримѣръ, чертополохъ.

Къ лучшему сорту овощей относятся также маленькіе зеленые бананы, до того нѣжные, что тотчасъ таютъ во рту, превращаясь въ жидкость; затѣмъ идутъ гоявы, яблоки изъ Цитеры и многочисленные сорта орѣховъ. По всему индійскому кварталу носится запахъ, сандала и гвоздики, но надъ всѣмъ этомъ господствуетъ другой запахъ, который сразу трудно опредѣлить. Онъ составленъ изъ цѣлой массы другихъ запаховъ и напоминаетъ нѣсколько запахъ овощнаго сока, только крѣпкій, отрезвляющій, пропитанный атомами летучихъ эѳирныхъ маслъ и ванили. Когда втягиваешь его, какъ духи, онъ ощущается и во рту, и на языкѣ и въ слюнныхъ железахъ, которыя подъ его вліяніемъ начинаютъ усиленнѣе работать.

Мы подходимъ къ негритянскому кварталу города. Въ немъ торгуютъ преимущественно копченымъ мясомъ акулы, и потому запахъ тутъ совсѣмъ другой. Негритянскія хижины расположены вокругъ города, образуя какъ бы предмѣстье; онѣ стоятъ очень близко одна къ другой, и иногда раздѣлены лишь пальмами. Благодаря такому расположенію хижинъ, улицъ здѣсь нѣтъ, но только тѣсные проходы, въ которыхъ не мудрено заблудиться и въ которыхъ не безопасно гулять одному даже днемъ. Хижины всегда круглыя, сложены изъ хвороста и покрыты тротниковыми кровлями. Когда находишься среди этихъ построекъ, когда видишь кругомъ черныя фигуры, бритыя или покрытыя волнистыми волосами головы, толстыя губы, приплюснутые носы, блестящіе бѣлки глазъ, браслеты на ногахъ, серьги въ ноздряхъ, то испытываешь такое чувство, точно попалъ въ какую-то дикую деревушку, расположенную гдѣ-то въ глубинѣ Африки. Правда, и здѣсь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаются лавки, въ которыхъ торгуютъ овощами, кокосами или бетелемъ, завернутыми въ зеленые листья арека, но торговцы здѣсь также негры, поэтому ничто не нарушаетъ чисто африканскаго характера этой мѣстности. По тропинкамъ у хижинъ ползаютъ маленькіе негритята, которые, увидѣвъ европейца, поднимаютъ кверху свои круглыя, какъ шаръ, головки, таращатъ глаза и смотрятъ съ любопытствомъ. Между дѣтьми ходятъ козы и массы куръ, разгребающихъ своими ногами мусоръ. На землѣ валяются косточки манго, кожура обезьяньяго хлѣба и увядшіе листья банановъ.

Посреди улицы тянется длинная свѣтлая полоса, освѣщенная солнцемъ, тогда какъ на края улицы падаетъ тѣнь отъ кровельныхъ навѣсовъ. Однако, солнечное освѣщеніе тутъ совсѣмъ не такое, какъ въ другихъ кварталахъ города. Тамъ свѣтъ отражается отъ бѣлыхъ стѣнъ и рѣжетъ глаза своей бѣлизной; здѣсь онъ отражается отъ красноватаго грунта улицъ, вслѣдствіе чего освѣщеніе здѣсь болѣе красное, менѣе напряженное, а тѣни не такъ черны и грубы. Въ тѣни, вдоль стѣнъ и у дверей хижины сидятъ старыя негритянки, обращаю-

щіяся къ прохожему съ привѣтственнымъ словомъ: «Уйямбо!» Онѣ выплевываютъ изъ беззубаго рта красную, словно кровь, отъ бетеля слюну. Молодыя женщины съ волосами, заплетенными во множество косицъ, толкутъ въ ступкахъ кассаву, а иногда приглашаютъ прохожаго во внутрь дома. Но отнюдь не слѣдуй ихъ призыву, о молодой, исполненный надежды прохожій! Онѣ смѣются, развѣшиваютъ платки, качаютъ дѣтей, ловятъ разбѣжавшихся куръ и т. д.

Мужчины спятъ на улицѣ, курятъ табакъ, жуютъ бетель или играютъ больше всего на бубнѣ. Звуки его раздаются въ негритянской части города почти все время, днемъ и ночью, и напоминаютъ стукъ палки о сгнившій пень дерева. Это любимѣйшая музыка негровъ. Днемъ мужчинъ мало: они уходятъ на работу въ портъ или въ городъ. Негры изъ племени суачили вообще трудолюбивы. Тѣ, которые имѣютъ собственныя пироги,—это тѣ оригинальныя лодки съ плавнями, которыя мнѣ пришлось видѣть въ день пріѣзда въ Занзибаръ, отправляются на рыбную ловлю; другіе таскаютъ тяжести, разгружаютъ суда, перевозятъ путешественниковъ въ городъ, возятъ слоновые клыки и разные товары или исполняютъ обязанности прислуги. Въ этомъ климатѣ, въ которомъ бѣлый человѣкъ не въ состояніи работать, вся грубая работа исполняется неграми. Они, кромѣ того, отличаются большой предпріимчивостью. Арабы изъ Маската хотя и безъ труда покорили ихъ, но затѣмъ подчинили себѣ весь прилегающій къ Занзибару берегъ и зашли даже въ глубину материка, только благодаря помощи покоренныхъ негровъ. Суачили охотно нанимаются въ караваны, направляющіеся въ область великихъ озеръ, до Килима-Нджаро, или еще дальше. Стэнли всегда набиралъ для своихъ экспедицій людей въ Занзибарѣ, и они, вѣроятно, хорошіе воины, разъ онъ прошелъ съ ними всю Африку, отъ берега одного океана до берега другого. Арабы ввели среди нихъ магометанство, которое великолѣпно привилось здѣсь, такъ какъ вполнѣ соотвѣтствуетъ чувственной натурѣ и складу характера туземцевъ, но оно утратило здѣсь свой фанатизмъ. Суачили усвоили лишь нѣкоторыя предписанія этой религіи, нисколько не задумываясь надъ ея духомъ и различіемъ отъ другихъ религій. По возвращеніи изъ глубины материка мнѣ пришлось, благодаря лихорадкѣ, лечь на нѣкоторое время во французскій госпиталь, и тогда я въ свое окно, выходившее прямо на океанъ, ежедневно видѣлъ множество мужчинъ и женщинъ, совершавшихъ омовеніе. И мнѣ кажется, что изъ всего ученія магометанской религіи туземцы усвоили лишь обрядъ омовенія, потому что здѣсь нѣтъ ни роскошныхъ мечетей, ни стройныхъ возносящихся къ небу минаретовъ, и голосъ муэдзина не зоветъ правовѣрныхъ къ молитвѣ; словомъ—того, что вездѣ на востокѣ составляетъ характерную черту магометанства, и что прежде всего обращаетъ на себя вниманіе, здѣсь вовсе нѣтъ. Религіозные взгляды отличаются большой терпимостью, фанатизма и раздраженія противъ иновѣрцевъ не замѣтно; это можно объяснить отчасти и тѣмъ, что Занзибаръ—портъ, въ которомъ сталкиваются лица всѣхъ націй и всѣхъ религій. Духъ пропаганды развитъ, главнымъ образомъ, среди представителей христіанскихъ вѣроисповѣданій, и особенно среди миссіонеровъ. Но

миссіи, даже такія образцовыя и столь преисполненныя духомъ Евангелія, какъ французскія, не имѣютъ большой паствы. Дѣятельность свою онѣ ограничиваютъ тѣмъ, что выкупаютъ изъ неволи дѣтей, нерѣдко приводимыхъ изъ глубины материка, и стараются привить имъ ученіе Евангелія. Болѣе широкому распространенію христіанства сильно препятствуетъ многоженство, опирающееся на вѣковые обычаи народа.

Несмотря на равнодушіе къ своей религіи, негры-магометане считаютъ негровъ-фетишистовъ низшими существами, обреченными на неволю и притѣсненія. Но объ этомъ я поговорю подробнѣе при описаніи миссіи. На самомъ дѣлѣ, мѣстныхъ суачилисовъ можно причислить къ бомонду въ сравненіи съ другими негрскими племенами, которыхъ они превосходятъ цивилизаціей. Это смышленный и здоровый физически народъ. Скульпторъ встрѣтилъ бы не одинъ торсъ, которому не нашлось бы равнаго въ Европѣ. Фигуры носильщиковъ, съ напряженными, выпуклыми мускулами, блещущими отъ пота, напоминаютъ статуи гладіаторовъ, высѣченныя изъ темнаго мрамора. Они некрасивы: носы приплюснуты, зубы растутъ наклонно, вслѣдствіе чего нижняя часть лица сильно выдается впередъ. Тоже самое относится и къ женщинамъ. Правда, онѣ обладаютъ роскошными плечами, зато... бюсты хороши только по понятіямъ африканцевъ о красотѣ, но эти понятія совершенно противоположны европейскимъ. У мужчинъ головы бритыя, у женщинъ волосы заплетены въ мелкія косицы. Несомнѣнно, что куаферское искусство достигло въ Африкѣ большей степени развитія, нежели въ Европѣ, потому что трудно понять, какимъ образомъ женщины ухитряются укладывать столь короткіе, курчавые, какъ барашекъ на шапкахъ, волосы въ такую сложную прическу. Почти у всѣхъ женщинъ проколоты ноздри, большей-же частью правая; у всѣхъ одѣты ожерелья изъ зеленыхъ или бѣлыхъ бусъ, на ногахъ — браслеты изъ слоновой кости или часто изъ мѣдной проволоки. Тѣло онѣ закутываютъ въ кусокъ коленкора, который подвязываютъ подъ грудями. Этотъ коленкоръ, привозимый большей частью изъ Индіи, испещренъ изображеніями солнца, звѣздъ, птицъ, рыбъ, жуковъ: краски ярки и подобраны со вкусомъ. Дамы Занзибара не употребляютъ духовъ, о чемъ можно только пожалѣть.....

Керамика въ совершенномъ забросѣ. Посуда изъ красной глины не имѣетъ никакихъ украшеній. Первобытныя орудія домашняго обихода съ появленіемъ европейцевъ были покинуты и замѣнены европейскими.

Обычаи въ Занзибарѣ—портовые. Однимъ этимъ словомъ сказано все; его можно примѣнить въ этомъ отношеніи и ко всей остальной Африкѣ.

Мнѣ почти не приходилось наблюдать суачилисовъ, живущихъ въ деревняхъ. Городскіе довольно жадны и испорчены, но они въ сравненіи съ арабами Египта кажутся ангелами. Суачелисы подчиняются людямъ бѣлой расы по принужденію, удивляются ихъ могуществу, богатству и уму, но настоящими своими господами считаютъ арабовъ. Кто знаетъ, можетъ быть, негръ въ душѣ страдаетъ въ на-

стоящее время изъ за того, что арабы должны покоряться этимъ бѣлымъ пришельцамъ, которые пріѣхали изъ-за моря на желѣзныхъ судахъ, разносящихъ громъ и молнію.

Арабъ и до настоящаго времени не утратилъ своего обоянія въ Африкѣ; вездѣ онъ до послѣдняго времени былъ «м'буанамъ куба», т. е. большой господинъ, а негры—его рабы. Не знаю, чувствуютъ ли негры какую-нибудь признательность къ человѣку бѣлой расы за то, что, благодаря его стараніямъ и усиліямъ, торговля рабами оффиціально прекращена. Быть можетъ, со временемъ это явится, но въ настоящее время этого еще нѣтъ. До сихъ поръ въ крови африканца живетъ привычка къ рабству. Негру кажется, что съ прекращеніемъ работорговли ему стало лучше лишь потому, что его самого не могутъ уже продать въ неволю; но зато онъ отчасти и проигралъ кое-что; прежде онъ могъ самъ покупать и ловить невольниковъ, теперь же этого уже нельзя дѣлать. Въ Занзибарѣ торговля невольниками существуетъ, но втайнѣ, и свѣжихъ невольниковъ не много; прежнихъ не освободили, и тѣхъ много. Когда проходишь черезъ негритянскій кварталъ, то не догадываешься даже, что среди всѣхъ этихъ людей, одинаково черныхъ, одинаково голыхъ, живущихъ въ одинаковыхъ хижинахъ, одни господа, другіе—рабы. Однако, на самомъ дѣлѣ—это такъ; у негровъ—свои негры, у рабовъ—свои рабы, и этотъ порядокъ вещей кажется всѣмъ столь-же естественнымъ, какъ и то, что одинъ сильнѣе, другой—слабѣе, одинъ выше, другой—ниже.

Объ арабахъ и говорить нечего. Все ихъ хозяйство въ Занзибарѣ основывается на трудѣ невольниковъ, безъ которыхъ гвоздичныя плантаціи скоро погибли бы. Кромѣ того, господину необходима свита при выѣздахъ; поэтому въ Мназимоѣ и въ самомъ Занзибарѣ не рѣдко можно встрѣтить араба съ выкрашенной красной краской бородою, важно ѣдущаго верхомъ на ослѣ, выкрашенномъ въ такой-же цвѣтъ и окруженнаго цѣлой толпою бѣгущихъ невольниковъ. Одни защищаютъ его отъ лучей солнца широкими листьями банановъ, другіе бѣгутъ впереди съ крикомъ: «simille»! Услыхавъ этотъ крикъ, толпа негровъ до сихъ поръ почтительно разступается на обѣ стороны и удивляется тому, что человѣкъ бѣлой расы не только не уступаетъ дороги, но еще самъ грозитъ палкой и приказываетъ арабу и его свитѣ посторониться, и что за это громъ небесный не поражаетъ его дерзкой головы.

Обыкновенно случается такъ, что когда болѣе цивилизованный народъ покоряетъ другой, стоящій на низшей ступени развитія, то не только его обычаи, но и языкъ перенимаются покореннымъ народомъ. Но въ Занзибарѣ вышло наоборотъ. Здѣсь общимъ для всѣхъ языкомъ сдѣлался языкъ ки-суачили. Его занзибарское величество, дворъ его, а среди арабовъ какъ горожане, такъ и поселяне, въ своей домашней жизни говорятъ только на этомъ языкѣ. Его употребляютъ и индусы; миссіонеры слагаютъ на немъ молитвы и говорятъ проповѣди. Европейцамъ онъ дается довольно легко. Это—звучный языкъ, въ которомъ каждый слогъ, каждый звукъ отличается выразительностью. Миссіонеры утверждали, что языкъ ки-суачули легкій и правильный и

почти не имѣетъ исключеній. Онъ необыкновенно живучъ, потому что не только не исчезъ послѣ арабскаго нашествія, но, подобно французскому языку въ Европѣ, распространился по всему побережью и по всей экваторіальной Африкѣ.

Отъ Багамойо до великихъ озеръ и дальше, вдоль побережья Конго, можно вездѣ объясняться на языкѣ ки-суачили. Это, вѣроятно, происходитъ оттого, что онъ имѣетъ много общаго съ мѣстными нарѣчіями.

Основанныя въ Багамойо и Занзибарѣ французскія миссіи развили письменность на этомъ языкѣ. Благодаря имъ, на этотъ языкъ переведено Евангеліе, на немъ издана грамматика, а во время моего пребыванія на островѣ отецъ Леруа окончилъ составленіе ки-суачили французскаго лексикона.

Вотъ общее впечатлѣніе, которое производитъ Занзибаръ. Въ настоящее время, когда я вспоминаю о немъ, онъ представляется мнѣ чѣмъ-то родѣ большой панорамы. Передъ глазами мелькаютъ лица европейцевъ, арабовъ, индійцевъ и негровъ, слышатся звуки всевозможныхъ языковъ, видна ожесточенная борьба изъ за хлѣба и наживы. Все тамъ сталкивается, давитъ другъ друга, суетится и такъ бѣшено торгуется, точно хочетъ купить себѣ вѣчность. Жизнь въ этомъ городѣ кипитъ, точно на ярмаркѣ. До сихъ поръ въ моей памяти живо возстаютъ груды слоновыхъ клыковъ, мѣшки гвоздики, кучи разноцвѣтныхъ овощей, лѣса мачтъ въ портѣ и сотни лодокъ съ веслами по бокамъ, движенія которыхъ напоминаютъ движенія ногъ насѣкомаго. То снова рисуются въ воображеніи тѣнистыя рощи манго и перистыя вершины кокосовъ, а надъ всѣмъ этимъ неумолимое солнце и душная, влажная атмосфера, пропитанная зародышами лихорадки, высасывающая кровь и здоровье и налагающая печать изнуренія, грусти, печали и близости смерти.

VIII.

Письма и знакомства.—Фраки и бѣлые галстухи.—Обѣды.—Воспоминаніе о поэмѣ Мере.—Мистриссъ Джемсонъ.—Типу-Тиб .—Броненосецъ Redbreast.—Аудіенція у султана.—Салонъ.—Иррегулярныя войска.

Въ Занзибарѣ я употреблялъ время на осмотръ города и на знакомство съ разными лицами, къ которымъ имѣлъ рекомендательныя письма. Человѣкъ, попавшій первый разъ въ жизни въ столь отдаленныя страны, чувствуетъ себя точно въ лѣсу. Такъ какъ я задался цѣлью собрать караванъ и устроить экспедицію на материкъ, то мнѣ необходимо было искать указаній и помощи. Правда, въ этой странѣ бѣлый цвѣтъ кожи служитъ самой лучшей рекомендаціей, но и письма тоже сослужили мнѣ службу. Я имѣлъ всевозможныя рекомендаціи: къ нѣмецкому консолу фонъ-Редвицъ, къ Гиеману въ Багамойо, къ миссіонерамъ отъ кардинала Лявижери къ англійскому генеральному консулу въ Занзибаръ—Ивэнъ Смиту отъ лицъ занимающихъ высокое по-

ложеніе въ Англіи. Легкость, съ которой мнѣ удалось получить эти письма, крайне удивила меня, потому что я не только никогда не видѣлъ въ глаза этихъ людей, но и вообще не состоялъ съ ними ни въ какихъ отношеніяхъ. Такая любезность и доступность служатъ показателями высокой культуры, какая рѣдко встрѣчается. Мнѣ пріятно поэтому, что представляется удобный случай сказать нѣсколько словъ благодарности за ту любезность и помощь, которыя на дѣлѣ оказались для меня очень полезными.

Съ барономъ фонъ-Редвицъ мнѣ удалось познакомиться въ самый день своего пріѣзда въ Занзибаръ въ нѣмецкомъ клубѣ. Здѣсь существуетъ законъ, который заключается въ томъ, что всякій, привозящій съ собою оружіе, обязанъ представить свидѣтельство отъ соотвѣтственнаго консула, что не будетъ торговать этимъ оружіемъ. А такъ какъ въ Занзибарѣ вовсе нѣтъ русскаго консула, то фонъ-Редвицъ самъ вызвался помочь намъ въ этомъ случаѣ, замѣнивъ его. Онъ раньше состоялъ первымъ драгоманомъ при посольствѣ въ Константинополѣ и хорошо зналъ Гроплеровъ, у которыхъ я жилъ во время своего пребыванія въ этомъ городѣ. Это человѣкъ, очевидно, принадлежащій къ высшимъ сферамъ общества. Командировка его въ Занзибаръ представляетъ, безъ сомнѣнія, повышеніе по дипломатической службѣ, хотя она заключаетъ въ себѣ мало пріятнаго и не безопасна вслѣдствіе климатическихъ условій края. Островъ можетъ быть интересенъ и привлекателенъ для путешественника, пріѣзжающаго сюда на двѣ-три недѣли; но жить на немъ постоянно я не согласился бы даже за всѣ тѣ слоновые клыки, которые видѣлъ въ таможнѣ, съ прибавкой всѣхъ мѣшковъ гвоздики.

На слѣдующій день я былъ принятъ у сэра Ивэнъ Смита. Въ силу договора, заключеннаго года два тому назадъ между Англіей и Германіей, островъ Занзибаръ находится подъ покровительствомъ Англіи. Поэтому домъ англійскаго консула играетъ роль чуть ли не столицы всего острова. Здѣсь рѣшаются всѣ политическіе и торговые вопросы, отсюда исходятъ реформы, долженствующія въ будущемъ пріобщить Занзибаръ къ остальному цивилизованному міру. Значеніе этого дома обнаруживается въ движеніи, которое начинается въ немъ съ ранняго утра. Здѣсь постоянно толпятся арабы, европейцы, индусы и суахилисы; между ними снуютъ десятки черныхъ и бронзовыхъ канцелярскихъ служителей, одѣтыхъ въ костюмы краснаго цвѣта. Дѣла должны идти здѣсь бойко и имѣть важное значеніе. Впослѣдствіи я слышалъ отъ самого консула, что на однѣ телеграммы онъ издерживаетъ ежемѣсячно какую-то необыкновенно значительную сумму рупій. Жилище консула возбуждало во мнѣ большой интересъ, какъ образецъ, по которому можно составить представленіе вообще о жизни знатныхъ англичанъ въ Занзибарѣ и въ прилегающихъ къ нему тропическихъ странахъ. Оно напоминало мнѣ отчасти этнографическій музей. На стѣнахъ развѣшано всевозможное оружіе, мѣстное и привезенное изъ глубины материка: щиты, луки, копья и палицы, расположенныя въ розетки, кое-гдѣ видны головы антилопъ, рога буйволовъ: ниже—тонкія цыновки съ разныхъ острововъ, персидскіе ковры,

по угламъ — китайскій и японскій фарфоръ, — все это соединяется съ англійскимъ комфортомъ, который составляетъ потребность англичанина, и при помощи котораго сынъ туманнаго Альбіона преображаетъ самые дикіе, заброшенные углы свѣта въ милый его сердцу «home». Если вѣрно то, что нѣмецъ ищетъ отечество тамъ, гдѣ ему хорошо, то можно сказать, что англичанинъ всюду носитъ это отечество съ собой, и поэтому ему вездѣ хорошо.

Сэръ Ивэнъ Смитъ, въ настоящее время переведенный въ Марокко, — представляетъ образецъ джентльмэна въ расцвѣтѣ силъ и энергіи; въ отношеніяхъ съ людьми онъ очень любезенъ. Онъ произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка въ высшей степени культурнаго, свѣтскаго, любящаго жизнь и цѣнящаго въ ней не только эстетику, но и удобства. При слѣдующихъ посѣщеніяхъ я убѣдился, что первое впечатлѣніе мое было справедливо; бывалъ я у него довольно часто. Послѣ перваго же визита я и мой товарищъ получили приглашеніе на обѣдъ, о которомъ я вспомнилъ потому, что въ немъ, подобно тому, какъ и въ жилищѣ Ивэнъ Смита, европейская изысканность соединялась съ чѣмъ-то тропическимъ, неизвѣстнымъ въ нашихъ странахъ. На столѣ, сервированномъ въ чисто европейскомъ вкусѣ, стояли букеты тропическихъ цвѣтовъ, надъ которыми колыхались индійскіе пункасы, т. е. большіе квадратные вѣера. Во время обѣда эти вѣера приводились въ движеніе индусами посредствомъ шнуровъ, протянутыхъ на подобіе проволоки къ звонку.

Снаружи доносился шумъ волнъ Индійскаго океана. Въ обѣденномъ залѣ было такое освѣщеніе, какое обыкновенно бываетъ въ столовыхъ богатыхъ людей въ Парижѣ и Лондонѣ, но сквозь открытыя на террасу окна виднѣлся на небѣ блестящій Южный Крестъ. Прислуга изъ индійцевъ въ живописныхъ костюмахъ, съ выкрашенными въ пурпуровый цвѣтъ бородами, подавала европейскія блюда дамамъ, одѣтымъ въ бальные наряды, и мужчинамъ въ бѣлыхъ галстухахъ. Невольно я припоминаю анекдотъ о томъ англичанинѣ, который, выскочивъ изъ воды и спасшись отъ преслѣдованій крокодила на пальму, прежде всего смастерилъ себѣ изъ ея листьевъ галстухъ и перчатки. И напрасно бы ты, читатель, предполагалъ, что при путешествіи въ глубину Африки тебѣ не понадобится фракъ. Наоборотъ, безъ него невозможно обойтись, ибо на берегахъ Танганайки, Укереве, въ Уиджади или въ какой-нибудь другой мѣстности ты всегда можешь наткнуться на англійскую лэди, сопровождающую своего мужа. Она къ обѣду явится въ декольтированномъ платьѣ, а онъ будетъ угощать тебя pale-ale'мъ, одѣтый во фракъ и въ бѣлый галстухъ. Англичане нигдѣ не отступаютъ отъ своихъ привычекъ.

Что касается Занзибара, то въ настоящее время это настолько уже цивилизованный городъ, что лѣтъ черезъ десять,—двадцать жители его, навѣрное, будутъ говорить, подобно марсельцамъ: «Если бы Парижъ имѣлъ свою Мназимою, то онъ былъ бы Занзибаромъ въ миніатюрѣ» Можетъ быть! Парижъ, дѣйствительно, не имѣетъ Мназимои, но зато его климатъ гораздо болѣе соотвѣтствуетъ одѣванью во фракъ и бѣлый галстухъ. Занзибаръ и крахмальная рубашка—это два несо-

вмѣстимыхъ понятія. Колясокъ здѣсь нѣтъ, такъ что ѣхать изъ отеля на обѣдъ не на чемъ; вечеромъ жара такъ же сильна, какъ и днемъ, поэтому на каждомъ шагу обливаешься потомъ. Нужно идти нога-за-ногу, въ противномъ случаѣ и бѣлоснѣжная манишка, и молочнаго цвѣта галстухъ, и алебастровые манжеты и воротничекъ, напоминающій цвѣтъ коррарскаго мрамора,—все это преобразится во что то среднее между компрессомъ и одной изъ тѣхъ тряпокъ, которыми матросы моютъ палубы. Но зато какое облегченіе чувствуется, когда сядешь за столъ, когда пункосы, приводимые въ движеніе индусами съ пурпуровыми бородами, начинаютъ колыхаться и разсѣивать повсюду пропитанный запахомъ тропическихъ цвѣтовъ воздухъ и прохладу, и когда по временамъ съ океана прилетаетъ, если и не холодное, то, по крайней мѣрѣ, глубокое, свѣжее дуновеніе вѣтра. Кромѣ того, признаюсь, что получается необыкновенно оригинальное впечатлѣніе, когда сидишь подъ экваторомъ возлѣ дамы, одѣтой въ бальное платье, и повторяешь въ Занзибарѣ банальныя фразы о послѣднемъ произведеніи Бурже или Мопассана, а послѣ обѣда выходишь съ чашкой чернаго кофе на террасу и созерцаешь незнакомыя созвѣздія, прислушиваешься къ вздохамъ волнъ Индійскаго океана, глядишь на разостланную на немъ луною золотую дрожащую дорожку.

Лэди Смитъ отличается необыкновенной музыкальностью, поэтому послѣ обѣда мы имѣли возможность наслаждаться музыкою. Я услышалъ Бетховена въ очень хорошемъ исполненіи и Шопена, исполненнаго тоже очень недурно, въ особенности, если принять во вниманіе то обстоятельство, что играла его произведенія иностранка. Звуки ноктюрна или чудной прелюдіи Шопена, льющіеся среди роскошной тропической ночи,—что ты на это скажешь, поэтичная читательница? Я испытывалъ такое впечатлѣніе, точно предо мною въ дѣйствительности проходятъ сцены изъ «Евы» или «Войны Низама»—Мере, точно я самъ именно и есть романтическій Элона Бродзинскій: для полноты картины недоставало лишь дюжины тигровъ, заглядывающихъ въ окно, да двухъ-трехъ дюжинъ душителей Ганговъ, появляющихся въ заключеніе изъ-подъ пола.

Была на лицо и графиня Октавія. Но, впрочемъ, что я говорю! Особа, игравшая ея роль въ этой занзибарской поэмѣ, возбуждаетъ гораздо больше интереса, нежели героиня Мере. Я говорю о мистриссъ Джемсонъ, вдовѣ того Джемсона, котораго Стэнли обвинилъ въ томъ, что разставшись съ маіоромъ Бертело въ Иямбуйа, онъ купилъ молодую дѣвушку и отдалъ ее на съѣденіе людоѣдамъ Маніема, подданнымъ славнаго Типу-Тиба. Общественное мнѣніе въ Европѣ, главнымъ образомъ, въ Англіи, было крайне возмущено этимъ случаемъ, и положеніе мистриссъ Джемсонъ въ англійскомъ обществѣ было очень непріятное; однако, молодая женщина не потерялась. Твердо увѣренная въ томъ, что ея мужъ не могъ совершить подобный поступокъ, она рѣшилась ѣхать въ Занзибаръ, вызвать Типу-Тиба и тѣхъ занзибарцевъ, которые принимали вмѣстѣ съ Джемсономъ участіе въ экспедиціи и при помощи собранныхъ отъ нихъ показаній доказать Стэнли, что онъ оклеветалъ ея покойнаго мужа.

Газеты, конечно, тотчасъ-же окружили личность мистриссъ Джемсонъ поэтичною легендою. Писали, будто ее видѣли въ глубинѣ таинственнаго чернаго материка во главѣ негритянскаго каравана, съ карабиномъ за плечами, окруженную львами, носорогами, слонами и людоѣдами. Львы ловили для нея газелей, слоны ежедневно приносили ей бѣлоснѣжные цвѣты лотоса и складывали ихъ у ея ногъ своими хоботами; носороги играли передъ нею въ козелки, зебры забавляли ее steeple chasse, а людоѣды съ Типу-Тибомъ во главѣ кричали, поглаживая себя по животамъ: «Ныамъ! Ныамъ!», что должно было выражать то, что они ничего вкуснѣе въ жизни не видывали. Такъ говорилось въ газетахъ и разныхъ «собственныхъ» телеграммахъ. На самомъ дѣлѣ, хотя мистриссъ Джемсонъ, дѣйствительно, отличается всѣми данными для того, чтобы удержать подъ ручкой вѣера всѣхъ африканскихъ властителей, однако, ей вовсе не понадобилось отправляться въ глубину Африки, такъ какъ она имѣла возможность собрать въ Занзибарѣ всѣ необходимыя ей свидѣтельства. Она была лишь въ Багомойо на обѣдѣ у миссіонеровъ, на который былъ приглашенъ и я.

Все это подтверждаетъ то, что она искала лишь доказательствъ, оправдывающихъ память ея мужа, а не приключеній, и дѣлаетъ часть ея отвагѣ и самопожертвованію. Женщина, которая рѣшается ѣхать изъ Англіи въ Занзибаръ, обрекаетъ себя на двадцати или тридцатидневное путешествіе на пароходѣ, на морскую болѣзнь; которая не боится возможности утонуть въ бурю, загорѣть отъ морскихъ вѣтровъ; которая не страшится сказочной жары, укусовъ москитовъ, сыпи и т. п.,— такая женщина достойна глубокаго уваженія.

Во время своего пребыванія въ Занзибарѣ мистриссъ Джемсонъ составила, впрочемъ, караванъ съ цѣлью отправиться въ глубину Африки и отыскать Типу-Тиба. Во главѣ этой экспедиціи сталъ братъ покойнаго, и я слышалъ, не знаю, насколько это вѣрно, что ему не удалось даже добраться и до камышей Типу-Тиба. Черезъ пословъ онъ пригласилъ Типу-Тиба въ Занзибаръ, на что тотъ, сильно задолжавшій занзибарскимъ индійцамъ, лаконически отвѣтилъ, какъ я уже говорилъ раньше:

— Я не дуракъ!

Каковъ былъ результатъ этой экспедиціи,—не знаю. Извѣстно, что въ самомъ Занзибарѣ разыскали черныхъ солдатъ Джемсона, которые засвидѣтельствовали, что покупка дѣвушки и отдача ея людоѣдамъ чистый вымыселъ. Такого же мнѣнія придерживаются и всѣ европейцы въ Занзибарѣ, начиная отъ англійскихъ чиновниковъ и кончая французскими миссіонерами, которымъ лучше всѣхъ людей на свѣтѣ извѣстно то, что дѣлается въ глубинѣ Африки.

Мистриссъ Джемсонъ—молодая особа. Въ ней есть сходство съ Саррой Бернаръ, хотя она мельче послѣдней. Носитъ она свой трауръ несомнѣнно искренно, но вмѣстѣ съ тѣмъ старается, чтобы онъ шелъ къ ней. По своему происхожденію она аристократка, и если въ ея обращеніи съ людьми не хватаетъ изысканной простоты, доведенной до совершенства, то это надо приписать присущей англійской расѣ нѣкоторой чопорности.

Спустя нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда, любезный сэръ Ивэнъ Смитъ свезъ меня въ англійскую миссію исключительно съ той цѣлью, чтобы показать мнѣ по дорогѣ роскошную растительность острова. Мы побывали также на англійскихъ военныхъ судахъ Marathon'ѣ и Redbreast'ѣ, стоящихъ въ занзибарскомъ портѣ. Меня заинтересовалъ особенно первый изъ нихъ, построенный во вкусѣ новѣйшихъ военныхъ усовершенствованій. Онъ представляетъ изъ себя страшную машину, снабженную всякаго рода пушками, начиная отъ самыхъ тяжелыхъ, которыми можно чуть-ли не разрушить скалы, и кончая пистолетными и торпедными. Судно заключаетъ въ себѣ тринадцать отдѣленій и затонуть почти не можетъ: для этого пришлось бы разрушить всѣ эти отдѣленія. Если хотя одно изъ нихъ уцѣлѣетъ, судно уже не можетъ пойти ко дну.

Что касается «Redbreast'a», то намъ обѣщали перевезти насъ на немъ въ Багамойо, и это являлось большимъ одолженіемъ, потому что въ противномъ случаѣ мы принуждены были бы ѣхать на парусной арабской фелюкѣ въ теченіе двадцати четырехъ часовъ среди разныхъ насѣкомыхъ, въ невообразимой грязи и духотѣ. На пароходѣ этотъ-же путь будетъ пройденъ нами всего въ четыре часа.

20-го февраля консулъ пригласилъ меня на торжественную аудіенцію къ султану. Около девяти часовъ утра я былъ со своимъ товарищемъ въ консульствѣ, гдѣ уже находились сэръ Ивэнъ Смитъ и его секретари, одѣтые въ парадные мундиры. Къ нимъ присоединились капитаны броненосцевъ, и спустя мгновеніе мы отправились во дворецъ парами, въ сопровожденіи шести консульскихъ слугъ одѣтыхъ въ красное. По дорогѣ толпы негровъ съ любопытствомъ смотрѣли на красивые англійскіе мундиры. На площади стояла громадная толпа народа, но мы проходили свободно между двумя шпалерами изъ вооруженныхъ негровъ, стоявшихъ по обѣ стороны. Шедшій со мною консулъ объяснилъ мнѣ, что это иррегулярное войско султана. Дѣйствительно, мнѣ никогда въ жизни еще не приходилось видѣть чего-либо болѣе иррегулярнаго. Здѣсь стояло около тысячи солдатъ, набранныхъ изъ всякаго сброда и напоминавшихъ, за исключеніемъ цвѣта кожи, солдатъ Фальстафа: здѣсь были маленькіе и большіе, старые и молодые, кривые и прямые, одѣтые и по нагіе. На головахъ полное отсутствіе какихъ либо шлемовъ, шляпъ или шапокъ; у однихъ лбы были выбриты, у другихъ голову покрывали черныя, волосистыя кудри или выкрашенные въ красный цвѣтъ волосы, у однихъ въ рукахъ были ржавые кремневые карабины, у другихъ висѣли сабли, у третьихъ виднѣлись луки и копья, у иныхъ луки и щиты, длинныя арабскія ружья, у нѣкоторыхъ старые пистолеты безъ курковъ. Между ними можно было отличить суахилисовъ, сомалисовъ, суданцевъ, зулусовъ узарамо. Одежда всевозможныхъ племенъ. Мѣстами бросались въ глаза бѣлые коленкоры, кое-гдѣ виднѣлись свѣтло-красныя, пурпуровыя и снова бѣлыя ткани, затѣмъ желтыя, голубыя, полосатыя, все это не то что блестѣло на солнцѣ, но прямо горѣло. Надъ этой оргіей колеровъ поднимались словно отлитыя изъ темнаго металла лица; головы были неподвижны и подняты кверху, какъ у настоящихъ сол-

дать, но по мѣрѣ того, какъ мы проходили, глаза слѣдили за нами сзади.

Мы идемъ дальше. Теперь проходимъ среди регулярнаго войска, вооруженнаго карабинами со штыками, острія которыхъ сіяютъ подъ солнечными лучами, точно свѣчи. Они одѣты въ темные мундиры, но босы и напоминаютъ просто трубочистовъ. Оглушающая музыка заиграла гимнъ «Rule Britania», консулъ обнажилъ голову, регулярное войско беретъ на караулъ, и мы входимъ во дворецъ.

Сѣни наполнены арабскими воинами, вооруженными богатымъ рѣзнымъ оружіемъ: среди нихъ мелькаютъ нѣсколько индійскихъ офицеровъ съ длинными волосами, падающими на воротники мундировъ. Мы поднимаемся по бѣлой полированной лѣстницѣ. На верху ея стоитъ человѣкъ среднихъ лѣтъ съ желтымъ лицомъ, нѣсколько обезображеннымъ оспой, одѣтый въ голубую чалму съ перомъ, голубой поясъ и красный кафтанъ, изъ подъ котораго видна бѣлая рубашка. Это и есть его величество Сеидъ-Али, султанъ Занзибара и прилегающихъ къ нему земель.

На лицѣ его играетъ чисто восточная улыбка, въ одно и то же время и ласковая, и грустная и отчасти фальшивая. Онъ привѣтствуетъ каждаго изъ насъ рукопожатіемъ и ведетъ всѣхъ въ обширный прямоугольный залъ, въ которомъ вдоль стѣнъ стоятъ самыя модныя европейскія кресла. На одно изъ этихъ креселъ, самое высокое и покрытое позолотой, садится султанъ, по правую руку отъ него консулъ, въ качествѣ представителя «ея величества», за консуломъ мы двое, какъ гости, за нами капитаны броненосцевъ и секретари консульства: на остальныхъ мѣстахъ располагаются арабы, родственники султана, шеренга которыхъ начинается съ лѣвой стороны предполагаемымъ наслѣдникомъ престола.

Чернокожій переводчикъ съ плутоватымъ лицомъ выслушиваетъ съ низкимъ поклономъ вопросы султана и повторяетъ ихъ съ такимъ же поклономъ тому изъ гостей, къ кому они обращены. Естественно, что на такой публичной аудіенціи разговоръ вполнѣ соотвѣтствуетъ изобрѣтательному методу Оллендорфа.

— Его величество спрашиваетъ вашу милость сказать, какъ вамъ нравится Занзибаръ?

— Передайте его величеству, что Занзибаръ мнѣ чрезвычайно нравится.

— Его величеству доставляетъ удовольствіе то, что Занзибаръ вамъ нравится.

Затѣмъ слѣдуютъ поклоны, и султанъ обращается съ вопросомъ къ слѣдующему.

Времени для наблюденій масса, и есть много интереснаго. Напримѣръ, я замѣтилъ, что у султана за поясомъ заткнутъ великолѣпный, искривленный индійскій ножъ, а на пальцахъ сверкаютъ перстни съ бриліантами величиною съ лѣсной орѣхъ. Онъ былъ босъ, и только къ ступнѣ у него было прикрѣплено помощью ремешковъ что-то въ родѣ деревянныхъ подошвъ. Въ остальномъ его костюмъ ничѣмъ не разнится отъ костюмовъ наслѣдника престола, родныхъ, и вельможъ

У всѣхъ надѣты голубыя чалмы, черные кафтаны сверхъ бѣлыхъ рубахъ, а у пояса точно такіе-же, какъ у султана. или менѣе дорогіе индійскіе ножи съ скривленными концами.

Сеиду-Али можно дать отъ тридцати пяти до сорока пяти лѣтъ, лицо его интеллигентно, рѣдкая и короткая борода не выкрашена. Я думаю, что мать его была индусской, потому что типъ у него индійскій. Глаза отличаются необыкновенной красотой; въ нихъ, несмотря на улыбку, играющую на лицѣ, отражается грусть. Въ Занзибарѣ извѣстно, что отношенія султана съ англійскимъ консуломъ прекрасны и покоятся на обоюдной симпатіи, но, вѣроятно, несмотря на хорошія отношенія. онъ тяготится англійскимъ протекторатомъ. Онъ, безъ сомнѣнія, помнитъ что его предшественникъ, Сеидъ-Боргашъ. пользовался властью независимаго владѣтеля, онъ же, собственно говоря, стѣсненъ въ своихъ дѣйствіяхъ консуломъ. Объ Англіи говорятъ, что она обладаетъ желѣзной рукой, обтянутой бархатной перчаткой. Эта рука никогда не скупится на проявленія внѣшней любезности, гладитъ, разсыпаетъ дары. Все это, однако, не препятствуетъ стоянкѣ въ Занзибарскомъ портѣ на разстояніи выстрѣла двухъ грозныхъ броненосцевъ, которые каждую минуту готовы подтвердить любезныя слова консула огнемъ и желѣзомъ.

Въ концѣ аудіенціи появился кофе, разносимый въ красивыхъ индійскихъ чашкахъ, и шербетъ. Я тѣмъ временемъ присматривался къ арабскимъ нотоблямъ *). Они неподвижно сидѣли вдоль двухъ стѣнъ, напоминая статуи или статистовъ въ театрѣ. Большая часть изъ нихъ были люди пожилые. Обычай крашенья бороды, очевидно, здѣсь повсемѣстенъ. У большинства были длинныя, падающія на грудь бороды, выкрашенныя въ красные цвѣта всевозможныхъ оттѣнковъ, начиная отъ киновари и кончая пурпуромъ. Веніаминъ Констанъ пришелъ бы въ восторгъ отъ этихъ фигуръ. Тутъ были просто великолѣпныя фигуры, напоминающія древнихъ патріарховъ, пророковъ или жрецовъ, а по осанкѣ—римскихъ сенаторовъ. У кого есть желаніе писать живописный Востокъ, тотъ пусть ѣдетъ сюда, а не въ Египетъ.

Къ несчастію, обстановка совсѣмъ не гармонировала съ этими фигурами. Правда, залъ отдѣланъ въ восточномъ вкусѣ, стѣны его раскрашены большими голубыми таблицами, на которыхъ блестятъ написанныя золотыми буквами изреченія изъ корана, но зато есть масса мелочей. портящихъ общій характеръ. О креслахъ обитыхъ краснымъ утрехтскимъ бархатомъ, я уже говорилъ. Кромѣ нихъ, въ залѣ стоитъ не менѣе шестидесяти часовъ, помѣщающихся въ нишахъ между голубыми таблицами. Съ трудомъ удерживаешься отъ смѣха въ тѣ мгновенія, когда разговоръ внезапно прерывается и со всѣхъ сторонъ раздается: «Тикъ, такъ! Тикъ, такъ!», точно въ магазинѣ часовыхъ дѣлъ мастера.

Мнѣ объяснили, что это множество часовъ образовалось вслѣдствіе того, что каждому изъ вновь назначаемыхъ консуловъ приходитъ въ голову мысль привезти султану въ подарокъ часы. причемъ

*) Сановники.

каждый изъ нихъ воображаетъ, что такая великолѣпная идея явилась у него перваго. Такъ какъ консулы, благодаря неблагопріятнымъ климатическимъ условіямъ, часто мѣняются, то и число часовъ съ каждымъ годомъ растетъ, и скоро, навѣрное, часовъ будетъ болѣе, нежели всѣхъ жителей острова.

По окончаніи аудіенціи, мы также церемоніально вышли изъ дворца; я, не взирая на страшную жару, остался на нѣкоторое время на площади, чтобы еще разъ взглянуть на иррегулярное войско, которое, разстроивъ свои шеренги, возвращалось домой живописными группами, и на патріархальныя фигуры нотоблей, сходившихъ съ лѣстницы дворца съ важностью египетскихъ жрецовъ въ «Аидѣ». Особенно хорошее впечатлѣніе производятъ эти картины вслѣдствіе того, что онѣ напоминаютъ сцены изъ какого-нибудь балета или оперы; на самомъ же дѣлѣ, представляютъ дѣйствительность. Человѣкъ припоминаетъ, что онъ видѣлъ что-то похожее, но тамъ была иллюзія, а здѣсь—реальная жизнь, поэтому онъ говоритъ себѣ: «Однако, есть же такія вещи; міръ на самомъ дѣлѣ не вездѣ такъ сѣръ, безцвѣтенъ и чопоренъ, какъ у насъ въ Европѣ!» И эта фантазія, воплощенная въ дѣйствительность, и вмѣстѣ съ тѣмъ ея художественность доставляютъ глубокое эстетическое удовлетвореніе.

IX.

Сева - Гаджи.—Миссія бѣлыхъ братьевъ.—Дѣти.—Главная миссія.—Монсиньоръ Де-Курмонъ и отецъ Леруа.—Совѣты и наставленія.—Климатъ и его послѣдствія.

На слѣдующій день ко мнѣ явился Сева-Гаджи, мѣстный индійскій купецъ и богачъ. Онъ слышалъ, что мы собираемся на материкъ, и пришелъ предложить свое посредничество для составленія каравана. Кто пріѣзжаетъ въ Занзибаръ съ намѣреніемъ отправиться въ глубину чернаго материка, тому непремѣнно приходится обратиться для составленія каравана къ содѣйствію мѣстныхъ индійцевъ; иначе онъ ничего не устроитъ или наберетъ такихъ плутовъ, изъ которыхъ половина не явится, когда надо будетъ двинуться въ путь, а другая половина разграбитъ при первой возможности всѣ бусы и ткани. Когда обращаются къ содѣйствію индуса, то съ нимъ заключаютъ контрактъ въ консульствѣ, и тогда, если произойдутъ какія либо хлопоты и препятствія, его можно привлечь къ отвѣтственности. Сева-Гаджи, кромѣ прочихъ своихъ занятій и спеціальностей, обязуется также поставлять «пагази» для путешественниковъ. Стэнли всегда обращался къ его посредничеству и нѣсколько разъ упоминаетъ его имя. Съ нимъ сговаривался и Майеръ, отправляясь на Килима-Нджаро, поэтому я съ любопытствомъ смотрѣлъ на этого столь извѣстнаго человѣка. Это мужчина лѣтъ пятидесяти, высокій, съ черной бородой, золотистымъ цвѣтомъ лица и умными глазами. Одѣвается, какъ всѣ богатые индійцы или арабы. Онъ, вѣроятно, очень богатъ. Ему принадлежитъ нѣсколько

торговыхъ домовъ въ Занзибарѣ и Багамойо, производящихъ всевозможныя торговыя операціи, даже, кажется, такія, за которыя въ Европѣ пришлось бы отвѣчать передъ правосудіемъ. Но къ Сева-Гаджи здѣсь относятся очень благосклонно, навѣрно благодаря его богатству и личнымъ качествамъ.

Бесѣдовали мы весьма недолго, потому что оказалось, что Сева-Гаджи не владѣетъ ни однимъ изъ европейскихъ языковъ. На мой вопросъ, знаетъ ли онъ англійскій языкъ, онъ отвѣтилъ: «I speak suahili.» (Я говорю на языкѣ суачили). Далѣе мы стали изъясняться лишь жестами, какъ въ пантомимѣ. Мнѣ не хотѣлось заключать съ нимъ условій, потому что такая маленькая экспедиція, какъ наша, не представила бы для него интереса: кромѣ того, у меня были рекомендаціи къ миссіонерамъ, и я надѣялся, что они помогутъ мнѣ составить караванъ дешевле и изъ болѣе надежныхъ людей. Эта надежда на самомъ дѣлѣ оправдалась.

Къ миссіонерамъ я обратился вскорѣ послѣ своего пріѣзда. Прежде всего я отправился съ письмомъ кардинала Лявижери въ Миссію Бѣлыхъ братьевъ, зданіе которой расположено надъ моремъ, нѣсколько въ сторону отъ улицы, ведущей въ Мназимою. Мнѣ удалось увидѣть въ тотъ день трехъ священниковъ: настоятеля, имя котораго не записано въ моихъ замѣткахъ, отца Руби и молодого монаха родомъ изъ Эльзаса. Домъ и люди оставили во мнѣ хорошее впечатлѣніе. Здѣсь воцарились бѣдность и миръ. Домъ по внѣшнему виду самый обыкновенный, разнится отъ арабскихъ домовъ лишь тѣмъ, что у воротъ имѣется звонокъ съ рукояткой, имѣющей форму креста. Зато внутри есть что-то, что напоминаетъ тишину монастыря. Дворъ превращенъ въ садъ. При входѣ, въ глубинѣ стоитъ рѣшетчатая бесѣдка, обвитая вьющейся зеленью, изъ которой поднимается статуэтка Божьей Матери. Ниже посажены цвѣты, похожіе на душистый горошекъ, преимущественно пурпуровые, и между ними снуютъ зеленые попугаи. Сейчасъ за бесѣдкой заборъ, заросшій зеленью, надъ которой возвышаются пальмы.

Дворъ, простирающійся до самой воды, обсаженъ молодыми манговыми деревьями и другими растеніями, сквозь тѣнь которыхъ коегдѣ прорываются солнечные лучи; дальше растилается море. Море большей частью до того спокойно, что когда мимо сада плыветъ негръ въ лодкѣ, то въ водѣ отражается другой негръ въ лодкѣ.

Въ то время, когда у дѣтей идутъ занятія, въ саду царитъ полное молчаніе, только солнце ходитъ, смотритъ и печетъ. Послѣ полудня между грядами и среди деревьевъ мелькаютъ бѣлые плащи миссіонеровъ, и раздается смѣхъ маленькихъ негритятъ, но даже и въ такое время домъ и садъ какъ бы проникнуты какимъ-то миромъ. Тамъ — въ городѣ кипитъ торговая жизнь. Арабы, индусы, нѣмцы, англичане, негры продаютъ, покупаютъ, борются изъ-за наживы и заработка, здѣсь эта безпокойная волна заботъ разбивается у порога, здѣсь совсѣмъ другой міръ, наполненный совсѣмъ другими стремленіями, возбуждающій удивленіе своимъ отреченіемъ отъ мірской суеты и очень спокойный.

Миссіонеры воспитываютъ дѣтей въ духѣ христіанства. Черезъ нихъ они надѣются распространить ученіе Евангелія по всему Черному материку. Но миссія крайне нуждается въ деньгахъ и недавно основана, поэтому въ ней пока дѣтей не много, всего около пятнадцати мальчиковъ, большей частью выкупленныхъ изъ неволи и принадлежащихъ къ разнымъ племенамъ, населяющимъ материкъ Африки. Между ними есть мальчики изъ племени Суачили, затѣмъ изъ земель: Узарамо, Удоэ, Узараго, Мафити, Уньоре и Уганды. Основы религіи преподаются на языкѣ ки-суачили, такъ какъ онъ самый распространенный среди языковъ восточной Африки до самыхъ Великихъ озеръ и верхняго теченія Конго. Кромѣ того, ихъ учатъ тому, какъ ухаживать за полезными растеніями и разводить фруктовыя деревья. Когда мальчики выростутъ, каждаго изъ нихъ отошлютъ въ его страну, чтобы они тамъ учили людей, какъ разводить предохраняющія отъ голода деревья, и разсказывали о Богѣ, который любитъ и чернокожихъ.

Настоятель показалъ намъ домъ, школу, помѣщеніе для дѣтей и часовню. Во всемъ, какъ я уже говорилъ, проглядываетъ бѣдность, но все очень весело. Подъ часовню отведена самая большая комната въ первомъ этажѣ зданія. Въ глубинѣ—алтарь, украшенный цвѣтами, впереди находится органъ, вѣрнѣе мелодиканъ, изъ простого дерева, не превосходящій величиною среднихъ размѣровъ ящика. Позже я посѣщалъ эту часовню во время вечеренъ и каждый разъ испытывалъ странное ощущеніе, глядя на эти черныя фигурки, поющія тоненькими дѣтскими голосками «Ave Maria» на языкѣ ки-суачили. Получается необыкновенно милая гамма впечатлѣній, невольно вызывающая въ памяти воспоминанія о томъ, съ чѣмъ мы сжились съ дѣтскихъ лѣтъ. Эти-то воспмоинанія и поднимались со дна моей души при каждомъ посѣщеніи часовни. Я помнилъ хорошо, что нахожусь въ Занзибарѣ, что въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ меня вздымается Индійскій океанъ, и тысячи миль отдѣляютъ меня отъ домашняго очага,—и, однако, когда я слушалъ эту пѣснь, хотя и исполняемую черными мальчиками на незнакомомъ языкѣ, мнѣ казалось, что я стою среди своихъ въ какой-нибудь приходской часовнѣ, въ которой крестьянскія дѣти поютъ «Angelus». И чѣмъ дольше стоишь тамъ, тѣмъ сильнѣе волнуетъ эта иллюзія. Впослѣдствіи я испытывалъ то-же самое въ каждой миссіи.

Послѣ полудня того-же дня настоятель посовѣтывалъ отцу Руби отвести насъ къ монсиньору Де-Курмону, занимающему постъ апостольскаго викарія въ Занзибарѣ. Онъ живетъ въ другой миссіи, расположенной въ центрѣ города, въ самомъ лабиринтѣ индійскаго квартала. Эта миссія значительно больше по размѣрамъ и основана, насколько мнѣ извѣстно, около 1860-го года. Число ея воспитанниковъ болѣе значительно; изъ нея вышло много занзибарцевъ, воспитанныхъ въ духѣ Евангелія, которые, выйдя изъ нея, образовали въ городѣ христіанское населеніе. Они составляютъ теперь приходъ, который растетъ съ каждымъ годомъ. Здѣшняя церковь самая главная и, не считая двухъ часовенъ, единственная католическая во всемъ Занзибарѣ. Каждое воскресенье церковь наполняется молящимися разнаго цвѣта кожи. Ее посѣщають и бѣлые, даже иновѣрцы, напримѣръ: индійцы, Гоанезе, ин-

діанки съ золотистымъ цвѣтомъ лица, задрапированныя въ бѣлыя муслиновыя ткани, Маллапи или выходцы съ острова Мадагаскара со смуглыми лицами, занзибарцы и негры, совсѣмъ уже черные. Кромѣ обѣдни, вся остальная часть богослуженія совершается на языкѣ ки-суачили. Проповѣди читаются на каждомъ богослуженіи какъ на языкѣ ки-суачили, такъ и на англійскомъ языкѣ.

Смуглые и черные мужчины и женщины молятся по книжкамъ. Кто получилъ воспитаніе въ миссіи, тотъ умѣетъ читать. Молитвенники печатаются самой миссіей, устроившей свою собственную типографію и обучившей черныхъ наборщиковъ. Среди другихъ заслугъ миссіи слѣдуетъ упомянуть и о томъ, что она сдѣлала звучный, богатый языкъ ки-суачили письменнымъ. Для изученія этого языка изобрѣтено нѣсколько методъ и грамматикъ, сотавленныхъ миссіонерами, а во время моего пребыванія въ Занзибарѣ ученый отецъ Леруа окончилъ печатаніе большого ки-суачили-французскаго словаря, составленнаго подъ руководствомъ де-Курмона. Это изданіе, навѣрное, уже вышло въ свѣтъ.

Монсиньоръ де-Курмонъ принадлежитъ по происхожденію къ старинному французскому дворянскому роду. Это—пожилой человѣкъ, на изящное лицо котораго климатъ успѣлъ уже наложить свою печать. Онъ принялъ насъ очень гостепріимно и, узнавъ о нашемъ намѣреніи отправится въ глубь материка, сейчасъ-же обѣщалъ намъ помощь большей миссіи въ Багамойо. Тутъ я въ первый разъ узналъ о существованіи брата Оскара, живущаго въ миссіи Багамойо. Де-Курмонъ сказалъ намъ, что братъ Оскаръ составитъ для насъ караванъ и устроитъ все, что необходимо для экспедиціи, лишь только вернется изъ Момбасса, куда его послали по дѣламъ миссіи. Мнѣ, отчасти успѣвшему уже столкнуться съ великими затрудненіями, связанными съ составленіемъ каравана, показалось удивительнымъ, что де-Курмонъ говоритъ объ этомъ, какъ о вещи очень простой и легкой; поэтому я выразилъ нѣкоторое сомнѣніе въ томъ, дѣйствительно-ли братъ Оскаръ въ состояніи помочь намъ. Я замѣтилъ только, что мои сомнѣнія вызвали улыбку, а отецъ Леруа весело воскликнулъ:

— Братъ Оскаръ! Да вѣдь, онъ всю жизнь только этимъ и занимается!

Изъ дальнѣйшаго разговора выяснилось, что самъ Сева-Гаджи— не можетъ соперничать съ братомъ Оскаромъ въ дѣлѣ составленія экспедиціи. Миссіямъ, разбросаннымъ въ глубинѣ материка и находящимся подъ начальствомъ де-Курмона, необходимо время отъ времени посылать запасы, вмѣстѣ съ тканями и бусами, которые даютъ имъ возможность выкупать изъ неволи дѣтей и добывать необходимые жизненные продукты. Эти запасы пересылаются исключительно при помощи каравановъ, которымъ иногда приходится быть въ пути цѣлыми мѣсяцами. Вотъ составленіемъ такихъ то каравановъ и занимается «frère Oscar» не болѣе не менѣе, какъ двадцать семь лѣтъ. Отправляетъ онъ ихъ въ Мрогоро, Мендеры, Лонго, Мгонда, Тунунго и другія миссія, названія которыхъ испарились изъ моей памяти, лежащія къ югу, въ окрестностяхъ Момбласса и въ области Великихъ Озеръ. Иногда братъ

Оскаръ самъ принимаетъ начальство надъ экспедиціей, иногда поручаетъ его опытнымъ проводникамъ. Онъ собираетъ также караваны и для монсиньора де-Курмона въ тѣхъ случаяхъ, когда тотъ съ отцомъ Леруа предпринимаетъ объѣздъ своей епархіи, одной изъ самыхъ обширныхъ въ мірѣ, или отправляется для открытія новыхъ мѣстъ, пригодныхъ для основанія миссій. Имя брата Оскара извѣстно въ самой глубинѣ Африки. Никто не изучилъ такъ хорошо негровъ, никто, за исключеніемъ отца Стефана, настоятеля въ Багамойо, не владѣетъ столькими негритянскими нарѣчіями, не отличается такимъ опытомъ и искусствомъ въ обращеніи съ черными, не умѣетъ такъ соединять ихъ, доставлять имъ удовольствіе и пріобрѣсти ихъ привязанность.

Изъ всего этого видно, что де-Курмонъ и отецъ Леруа имѣли полное основаніе смѣяться надъ моими сомнѣніями относительно опытности брата Оскара въ дѣлѣ составленія каравановъ. Я пришелъ въ прекрасное настроеніе, потому что больше не имѣлъ основанія страшиться лапъ Сева-Гаджи. Отецъ Леруа оказался великолѣпнымъ совѣтникомъ. Далѣе выяснилось, что онъ знаетъ Африку не только какъ миссіонеръ, но и какъ охотникъ и ученый географъ. Нѣсколько дней спустя, онъ начертилъ мнѣ небольшую карту, которую я храню до сихъ поръ, какъ память. Онъ подробно отмѣтилъ на ней рѣки, горы, холмы, большія негритянскія поселенія и миссіи, а также обозначилъ цвѣтнымъ карандашемъ мѣста, удобныя для охоты. Мы встрѣчались съ отцомъ Леруа довольно часто, такъ какъ то сами заходили къ нему въ миссію, то онъ приносилъ намъ извѣстія о братѣ Оскарѣ: это было для насъ одно изъ лучшихъ знакомствъ, какія мы завязали за все путешествіе. Представьте себѣ живого, какъ огонь, молодого человѣка, который, выходя на прогулку въ Мназимою, не идетъ, но мчится, точно впереди его ожидаетъ что-то спѣшное: который ежедневно успѣваетъ сдѣлать тысячи дѣлъ—учитъ, отправляетъ богослуженіе, составляетъ словарь, пишетъ, и который сверхъ всего этого высоко образованъ и почти дѣтски веселъ. Не-смѣющимся мнѣ приходилось видѣть отца Леруа только на амвонѣ и во время обѣдни, но и въ это время лицо его такъ и свѣтится. Лихорадка начертила на его лицѣ «adsum», но веселость его совсѣмъ не лихорадочная. Смѣхъ его отражаетъ радость и спокойствіе человѣка, твердо убѣжденнаго въ томъ, что онъ идетъ по истинному пути. Этотъ типъ интересенъ въ психологическомъ отношеніи даже для тѣхъ, которые не въ состояніи идти и никогда не пойдутъ по его пути.

Къ тому же онъ обладаетъ недюжиннымъ литературнымъ дарованіемъ. Когда я по возвращеніи съ материка болѣлъ лихорадкой, Леруа принесъ мнѣ описаніе путешествія, предпринятаго вмѣстѣ съ де-Курмономъ къ верховьямъ рѣки Тани, заселенной дикарями, съ цѣлью пріисканія мѣста для открытія новой миссіи. Такого описанія, написаннаго такъ живо, рисующаго предъ взорами читателя такія яркія картины изъ жизни страны и людей, мнѣ давно не приходилось читать, хотя я читаю все, что появляется въ печати о чужихъ странахъ. Пейзажи были написаны такъ, какъ пишетъ ихъ Лоти, но чужды были его манеры и монотонности. Мѣстами въ описаніяхъ страны и людей

проблескиваетъ неподдѣльный юморъ. Тогда же я подумалъ, какое богатство красокъ обнаруживается въ описаніяхъ этого священника, и вмѣстѣ съ тѣмъ—какъ мало онъ придаетъ себѣ значенія!

Мы съ товарищемъ очень жалѣли, что намъ не удалось присоединиться къ монсиньору де-Курмону во время объѣзда имъ своей епархіи; тогда бы намъ не было надобности въ караванѣ, да и товарищи были бы хорошіе. Кто подумаетъ, что эти объѣзды ограничиваются лишь прилегающими къ миссіи землями, грубо ошибется. Они захватываютъ часто края, въ которыхъ никогда еще не ступала нога европейца, и миссіонеры заходятъ далѣе многихъ извѣстныхъ путешественниковъ, которые потомъ пишутъ описанія своихъ экспедицій и завоевываютъ славу безстрашныхъ изслѣдователей.

X.

Отецъ Леруа.—Препятствія.—Миссіи въ глубинѣ материка.—Непріятности.—Экспедиція съ священникомъ Руби.—Дѣти.—Деревни въ глубинѣ острова.—Отдыхъ.—Купанье и завтракъ.—Жара.—Визитъ къ арабу.—Арабскій этикетъ.—Возвращеніе.—Добрыя вѣсти.—

Отецъ Леруа ежедневно ожидалъ прибытія брата Оскара, но прошла цѣлая недѣля, въ теченіе которой о немъ не было никакихъ извѣстій. Предполагали, что съ Момбасса онъ отправился на островъ Пембу, лежащій къ сѣверу отъ Занзибара. У меня начало истощаться терпѣніе, потому что приходилось ждать, теряя попусту время. Пока намъ можно было приготовлять запасы для экспедиціи. Но такъ какъ мы не знали, когда отправимся, то и въ этомъ приходилось соблюдать осторожность: преждевременно заготовленные съѣстные продукты могли испортиться. Наконецъ, де-Курмонъ сказалъ, что, не ожидая возвращенія брата Оскара, дастъ знать миссіи въ Багамойо, чтобы миссіонеры собирали людей и приготовляли все необходимое для экспедиціи. Въ ожиданіи отправленія мы знакомились съ городомъ, совершали прогулки на Мназимою, проводили вечера въ бесѣдахъ съ путешественниками, жившими въ одномъ съ нами отелѣ, наконецъ, посѣщали консула, нѣсколькихъ знакомыхъ нѣмцевъ, де-Курмона и Бѣлыхъ братьевъ. Отецъ Леруа тоже часто навѣщалъ насъ въ отелѣ, то для того, чтобы посовѣтоваться относительно экспедиціи, то съ вѣстями изъ Багамойо. Между прочимъ, онъ сообщилъ намъ новость, что въ окрестностяхъ Багамойо появился левъ, который по ночамъ приближается къ самой миссіи и къ лежащему въ разстояніи километра отъ нея городу и похищаетъ изъ хлѣвовъ козъ и ословъ. Онъ говорилъ также, что нѣмецкіе офицеры устроили на него засаду и просидѣли цѣлую ночь у хлѣва, поставивъ подлѣ него осла и оставивъ двери незапертыми. Охотники никого не замѣтили и не слышали ничего подозрительнаго, но на утро вмѣсто осла нашли лишь его обглоданныя кости, лежавшія на разстояніи нѣсколькихъ сотъ метровъ отъ хлѣва.

Львы на побережьи встрѣчаются очень рѣдко, поэтому весь Занзибаръ интересовался этимъ событіемъ. Позже я узналъ, что этого багамойскаго хищника такъ и не удалось подстрѣлить, зато его какимъ-то способомъ постарались отравить еще до моего пріѣзда въ Багамойо.

Отецъ Леруа много разсказывалъ намъ объ окрестностяхъ этого города, о негритянскихъ племенахъ, занимающихъ побережье, нѣмецкой колонизаціи, о флорѣ и фаунѣ этого края. Онъ говорилъ, что охотиться въ окрестностяхъ Багамойо нельзя: нѣтъ хорошей охоты, но что стоитъ лишь немного двинуться въ глубину, чтобы найти все, чего жаждетъ душа охотника. Что касается меня, то могу сказать, что если бы моя ловкость была такъ же велика, какъ моя страсть къ охотѣ, то не одной сотнѣ вдовъ гиппопотамовъ пришлось бы носить трауръ по своимъ супругамъ. Но этого то и не было, поэтому я долженъ признаться, что къ коллекціи нѣсколькихъ европейскихъ и американскихъ «промаховъ» не мѣшаетъ присоединить нѣсколько африканскихъ.

Леруа увѣрялъ, что за нѣсколько часовъ пути отъ Багамойо мы увидимъ въ рѣкѣ Кингани не одного и не дюжину, но цѣлыя стада гиппопотамовъ. Признаюсь, что у меня явилось нѣкоторое сомнѣніе въ справедливости его словъ, потому что я считалъ это животное довольно рѣдкимъ. Но впослѣдствіи убѣдился, что отецъ Леруа нисколько не преувеличивалъ. Тамъ же, за рѣкой Кингани, водится масса всякаго звѣрья. Къ сожалѣнію, если въ той мѣстности и легко подстрѣлить антилопу, жирафа или гиппопотама, то еще легче схватить лихорадку. Но объ этомъ рѣчь впереди.

Мы много разсуждали съ отцомъ Леруа о цѣли нашей экспедиціи. Я уже говорилъ, что сначала намѣревался идти къ Килима-Нджаро. Читателямъ, менѣе знакомымъ съ географіей, поясню, что это — гора, поднимающаяся въ странѣ Массаи, на границѣ нѣмецкихъ и англійскихъ владѣній, въ разстояніи мѣсяца пути отъ Багамойо. Племя Массаи, населяющее окрестности Килима-Нджаро, отличается очень воинственнымъ и дикимъ характеромъ. Нѣмцы и англичане являются, собственно говоря, лишь номинальными владѣтелями этой стороны; и путешественникъ, отправляющійся туда, долженъ разсчитывать исключительно на свои собственныя силы. Поэтому пускаться въ эту страну довольно рискованно, и можно на это отваживаться лишь во время полнѣйшаго спокойствія страны, когда отношенія различныхъ негритянскихъ племенъ между собою и племени Массаи къ бѣлымъ дружественны. И вотъ мнѣ, къ великому моему прискорбію, по разнымъ причинамъ пришлось отказаться отъ этой экспедиціи. Еще до пріѣзда въ Африку я безпокоился, хватитъ ли на это предпріятіе тѣхъ средствъ, которыя находились въ нашемъ распоряженіи. Оказалось, что средствъ хватитъ, но тутъ, словно грибы послѣ дождя, начали вырастать другія препятствія. Во-первыхъ, необходимо было принимать въ соображеніе то, что оба мы не обладали опытностью, а мое знаніе Африки было чисто книжное; при полномъ здоровьи этотъ недостатокъ можно возмѣстить энергіей, но тутъ случилось какъ разъ такъ, что я довольно серьезно болѣлъ еще въ Египтѣ и теперь былъ

сильно ослабленъ. Во-вторыхъ, было и другое, болѣе значительное препятствіе, — это война. Тотчасъ по прибытіи въ Занзибаръ, мы узнали, что всю сторону охватило возстаніе: Массаи возстали противъ нѣмцевъ. Висманъ, къ которому мы могли бы присоединиться, если бы онъ на это согласился, повелъ туда колоніальныя войска задолго до нашего пріѣзда; никто не зналъ, гдѣ онъ находится, и начали уже безпокоиться о его судьбѣ. Короче говоря, намъ представлялось два выбора: или составить громадный вооруженный караванъ, о чемъ нечего было и мечтать, или отправиться куда-нибудь въ другое мѣсто.

Мы рѣшили направиться въ другую сторону и ежедневно совѣщались относительно предстоящаго путешествія. Такъ какъ возстаніе происходило не только въ Массаи, но и въ прибрежныхъ колоніяхъ, гдѣ также началось нѣкоторое броженіе, то намъ надо было всесторонне обсудить, какой путь удобнѣе. Отецъ Леруа совѣтовалъ намъ отправиться къ горамъ Канга, въ сторону Нгури, расположенной у источниковъ рѣки Вами, или двинуться къ области, занятой племенемъ У-Ками, живущимъ по малой рѣкѣ Сунгеренъ-Гере, впадающей въ Кингани.

Въ первой изъ этихъ странъ расположена миссія Мгонда, во второй—миссія Мрогоро, а въ нѣсколькихъ дняхъ пути отъ Мрогоро—миссія Тунунгу. Наконецъ, онъ указывалъ намъ еще третью мѣстность, а именно—землю племени Узагаро, извѣстную также подъ названіемъ Лонга, гдѣ намъ могли оказать помощь и покровительство поселившіеся тамъ миссіонеры.

Благодаря гористому характеру этихъ мѣстностей, климатъ тамъ здоровѣе климата Занзибара и Багамойо, расположеннаго на низменности.

Вообще, Африка представляетъ обширное плоскогорье, прорѣзанное въ нѣкоторыхъ мѣстахъ одиночными цѣпями горъ и постепенно понижающееся къ берегу уступами. Поэтому температура срединой части Африки гораздо ниже температуры ея прибрежій. Уже черезъ нѣсколько дней пути въ глубь материка, ночи становятся холоднѣе и доставляютъ пріятное облегченіе и отдыхъ, тогда какъ въ Занзибарѣ и Багамойо жара одинаково сильна и мучительна какъ днемъ, такъ и ночью.

Я утѣшалъ себя мыслью, что продолжительное, вынужденное пребываніе въ Занзибарѣ, въ которомъ, впрочемъ, воздухъ очень чистъ, благодаря морскимъ вѣтрамъ, подготовитъ насъ къ предстоящему путешествію или, выражаясь языкомъ спортсменовъ, явится для насъ чѣмъ-то въ родѣ тренировки. Но люди, хорошо знакомые съ вліяніемъ здѣшняго климата, увѣряли меня, что я жестоко заблуждаюсь. Жара и безсонница высасываютъ кровь, изнуряютъ организмъ и ослабляютъ его энергію. И кто хочетъ благополучно перенести дальнѣйшее путешествіе, тотъ долженъ тотчасъ же по прибытіи составить при помощи туземцевъ или миссіонеровъ караванъ и немедленно двинуться въ путь. Только въ такомъ случаѣ ни длинные и трудные переходы, ни климатъ не оказываютъ своего губительнаго дѣйствія на

здоровье. Къ несчастію, случается всегда наоборотъ. Путешественникъ, пріѣхавшій въ Африку, живетъ цѣлые мѣсяцы въ горячемъ и нездоровомъ климатѣ прибережья и, прежде чѣмъ тронуться въ путь, бываетъ уже зараженъ лихорадкой. Почти всѣ путешественники заболѣваютъ ею, и многіе изъ нихъ на радость гіенамъ умираютъ подъ какимъ-нибудь баобабомъ или мимозой. Не смотря на это, мнѣ часто казалось, что климатъ Африки вовсе не настолько нездоровъ, какъ думаютъ обыкновенно. Въ Занзибарѣ и Багамойо мнѣ пришлось видѣть людей, живущихъ тамъ уже болѣе десятка лѣтъ и ни разу не болѣвшихъ лихорадкой. Болѣзнь, вѣроятно, вызывается непомѣрнымъ трудомъ и отчасти способомъ путешествія.

Въ Африкѣ иначе не путешествуютъ, какъ пѣшкомъ. Представьте себѣ человѣка, привыкшаго ѣздить въ вагонахъ, въ экипажахъ или на пароходѣ, привыкшаго ѣсть въ опредѣленное время, спать на удобной постели, укрываться подъ крышей во время непогоды—представьте себѣ этого человѣка внезапно попавшимъ въ дикіе края, ежедневно дѣлающимъ громадные переходы, спящимъ въ шалашѣ, почти на голой землѣ, а иногда и подъ открытымъ небомъ, употребляющимъ въ пищу что случится, пьющимъ воду цвѣта кофе съ молокомъ или цвѣта шоколада, мокнущимъ подъ дождемъ, жарящимся на солнцѣ.... Какъ ему не схватить лихорадки?! Я думаю, что при такихъ условіяхъ путешествіе даже по Франціи, Германіи или у насъ, то есть по самымъ здоровымъ странамъ, окончилось бы тѣмъ, что человѣкъ вернулся бы домой съ опухшимъ отъ катара носомъ, съ бронхитомъ а, пожалуй, и лихорадкой, которой у насъ, вѣдь, тоже болѣютъ.

Иначе говоря, климатъ дѣлаетъ свое дѣло, а разныя невзгоды и коренная перемѣна образа жизни окончательно уносятъ силы путешественниковъ. А у насъ во время войнъ, хотя климатъ, разумѣется, остается прежнимъ, какъ часты въ арміяхъ заболѣванія лихорадкой и дизентеріей, обусловливающіяся исключительно непомѣрнымъ трудомъ и отсутствіемъ крыши надъ головой?! Впрочемъ, изъ за вопроса о климатѣ Занзибара или Багамойо я не думаю ни съ кѣмъ ломать копья.

Послѣ двухнедѣльнаго своего пребыванія въ этихъ странахъ мы почувствовали и на себѣ дѣйствіе мѣстнаго климата.

Ночи мы проводили за перегородками своего отеля въ безсонницѣ, наслаждаясь жужжаніемъ москитовъ, криками журавля и звуками бубенъ, доносившимися изъ негритянскихъ кварталовъ города.

Отъ москитовъ насъ защищали, хотя и не вполнѣ, повѣшенныя надъ кроватью сѣти. Если намъ нужно было вечеромъ написать письмо или прочитать двѣ страницы самоучителя для изученія языка ки-суачили, составленнаго на французскомъ языкѣ, то у насъ распухали отъ укусовъ руки и уши.

Вотъ тогда на вопросъ одного знакомаго, который спрашивалъ меня въ письмѣ, кого я убилъ въ Занзибарѣ, я, не желая скрывать истины, принужденъ былъ отвѣтить: «несмѣтное количество комаровъ, и никого больше». Съ мурашками, бѣгавшими по окнамъ, и съ яще-

рицами на карнизѣ мы жили, если не въ дружбѣ, то, по крайней мѣрѣ, мирно. Но зато къ жарѣ, этой тепличной, тяжелой и влажной жарѣ, мы никакъ не могли привыкнуть. Вскорѣ дѣйствіе ея на насъ проялось даже на всемъ нашемъ тѣлѣ: оно покрылось струпьями великолѣпнаго краснаго цвѣта. Въ этихъ струпьяхъ, ощущалось такое жженіе, какъ отъ уколовъ раскаленныхъ добѣла шпилекъ. Замѣтивъ ихъ на своей кожѣ, я сначала сильно испугался, потому что подумалъ, что это оспа, которая свирѣпствуетъ здѣсь повсемѣстно и постоянно: ни для кого не было бы пріятно вернуться домой изъ путешествія съ кожей ящера. Кромѣ того, если бы кто-нибудь изъ насъ заболѣлъ, то путешествіе на материкъ пришлось бы отложить на неопредѣленное время, а можетъ быть, и вовсе отказаться отъ него. За объясненіемъ своей болѣзни я обратился къ Беккеру, который, какъ человѣкъ, много разъ путешествовавшій по Африкѣ, сейчасъ же узналъ мою болѣзнь и вполнѣ успокоилъ меня, сказавъ, что это не оспа, но простая сыпь la bourbouille, которая появляется у всѣхъ европейцевъ, прибывшихъ въ этотъ климатъ въ первый разъ. У нѣкоторыхъ появляются преимущественно на рукахъ особаго вида лишаи, называемые гвоздиками.

Они кажутся вполнѣ невинными на видъ, но причиняютъ ужасныя страданія. Я слышалъ, будто эти лишаи образуются вслѣдствіе употребленія въ пищу манго. Но это неправда.

Они появляются отъ вліянія южнаго муссона, дующаго именно въ періодъ зрѣлости манго; вотъ откуда происходитъ этотъ упрекъ безвредному и вкусному плоду.

Оспа для европейцевъ въ этихъ странахъ не опасна. Она поражаетъ ихъ рѣдко, легко проходитъ и не оставляетъ никакихъ слѣдовъ. Это ужасная болѣзнь свирѣпствуетъ, главнымъ образомъ, среди негровъ—магометанъ, которые, избѣгая сближенія съ миссіями, тѣмъ самымъ лишаютъ себя возможности привить оспу.

Мы чувствовали себя измученными и не совсѣмъ здоровыми, поэтому понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ должны были ожидать возвращенія этого желѣзнаго брата Оскара, съ которымъ ничего не могли подѣлать двадцать семь лѣтъ пребыванія въ этой странѣ, путешествія и трудъ въ такомъ климатѣ.

Меня безпокоило также и то, что при дальнѣйшемъ замедленіи лѣто приблизится къ концу, и можетъ наступить «массика», т. е. дождливая пора, начинающаяся приблизительно въ то время, когда у насъ начинается весна.

Понятно, что путешествіе въ періодъ дождей гораздо затруднительнѣе, да и край осмотришь несравненно хуже. Чтобы сократить время ожиданія и найти себѣ какое нибудь занятіе, мы рѣшили перебраться въ Багамойо. Хотя климатъ его еще менѣе здоровъ, чѣмъ занзибарскій, но намъ захотѣлось какой-нибудь новизны.

Тѣмъ временемъ 21-го февраля пришла изъ Европы «Африка», принадлежащая англійской компаніи «Reninsular and orient Company», и привезла намъ письма и газеты. Какую радость доставляютъ письма изъ дому при подобныхъ обстоятельствахъ, можетъ понять лишь

тотъ, кому приходилось получать ихъ за морями, на другомъ полушаріи.

Нѣсколько дней ходишь по городу, ничего не видя, такъ какъ мысль уносится куда то далеко, къ дорогимъ лицамъ и мѣстамъ. Съ этой почтой мнѣ были присланы журналы съ рецензіями о моемъ романѣ «Безъ догмата», среди которыхъ была даже довольно подробная статья. Но было слишкомъ жарко и душно, чтобы имѣть терпѣніе прочитать всѣ эти статьи.

На слѣдующій день отецъ Руби предложилъ намъ отправиться въ глубь острова, на что мы согласились съ большой радостью.

Мы направились черезъ Мназимою къ лѣсамъ пальмъ, манго, хлѣбныхъ деревьевъ и разныхъ другихъ, названія которыхъ мнѣ совсѣмъ не извѣстны. Воспитанники миссіи шли передъ нами, веселые, какъ воробьи, и несли на своихъ круглыхъ головахъ съѣстные припасы. Мнѣ вспомнился Аденъ и тѣ маленькія черныя блошки, которыя прыгаютъ вокругъ путешественника, выпрашивая милостыню. Но тѣ были совсѣмъ нагіе, а эти были одѣты въ рубашки изъ грубаго полотна, стянутыя въ поясѣ тесемкой, какъ у нашихъ деревенскихъ дѣтей. Однако, и у этихъ были выпуклые животы и босыя ноги, прыгающія по камнямъ и по травѣ, а волосы напоминали мелкій крымскій барашекъ. Эта маленькая армія маршировала съ большой бойкостью и охотой.

Пройдя черезъ Мназимою, мы очутились подъ тѣнью великолѣпныхъ манго. По обѣимъ сторонамъ дороги, среди темной, густой зелени кое-гдѣ виднѣлись бѣлыя стѣны шамбъ, т. е. виллъ, принадлежащихъ европейцамъ или богатымъ индусамъ. Черезъ сады манго мы прошли въ рощи стройныхъ, стрѣльчатыхъ, высоко раскинувшихъ свои кисти пальмъ, напоминающихъ фонтаны. Тутъ меньше тѣни, нежели между манговыми деревьями, потому что солнечнымъ лучамъ легче пробраться между гигантскими зубцами листьевъ; они образуютъ у подножія деревьевъ какъ бы сверкающія золотыя перья. Нѣкоторыя пальмы согнулись, очевидно, подъ напоромъ южнаго муссона, который такъ же силенъ, какъ нашъ вихрь въ отрогахъ Карпатовъ. Эти пригнутыя къ землѣ деревья иногда внезапно поднимаются подъ прямымъ угломъ и тянутся верхъ даже выше здоровыхъ деревьевъ. Изъ подъ перистыхъ коронъ свѣшиваются внизъ огромныя и тяжелыя кисти орѣховъ. Въ этихъ пальмовыхъ лѣсахъ, въ этихъ гигантскихъ перистыхъ вершинахъ и кистяхъ плодовъ проявляется какая-то особенная чисто тропическая полнота жизни, какое-то богатство и широта южной природы, о которой никакія другія деревья не даютъ такого нагляднаго представленія, быть можетъ, потому, что они болѣе походятъ на наши.

Было раннее утро. День для Занзибара былъ холодный и напоминалъ нашу весну. Въ воздухѣ чувствовалось такое веселье, такая свѣжесть, какая бываетъ у насъ въ хорошіе майскіе дни. Съ верхушекъ пальмъ раздавалось кукованье мѣстныхъ кукушекъ, которыя безпрестанно перелетали надъ нашими головами съ дерева на дерево. Намъ попадались желтые ремезы, порхающіе около своихъ гнѣздъ, ви-

сящихъ на вѣткахъ подобно длиннымъ карманамъ, попадались и другія птицы съ очень яркимъ опереніемъ. Голоса ихъ совсѣмъ не похожи на щебетанье нашихъ птицъ; они скорѣе напоминають мяуканье кошекъ или перекличку на какомъ-то удивительномъ, незнакомомъ языкѣ. Эти голоса, хотя и не особенно гармоничны, но для слуха пріятны, потому что въ нихъ слышно, что птицы наслаждаются утромъ, солнцемъ, жизнью и свободой.

Черезъ часъ мы дошли до негритянскихъ деревень, скрытыхъ въ чащѣ вѣерообразныхъ пальмъ, манговыхъ деревьевъ и ліанъ, которыя иногда такъ густо переплетаются между деревьями, что покрываютъ ихъ точно тканью. Порою я испытывалъ такое впечатлѣніе словно находился въ теплицѣ акклиматизаціоннаго сада въ Парижѣ. Съ трудомъ вѣрилось, что все это можетъ расти и цвѣсти само собою. Круглыя негритянскія хижины съ тростниковыми крышами выглядываютъ изъ этой заросли, точно изъ какихъ-нибудь темныхъ нишъ. Посрединѣ, между двумя рядами этихъ хижинъ, идетъ широкая дорога краснаго цвѣта, до такой степени старательно вычищенная, что я долго удивлялся этой чистотѣ и порядку. Надъ дорогой большія деревья простираютъ другъ къ другу свои вѣтви. Я замѣтилъ, что здѣсь въ этомъ деревенскомъ затишьи, какъ въ негритянскихъ кварталахъ города, царствуетъ особенное освѣщеніе. Солнечный свѣтъ не отражается ни отъ какой бѣлой поверхности, поэтому онъ не ослѣпляетъ, не рѣжетъ глазъ, но пробирается между темными, пурпуровыми, свѣтло-зелеными или золотистыми листьями, вслѣдствіе чего окрашивается самъ и, падая на сѣрыя крыши и кирпичный грунтъ, смягчается, принимая теплый, мягкій красноватый оттѣнокъ, смѣшанный съ зеленымъ мракомъ. Когда въ этомъ освѣщеніи видишь черное, металлически блестящее тѣло негра, то получается настоящая африканская картина, до такой степени превосходящая то представленіе, которое составилъ себѣ раньше объ этихъ чудныхъ, удивительныхъ странахъ, что трудно оторваться отъ созерцанія ея.

Арабы и негры, встрѣчавшіеся намъ по дорогѣ, женщины съ сосудами, наполненными водой, на головахъ, или съ ворохами овощей, мужчины, собиравшіе орѣхи съ пальмъ, вездѣ встрѣчали насъ, особенно отца Руби, привѣтливымъ возгласомъ: «Уйямбо, буанамъ!» (Здравствуй, господинъ!). По длинной бѣлой рубашкѣ сразу можно было узнать воспитанника миссіи, но нигдѣ не замѣчалось проявленія магометанскаго фанатизма, хотя въ тѣхъ негритянскихъ деревняхъ, которыя еще не подпали вліянію миссіонеровъ, распространенъ преимущественно исламъ. Быть можетъ, между арабами и нашлись бы такіе фанатики, которымъ хотѣлось бы изгнать миссіонеровъ, но негры, даже магометане, питаютъ къ нимъ глубокое уваженіе. Для большинства негровъ непонятно, съ какой цѣлью эти люди пріѣзжаютъ издалека въ Занзибаръ? Неужели только за тѣмъ, чтобы учить дѣтей, помогать самымъ бѣднымъ изъ чернокожихъ и вообще дѣлать для нихъ добро, не требуя себѣ никакого вознагражденія? Естественно, что миссіонеры возбуждаютъ въ этихъ грубыхъ натурахъ—скорѣе удивленіе, нежели благодарность; они тѣмъ не менѣе производятъ на воображеніе негра какое-то таинственное обаяніе, родственное суевѣрному почитанію.

По дорогѣ отецъ Руби разсказывалъ намъ объ отношеніяхъ миссіи къ туземцамъ и о томъ удивленіи, которое возбуждаетъ въ нихъ ея дѣятельность въ Занзибарѣ и въ глубинѣ материка. Это первоначальное удивленіе вскорѣ уступаетъ мѣсто безграничному довѣрію, въ чемъ мнѣ самому пришлось убѣдиться впослѣдствіи при посѣщеніи миссіи Мандера.

Слушая эти разсказы, мы шли все дальше и дальше среди обширныхъ полей, засѣянныхъ маніокомъ, или среди плантацій гвоздики. Гвоздичныя деревья были въ полномъ цвѣту и распространяли такой сильный ароматъ, который положительно опьянялъ. Иногда мы проходили черезъ плантаціи банановъ, которые выдѣлялись издали своими свѣтло-зелеными листьями. Островъ казался какимъ-то волшебнымъ садомъ, но этотъ садъ становился постепенно все болѣе дикимъ. Наконецъ, мы дошли до невоздѣланныхъ полянокъ, отдѣлявшихся отъ полей густой стѣной разныхъ растеній, надъ которыми кое-гдѣ простирали свои вѣтви одинокіе могучіе баобабы, съ бѣдной сравнительно листвой, но съ чудовищно громадными стволами. Дорога перешла въ тропинку, на которой часто попадались цѣлыя колонны муравьевъ. Птица встрѣчалась болѣе, чѣмъ прежде, нѣкоторыя деревья были покрыты сотнями гнѣздъ ремезовъ.

Хотя отецъ Руби говорилъ, что дальше начнутся сады пальмъ и деревушки, но такъ какъ со времени нашего выхода изъ города прошло нѣсколько часовъ а солнце начинало жарить все сильнѣе и сильнѣе, то мы рѣшили не идти дальше, но расположиться гдѣ-нибудь въ тѣни, чтобы переждать время самой сильной жары и къ вечеру возвратиться домой.

Мы остановились подъ хлѣбнымъ деревомъ, гигантскіе плоды котораго, по внѣшнему виду напоминающіе дыню, свѣшивались надъ нашими головами на тоненькихъ стебелькахъ. Мы находились недалеко отъ рѣки. На берегу ея густо росли арумы, такіе большіе, какихъ я раньше и представить себѣ не могъ. Эта заросль была до того густа, что производила такое впечатлѣніе, точно растенія растутъ другъ на другѣ, огромные сердцевидные листья образовали сплошную полосу, тянувшуюся вдоль берега рѣки и терявшуюся вдали, и все это отражалось въ спокойной водѣ.

Такъ какъ въ Занзибарѣ нѣтъ крокодиловъ, то мы, отдохнувъ немного, выкупались, и это купанье отчасти освѣжило насъ. Оказалось, что на днѣ рѣки было много бьющихъ изъ подъ земли ключей, вслѣдствіе чего вода, противъ ожиданія, была очень холодна. Маленькіе негритята послѣдовали нашему примѣру и начали полоскаться въ водѣ, напоминая какихъ то черныхъ земноводныхъ. Вскорѣ отецъ Руби позвалъ ихъ къ завтраку, который состоялъ изъ холоднаго мяса и великолѣпныхъ тропическихъ плодовъ. Завтракъ мы нашли необыкновенно вкуснымъ. Пили мы вино и кокосовую воду, которую переливали изъ раскрытыхъ орѣховъ въ стаканы. Одинъ орѣхъ даетъ полную бутылку воды, необыкновенно чистой, но немного приторной по вкусу. Я попробовалъ и той бѣлой мякоти, которая находится внутри орѣха

и похожа на сметану, но она показалось мнѣ вовсе не имѣющей вкуса.

За завтракомъ я замѣтилъ, что отецъ Руби не только слѣдитъ за поведеніемъ дѣтей, но и выказываетъ по отношенію къ нимъ много ласки. На мой вопросъ, требуетъ ли воспитаніе негровъ большей строгости, нежели воспитаніе бѣлыхъ, онъ просто отвѣтилъ:

— Они никогда не видали материнской ласки, потому нужно, хотя отчасти, замѣнить имъ и мать.

Очевидно, такой педагогическій методъ не приноситъ вреда, потому что дѣти, несмотря на всю доброту отца Руби, слушаются даже его взгляда, но, кромѣ того, сильно привязаны къ нему.

Только что мы окончили завтракъ, къ намъ подошло нѣсколько негровъ, старыхъ и молодыхъ. Оказалось, что невдалекѣ, за чащей деревьевъ, находилось какое-то жилье. Негры сначала вошли въ воду и начали въ ней плескаться, точно стадо гиппопотамовъ; затѣмъ они подошли къ намъ и начали довольно назойливо разсматривать насъ, наши ружья и посуду. Подъѣхалъ также какой-то арабъ и принялся показывать передъ нами свое искусство въ верховой ѣздѣ, что арабы вообще любятъ дѣлать въ присутствіи европейцевъ, такъ какъ всѣ почти довольно тщеславны. Онъ пролеталъ стрѣлой такъ близко около насъ, что могъ затоптать какого-нибудь изъ мальчиковъ, поэтому отецъ Руби попросилъ его избрать себѣ другое мѣсто для упражненій.

Наконецъ, мы остались одни. Дѣти, утомленныя ходьбой, уснули на травѣ. Настала пора самой сильной жары и полнѣйшей тишины. Даже птицы спрятались куда то подъ вѣтви деревьевъ и замолкли. Воздухъ былъ совершенно недвижимъ: небо по краямъ поблѣднѣло, всю землю заливалъ поразительно яркій свѣтъ и блескъ. Вода въ рѣкѣ точно заснула. Арумы на другомъ берегу рѣки стояли неподвижно, точно окаменѣлые. У насъ во время такой тишины все затихаетъ и дышетъ удивительнымъ спокойствіемъ: здѣсь не то. Здѣсь, наоборотъ, кажется, точно вся природа выражаетъ печаль и страхъ передъ силою этого немилосерднаго солнца. Ни одно живое существо не смѣетъ шевельнуться и задерживаетъ дыханіе въ груди, а солнце точно выходитъ изъ себя отъ злобы и только ищетъ, кого бы поразить. У насъ представленіе о тишинѣ связано съ представленіемъ о темнотѣ; здѣсь же происходитъ наоборотъ, и это зловѣщее соединеніе безмолвія съ ослѣпительнымъ блескомъ всегда несказанно поражало меня.

Около трехъ часовъ мы оставили гостепріимную тѣнь хлѣбнаго дерева и направились назадъ, домой. Такъ какъ было все еще страшно жарко, то отецъ Руби спросилъ, не пожелаемъ ли мы зайти къ одному его знакомому арабу, который, хотя и исповѣдуетъ магометанство, однако, относится къ миссіонерамъ съ большой любезностью. Мы охотно согласились, тѣмъ болѣе, что для этого не пришлось слишкомъ далеко сворачивать въ сторону. Намъ надо было идти сперва по обширнымъ плантаціямъ гвоздики, затѣмъ по саду, въ которомъ среди деревьевъ вскорѣ замелькали бѣлыя стѣны арабской шамбы. Это былъ небольшой домъ, отчасти напоминавшій наши деревенскія усадьбы. Передъ

домомъ между деревьями была устроена бесѣдка, состоявшая изъ плоской тростниковой крыши, поддерживаемой четырьмя столбами Она служила мѣстомъ отдыха для черныхъ невольницъ хозяина. Садъ засаженный, главнымъ образомъ, манговыми деревьями, поражалъ богатствомъ и роскошью своей растительности. Большія деревья образовали въ немъ какъ бы купола и своды, подъ которыми царствовалъ цвѣтной полумракъ. Хозяинъ—арабъ вышелъ намъ навстрѣчу и послѣ обыкновенныхъ селямъ-алековъ пригласилъ на веранду. Это былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ бронзоваго цвѣта лицомъ, очень худой, веселый и улыбающійся. Онъ безпрестанно спрашивалъ насъ черезъ посредство отца Руби, не хотимъ ли мы чего-нибудь поѣсть и, несмотря на постоянный отказъ съ нашей стороны, до того часто повторялъ свой вопросъ, что даже наскучилъ намъ. Отецъ Руби объяснилъ потомъ, что такъ предписываетъ относиться къ гостямъ арабскій обычай. Мы, наконецъ, выпили по стакану ключевой воды съ сокомъ манго, а потомъ, когда солнце уже стало склоняться къ западу, начали прощаться съ гостепріимнымъ хозяиномъ. Онъ проводилъ насъ до границы своихъ гвоздичныхъ плантацій и дорогою показалъ намъ еще одинъ оригинальнѣйшій образчикъ мѣстныхъ обычаевъ. Во все время пути онъ отчаянно икалъ, къ чему, очевидно, принуждалъ себя, а въ минуту прощанья угостилъ насъ такимъ концертомъ, какого мы никогда въ жизни не слыхвали. Мы сочли это невѣжествомъ дикаго человѣка, но каково-же было наше удивленіе, когда отецъ Руби сказалъ намъ, что это просто требованіе этикета, и что каждый занзибарскій арабъ, провожая гостя, даетъ ему понять икотой, что онъ человѣкъ со средствами, ѣстъ много, и что у него есть, чѣмъ принять гостя. Кромѣ того, отецъ Руби увѣрялъ насъ, что если бы мы что нибудь съѣли, то по правиламъ этикета должны были бы такимъже образомъ отвѣтить хозяину, что сыты и довольны. Но, къ счастію. выпитые нами стаканы воды съ сокомъ манго не требовали такой процедуры, иначе мы могли бы прослыть на островѣ Занзибарѣ за людей, не умѣющихъ найтись въ порядочномъ обществѣ. Что ни край, то новый обычай!

Солнце уже заходило, когда мы вернулись черезъ Мназимою домой. Былъ большой приливъ; обѣ лагуны широко разлились и были гладки, какъ стекло; поверхность ихъ горѣла золотисто-краснымъ блескомъ отъ заходящаго солнца. Даже воздухъ былъ к къ бы насыщенъ краснымъ свѣтомъ, и вообще на небѣ и въ водѣ блестѣло столько цвѣтовыхъ оттѣнковъ, что никакая фантазія не можетъ представить что-либо подобное. Бѣлыя стѣны виллъ и индійскаго святилища казались сотканными изъ розоваго свѣта; перистыя верхушки пальмъ горѣли, точно повѣшенные въ воздухѣ огни; на манговыхъ деревьяхъ играли кровавые отблески, даже лазурь небесъ приняла красноватый оттѣнокъ. Вдали городъ точно поднимался изъ воды, подобно Венеціи. Потомъ сразу все стемнѣло, и только на башняхъ заблестѣлъ свѣтъ.

День окончился необыкновенно удачно. Въ отелѣ насъ ожидали двѣ вѣсти; одна отъ монсиньора-де-Курмона о томъ, что братъ Оскаръ

вернулся, другая—отъ консула, что броненосецъ «Qelbrest» черезъ нѣсколько дней отправится въ Багамойо. но въ случаѣ. если мы къ тому времени не успѣемъ приготовиться къ путешествію, то онъ во всякое время будетъ готовъ къ нашимъ услугамъ.

XI.

Закупка.—Что надо брать съ собою?—Переѣздъ. Lunch.—Высадка.—Багамойо.—Большая католическая миссія.—Зданіе.—Братъ Оскаръ.—Завтракъ.—Извѣстіе о Висманѣ.—Сады миссіи.—Миссія и чернокожіе.—Негры христіане и магометане.

На закупку припасовъ мы потратили нѣсколько дней. Полагая, что недостатокъ въ запасахъ будемъ имѣть возможность пополнить въ Багамойо, мы не желали слишкомъ обременять себя. Несмотря на это, все-таки набралось съ десятокъ слишкомъ ящиковъ, занятыхъ кофе, чаемъ, мясными и овощными консервами, мукой, виномъ, коньякомъ, свѣчами, кухонной посудой и разными принадлежностями, необходимыми въ путешествіи. Впослѣдствіи мы убѣдились на опытѣ, что не все предусмотрѣли, что слѣдовало. Напримѣръ, мы накупили слишкомъ много ненужныхъ мясныхъ консервовъ, между тѣмъ какъ охотою могли всегда раздобыть себѣ свѣжей дичи, особенно птицъ; кромѣ того, въ негритянскихъ деревушкахъ легко достать куръ и козъ. Мука вовсе ни на что не пригодилась, потому что нашъ черный поваръ М'са не зналъ, на что ее употребить. Зато мы захватили слишкомъ мало овощей, которыхъ нигдѣ нельзя достать и которыя въ этихъ странахъ уничтожаются въ громадномъ количествѣ, а также взяли слишкомъ мало вина. Такъ какъ мнѣ говорили, что въ глубинѣ материка вода попадается часто очень мутная, располагающая къ заболѣванію лихорадкой и дезинтеріей, то мы закупили цѣлый ящикъ содовой воды, которая впослѣдствіи намъ, дѣйствительно, очень пригодилась и даже, можетъ быть, спасла отъ заболѣванія.

Утромъ 28-го февраля негры перенесли наши вещи и припасы на лодки, а затѣмъ все было переправлено на «Redbreast». На палубѣ мы очутились въ цѣломъ обществѣ, отправлявшемся на прогулку въ Багамойо. Сэръ Ивэнъ Смитъ узналъ изъ «Forreign Office» желанное для него извѣстіе о своемъ переводѣ въ Марокко и желалъ хоть однажды посѣтить материкъ, котораго до сихъ поръ не видѣлъ. Кромѣ него, тутъ были монсиньоръ де-Курмонъ съ отцомъ Леруа, г-жа Шевалье, содержащая къ Занзибарѣ госпиталь для негровъ, мистриссъ Джемсонъ, германскій консулъ фонъ-Редвицъ и начальникъ мѣстной англійской миссіи, недавно пріѣхавшій изъ Европы и стремившійся поскорѣе ознакомиться съ образцовымъ устройствомъ большой католической миссіи въ Багамойо.

На пароходѣ устроили великолѣпный «lunch». Погода была прекрасная. Высоко въ небѣ вѣтеръ гналъ одиночныя группы тучъ, время отъ времени обливавшихъ полотняную крышу судна обильнымъ дождемъ.

Кругомъ была полная тишина, поверхность воды была гладка, какъ зеркало, и мы ѣхали, точно по озеру. Мы испытывали не малое удовольствіе изъ-за того, что вмѣсто грязной арабской парусной фелюки, медленно подвигающейся при помощи веселъ, мы находимся на «Redbreast'ѣ», истинно великолѣпномъ суднѣ, напоминающемъ произведеніе ювелира. Къ тому же мы пробыли въ пути лишь нѣсколько часовъ, которые пролетѣли незамѣтно за lunch'емъ и разговорами. Мы и оглянуться не успѣли, какъ на западной сторонѣ показался уже африканскій берегъ. Онъ очень низокъ. Вначалѣ обрисовались верхушки пальмъ, выступавшія, казалось, прямо изъ воды, затѣмъ неясно обрисовались стволы деревьевъ и разстилающіеся подъ ними пески равнины. Мы узнали отъ пассажировъ, что это садъ миссіи.

Подъѣхавъ ближе, мы замѣтили въ разстояніи километра отъ пальмоваго лѣса строенія Багамойо.

Этотъ городъ упоминается во всѣхъ описаніяхъ африканскихъ путешествій. Висманъ сдѣлалъ его столицей нѣмецкихъ колоній, поэтому Багамойо встрѣчается во всѣхъ газетахъ. Этотъ городъ много обязанъ своей извѣстностью Стэнли, который, отыскавъ Эмина-пашу, прибылъ сюда съ нимъ и со всѣми египтянами, не пожелавшими сложить свои головы подъ мечомъ Магди. Но, несмотря на свою извѣстность, Багамойо не имѣетъ будущаго, потому что не имѣетъ порта. Океанъ въ этомъ мѣстѣ до того мелокъ, что пароходъ остановился въ разстояніи нѣсколькихъ метровъ отъ берега. Мы пересѣли въ лодки и нѣкоторое время плыли къ берегу, но вскорѣ онѣ дномъ стали задѣвать песокъ, и пришлось остановиться. Вода доходила тутъ до колѣнъ, а до берега оставалось еще нѣсколько сотъ шаговъ. Въ эту минуту на песчаномъ берегу появилось нѣсколько десятковъ негровъ, несшихъ стулья на длинныхъ палкахъ. Они перешли къ намъ по водѣ и стали укладывать наши вещи. Одни предлагали перенести насъ на стульяхъ, другіе—попросту на плечахъ. Вся эта черная ватага была очень весела и работала среди общаго смѣха. Для оригинальности я рѣшилъ перебраться на берегъ не на носилкахъ, а на плечахъ и, усѣвшись на спинѣ негра, спустилъ ноги вдоль его груди, а онъ, схвативъ меня за колѣни, направился со мною къ берегу. Признаюсь, что я ощущалъ невольный страхъ, какъ бы не замарался мой бѣлый костюмъ отъ его черной кожи. Такой способъ переправы на берегъ практикуется также въ нѣкоторыхъ купальныхъ курортахъ Европы и вездѣ сопровождается одинаковымъ весельемъ и смѣхомъ. Рядомъ со мной несли прелестную мистриссъ Джемсонъ, которая въ бѣломъ фланелевомъ костюмѣ надъ лазоревой водой напоминала какую-то морскую богиню, торжественно несомую ея черными почитателями, далѣе слѣдовали де-Курмонъ, затѣмъ сэръ Ивэнъ Смитъ и мой товарищъ, возлѣ нихъ ѣхалъ на здоровенномъ негрѣ изъ Узарамо капитанъ «Redbreast'а», затѣмъ остальные наши спутники. Спустя десять минутъ, мы очутились на узкой полосѣ раскаленнаго песка, за которой сейчасъ же начинался садъ миссіи.

Мы поспѣшно направились къ деревьямъ, чтобы укрыться подъ ихъ тѣнью, и остановились въ удивленіи при видѣ роскошной растительности. Въ устройствѣ этого сада отразилась чисто тропическая

роскошь въ соединенiи съ упорнымъ трудомъ человѣка; издали онъ имѣетъ видъ дѣвственнаго лѣса, а вблизи—образцово содержащагося парка какого-нибудь большого города. Прежде здѣсь было пустынное пространство, все насадили миссiонеры, а такъ какъ миссiя основана давно, то деревья достигли уже необыкновенныхъ размѣровъ. Ближе къ морю, вправо отъ дороги, видны другiе, меньшiе сады. Издали бросаются въ глаза купы тропической, безумствующей въ своей роскоши растительности, среди которой можно отличить свѣтло-зеленые листья банановъ. надъ которыми возносятся роскидистые вѣера болотныхъ пальмъ, видны юкки, папая, манговыя и хлѣбныя деревья, анноны. яблоки и бамбукъ. Только подойдя ближе, замѣчаешь, что это плантацiи. между которыми прячутся конусообразныя хижины негровъ, состоящихъ подъ опекой миссiи.

Далѣе тянется цѣлый лѣсъ кокосовыхъ пальмъ, которому не видно конца. Широкая тщательно расчищенная аллея, усаженная вначалѣ деревьями, напоминающими туйи, а затѣмъ манговыми, ведетъ къ постройкамъ миссiи, расположеннымъ въ глубинѣ сада. Аллея дѣлается все болѣе тѣнистою и, наконецъ, упирается въ ворота, передъ которыми поставлено изваянiе Христа, какъ бы благословляющаго людей и деревья. Надъ нимъ поднимается вѣтвистый кактусъ, напоминающiй гигантскую люстру.

Мы входимъ. Домъ большой, съ сѣнями, окруженъ рѣшетками. По обѣимъ сторонамъ его расположены среди купъ растительности другiя постройки. Такъ какъ съ нами идетъ де-Курмонъ, то миссiонеры выходятъ толпой къ намъ навстрѣчу съ настоятелемъ, отцомъ Стефаномъ, во главѣ. Это—человѣкъ шестидесяти лѣтъ, высокiй, худой, съ большой бѣлой бородою съ блѣднымъ лицомъ, до того похожимъ на лицо Леонардо-да-Винчи, что я замѣчаю это сходство съ перваго же взгляда. Онъ живетъ въ Африкѣ, въ этомъ убiйственномъ климатѣ, лѣтъ тридцать, поэтому лихорадка, которой онъ болѣлъ несчетное количество разъ, наложила на его лицо аскетическiй отпечатокъ, такой. какой лежитъ на лицахъ мучениковъ на картинахъ Зурбарано. Несмотря на это, лицо его необыкновенно симпатично и привлекательно. Это замѣчательный человѣкъ, о которомъ я слышалъ много интереснаго въ Занзибарѣ. Всю свою жизнь онъ посвятилъ освобожденiю дѣтей изъ неволи путемъ выкупа, воспитанiю ихъ, лѣченiю больныхъ и умиротворенiю постоянно враждующихъ между собою негритянскихъ племенъ. Теперь онъ пользуется общей привязанностью: его одинаково любятъ и уважаютъ какъ индусы, такъ негры и нѣмцы. Англичане нарочно посѣщаютъ Занзибаръ, чтобы увидѣть его. Вѣроятно. съ этой цѣлью прiѣхала сюда и мистриссъ Джемсонъ, захватившая съ собой даже фотографическiй аппаратъ, размѣрами не превосходящiй одной колоды картъ.

Наконецъ, я знакомлюсь и съ знаменитымъ братомъ Оскаромъ. Я ожидалъ увидѣть какого-нибудь гиганта и вдругъ встрѣтилъ человѣка средняго роста, сухого, съ маленькими желтыми усиками и такой же растительностью на подбородкѣ. Однако, въ немъ проглядываетъ что-то солдатское, что-то размашистое; въ общемъ онъ производитъ

впечатлѣніе человѣка большой энергіи. Легко понять, что онъ принадлежитъ къ тому типу людей, которые, если найдется какая-нибудь работа, не раздумываютъ долго, но немедленно засучиваютъ рукава и принимаются за дѣло. Это человѣкъ не размышленій, но дѣла. Караванъ, во главѣ котораго станетъ такой проводникъ, можетъ смѣло отправляться, куда угодно. Въ Африкѣ братъ Оскаръ чувствуетъ себя, какъ дома. Лихорадка не можетъ никакъ пронять его. Лицо его выражаетъ такое добродушіе, какое иногда видишь на лицѣ нѣмецкихъ крестьянъ: впрочемъ, онъ, дѣйствительно, нѣмецъ по происхожденію и родился въ Баваріи. Это сейчасъ замѣтно, когда онъ говоритъ по-французски.

Послѣ обычныхъ привѣтствій, насъ пригласили на обѣдъ, къ которому позваны были также Сева-Гаджи и нѣмецкіе офицеры. Сева-Гаджи, хотя и не христіанинъ, однако, питаетъ къ миссіонерамъ глубокое уваженіе и при каждой возможности оказываетъ имъ разныя услуги. И теперь онъ прислалъ къ обѣду вино, на которое въ тощемъ миссіонерскомъ карманѣ не нашлось бы денегъ. Что касается нѣмецкихъ офицеровъ, то отношенія ихъ къ миссіи самыя лучшія. Такая солидарность между людьми одинаковаго цвѣта кожи наблюдается лишь въ Африкѣ. Даже нѣмцы и французы считаютъ другъ друга братьями, также какъ католики и протестанты.

Установленію добрыхъ отношеній между военными властями и миссіей содѣйствуетъ то обстоятельство, что Висманъ или М'буанамъ Куба, главный начальникъ края, имѣвшій возможность въ теченіе многихъ лѣтъ наблюдать на практикѣ дѣятельность миссіонеровъ, относится къ нимъ съ искренней привязанностью и уваженіемъ. Очевидно, подчиненные не желаютъ расходиться въ симпатіяхъ со своимъ начальствомъ. Миссіонеры относятся къ Висману тоже очень хорошо, и, вообще, какъ въ Занзибарѣ, такъ и въ Багамойо я слышалъ о немъ одни хорошіе отзывы и похвалы.

Какъ я уже упоминалъ, Висманъ въ это время былъ въ странѣ Массаи, населенной дикими, кровожадными племенами. Массаи не только сами не могутъ сносить нѣмецкаго господства, но часто сами дѣлаютъ набѣги на подчиненныя нѣмцамъ мирныя племена, живущія ближе къ морю. И вотъ нѣмцы, чтобы показать чернымъ, что покровительство ихъ существуетъ и имѣетъ дѣйствительную силу, принуждены время отъ времени снаряжать военныя экспедиціи для усмиренія непокорныхъ, опасныхъ еще и тѣмъ, что каждое ихъ возстаніе возбуждаетъ волненіе умовъ въ цѣлой странѣ.

Въ миссіи только и говорили, что о судьбѣ Висмана и его экспедиціи. Хотя и надѣялись, что такой опытный и энергичный человѣкъ не потеряется въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, однако, въ виду того, что о немъ давно не было извѣстій, сильно безпокоились. Черезъ черныхъ гонцовъ узнали, что четыре тысячи воиновъ Массаи расположились на обратномъ пути Висмана, намѣреваясь вступить съ нимъ въ битву, что могло произойти ежечасно. О посылкѣ Висману подкрѣпленій нечего было и думать, такъ какъ мѣсто военныхъ дѣйствій лежало въ разстояніи цѣлыхъ мѣсяцевъ пути. Кро-

мѣ того, въ Багамойо имѣлось на лицо не болѣе 300 солдатъ, которыхъ нельзя было отсылать, потому что среди нѣкоторыхъ ближайшихъ племенъ также началось волненіе.

Я слушалъ эти разсужденія съ большимъ интересомъ, потому что дѣло касалось отчасти и нашей экспедиціи. Если бы Висмана разбили, возстаніе, конечно, распространилось бы въ сосѣднихъ съ Багамойо странахъ, и тогда мы принуждены были бы волей-неволей возвратиться въ Занзибаръ. И безъ того уже получены были извѣстія о волненіяхъ въ странѣ У'Загаро, именно тамъ, гдѣ находится миссія Мгонда. Туда была снаряжена большая военная экспедиція подъ начальствомъ одного изъ нѣмецкихъ офицеровъ. Онъ долженъ былъ двинуться въ путь на слѣдующее утро и предложилъ намъ присоединиться къ его отряду. На мгновеніе я было обрадовался, но затѣмъ рѣшительно отклонилъ это предложеніе. Во-первыхъ, мы еще не запаслись ни носильщиками, ни припасами, ни товарами, которыми расплачиваются въ глубинѣ материка, а именно—бѣлымъ коленкоромъ и цвѣтными платками. Во-вторыхъ, военной экспедиціи каждую минуту могла предстоять рукопашная схватка съ туземцами У'Загаро; что-же подѣлали бы тогда мы, люди не-военные? Кончилось бы тѣмъ, что мы принуждены были-бы изъ инстинкта самосохраненія и изъ солидарности взяться за оружіе и стрѣлять въ негровъ, которые передъ нами ни въ чемъ не провинились, и о существованіи которыхъ мы узнали только вчера. Наконецъ, примкнувъ къ экспедиціи, мы обязаны были бы подчиняться командѣ, короче говоря, всецѣло подчиняться нѣмецкой дисциплинѣ. Эти соображенія заставили насъ отказаться отъ сдѣланнаго намъ предложенія. Кромѣ того, намъ нельзя было бы останавливаться тамъ, гдѣ намъ нравилось бы охотиться столько, сколько намъ захочется, и присматриваться къ мѣстной жизни.

Послѣ обѣда въ миссіи нѣмецкие офицеры пригласили насъ на ужинъ, на который я, однако, не пошелъ вслѣдствіе сильной головной боли. Я предпочелъ остаться въ миссіи, чтобы осмотрѣть ея постройки и сады; въ первые дни послѣ пріѣзда я могъ составить лишь общее понятіе о томъ, что видѣлъ. Всюду видны слѣды упорнаго, гигантскаго труда, превосходящаго все, что можно себѣ представить.

Сады миссіи представляютъ обширные лѣса, насажденные руками человѣка. Десятокъ слишкомъ построекъ изъ кораллового рифа отведенъ подъ квартиры священниковъ, подъ школу, мастерскія, церковь, вмѣщающую нѣсколько сотъ человѣкъ; далѣе расположена часовня, домъ для сестеръ милосердія, занимающихся воспитаніемъ негритянскихъ дѣвочекъ, школа для нихъ, затѣмъ кухня, кладовыя и т. д. Съ трудомъ вѣрится, что все это построено безъ спеціальныхъ мастеровыхъ, руками монаховъ и притомъ въ томъ климатѣ, въ которомъ бѣлый человѣкъ физически не въ состояніи работать, такъ какъ можетъ умереть, и въ которомъ нѣмцамъ приходится набирать солдатъ изъ зулусовъ и суданцевъ, такъ какъ даже карабинъ представляетъ слишкомъ непосильное бремя для бѣлаго! Почему одни миссіонеры въ силахъ переносить здѣсь физическій трудъ и не умирать? Трудно отвѣтить на этотъ вопросъ. Быть можетъ, это отчасти обусловлено ихъ

суровымъ образомъ жизни, но скорѣе всего въ этомъ играетъ роль ихъ душевное настроеніе, нервная энергія, экзальтированное сознаніе долга и вѣра въ свое призваніе. Эти люди трудятся въ этомъ климатѣ не только какъ проповѣдники, но просто какъ крестьяне, да и крестьяне въ нашемъ климатѣ такъ не могутъ работать. Они не только распространяютъ христіанство, но и вообще цивилизацію, не только крестятъ негровъ, но пріучаютъ ихъ къ тому, какъ заработывать себѣ пропитаніе, какъ жить и одѣваться по-человѣчески, словомъ орду дикарей превращаютъ въ цивилизованное общество.

А такъ какъ самая могучая физическая сила когда-нибудь должна износиться, то въ награду за столь самоотверженную жизнь ихъ ожидаетъ еще смерть на чужбинѣ.

Но къ ихъ жизни и къ той долѣ счастія, которая достается каждому изъ нихъ, совсѣмъ не подходитъ нашъ обыкновенный критерій счастія. Прямо скажу, что я, которому много приходилось странствовать по свѣту, нигдѣ не встрѣчалъ людей, настолько удовлетворенныхъ своей участью, какъ эти люди. Это я наблюдалъ и въ Занзибарѣ, и въ Багамойо и въ находящейся въ глубинѣ материка Мандерѣ. По нашему мнѣнію, это явленіе опять таки объясняется тѣмъ, что тѣ жизненныя заботы, горячечная борьба за существованія, за богатство, удобства, за обезпеченную будущность, которыя метутъ человѣка въ мірѣ,—все это отпадаетъ отъ него, когда онъ переступитъ черезъ порогъ миссіи. Эти люди сумѣли создать въ мірѣ то, что на первый взглядъ кажется неосуществимымъ, а именно—полную увѣренность въ будущности. Каждый изъ нихъ отлично знаетъ, что предстоитъ ему въ будущемъ, т. е. что ему предстоятъ трудъ и смерть, но это сознаніе проникнуто невозмутимымъ спокойствіемъ, котораго не могутъ нарушить никакія перемѣны въ судьбѣ.

Набожность миссіонеровъ чужда какой-бы то ни было суровости, аскетизмъ здѣсь не только не мрачный, но даже веселый. Я увидѣлъ въ Багамойо такую-же евангельскую идиллію, какую видѣлъ въ Занзибарѣ, и убѣдился, что таковъ характеръ всѣхъ миссій. Простота здѣсь преисполнена такого же величія, какъ и трудъ. При видѣ этой сказочной растительности мнѣ приходятъ на память описанія изъ «Paul et Virginie»; въ тѣни этихъ пальмъ, бамбуковъ, подъ сѣтью ліанъ видишь спокойныя лица священниковъ, негровъ и улыбки дѣтей. Тысячи маленькихъ желто-черныхъ ремезовъ вьютъ тутъ же, на деревьяхъ, передъ дверями миссіи свои гнѣзда, точно понимаютъ, что здѣсь всего спокойнѣе; другіе яркоокрашенные виды птицъ перекликаются въ густой зелени, имъ вторятъ веселые голоса дѣтей, доносится шумъ изъ мастерскихъ. Иногда раздается звонокъ, а иногда изъ глубины сада донесутся звуки органа; ихъ подхватываетъ морской вѣтерокъ и несетъ надъ дикимъ краемъ, пока они не затеряются гдѣ-то далеко въ чащѣ лѣса.

Такое впечатлѣніе производятъ миссіи, когда смотришь на нихъ глазами художника. Но кромѣ этого и кромѣ религіозной дѣятельности, онѣ имѣютъ еще другое значеніе. Во-первыхъ, онѣ ведутъ упорную борьбу съ невольничествомъ и поддерживаютъ европейское гума-

нитарное движеніе за равенство лучше всѣхъ другихъ способовъ, не исключая даже броненосцевъ и пушекъ. Во-вторыхъ, онѣ стараются искоренить исламъ. это самое главное зло Африки. который превращаетъ негра по отношенію къ другому негру въ волка и который порождаетъ все дурное въ ихъ жизни: невольничество, кровавую рѣзню, междоусобія и истребленіе цѣлыхъ племенъ. При мнѣ высказывали такія мнѣнія, будто весь трудъ въ Африкѣ держится на невольничествѣ, и что съ уничтоженіемъ его должны рушиться всѣ устои этого общества, и произойдетъ смута. Напрасный страхъ. Обращенный въ христіанство и освобожденный негръ будетъ трудиться попрежнему, во-первыхъ, потому, что миссіонеры внушаютъ ему понятіе о трудѣ, какъ о пути ко спасенію, во вторыхъ, потому, что долженъ добывать пропитаніе для себя и своей семьи. Негръ-магометанинъ при первомъ удобномъ случаѣ охотно перемѣняетъ лопату на ружье и, собравъ подходящихъ товарищей, отправляется въ глубь страны. нападаетъ на земледѣльческія или пастушьи деревни, убиваетъ мужчинъ, беретъ въ неволю женщинъ и дѣтей и уводитъ стада. При такой неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ пропадаетъ всякая охота къ труду, и страна превращается въ дикую, залитую кровью пустыню. Исламъ является здѣсь синонимомъ невольничества, а невольничество влечетъ за собою войну, дикіе набѣги, пренебреженіе къ труду, море крови, слезъ, застой и междоусобія. Люди, стоящіе въ сторонѣ отъ этихъ явленій, не всегда понимаютъ это и думаютъ, что если-бы миссіи не боролись съ исламомъ, то скорѣе осуществили бы свою цѣль; однако, помирится съ порождаемымъ исламомъ зломъ для миссіонеровъ невозможно. Помириться для нихъ равносильно отреченію отъ своего назначенія.

Гдѣ есть миссія, тамъ страна носитъ другой отпечатокъ. Хижины болѣе просторны, негръ питается лучше, одѣвается лучше, культура выше, производительность страны болѣе развита. Въ мѣстностяхъ. значительно удаленныхъ отъ миссіи, негрскія племена живутъ кое-какъ, изо дня въ день, точно звѣри. Женщины разрыхляютъ землю, чтобы посѣять маніокъ, но когда случается неурожайный годъ, и маніоки не родятся, то голодъ уноситъ сотни человѣческихъ жизней въ одной изъ плодороднѣйшихъ странъ на свѣтѣ. Еще будучи въ Каирѣ, я слышалъ упреки по адресу миссіонеровъ въ томъ, что они не обучаютъ негровъ ремесламъ. Тогда упрекъ казался мнѣ справедливымъ. но, присмотрѣвшись къ мѣстнымъ условіямъ и быту, я понялъ, до чего онъ несостоятеленъ. Въ городахъ, гдѣ существуютъ ремесла и гдѣ они могутъ найти примѣненіе, какъ напримѣръ, въ Багамойо, — негры обучаются имъ и обучаются очень основательно, но въ глубинѣ страны интересно знать, какимъ ремесламъ могутъ обучать миссіонеры? Ужъ, навѣрное, не сапожному, потому что всѣ ходятъ босикомъ, и не колесному, потому что нѣтъ дорогъ; еще менѣе строительному, потому что каждый негръ умѣетъ смастерить себѣ хижину, и не кузнечному, потому что каждый умѣетъ выковать на камнѣ иногда даже хорошій ножъ или дротикъ. Развитіе ремеслъ обусловливается потребностью въ ихъ продуктахъ, а потребности то и нѣтъ никакой, исключая самой первобытной, вполнѣ удовлетворяемой мѣстными издѣліями. Зато миссіо-

перы даже въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ Африки сообщаютъ неграмъ гораздо болѣе полезныя свѣдѣнія, а именно: свѣдѣнія относительно насажденія растеній, употребляемыхъ въ пищу и обезпечивающихъ отъ голода. Самая маленькая миссія окружена кокосовыми пальмами, манговыми, хлѣбными, кофейными, апельсинными, лимонными деревьями и т. д. Однако, необходимо замѣтить, что упомянутыя породы деревьевъ не растутъ въ той мѣстности, въ которой мнѣ пришлось быть, въ дикомъ состояніи. И вотъ дикари-негры изъ чувства подражанія дѣлаютъ такъ же, какъ миссіонеры, и разводятъ вокругъ своихъ жилищъ сады, тогда какъ въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ иногда не встрѣтишь ни одного фруктоваго дерева. Легко представить себѣ, что происходитъ тамъ въ деревняхъ, когда не родятся маніоки.

Миссіи, слѣдовательно, являются не только духовными просвѣтительницами, но и во всѣхъ отношеніяхъ—цивилизующей силой, поднимающей производительность страны. Что касается ихъ духовно-просвѣтительной дѣятельности, то достаточно сказать то, что онѣ негра-звѣря преображаютъ въ негра-человѣка, прививая ему иногда высокіе задатки общественности.

Прежде всего, принявъ христіанство, негръ начинаетъ сознавать свое человѣческое достоинство. Это—натура первобытная, почти дѣтская, одаренная необыкновенной впечатлительностью. Когда съ черными говоришь, то каждое слово отражается на ихъ подвижныхъ лицахъ, точно въ зеркалѣ. Если смѣешься, они хватаются за бока отъ смѣха, если поморщишься, они приходятъ въ смущеніе и бываютъ непріятно поражены, если пристыдишь ихъ, не знаютъ, куда дѣваться отъ стыда. По этому видно, что если такой человѣкъ принимаетъ христіанство, то принимаетъ его горячо и беззавѣтно. Миссіонеры внушаютъ ему любовь къ людямъ, запрещаютъ охотиться за ними и издѣваться надъ ними, воровать, пьянствовать, учатъ, что трудъ есть источникъ всѣхъ благъ и вѣрный путь къ спасенію, и негръ, этотъ большой ребенокъ, старается исполнять эти предписанія, какъ умѣетъ. Конечно, и среди негровъ-христіанъ проявляются такія черты, которыя обусловливаются слабостью человѣческой натуры, грубыми инстинктами и наклонностями, которыхъ не могли побороть даже вѣка цивилизаціи, но, какъ бы тамъ ни было, а негры—христіане стоятъ безконечно выше магометанъ или фетишистовъ. Иногда встрѣчаются даже такіе, которые точно такъ же руководствуются въ своей жизни евангельскимъ ученіемъ, какъ старый «дядя Томъ» въ извѣстной повѣсти.

Христіанское ученіе является для негра не мертвой буквой, не рядомъ обычаевъ и обрядовъ, но въ полномъ смыслѣ религіей, такъ какъ онъ принимаетъ его всѣмъ своимъ наивнымъ, горячимъ сердцемъ и свято вѣритъ безъ какой-бы то ни было тѣни сомнѣнія въ то, что говоритъ ему миссіонеръ. Эта вѣра такъ сильна, что обаянію ея поддаются даже тѣ, которые не приняли христіанства. Негръ-фетишистъ, живущій вблизи миссіи, не крестившійся большей частью вслѣдствіе многоженства, отправляетъ своихъ дѣтей къ миссіонерамъ; самъ-же, бѣдняга, убѣжденъ въ томъ, что его послѣ смерти ждетъ адъ. Часто онъ ломаетъ свою наивную голову дикаря надъ тѣмъ, какъ бы вывер

нуться и избѣгнуть наказанія. И вотъ онъ идетъ къ миссіонеру и говоритъ ему:

— М'буанамъ Куба! Мнѣ нельзя креститься, потому что нельзя же выгнать всѣхъ купленныхъ мною женъ, которыя сѣютъ на моихъ поляхъ кассаву; но я хочу избѣгнуть ада, поэтому сдѣлай такъ: когда я буду при смерти, то извѣщу тебя, а ты приходи поскорѣе и окрести меня...

Тутъ по губамъ его скользитъ хитрая улыбка, показывая, что онъ очень доволенъ тѣмъ, что въ его черной головѣ родилась такая блестящая мысль, какъ провести Бога. Что касается монаховъ какъ въ Багамойо, такъ и въ другихъ миссіяхъ, то я замѣтилъ, что они не только крестятъ негровъ, но и относятся къ нимъ съ любовью.

Многоженство сильно мѣшаетъ распространенію христіанства; вслѣдствіе этого миссіонеры занимаются, главнымъ образомъ, воспитаніемъ дѣтей. Въ Багамойо при миссіи живетъ нѣсколько сотъ дѣтей обоего пола. Нѣкоторыхъ выкупили у торговцевъ невольниками, они родомъ большей частью изъ очень отдаленныхъ земель. Когда-нибудь они вернутся на родину и будутъ распространять въ глубинѣ Черного материка тѣ свѣдѣнія, которыя сообщили имъ миссіонеры.

Мнѣ самому приходилось нѣсколько разъ убѣждаться, до какой степени охотно даже негры-фетишисты отдаютъ своихъ дѣтей въ руки миссіонеровъ. Въ числѣ прочихъ въ нашемъ караванѣ участвовалъ мальчикъ лѣтъ шестнадцати, по имени Томъ. На его обязанности лежало ношеніе двухъ фотографическихъ аппаратовъ, а также фильтрованіе воды. Онъ былъ сынъ короля Муэнэ-Пира, язычника и людоѣда, въ деревнѣ котораго мы впослѣдствіи пробыли цѣлыя сутки, причемъ намъ оказали необыкновенно любезный пріемъ. Хотя старикъ вѣровалъ въ разные «кри-кри», однако, сына пожелалъ сдѣлать христіаниномъ и отдалъ его въ миссію.

Негритянскія поселенія, разбросанныя въ большомъ пальмовомъ лѣсу, разведенномъ миссіонерами, а также по близости—большей частью состоятъ изъ христіанъ, и жители ихъ гораздо зажиточнѣе магометанъ. Въ самомъ городѣ Багамойо большинство негровъ исповѣдуетъ исламъ вслѣдствіе того, что какъ городъ, такъ и все побережье принадлежали недавно Занзибару, и здѣсь отразилось вліяніе арабовъ. Но со времени покоренія страны нѣмцами это вліяніе прекратилось, арабы разсѣяны, невольниковъ уже не могутъ принуждать къ принятію ислама, ибо новые владѣтели страны уничтожили невольничество не только на бумагѣ, но и въ жизни, и если оно иногда практикуется еще и въ настоящее время, то только втайнѣ. Это значительно облегчило задачу миссіонеровъ, а нѣмцы, надо имъ отдать справедливость, настолько умны, что не усложняютъ этой задачи.

Таковы были отношенія къ миссіямъ при Висманѣ. Его преемникъ, вѣроятно, будетъ держаться той же политики.

Быть можетъ, со временемъ магометанство, въ виду того, что арабы уже не могутъ болѣе распространять его, окончательно исчезнетъ изъ окрестностей Багамойо, а впослѣдствіи и изъ всѣхъ нѣмец-

скихъ владѣній. Тогда только негритянскія племена, населяющія эти мѣста, пріобщатся къ жизни цивилизованныхъ народовъ.

Не испортитъ-ли ихъ цивилизація и не привьетъ ли ихъ душѣ болѣе страстей, нежели хорошихъ качествъ? Трудно рѣшить. Это будетъ зависѣть отъ того, съ какой цивилизаціей они столкнутся. Мнѣ не разъ приходилось слышать замѣчанія, что цивилизованный негръ утрачиваетъ свои первобытныя, типичныя черты и превращается въ окончательно испорченное существо. Возможно, однако, что государства, завладѣвшія прибрежьями Африки, вовсе не прилагали никакихъ стараній къ тому, чтобы подготовить негра къ воспринятію цивилизаціи, и до сихъ поръ предоставляли ему сталкиваться, если такъ можно выразиться, съ портовой цивилизаціей, пропитанной горячкой корысти, развратомъ, пьянствомъ и другими пороками. Негръ попросту сдѣлался жертвой такой цивилизаціи, которая проявлялась въ томъ, что прежде всего снабжала его водкой и хроническими болѣзнями, нисколько не заботясь о немъ и ничему не поучая. Негръ заимствовалъ у нея одно зло, ибо больше ему нечего было заимствовать. Но кто подумалъ бы, что негры-магометане не такъ легко подпадаютъ подъ вліяніе портовой цивилизаціи, какъ негры-христіане, тотъ жестоко ошибся бы. Гдѣ вновь народившіяся страсти портовой жизни сталкиваются со старыми, которымъ исламъ, какъ бы то ни было, покровительствуетъ, тамъ негръ доходитъ до послѣдней степени озвѣрѣнія. Исламъ не можетъ спасти его отъ пьянства, ибо коранъ не предусмотрѣлъ появленія водки. Христіане въ общемъ даютъ болѣе сильный отпоръ этимъ страстямъ, а если и они развращаются, то потому, что эта цивилизація, кромѣ пьянства, развиваетъ въ нихъ еще скептицизмъ.

Первый вечеръ въ Багамойо я провелъ въ разговорахъ на эти темы съ миссіонерами. Сидя на верандѣ и бесѣдуя, мы ожидали возвращенія товарищей съ ужина, даннаго замѣстителемъ Висмана. Когда они возвратились, монахи ушли къ себѣ, я же остался на верандѣ, желѣзная рѣшетка которой была старательно заперта на ночь, потому что это все-таки дикая, первобытная страна, въ которой послѣ заката солнца было бы не безопасно гулять даже въ саду миссіи. Ночь была звѣздная, но темная, потому что луны не было видно; было очень душно. Садъ въ глубинѣ казался сплошной, черной стѣной, вблизи же производилъ впечатлѣніе фантастическаго, волшебнаго дѣвственнаго лѣса. Кругомъ раздавалось чрезвычайно удивительное кваканье лягушекъ, напоминавшее щебетанье птицъ, представляющее не одинъ непрерывный звукъ, но прерывистый, повторяющійся черезъ опредѣленные промежутки времени. Два огромныхъ запертыхъ на верандѣ датскихъ дога подошли ко мнѣ и начали ласкаться, затѣмъ, высунувъ головы черезъ рѣшетку, залаяли басомъ, очевидно, чуя скрытыхъ въ темнотѣ враговъ. Въ эту же ночь я два раза будилъ своего товарища, чтобы онъ послушалъ голоса, долетавшіе къ намъ изъ глубины сада и принадлежавшіе, очевидно, леопардамъ.

Воздухъ былъ совершенно неподвиженъ, поэтому жара не спадала, хотя было очень сыро. Здѣсь воздухъ еще болѣе тяжелъ и нездоровъ, нежели въ Занзибарѣ. Хотя я былъ одѣтъ въ фланелевую,

тонкую, какъ полотно, одежду, однако, все время потъ выступалъ у меня на лбу; спать мнѣ совсѣмъ не хотѣлось. Несмотря на это, мысль, что я уже нахожусь на материкѣ и черезъ нѣсколько дней двинусь въ глубину его, доставляла мнѣ такое удовольствіе, что эта ночь была для меня самою пріятною изъ всѣхъ безсонныхъ ночей, какія я когда-либо въ жизни проводилъ.

XII.

Послѣднія приготовленія. — Братъ Оскаръ. — Наши люди. — Хлопоты передъ путешествіемъ. — Багамойо. — Висманъ. — Психологія чернокожихъ. — Жизнь въ Багамойо. — Муравьи. — Обѣдъ въ офицерскомъ клубѣ. — Овада.

Началась суматоха передъ выходомъ въ путь. Братъ Оскаръ заперся въ своей комнатѣ со всѣмъ нашимъ багажемъ, т. е. товарами и запасами живности и занялся распредѣленіемъ ихъ въ тюки, вѣсомъ по 30 килограммовъ каждый, т. е. столько, сколько каждый «пагази» носитъ на головѣ во время похода. Вьючныхъ животныхъ въ этой части Африки не употребляютъ, потому что ихъ здѣсь даже нѣтъ. Во время экспедицій они замѣняются неграми. Въ самомъ Багамойо даже нашлось бы не болѣе двухъ дюжинъ ословъ, къ помощи которыхъ прибѣгаютъ при воздѣлываніи плантацій. Лошадей же, какъ мнѣ говорили, всего одна пара, которая составляетъ собственность богача Сева-Гаджи. Верблюды совсѣмъ неизвѣстны; изъ рогатаго скота встрѣчается индійскій горбатый быкъ зебу. Эти быки тоже годились бы для перевозки тяжестей, но, благодаря своей медлительности, сильно задерживали бы экспедицію; кромѣ того, они являлись бы приманкой для львовъ и, наконецъ, погибли бы отъ укусовъ мухи «тсэ-тсэ», которая въ громадномъ количествѣ водится вблизи воды.

Два или три осла, конечно, пригодились бы въ караванѣ, хотя бы для того, чтобы можно было сѣсть на нихъ, когда слишкомъ утомишься. Но, во-первыхъ, они здѣсь очень дороги. Оселъ, котораго въ Египтѣ купишь за нѣсколько десятковъ франковъ, въ Багамойо стоитъ около пятисотъ. Затѣмъ, муха «тсэ-тсэ» такъ же опасна для ословъ, какъ и для воловъ. По ночамъ, слѣдовательно, ихъ пришлось бы караулить, да и, наконецъ, съ ними много хлопотъ при переправахъ. Мостовъ нигдѣ нѣтъ. Черезъ рѣки переправляются на пирогахъ, или переходятъ ихъ въ бродъ, нарочно выбирая для этого бродъ съ быстрымъ, но мелкимъ теченіемъ, потому что во всѣхъ другихъ частяхъ рѣки масса крокодиловъ. И вотъ въ мѣстахъ, гдѣ человѣкъ переходитъ болѣе или менѣе легко, оселъ, подставляющій противъ теченія свой широкій бокъ, уносится водою и дѣлается обыкновенно жертвой крокодиловъ. Поэтому вислоухихъ приходится тащить черезъ рѣку на веревкахъ, на что, благодаря ихъ упрямству, уходитъ много времени.

Такъ какъ братъ Оскаръ не совѣтовалъ брать осла, то мы рѣ-

шли обойтись безъ него, хотя и съ двуногими черными «пагази» было не мало хлопотъ. Тотъ офицеръ, который во время обѣда въ миссіи заявилъ, что имѣетъ приказъ отправиться въ страну У-Загаро, дѣйствительно, вскорѣ ушелъ въ страну У-Загаро съ отрядомъ въ двѣсти человѣкъ, причемъ въ качествѣ носильщиковъ провіанта увелъ всѣхъ негровъ, нашедшихся въ окрестностяхъ; остальные спрятались въ лѣсахъ. На другой день мнѣ удалось увидѣть этотъ караванъ на городской площади, рядомъ съ нѣмецкимъ фортомъ. Вооруженные солдаты были выстроены въ шеренгу, а «пагази» лежали въ живописныхъ группахъ на спаленной солнцемъ травѣ, ожидая знака выступленія. На мгновеніе я пожалѣлъ, что не присоединился къ этой экспедиціи, мнѣ невольно пришла въ голову мысль, что если тѣ негры, которыхъ офицеръ не успѣлъ захватить, и которые разбѣжались по лѣсамъ, вздумаютъ прятаться тамъ ради безопасности недѣли двѣ, три, то опять наше дѣло затянется до безконечности. И, дѣйствительно, если бы не подѣйствовали вліяніе миссіонеровъ и привязанность негровъ къ брату Оскару, то мы принуждены были бы сидѣть на мѣстѣ. Но братъ Оскаръ сумѣлъ разыскать бѣглецовъ и объяснить имъ, что дѣло идетъ о составленіи каравана для пріятелей отца Стефана, которые дадутъ хорошую плату и воевать не пойдутъ. Послѣ этого на слѣдующее же утро къ миссіи стали собираться одна за другой черныя фигуры, число которыхъ замѣтно росло. Заключеніе условія состояло въ томъ, что договаривающійся получалъ въ задатокъ полторы рупіи, т. е. около трехъ франковъ. Намъ нечего было опасаться обмана, которому подвергается каждый путешественникъ, нанимающій людей въ Занзибарѣ, въ которомъ негры берутъ задатокъ и больше уже не показываются. Братъ Оскаръ хорошо зналъ людей и выбиралъ самыхъ надежныхъ; впрочемъ, негры изъ любви къ миссіонерамъ и изъ нужды въ ихъ постоянной опекѣ почти никогда не нарушаютъ принятыхъ на себя обязательствъ. Я заходилъ въ келью къ брату Оскару и разглядывалъ лица этихъ будущихъ товарищей по путешествію, чтобы научиться различать ихъ одного отъ другого. Негры на первый взглядъ точно такъ же кажутся намъ похожими другъ на друга, какъ и мы имъ. Вскорѣ я научился различать ихъ. Тутъ были представители двухъ племенъ: М-Гуру и У-Зарамо. Нѣкоторые были христіане, а именно: караванный вожакъ Бруно, сынъ короля Муэнэ-Пира, малый Томъ о которомъ я уже говорилъ, принадлежащій къ племени людоѣдовъ І-Доэ, и переводчикъ Франсуа. Этихъ трехъ легко было отличить, потому что у нихъ были надѣты крестики. У малаго Тома, кромѣ того, были отточены передніе зубы, что практикуется среди всѣхъ племенъ людоѣдовъ.

Брату Оскару было не мало хлопотъ. На распредѣленіе разныхъ запасовъ и приспособленій, между которыми были походныя кровати, шатеръ, ружья, живность, ситцы и пр., уходило много времени. При этомъ приходилось съ каждымъ негромъ говорить отдѣльно, уговорить его взять задатокъ и указать каждому, что онъ долженъ нести. Можно было бы предположить, что разъ каждый тюкъ вѣситъ по 30 килограммовъ, то безразлично, кто какой тюкъ понесетъ; однако,

оказывается, что это далеко не все равно. Негръ выбираетъ себѣ тюкъ, привязываетъ къ нему бамбуковую трость и отмѣчаетъ, что ему придется нести именно этотъ тюкъ, а не какой-нибудь другой, причемъ полагаетъ, что уронитъ свое достоинство, если прикоснется къ другому. Это объясняется отчасти самолюбіемъ, отчасти наивнымъ тщеславіемъ. Тотъ, кому приходится нести ружье бѣлаго человѣка, его кровать, дорожную сумку или какую-нибудь другую вещь первой необходимости, считаетъ себя выше тѣхъ, кому выпало на долю несть ситцы или муку. Переводчикъ ужъ совсѣмъ что называется сановникъ, и если рѣшится что-либо нести, то развѣ ружье или фонарикъ.

Наблюдая за этимъ церемоніаломъ, пріобрѣтаешь необходимые въ путешествіи навыкъ, терпѣніе и знаніе психологіи чернокожихъ. Негры такъ же болтливы, какъ египетскіе арабы, и, благодаря своему чисто дѣтскому развитію, спорятъ изъ-за каждаго пустяка, ссорятся, смѣются или кричатъ. Не трудно поэтому представить себѣ ту суматоху, какая происходитъ, особенно въ первыя минуты, составленія каравана. Надо хорошо изучить этихъ людей, чтобы умѣть держать ихъ въ повиновеніи и въ то же время не быть жестокимъ.

Братъ Оскаръ удивительно умѣлъ обходиться съ ними. Его обращеніе съ неграми было чуждо какой-бы то ни было сентиментальности или суровости. Онъ работу пересыпалъ шутками, иногда угощалъ того или другого толчкомъ, приправленнымъ остротой, отъ которой вся толпа чернокожихъ бралась за бока, восклицая: «О, м'буанамъ! м'буанамъ!..» Добродушная улыбка не покидала его лица; несмотря на это, негры соблюдали строгій порядокъ, прекращая споры или излишнюю болтовню по одному его взгляду. Кто умѣетъ быть веселымъ, не теряя при этомъ достоинства, тотъ смѣхомъ и шутками сдѣлаетъ съ негромъ, что захочетъ, и поведетъ, куда захочетъ. Но очевидно, что такой способъ обращенія съ негромъ могутъ избирать лишь тѣ, которые хорошо знаютъ мѣстный языкъ. Кто имъ не владѣетъ, тотъ не можетъ прибѣгать къ шуткѣ, однако, долженъ умѣть подчинить себѣ своихъ людей, ибо, несмотря на всѣ хорошія черты въ характерѣ негровъ, плохо пришлось бы тому путешественнику, къ которому они потеряли уваженіе. Тутъ приходится выбирать между тѣмъ, прибѣгнуть ли къ наказанію или сдѣлаться жертвой широкаго самоуправства. Братъ Оскаръ все время предостерегалъ насъ о томъ, что людей необходимо держать строго, поэтому встрѣчая ихъ на верандѣ миссіи или въ кельѣ, гдѣ они упаковывали товары въ тюки, мы принимали такой олимпійскій видъ, что сами едва сдерживались отъ смѣха. Негры съ любопытствомъ и недовѣріемъ посматривали на своихъ будущихъ М'буана Куба и М'буана Одого, съ которыми имъ придется прожить неразлучно въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, и которые могли оказаться для нихъ или добрыми или очень злыми. Когда бѣлый человѣкъ отправляется въ глубь материка съ караваномъ, то въ силу необходимости дѣлается неограниченнымъ господиномъ людей, да и, кромѣ того, у каждаго негра въ крови есть чувство рабства передъ тѣмъ, кто его нанялъ и кормитъ.

Работа шла быстро, число «пагази» возросло до двадцати, и

намъ можно было уже тронуться въ путь, но тутъ внезапно появились затрудненія другого рода. Война разыгрывалась не на шутку. О Висманѣ попрежнему не было никакихъ извѣстій, вслѣдствіе чего его замѣститель въ Багамойо не зналъ, можно ли отпустить нашъ караванъ въ глубь страны. Путешественникъ, намѣривающійся отправиться въ глубину Африки, необходимо долженъ имѣть разрѣшеніе на это отъ начальника побережья, если не по отношенію къ своей личности, то по отношенію къ чернокожимъ, которые съ нимъ идутъ. Пришлось хлопотать объ этомъ разрѣшеніи, ходить, разъяснять. Если бы у меня не было писемъ изъ Берлина, не знаю, привели ли бы эти хлопоты къ цѣли или нѣтъ, потому что замѣститель Висмана боялся выдать разрѣшеніе на свою отвѣтственность. Но письма, очевидно, разсѣяли сомнѣнія, и въ концѣ концовъ намъ выдали желаемое разрѣшеніе, только мы должны были дать обязательство въ томъ, что не пойдемъ въ страны, охваченныя войною, что намъ, конечно, невозможно было сдѣлать съ двадцатью неграми.

Въ нѣмецкихъ владѣніяхъ строго контролируютъ оружіе; власти заботяться о томъ, чтобы оно не попадало въ руки туземцевъ. На ружья накладываютъ казенную печать, а кто хочетъ избѣжать этого, тому приходится платить 10 рублей подати и сто рупій залога; эта послѣдняя сумма отдается назадъ послѣ возвращенія изъ путешествія. Мы не захотѣли портить ружья печатями, но отъ залога насъ освободили, быть можетъ, изъ любезности или, быть можетъ, благодаря письмамъ изъ Берлина.

Всѣ эти мелочи были довольно скучны. Въ нихъ была лишь та хорошая сторона, что, благодаря задержкѣ, намъ удалось лучше присмотрѣться къ городу и его жизни. Здѣсь приходится видѣть много интересныхъ вещей.

Напримѣръ, я предполагалъ, что въ Багамойо такъ же, какъ и во всей Германіи, интересы нѣмцевъ охраняютъ бѣлые воины, родомъ съ береговъ Эльбы, Шпрее, Рейна.

Между тѣмъ я убѣдился, что, за исключеніемъ офицеровъ, ихъ здѣсь вовсе нѣтъ. Если же какіе-нибудь и были, то Висманъ взялъ ихъ съ собой. Рядовые сплошь набираются изъ зулусовъ и суданцевъ.

Говорятъ, что послѣдніе, пройдя школу европейской дисциплины, скоро преобразуются въ отличныхъ солдатъ. Негровъ мѣстныхъ племенъ (Суачили и У'Зарамо), какъ ненадежный элементъ, въ ряды войска не принимаютъ. Очевидно, негры изъ Зулуланда и Судана не признаютъ туземцевъ своими братьями. Сдѣлавшись «аскортсами», т. е. солдатами, они считаютъ себя высшими существами, имѣющими право относиться презрительно къ бѣднымъ полунагимъ мѣстнымъ неграмъ.

Такимъ образомъ, бѣлые люди завоевываютъ черный материкъ и держатъ его въ подчиненіи при помощи самихъ же чернокожихъ. Иначе, впрочемъ, и быть не можетъ, потому что подъ этой широтой бѣлый человѣкъ не въ состояніи нести ранецъ и карабинъ.

Затѣмъ меня поразила незначительность тѣхъ средствъ, съ какими нѣмцы удерживаютъ всѣ свои африканскія владѣнія.

Нѣмецкія владѣнія въ этой части Африки по размѣрамъ гораздо

больше всей Германіи, а всѣ они охраняются нѣсколькими сотнями черныхъ солдатъ и десяткомъ бѣлыхъ офицеровъ. Когда оставишь позади послѣднія хижины Багамойо, можно пройти сотни миль, не встрѣтивъ ни одного нѣмецкаго солдата. Только кое-гдѣ стоятъ небольшіе горнизоны, разбросанные въ фортахъ на громадномъ разстояніи другъ отъ друга.

Страна, въ дѣйствительности, не занята, а считается нѣмецкой лишь потому, что таковой признали ее европейскія государства въ силу договоровъ. Что касается тѣхъ черныхъ, которые не находятся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ городомъ, то они признаютъ нѣмцемъ настолько, насколько боятся, что въ случаѣ неповиновенія явится военная экспедиція и подвергнетъ ихъ болѣе или менѣе тяжелому наказанію. Такимъ образомъ установился способъ правленія страной при помощи военныхъ экспедицій, которыя не всегда поддерживаютъ владычес во бѣлыхъ.

Легко понять, что при такихъ условіяхъ многое зависитъ отъ личности того человѣка, который управляетъ страною, и отъ авторитета, какимъ онъ пользуется среди негровъ. Висманъ несомнѣнно подходилъ къ этимъ требованіямъ не только потому, что въ случаѣ нужды умѣлъ усмирять черныхъ, но и потому, что сумѣлъ пріобрѣсти ихъ расположеніе. «Висманъ любитъ черныхъ,—говорилъ мнѣ отецъ Стефанъ,—и они это чувствуютъ» Благодаря этому, его правленіе, несмотря на всю свою строгость, не было безсердечнымъ. Черные, дѣйствительно, боялись его, но такъ, какъ дѣти бояться отца, и вслѣдствіе этого въ племенахъ, по крайней мѣрѣ, имѣвшихъ съ нимъ частыя столкновенія, выработывалось сознаніе, что правительство ихъ справедливо и законно. Очевидно, что это сознаніе представляетъ болѣе сильное средство для удержанія страны, нежели штыки. Но въ эту минуту, когда я пишу письма, Висмана уже нѣтъ тамъ, средства же остались такими же незначительными, какъ и прежде.

Впрочемъ, теперешняя незначительность средствъ въ управленіи страной врядъ-ли цѣлесообразна. Такой способъ экономіи въ силахъ обходится очень дорого самимъ нѣмцамъ, потому что требуетъ безпрестанныхъ военныхъ экспедицій и располагаетъ населеніе къ возстаніямъ, а продолжительность этого военнаго положенія отдаляетъ ту минуту, когда страна вознаградится за потери, т. е. когда въ ней начнетъ развиваться торговля, промышленность и земледѣліе.

Въ тѣхъ нѣмецкихъ колоніяхъ, о которыхъ я пишу, эта пора настанетъ еще не скоро. Для нѣмецкой торговли и промышленности эта страна откроется лишь тогда, когда негръ цивилизуется, и когда возрастутъ его потребности. Что касается земледѣлія, то надежды нѣмцевъ, заключающіяся въ томъ, что они когда-нибудь пріѣдутъ сюда, настроятъ усадебъ и будутъ взрывать землю плугами, — одна химера. Быть можетъ, эта мечта осуществится въ какомъ-нибудь исключительномъ мѣстѣ, у подножія горъ, гдѣ климатъ, вслѣдствіе болѣе высокаго положенія страны, холоднѣе; но вообще бѣлый человѣкъ работать здѣсь не можетъ, а слѣдовательно, и осѣдлость, въ обыкновенномъ значеніи этого слова, тоже не можетъ развиться. Если земледѣліе

когда-нибудь разовьется въ этой странѣ, то не иначе, какъ черезъ посредство большихъ компаній. Одна такая компанія «Ost Afrikanische Gesellshcaft» (Восточно - Африканское Общество) уже основана здѣсь, но всѣ плантаціи кофе, сахарнаго тростника, хлопка и пр. воздѣлываются руками черныхъ работниковъ. Но такъ какъ невольничество уничтожено, то предпріятія такихъ компаній будутъ всецѣло зависѣть отъ найма работниковъ. Но тутъ являются препятствія со стороны черныхъ, потому что они не любятъ трудиться и не хотятъ работать больше того, что имъ самимъ нужно. Негръ-магометанинъ убѣжденъ, что трудъ унижаетъ его; одни только негры-христіане трудятся съ охотой. Слѣдовательно, будущее развитіе страны находится въ прямой зависимости отъ расширенія дѣятельности миссій. Потому то нѣмцы и не стѣсняютъ ни въ чемъ дѣятельности послѣднихъ, хотя онѣ почти всѣ французскія.

Еще до прибытія моего въ эту страну, мнѣ приходилось не разъ слышать и читать о жестокомъ обращеніи нѣмцевъ съ черными. Въ этомъ много преувеличенія, тѣмъ болѣе, если принять во вниманіе, что страна находится на военномъ положеніи. Правленіе, дѣйствительно, отличается суровостью: это ужъ свойственно нѣмецкой натурѣ, но оно не стремится къ тому, чтобы истребить мѣстное населеніе. Это даже шло бы въ разрѣзъ нѣмецкимъ интересамъ, потому что, если будущее развитіе страны, какъ я уже упоминалъ, зависитъ отъ труда черныхъ, то необходимо щадить черныхъ. Между нѣмецкими офицерами, навѣрно, есть много такихъ, которые не доросли до пониманія правленія Висмана, не воодушевлены духомъ гуманности, безсердечны въ обращеніи съ черными и не умѣютъ понять, что отъ чернокожаго нельзя требовать столько же, сколько отъ европейца. Такъ какъ во главѣ управленія страной стоятъ военные, т. е. люди, склонные къ проявленію грубой силы, то они и бьютъ негровъ иногда безъ особой нужды, иногда слишкомъ строго, но всегда только въ случаѣ сопротивленія. Зато невольничество здѣсь совсѣмъ искоренено, и торговля людьми преслѣдуется съ большей энергіею, нежели въ Занзибарѣ, который находится подъ англійскимъ протекторатомъ. Ни одному арабу нельзя больше разъѣзжать по странѣ во главѣ кровожадной шайки, жечь, грабить, разбойничать, уводить въ неволю женщинъ и дѣтей. А вѣдь, еще недавно на такіе набѣги смотрѣли въ странѣ, какъ на нормальное явленіе, и ни одинъ негръ не могъ знать, когда настанетъ для него послѣдній день и часъ. Прекратились также междоусобныя войны разныхъ мелкихъ племенъ, которыя издавна избивали другъ друга. Теперь, если какое-нибудь дикое племя, какъ напримѣръ, Массаи, дѣлаетъ набѣгъ на сосѣдей, то съ побережья сейчасъ же отправляютъ военную экспедицію для усмиренія разбойниковъ. И вообще, безопасность личности и собственности теперь гораздо больше обезпечены, нежели во времена арабскаго владычества.

Идеальнымъ управленіемъ можно было бы назвать, конечно, только такое, при которомъ каждый довольствовался бы тѣмъ, что имѣетъ. Но въ дѣйствительности выходитъ иначе. Европейскія государства захватываютъ и дѣлятъ между собою Африку, что, впрочемъ, практиковали бы и арабы, если бы тамъ не было европейцевъ, и правленіе ихъ

было бы еще хуже. Нѣмцамъ ихъ часть досталась по тому-же праву, по какому владѣютъ другіе своими частями, и они управляютъ ею не хуже другихъ. Съ ихъ стороны, безъ сомнѣнія, бываетъ много ошибокъ, потому что эта область имъ менѣе знакома, нежели англичанамъ, напримѣръ; однако, нужно признаться, что ихъ правленіе въ сравненіи съ прежнимъ арабскимъ представляетъ большую перемѣну къ лучшему, которая окажетъ свое плодотворное вліяніе если не на нынѣшнія, то на будущія поколѣнія.

Несмотря, однако, на то, что во главѣ управленія стоитъ человѣкъ, не только относящійся къ неграмъ съ любовью, но и умѣющій заслужить ихъ расположеніе,—негры жалѣютъ арабовъ. Во время возстанія Бушири почти всѣ они перешли на его сторону и въ настоящее время, если бы имъ дали право выбирать, они выбрали бы арабовъ, Чтобы понять это, необходимо знать психологію дикаго человѣка. Жестокость и произволъ, хотя они и страшны, онъ переноситъ поневолѣ, потому что долженъ переносить; когда приходится страдать, страдаетъ, но во времена арабскаго владычества въ его сознаніи все было ясно: онъ могъ дать себѣ отчетъ въ условіяхъ своей жизни, зналъ, что ему угрожаетъ, и что не угрожаетъ, за что его казнятъ, и что ему разрѣшено. Между тѣмъ, приходя въ соприкосновеніе съ цивилизаціей бѣлыхъ, черный человѣкъ дѣлается жертвой непониманія и неувѣренности. Тутъ на сцену выступаетъ право, котораго онъ не знаетъ, предписанія закона которыя для него непонятны, запрещенія, къ которымъ онъ не привыкъ, условія жизни, которыя сбиваютъ его съ толку. Все это виситъ надъ нимъ, какъ туча. Онъ знаетъ, что ему что-то угрожаетъ, но не знаетъ, что именно; знаетъ, что нѣкоторые проступки влекутъ за собою наказаніе, однако, не знаетъ, какіе именно. Онъ теряетъ голову. Онъ испытываетъ постоянное безпокойство, которое дѣлаетъ его жизнь, дѣйствительно, тяжелою, и въ концѣ концовъ онъ чахнетъ, подобно дикой птицѣ въ клѣткѣ.

Англичане, давно уже владѣющіе колоніями, принимаютъ въ соображеніе эту психологію; однако, и подъ ихъ управленіемъ разные дикіе народы вымерли, не вслѣдствіе преслѣдованій и не вслѣдствіе виски и заразныхъ болѣзней, но потому, что европейская цивилизація оказалась имъ не подъ силу, а условія жизни—черезчуръ сложными. Жители острова Тасманіи вымерли, кажется, просто отъ разстройства нервной системы. Негры легче осваиваются съ цивилизаціей, нежели другія дикія расы, но и они, впервые столкнувшись съ нею, теряютъ душевное равновѣсіе и страдаютъ такъ сильно, что предпочитаютъ цивилизаціи прежнія времена жестокости и рабства.

Нѣмцы въ отношеніи черныхъ дѣлаютъ гораздо больше ошибокъ, нежели англичане. Напримѣръ, мнѣ говорили, что въ Багамойо вышелъ законъ, который гласитъ, что каждый негръ, владѣющій землею, долженъ записать ее въ казнѣ. Миссіонеры увѣряли меня, что черные рѣшительно не могли понять, чего отъ нихъ требуютъ. Тамъ столько незанятой земли, и собственность до того неограничена, что этотъ законъ казался имъ непостижимымъ и не неосуществимымъ. Я полагаю,

что сотни тому подобныхъ преждевременныхъ законовъ только запутываютъ черныя головы и препятствуютъ имъ жить нормально.

Нерасположеніе черныхъ къ нѣмцамъ очень замѣтно, и миссіонеры стараются ихъ примирить. Въ самомъ Багамойо еще недавно негры демонстративно отвѣшивали арабамъ поклоны въ поясъ и съ презрѣніемъ отворачивались отъ европейцевъ. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока не вышелъ приказъ, чтобы каждый цвѣтной человѣкъ, включая сюда и арабовъ, становился во фронтъ передъ каждымъ бѣлымъ. будь то хоть простой матросъ. Съ этого времени прогулка по Багамойо очень затруднительна, потому что все населеніе, негритянское, арабское и индійское, вскакиваетъ и отдаетъ честь, а для человѣка, непревыкшаго къ этому, такая церемонія становится подъ конецъ невыносимою.

Это, впрочемъ, не нѣмцы изобрѣли. Въ Аденѣ я наблюдалъ тоже самое. Это способъ, при помощи котораго у цвѣтного человѣка развиваютъ понятіе о бѣломъ, какъ о высшемъ существѣ.

Городъ Багамойо ничѣмъ не замѣчателенъ, даже мѣстоположеніемъ, потому что не имѣетъ порта; простая лодка не можетъ подплыть къ самому городу. Поэтому я предполагаю, что столицей страны впослѣдствіи сдѣлается Даръ-эсъ-Салямъ, расположенный нѣсколько южнѣе. Багамойо вдвое меньше Занзибара. Дома, какъ и въ Занзибарѣ. построены изъ коралловаго рифа; по окраинамъ города находятся негритянскіе кварталы. застроенные круглыми хижинами съ тростниковыми крышами. Единственный садъ находится около миссіи, расположенной въ разстояніи киллометра отъ города; въ самомъ городѣ деревьевъ нѣтъ, поэтому зной до того силенъ, что днемъ трудно ходить по улицамъ. Единственную особенность представляетъ домъ, въ которомъ жилъ Эмиль-паша, когда онъ со Стэнли вернулся изъ Водолаи. Домъ Висмана построенъ изъ дерева, стоитъ надъ самымъ моремъ. Столбы, на которые опирается зданіе, устроены въ видѣ очень высокихъ желѣзныхъ вазъ, наполненныхъ водою. Благодаря такому устройству. муравьи и термиты не могутъ проникнуть внутрь и точить дерево. Здѣсь водится нѣсколько видовъ муравьевъ; изъ нихъ для деревянныхъ построекъ наиболѣе опасенъ видъ мелкаго, бѣлаго муравья. Онъ точитъ дерево въ серединѣ, оставляя нетронутой наружную стѣнку бревна, толщиною не болѣе оплатки. Источенный такимъ образомъ домъ можетъ каждую минуту рухнуть на головы жильцовъ. До сихъ поръ не нашли никакого предохраняющаго средства противъ этихъ разрушителей, которые пробираются также и въ нѣмецкіе дома и истребляютъ домашнюю утварь. Купленный мною въ Занзибарѣ самалисскій дротикъ они источили въ теченіе сутокъ.

Вообще обиліе насѣкомыхъ дѣлаетъ жизнь въ Багамойо нестерпимой. Спустя нѣсколько дней послѣ нашего прибытія, меня съ товарищемъ пригласили на обѣдъ въ офицерскій клубъ,—и навѣрно никто изъ насъ не съѣлъ въ жизни столько разныхъ мухъ, москитовъ и тому подобныхъ тварей, какъ на этомъ обѣдѣ. Рюмка закрывается, но пока несешь ее ко рту, въ нее падаютъ десятки всевозможныхъ крошечныхъ существъ. Надъ столомъ носятся цѣлые рои. Похожія на

кусочекъ желтой соломы насѣкомыя, величиною въ нѣсколько дюймовъ, расхаживали у насъ по плечамъ и головамъ; жуки, иногда очень большихъ размѣровъ, били насъ по лицу и по глазамъ. Въ Африкѣ ко всѣмъ этимъ маленькимъ неудобствамъ необходимо привыкнуть, и мы привыкли къ этому такъ скоро, что послѣ, когда въ глубинѣ страны намъ приходилось спать въ шатрѣ, не обращали никакого вниманія на то, ходитъ ли по насъ кто, или нѣтъ. Лишь бы не скорпіонъ, и то хорошо.

Одинъ изъ нѣмецкихъ офицеровъ, поручикъ фонъ-Бронсартъ, изящный и вѣжливый молодой человѣкъ, обѣщалъ проводить насъ до рѣки Кингани, лежащей на разстояніи однаго перехода отъ Багамойо. По служебнымъ обязанностямъ, онъ не могъ самъ явиться, но прислалъ намъ двухъ аскарисовъ. т. е. солдатъ, вмѣстѣ съ веслами и уключинами отъ казенной лодки, которая находится въ М'Тони. у переправы.

Братъ Оскаръ окончилъ всѣ приготовленія, и намъ можно было немедленно двинуться въ путь.

XIII.

Отправленіе изъ Багамойо.—Безпокойство и сомнѣнія.—Дорожные виды.—Тропинки.—Дикія поля.—Переходъ черезъ лужу.—Встрѣча съ караваномъ.—Шкуры павіановъ.—Виды европейцевъ на Африку.—Переправа у М'Тони.—Сборщикъ.—Рѣка Кингани. Крокодилы.—Экскурсія на лодкѣ.—Гиппопотамы.—Охота.—Возвращеніе.—Вторичная эскурсія.—Закатъ солнца.—Мы идемъ дальше.

Такъ какъ въ странѣ Массаи шла война, въ У'Загаро начались волненія, а во всѣхъ болѣе или менѣе отдаленныхъ окрестностяхъ настроеніе было неопредѣленное, то свое путешествіе въ глубь страны мы должны были значительно сократить.

Однако, мы сказали себѣ: «будемъ идти, пока можно будетъ идти», и когда всѣ приготовленія были окончены, мы, не медля ни минуты, двинулись въ путь.

Это былъ для насъ радостный день. Ставъ очень рано, мы пошли въ столовую, гдѣ собрались уже отецъ Стефанъ, братъ Оскаръ и прочіе миссіонеры, чтобы въ послѣдній разъ позавтракать съ нами. Наши негры ожидали насъ на верандѣ, каждый у своего тюка. Одни привязывали къ нимъ толстыя бамбуковыя палки, другіе еще спорили о томъ, кому что нести, говоря при этомъ такъ много, что на верандѣ стоялъ невыразимый шумъ. Миссіонеры—такіе гостепріимные и сердечные люди, что когда послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія у нихъ приходится разставаться съ ними, а тѣмъ болѣе передъ отправленіемъ въ дикія, нецивилизованныя страны, то невольно испытываешь такую тоску, точно оставляешь родной домъ и близкихъ людей. Къ этому примѣшивается отчасти безпокойство, которое. мнѣ кажется долженъ испытывать каждый. кто первый разъ пускается въ такое путешествіе

и не знаетъ, какъ онъ справится со своимъ караваномъ, съ людьми, съ которыми придется сталкиваться, съ трудами и климатомъ. Даже у насъ въ Европѣ тотъ, кто первый разъ ѣдетъ за границу, не можетъ освободиться отъ такого безпокойства, а о путешествіи на черный материкъ, на которомъ попадается много неизвѣстнаго и такія отношенія, въ которыхъ все зависятъ отъ собственной головы и рукъ, и говорить нечего.

Къ счастью, есть одна поговорка. Мы при всякомъ случаѣ говоримъ: «Какъ-нибудь, да будетъ». Въ обыденной жизни этой поговоркой прикрывается легкомысліе, но въ извѣстныхъ исключительныхъ случаяхъ она можетъ сослужить хорошую службу.

Что же послѣ этого сказать о другой народной поговоркѣ: «разъ козѣ смерть», которая въ нашей обыденной психологіи имѣетъ гораздо большее значеніе, нежели можно было бы ожидать? Стоитъ лишь вспомнить ее, чтобы духъ поднялся, какъ на дрождяхъ. Точно такъ же поднялся онъ и у насъ, когда настала послѣдняя минута.

Наконецъ, мы прощаемся съ миссіонерами и выходимъ на веранду. Бруно, надсмотрщикъ каравана, начинаетъ кричать: «Айа! Айа»! (Живо!). По этому крику наши негры поднимаютъ тюки на головы; мы идемъ впереди, черные за нами. Вскорѣ караванъ растягивается на подобіе ужа и входитъ въ пальмовый лѣсъ.

Настроеніе у насъ обоихъ великолѣпное. Каждый изъ насъ думаетъ: «Итакъ, путешествіе, дѣйствительно, начато. Наконецъ-то, намъ удается увидѣть черный материкъ и узнать, какъ путешествуютъ по Африкѣ, мы увидимъ степи, дѣвственные лѣса, негритянскія деревушки, скрыться въ густой растительности, мы увидимъ неизвѣстныхъ до тѣхъ поръ людей и не знакомую намъ жизнь».

Для людей, въ которыхъ бьется жилка бродяжничества, въ этомъ заключается много заманчиваго. Кромѣ того, появляется чувство неограниченной свободы. Оставивъ позади себя Багамойо, мы оказались предоставленными Божьей и собственной волѣ, а къ этому присоединилось еще и сознаніе власти.

Удовольствіе, вызванное этимъ сознаніемъ, было для насъ такъ неожиданно, что мы не сразу съ нимъ освоились. Однако, на самомъ дѣлѣ такъ и было. Цивилизованная жизнь поглощаетъ и усыпляетъ эту жажду власти, но она дремлетъ въ душѣ и просыпается при первомъ удобномъ случаѣ, а когда проснется, то самый утонченный человѣкъ, самый большой скептикъ и пессимистъ чувствуютъ, что лучше приказывать хотя бы подъ экваторомъ, въ какой-нибудь убогой негритянской деревушкѣ, нежели повиноваться въ великолѣпнѣйшемъ городѣ въ Европѣ. Такова ужъ человѣческая натура.

Черезъ полчаса пути мы оставляемъ за собой послѣдніе дома Багамойо. Мы немного запоздали, потому что ждали поручика Бронсарта, обѣщавшаго проводить насъ до Кингани, но онъ не явился, задержанный служебными обязанностями. Мы выходимъ на дорогу, шириною въ метръ, протоптанную на красномъ грунтѣ и поросшую съ обѣихъ сторонъ такимъ высокимъ кустарникомъ, точно эта была

искусственная тѣнистая аллея. Скоро дорога и аллея обрываются, а съ ними исчезаютъ всякіе слѣды культуры. Начинается дикая мѣстность.

Такіе внезапные переходы отъ культуры къ пустынной глуши мнѣ приходилось въ свое время наблюдать въ южной Калифорніи, но тамъ пустыня большей частью покрыта кактусами; здѣсь же только трава, тростникъ и кусты. Мы продолжаемъ путь далѣе по узенькой тропинкѣ, протоптанной неграми. Сѣть такихъ тропинокъ покрываетъ всю Африку даже въ самыхъ дикихъ ея частяхъ. Протоптываютъ ихъ караваны, въ которыхъ люди идутъ всегда гуськомъ. Трава вокругъ такъ высока, что превышаетъ нашъ ростъ и заслоняетъ видъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ее смѣняетъ тростникъ, въ другихъ мѣстахъ мимозы, цѣпляющіяся шипами за наше платье. Я оглядываюсь назадъ. и прежде всего мнѣ бросается въ глаза качающаяся линія тюковъ на головахъ черныхъ, за нею рядъ придорожныхъ кустовъ, которые мы уже прошли, вдали—перистыя верхушки пальмъ миссіи, уже подернутыя легкой дымкой дали, а подлѣ нихъ какія-то дрожащія бѣлыя пятна,—это отраженіе солнечнаго свѣта отъ бѣлыхъ домовъ города. Но вскорѣ все это исчезаетъ, и куда не взглянешь—вездѣ одно: кусты и трава, трава и кусты. Надъ всѣмъ этимъ простирается неизмѣримо глубокій куполъ неба и, благодаря низкому горизонту, болѣе широкій, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другой странѣ. Кое-гдѣ поднимается дерево, стоящее на холмикѣ такъ же одиноко, какъ наши груши въ полѣ. затѣмъ—опять равнина. Широколиственныхъ растеній, то-есть пальмъ, бамбуковъ и арумовъ, нигдѣ не видно. Поэтому окрестность утрачиваетъ тропическій характеръ и напоминаетъ дикое пастбище. Я тщетно присматриваюсь, не покажется ли изъ кустовъ голова антилопы, или не зашевелится ли трава отъ бѣга какого-нибудь болѣе крупнаго звѣря,—нигдѣ ничего. Только стаи мелкихъ птичекъ взлетаютъ порою волнообразнымъ полетомъ надъ равниной. Иногда налетитъ вѣтерокъ и слегка наклонитъ зеленую траву, вездѣ много простора и воздуха. Колоритъ мѣстности здѣсь холоднѣе, нежели въ Занзибарѣ: въ немъ преобладаютъ преимущественно два цвѣта: зеленый и голубой. Солнце стоитъ уже высоко и жжетъ немилосердно. На насъ поверхъ сѣтчатыхъ фуфаекъ надѣты только бѣлыя полотняныя куртки, мы ничего не несемъ, кромѣ манерокъ съ водой, театральныхъ биноклей и зонтиковъ,—ружья несутъ за нами негры,—и, несмотря на это, мы совершенно облиты потомъ.

Тѣни мало. Мы постепенно спускаемся все ниже и ниже, потому что подходимъ къ долинѣ рѣки Кингани. Группы тростниковъ встрѣчаются все чаще и растутъ все гуще, отъ земли начинаетъ подниматься запахъ разогрѣтаго болота; наконецъ, мы останавливаемся у широкой лужи, въ которой исчезаетъ наша тропинка.

Нѣсколько минутъ отдыха. Намъ надо пройти лужу въ самомъ широкомъ и открытомъ мѣстѣ, потому что въ обѣ стороны она тянется очень далеко и образуетъ по концамъ непроходимое болото, поросшее тростникомъ. Съ берега, на которомъ мы остановились, она имѣетъ видъ небольшого заглохшаго озера. Сонная вода покрыта во-

дорослями съ очень красивыми лиловыми цвѣтами, которые отражаются въ неподвижной водѣ, какъ въ зеркалѣ. По берегамъ тростникъ образуетъ какъ бы стѣну, въ немъ кружатся птички фіолетоваго и краснаго цвѣтовъ, величиною не превосходящія нашего воробья. Иногда какая-нибудь птичка садится на верхушку стебля, а онъ гнется подъ нею и колышетъ ее, причемъ цвѣтъ ея перьевъ переходитъ въ металлическій или отливаетъ блескомъ дорогихъ каменьевъ.

Мы садимся на плечи аскарисовъ и перебираемся на другую сторону. Вода доходитъ имъ до пояса, но дно повидимому твердо, потому что они идутъ свободно. По другую сторону разстилается та-же картина: трава и тростникъ! Рѣка Кингани находится уже недалеко, и я съ нетерпѣніемъ жду, когда она покажется. Послѣ Нила—это первая рѣка Африки, которую я вижу.

Мы входимъ въ траву, которая совсѣмъ закрываетъ отъ насъ свѣтъ. Я постоянно удивляюсь отсутствію всякихъ животныхъ. Но оказалось, что днемъ даже самые дремучіе лѣса Африки охвачены полнѣйшимъ молчаніемъ. Путешествовать же ночью по этимъ самымъ тропинкамъ, даже въ обществѣ людей и съ огнемъ, было бы очень опасно.

Но вотъ намъ навстрѣчу движутся какія-то живыя существа: впереди идетъ караванъ. Какое удивительное и оригинальное зрѣлище! Весь караванъ состоитъ изъ однихъ чернокожихъ. Во главѣ идетъ негръ, одѣтый въ гигантскій парикъ сѣраго цвѣта. Это—передняя часть пушистой гривы павіана. Такіе парики носятся неграми на головахъ, какъ украшенія. Этотъ уборъ очень живописенъ, но очень дикъ. Въ рукахъ негръ несетъ палку, расщепленную на концѣ, съ воткнутымъ въ расщепъ листомъ. Онъ держитъ ее на высотѣ своего лица и выступаетъ такъ торжественно, точно идетъ во главѣ какой-нибудь процессіи. Мнѣ кажется, что онъ продѣлываетъ это только изъ страха къ бѣлымъ людямъ, употребляя этотъ листъ вмѣсто паспорта, а во время дождя прячетъ его куда-нибудь подальше. За нимъ длинной вереницей идутъ около восьмидесяти человѣкъ, всѣ несутъ слоновые клыки. Нѣкоторые клыки до того велики, что одинъ клыкъ несутъ двое негровъ. Караванъ, должно быть, идетъ издалека, быть можетъ—отъ Великихъ озеръ, потому что негры по типу рѣзко отличаются отъ нашихъ и кажутся болѣе дикими. Они проявляютъ необыкновенную робость. На окликъ: «Улыума!» (Остановись!) всѣ негры не только останавливаются, но соскакиваютъ съ узкой тропинки въ траву, очищая намъ дорогу и принимая позы, исполненныя страха и уваженія. Впрочемъ, если бы эта встрѣча произошла позже, напримѣръ, въ мѣсяцѣ пути отъ Багамойо, то возможно, что негры не выказали бы такой почтительности.

Мы свободно проходимъ и съ любопытствомъ присматриваемся къ нимъ. Между ними есть еще нѣсколько человѣкъ, одѣтыхъ въ точно такіе же парики изъ гривы павіана, какъ упомянутый выше, другіе почти нагіе, у иныхъ въ уши, ноздри и губы продѣты кусочки дерева или слоновой кости. Намъ ужасно хочется купить пару такихъ

обезьяньихъ париковъ, но купить нѣтъ возможности. Наши ситцы и коленкоры только что уложены, и не стоитъ ихъ растюковывать, денегъ у насъ съ собой нѣтъ, а если бы мы взяли парики подъ записку къ миссіонерамъ, у которыхъ оставили свои деньги, то чернымъ показалось бы, что мы просто-на-просто ограбили ихъ. Къ слову сказать—это было единственный случай въ теченіе всего нашего путешествія. Позже мы нигдѣ уже не могли найти такіе парики,—ни въ караванахъ, которые попадались намъ, ни у индусовъ въ Багамойо и въ Занзибарѣ.

Глядя на этихъ людей, я подумалъ, что все-таки африканскіе негры представляютъ изъ себя расу, легко поддающуюся цивилизаціи. Это доказываетъ не только возникновеніе такихъ большихъ государствъ, какъ Уганда и Отньоро, не только хлѣбопашество, которымъ занималась большая часть поколѣній, но также высоко развитый инстинктъ торговли.

Всю Африку пересѣкаютъ караваны черныхъ, которые несутъ къ побережьямъ слоновую кость, каучукъ, золотой песокъ и вообще все, что производитъ материкъ. Негры не только занимаются торговлей, но и понимаютъ торговые интересы. Если они запрещаютъ проходъ черезъ свои территоріи, то, главнымъ образомъ, потому, что опасаются, какъ бы часть торговли и барыша не ускользнула изъ ихъ рукъ. Подобное пониманіе своихъ интересовъ иногда трудно встрѣтить даже среди нѣкоторыхъ цивилизованныхъ народовъ. Негровъ называютъ дикими такъ же, какъ обитателей острововъ Тихаго океана, Австраліи или краснокожихъ индѣйцевъ Америки. Однако, между ними существуетъ громадная разница. Послѣдніе народы живутъ исключительно грабежомъ и охотой, между тѣмъ какъ негры образуютъ вездѣ болѣе или менѣе организованныя общества, земледѣльческія, пастушескія или торговыя. Тѣ избѣгаютъ цивилизаціи, прячась въ глубинѣ лѣсовъ и степей, эти стремятся къ ней, принося къ побережьямъ произведенія своей страны; тѣ вымираютъ отъ нея, эти, перейдя къ труднымъ и болѣе сложнымъ условіямъ жизни, тоже страдаютъ въ первыхъ поколѣніяхъ, но въ концѣ концовъ привыкаютъ къ ней и стараются при помощи ея улучшить собственный бытъ.

Выше я говорилъ, что нѣтъ основаній надѣяться на то, что европейцы, захватывающіе Африку, могутъ когда-нибудь колонизировать ее и основать такое государство, какъ, напримѣръ, Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Но кто знаетъ, не удастся ли имъ сдѣлать это въ союзѣ съ черными?! Климатъ, въ которомъ бѣлый человѣкъ не въ силахъ трудиться, можетъ оказаться болѣе благопріятнымъ для расы, происшедшей отъ смѣшенія, и очень вѣроятно, что когда-нибудь, по истеченіи многихъ, многихъ лѣтъ, здѣсь возникнутъ государства французскихъ, нѣмецкихъ и итальянскихъ мулатовъ, связанныя со своими метрополіями, приспособившія нашу цивилизацію къ мѣстнымъ условіямъ

Климатъ тропической Америки для бѣлыхъ людей нисколько не благопріятнѣе африканскаго. Однако, тамъ возникли цивилизованныя государства, жители которыхъ акклиматизировались, благодаря тому

что въ ихъ жилахъ течетъ значительная примѣсь индѣйской крови. Можетъ быть, такая будущность предстоитъ и этимъ англійскимъ, французскимъ, итальянскимъ и нѣмецкимъ колоніямъ въ Африкѣ. Очень вѣроятно, что метрополіи сумѣютъ удержаться отъ соблазна немилосердно эксплоатировать колоніи и установятъ такія отношенія, при которыхъ обѣ стороны извлекутъ пользу.

Но это—дѣло отдаленнаго будущаго. Теперь возвращаюсь снова на тропинку, ведущую къ Кингани. Три часа пути, если идти пѣшкомъ, отдѣляютъ Багамойо отъ М'Тони, мѣста переправы черезъ рѣку. Во все это время мы не видѣли ни одной негритянской хижины. Вокругъ, направо, налѣво, сколько могъ окинуть глазъ, не видно было ни малѣйшаго слѣда человѣческаго жилья. Не знаю, чему приписать эту пустынность: нездоровому-ли положенію мѣстности или недавнему господству арабовъ и систематической охотѣ ихъ за невольниками, но мѣстность эта кажется плодородной. Деревьевъ мало; только кое-гдѣ виднѣются одинокіе гигантскіе баобабы, глядящіе сверху на волнующееся море травы и кустовъ. Но зато такую густую высокую траву мнѣ не приходилось видѣть даже въ Небраскѣ. Часто идешь точно въ коридорѣ, ничего не видя передъ собою, и чѣмъ ближе къ рѣкѣ, тѣмъ заросли гуще и запутаннѣе.

Мы сильно нуждались въ какой-нибудь тѣни, потому что солнце начало уже бросать на насъ отвѣсные лучи. Было около одиннадцати часовъ, когда мы, наконецъ, подошли къ М'Тони. На встрѣчу намъ вышелъ бѣлый человѣкъ, сборщикъ у переправы. Живетъ онъ здѣсь въ сосѣдствѣ съ нѣсколькими негритянскими хижинами, не видя европейцевъ по цѣлымъ недѣлямъ. Когда мы пришли, онъ мучился приступомъ лихорадки, что легко было узнать по пятнамъ на его лицѣ и блеску глазъ. Наше прибытіе, казалось, доставило ему удовольствіе. Онъ немедленно пригласилъ насъ на веранду и угостилъ курицей, вынутой имъ изъ котелка; висѣвшаго надъ костромъ. Мы, въ свою очередь, угостили его виномъ, которое онъ пилъ такъ, какъ пьетъ человѣкъ, находящійся въ горячкѣ.

Жара становилась все сильнѣе. Веранда была устроена изъ тростниковой крыши, положенной на четыре столба, и не вполнѣ защищала отъ солнца. Однако, сборщикъ сидѣлъ на ней всѣ дни, потому что въ его клеенчатомъ шатрѣ стояла такая жара и духота, что тамъ невозможно было оставаться ни одной минуты.

Шатеръ былъ раскинутъ тутъ же, на берегу, не очень высокомъ, но обрывистомъ, что препятствовало проникнуть сюда крокодиламъ. Очевидно, ихъ здѣсь много, потому что мы спросили у нѣмца, можно ли здѣсь выкупаться? Въ отвѣтъ онъ схватился за голову и заявилъ, что не позволитъ намъ купаться, хотя бы для этого ему пришлось прибѣгнуть къ силѣ. Откровенно говоря, сила была не на его сторонѣ, потому что мы имѣли въ караванѣ больше людей, нежели во всемъ М'Тони. Между тѣмъ негры раскинули нашъ шатеръ и возлѣ него сложили всѣ тюки. Шатеръ былъ купленъ мною еще въ Египтѣ; онъ былъ полотняный, слѣдовательно, болѣе проницаемый для воздуха, нежели клеенчатый, хотя послѣдній все-таки практичнѣе, потому что не

промокаетъ и послѣ дождя не дѣлается болѣе тяжелымъ. Однако, въ полуденную пору и въ полотняномъ шатрѣ бываетъ такъ жарко, что лучше стать подъ открытымъ небомъ, гдѣ-нибудь въ заросли или подъ тѣнью дерева.

Послѣ завтрака я велѣлъ маленькому Тому фильтровать воду. У насъ имѣлся фильтръ Пастера, состоящій изъ трехъ трубокъ, сдѣланныхъ изъ бѣлой глины, запертыхъ каучуковыми пистонами и соединенныхъ при помощи меньшихъ каучуковыхъ трубокъ съ одной стороны съ чашкой, съ другой—съ нососомъ. Эти трубки, стѣнки которыхъ очень пористы, надо погрузить въ ведро съ водою: при помощи насоса воздухъ изъ нихъ выкачивается, и тогда вода, проникая сквозь мельчайшія поры въ середину, очищается и каплями стекаетъ въ чашку. Когда Томъ сталъ тянуть за ручку насоса, наши люди тотчасъ окружили его, удивляясь незнакомому инструменту и, повидимому, теряясь въ догадкахъ относительно его назначенія. Когда же бѣлая, грязная вода, наполнявшая ведро, оказалась въ чашкѣ совершенно чистою, удивленію не было конца. Томъ улыбался, показывая свои подточенные зубы, другіе стояли нагнувшись, опершись руками въ колѣни, таращa глаза и слѣдя за тѣмъ, какъ вытекаетъ вода. Недоумѣніе росло. Одни ударяли руками по бедрамъ, другіе разражались радостнымъ смѣхомъ. Я не сомнѣваюсь, что всѣ они были увѣрены въ томъ, что это мы придумали такой удивительный снарядъ, и, дѣйствительно, съ этихъ поръ за нами установилась слава, право, какихъ-то чародѣевъ. Эта слава поднимала насъ въ глазахъ черныхъ и могла намъ пригодиться въ будущемъ въ отношеніяхъ съ нашими людьми.

Между тѣмъ нѣмецъ разсказывалъ намъ свои похожденія. Подобно многимъ въ наше время, онъ искалъ хлѣба въ Африкѣ, долго въ ней прожилъ и многое видѣлъ. Онъ служилъ подъ начальствомъ Гордона и два года провелъ въ государствѣ Конго. Лихорадка была у него безконечное число разъ. М'Тони онъ называлъ подлой и самой лихорадочной дырой на свѣтѣ и вообще былъ недоволенъ своей настоящей судьбой. О рѣкѣ Кингани отзывался съ пренебрежіемъ, но увѣрялъ насъ, что гиппопотамовъ намъ придется увидѣть въ ней столько, сколько душѣ угодно, и лишь только стемнѣетъ мы, навѣрно, услышимъ, какъ они, уходя отъ соленой воды прилива, поплывутъ вверхъ по рѣкѣ.

Въ М'Тони имѣется желѣзная шлюпка, на которой переѣзжаютъ рѣку караваны, направляющіеся въ Багамойо. За переправу берутъ одну пензу, стоимостью равняющуюся одному французскому су. Караваны, которые идутъ изъ глубины материка и не имѣютъ денегъ, платятъ на обратномъ пути. Черезъ рѣку протянутъ канатъ, и шлюпка подвигается вдоль него, поэтому весла при переправѣ не нужны, и ихъ въ М'Тони вовсе нѣтъ. Такъ какъ мы имѣли разрѣшеніе плавать на этой шлюпкѣ, то аскарисы, которыхъ далъ намъ поручикъ фонъ Броисартъ, принесли собой весла и уключины; но въ полуденное время ѣздить по рѣкѣ невозможно, поэтому мы рѣшили начать охоту съ трехъ часовъ. Аскарисамъ надоѣло ждать до этого времени, и они, никому ничего не сказавъ, вернулись въ Багамойо и унесли съ собой

всѣ принадлежности. Сборщикъ тотчасъ же написалъ поручику пространный рапортъ, который я отослалъ съ однимъ изъ нашихъ людей. Бѣдные аскарисы вернулись на другой же день съ очень грустными лицами. Сборщикъ увѣрялъ насъ, что обоихъ угостили въ Багамойо палками.

Въ этотъ день охотиться уже не пришлось. Впослѣдствіи я убѣдился, что при охотѣ на «кибоко» (гиппопотамы) лодка вовсе не нужна. Достаточно идти вверхъ или внизъ вдоль берега рѣки, чтобы увидѣть высовывающіяся изъ воды головы. Этотъ способъ охоты даже лучше, потому что гиппопотамы обыкновенно пугаются и бѣгутъ отъ лодки, и тогда приходится стрѣлять на разстояніи большемъ, нежели въ сто метровъ. Когда идешь по берегу и скрываешься въ кустахъ, можно стрѣлять на болѣе близкомъ разстояніи и притомъ хорошо видѣть, что сталось съ животнымъ. Правда, часто болотистый берегъ препятствуетъ движенію впередъ.

Первый день я употребилъ на осмотръ Кингани. У М'Тони она не шире Сены. Бѣлыя воды ея текутъ довольно медленно. Какъ вся окрестность, такъ и рѣка не отличаются тропическимъ характеромъ. Я воображалъ, что увижу воду, обрамленную дѣвственными лѣсами, пальмами, смотрящимися въ воду, ліанами, спускающимися надъ водой яркоцвѣтными фестонами, увижу большія листья и разноцвѣтныхъ птицъ, летающихъ надъ водой, словомъ, настоящій тропическій пейзажъ. Но этого нѣтъ. Рѣка течетъ по пустынной мѣстности въ довольно низкихъ, хотя и обрывистыхъ берегахъ, поросшихъ кустами блѣдно-зеленаго цвѣта. Не хватаетъ здѣсь африканскаго колорита, хотя солнце жжетъ немилосердно; не хватаетъ также той тропической роскоши, безъ которой наше воображеніе отказывается представить себѣ рѣку тропическаго пояса. Кусты, дѣйствительно, высоки, очень густы и кое-гдѣ перепутаны и сбиты. Но это все-таки заросли, но не деревья. Такъ какъ кругомъ ничего другого не видно, то вся окрестность имѣетъ убогій, дикій и пустынный видъ.

Этотъ ужасный зной, который стоитъ цѣлый день, и блѣдный колоритъ мѣстности находятся между собою въ поразительномъ противорѣчіи. Кажется, будто между этими двумя явленіями нѣтъ равновѣсія, и будто эта первобытная земля выступила изъ болотистыхъ водъ такъ недавно, что не успѣла еще украситься деревьями и цвѣтами.

Вмѣсто этого отъ рѣки Кингани вѣетъ какимъ-то обаяніемъ тайны. Когда смотришь вверхъ по рѣкѣ, кажется, что эта лѣнивая волна катится изъ какой-то невѣдомой сумеречной стр ны, лежащей за предѣлами видимаго дѣйствительнаго міра. Въ низкихъ мѣстахъ вода заливаетъ кусты, образуя подъ сводами ихъ совершенно недоступные, темные каналы, заливы и озера, которые могли бы служить убѣжищемъ для всевозможныхъ гадовъ съ безсмысленными головами, мутными глазами и страшной пастью, для крокодиловъ, черепахъ и пифоновъ, нѣжащихся тамъ, среди ядовитыхъ испареній грѣющихся, дремлющихъ, размножающихся и пожирающихъ другъ друга. Особенно противоположный сѣверный берегъ Кингани такъ низокъ, что въ дожд-

ливое время превращается въ одно большое озеро; въ сухую пору туда можно перебраться лишь съ помощью опытныхъ, бывалыхъ туземцевъ.

Солнце медленно опускалось къ кустарникамъ, рѣка приняла оттѣнокъ свѣтящейся мѣди. Наши люди стояли вдоль берега небольшими группами, громко разговаривая, какъ обыкновенно говорятъ негры. Такъ какъ горизонтъ здѣсь необыкновенно низокъ, то всѣ ихъ фигуры почти цѣликомъ обрисовывались на фонѣ неба, вслѣдствіе чего они казались очень высокими. Я пошелъ было въ шатеръ, чтобы выдать провизію для ужина, на которомъ нашъ поваръ М'Са могъ показать весь свой кулинарный талантъ, но вскорѣ вернулся на берегъ, услыхавъ въ одной изъ группъ крикъ: «Мамба! мамба!» (крокодилъ). При вечернемъ освѣщеніи я не могъ ничего разглядѣть, хотя негры показывали мнѣ пальцами то мѣсто, гдѣ находился крокодилъ. Мнѣ было видно лишь какое-то темное пятно у берега, а такъ какъ солнце уже садилось, и прибрежные кусты бросали на рѣку длинныя тѣни, то вся поверхность воды была испещрена темными, золотистыми и мѣдными полосами. Я ощущалъ сильное желаніе стрѣлять въ крокодила первый разъ въ жизни, но тѣмъ временемъ свѣтъ мгновенно погасъ, рѣка потемнѣла, и ночь наступила такъ быстро, какъ она наступаетъ только подъ экваторомъ.

Сборщикъ чувствовалъ себя хуже и пошелъ въ шатеръ, чтобы вспотѣть, что ему удалось безъ труда, потому что тамъ было жарко, какъ въ банѣ. Мы съ товарищемъ сѣли за ужинъ, состоявшій изъ консервовъ и чая, какъ вдругъ съ рѣки донесся плескъ воды и храпъ. Это гиппопотамы подымались вверхъ по рѣкѣ, убѣгая отъ соленой воды океана. Схвативъ ружья, мы побѣжали къ мѣшкамъ съ солью, которые стояли на самомъ берегу и, усѣвшись на нихъ, старались разглядѣть что-нибудь въ темнотѣ. Мгновеніе царила полная тишина, затѣмъ снова послышался храпъ и тяжелые вздохи, похожіе на стонанье. Слышалось это очень близко, всего въ какихъ-нибудь десяти шагахъ, но ночь была безлунная, все слилось въ одну общую темную массу, и невозможно было различить какія-либо очертанія.

У береговъ было черно, какъ въ погребѣ; середина рѣки была покрыта большими желѣзнаго цвѣта пятнами, по которымъ иногда перебѣгалъ внезапный блескъ, очевидно, отъ движенія воды, производимаго гиппопотамами. Плескъ воды и вздохи слышались въ царившей кругомъ тишинѣ все явственнѣе. Въ этомъ движеніи большого количества тѣлъ чувствовалась какая то тяжесть и лѣнь; казалось, точно это стонутъ отъ усилія какія-то гигантскія животныя при движеніи вверхъ по рѣкѣ. Сначала эти голоса доносились къ намъ только изъ двухъ мѣстъ, потомъ, очевидно, прибавилось еще нѣсколько великановъ, потому что плескъ и вздохи слышались со всѣхъ сторонъ и уже не прекращались, точно цѣлое стадо признало полезнымъ не двигаться дальше. Сидя на мѣшкахъ и затаивъ дыханіе, мы жадно впивались въ темноту, стараясь что-нибудь разглядѣть. Въ болотахъ на противоположномъ берегу заквакали цѣлые хоры лягушекъ какимъ-то удивительнымъ кваканьемъ, отчасти напоминающимъ людскіе голоса. Это ква-

канье походило на неспокойный, торопливый разговоръ въ деревнѣ, въ которой что-то случилось, но никто хорошо не знаетъ, что именно, и всѣ горячо разспрашиваютъ другъ друга. Иногда разговоръ прекращался, точно люди къ чему-то прислушивались, наступала тишина, вновь нарушаемая тяжелыми вздохами гигантскихъ легкихъ. Въ этомъ было что-то могучее, необыкновенное, получалось впечатлѣніе какой-то допотопной, не созрѣвшей для жизни страны, въ которой все удивительно и чудовищно.

Мнѣ пришло въ голову, нельзя ли было бы стрѣлять, освѣтивъ рѣку съ помощью магніевой ленты, которой у насъ было много въ запасѣ; мнѣ говорили, что гиппопотамы не боятся огня. Но эту мысль не пришлось привести въ исполненіе. Лента, дѣйствительно, на секунду засвѣтилась искристымъ бѣлымъ свѣтомъ, но, едва загорѣвшись, безпрестанно обрывалась, падала на землю и гасла, послѣ чего темнота казалась еще гуще. Просидѣвъ на мѣшкахъ еще часа два, мы пошли обратно къ освѣщенному шатру, который издали имѣлъ видъ бумажнаго китайскаго фонарика. Войдя въ него, мы выбросили вонъ жабу, сидѣвшую между кроватями на дорожномъ мѣшкѣ и смотрѣвшую на насъ осоловѣлыми глазами, точно она была нами недовольна. Въ шатрѣ было невыносимо душно. Приподнявъ края и устроивъ тягу, мы легли спать, но комары, которымъ вкусъ нашей крови пришелся очень по душѣ, очевидно, еще у рѣки, не дали намъ сомкнуть глаза. Я потушилъ фонарь, но когда и это не помогло, мы вышли изъ шатра на свѣжій воздухъ. Нѣсколько разъ я подходилъ къ рѣкѣ, чтобы послушать вздохи гиппопотамовъ, послѣ чего сѣлъ на охотничій стулъ у шатра и рѣшилъ провести такъ всю ночь.

Во всемъ М'Тони не видно было ни одного огня, исключая свѣтляковъ, массами появившихся на берегу и летавшихъ въ темнотѣ, подобно блуждающимъ огонькамъ. Лягушки все еще вели свой разговоръ. Наши люди лежали рядышкомъ у шатра, положивъ головы на свои тюки. Было не только жарко, но и до того сыро, что бѣлье на мнѣ сдѣлалось совсѣмъ мокрымъ. Въ этой сырости чувствуется приторный запахъ болота, которое ночью лучеиспускаетъ всю теплоту, поглощенную днемъ. Дышать трудно, пульсъ бьется тяжело, и инстинктивно чувствуется, что лихорадка кружится здѣсь надъ каждымъ, точно коршунъ надъ трупомъ.

Около полуночи рѣка и болото задымились, поднялся туманъ и окуталъ все окружающее. Я закурилъ трубку, дымъ которой отчасти отгонялъ комаровъ, и старался привести въ порядокъ свои впечатлѣнія. Накопилось ихъ очень много. Прощаніе съ миссіонерами, походъ во главѣ каравана черезъ низкую, напоминающую дикое пастбище окрестность, прибытіе въ М'Тони, затѣмъ Кингани, ночь, гиппопотамы и это впечатлѣніе какой-то чудовищной допотопной страны... Я ни въ какомъ случаѣ не могъ бы сказать: «Diem perdidi.» (Я потерялъ день). Я думалъ о томъ, какая это освѣжающая вещь путешествіе, не только потому, что въ чашу жизни, чаще всего наполненную уксусомъ и желчью, вливаются новыя и пріятныя впечатлѣнія, но и потому, что физическія и духовныя силы человѣка приходятъ въ равновѣсіе. Въ городахъ

мы живемъ преимущественно умственной жизнью, слѣдовательно, крайне одностороннею. Книги, искусство, критика, рефлексія — вотъ тотъ заколдованный кругъ, въ которомъ вращается наша жизнь. За исключеніемъ этого, вся наша жизнь крайне автоматична. Встаемъ рано, одѣваемся, завтракаемъ, обѣдаемъ, вовсе объ этомъ не думая, точно автоматы, всегда одинаково, однимъ и тѣмъ же способомъ. Отъ этого страдаютъ здоровье, жизненность, энергія и даже сила мысли. Для людей, работающихъ на поприщѣ искусства, такая односторонность очень вредна. Живя только книгой и рефлексіей, они доходятъ до того, что въ концѣ концовъ не воспринимаютъ никакихъ непосредственныхъ впечатлѣній. Я могъ бы назвать цѣлыя дюжины поэмъ и романовъ, въ которыхъ природа и страсти не прочувствованы авторами, но изучены по книгамъ. Чего стоитъ такое искусство, возникшее не изъ живыхъ источниковъ жизни,—объ этомъ излишне говорить. Трудно совѣтовать кому-нибудь предпринять путешествіе, какъ средство противъ анеміи таланта, и мнѣ это даже и въ голову не приходило; но вѣрно то, что путешествіе противодѣйствуетъ физическому и умственному автоматизму, ежедневно создавая другія условія, возбуждая энергію, ставя человѣка лицомъ къ лицу съ природой и первобытными людьми, страсти которыхъ еще не улеглись въ условныя рамки. Въ городѣ человѣкъ изолированъ отъ природы, на морѣ и въ лѣсу сливается съ нею. Выраженіе, что шумъ деревьевъ и морская волна успокоиваютъ и баюкаютъ, заключаетъ въ себѣ меньше риторики, нежели кажется. Лѣса, степи и океанъ по отношенію къ человѣческой душѣ являются чѣмъ-то въ родѣ нирваны.

Въ подобныхъ размышленіяхъ, прерываемыхъ дремотой, прошла у меня значительная часть ночи. Наконецъ, изнуреніе пересилило, и я, опустившись на постель, крѣпко заснулъ на зло всѣмъ москитамъ, но заснулъ не надолго, потому что на разсвѣтѣ намъ надо было идти на рѣку.

Мы сѣли въ лодку, когда солнце стало подниматься надъ горизонтомъ со стороны Багамойо. День обѣщалъ быть хорошимъ. Мгла изчезла беслѣдно, гладкая поверхность воды отливала перламутровыми и розовыми отблесками, подобно жемчужной раковинѣ; потомъ показались первые утренніе лучи солнца, блестѣвшіе точно послѣ купанья, превратили въ большія искры капли росы на травѣ и позолотили рѣку. Окрестность въ утреннемъ свѣтѣ имѣла болѣе веселый видъ, чѣмъ вчера. У береговъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣка была спокойна и мелка, важно выступали и переглядывались цапли и какія-то бѣлыя птицы. Нѣкоторые кусты, наклонившіеся къ водѣ, были покрыты кучами гнѣздъ ткачей, которые водятся здѣсь въ такомъ громадномъ количествѣ, какъ у насъ воробьи. Цѣлыя стаи ихъ перелетали съ берега на берегъ, блестя на солнцѣ желтыми перьями.

Тяжелая желѣзная шлюпка плыла медленно, хотя мы направились по теченію. Долго мы ничего не видѣли, кромѣ птицъ, какъ вдругъ на разстояніи ста метровъ отъ лодки изъ гладкой поверхности рѣки взвился столбъ воды, и сразу показалось черная громадная, какъ сундукъ, голова. Послѣ моего, вѣроятно, неудачнаго выстрѣла

голова скрылась подъ водой, но черезъ нѣсколько минутъ она же или, можетъ быть, какая-нибудь другая показалась на поверхности. Мы встрѣтили ее новыми выстрѣлами; послѣ этого, едва успѣли мы зарядить ружья, показались сразу двѣ головы, но уже въ значительномъ разстояніи отъ лодки. Мы приказали нашимъ гребцамъ ѣхать еще медленнѣе и не шумѣть, потому что весла громко ударялись о желѣзную шлюпку.

Рѣка постепенно становилась все шире и шире; наконецъ, мы выплыли на такое широкое пространство, что казалось, точно это озеро. Вдали мы увидѣли цѣлое стадо гиппопотамовъ. Лодка наша находилась на такомъ далекомъ разстояніи, что я успѣлъ посмотрѣть на нихъ въ бинокль, который всегда имѣлъ при себѣ во время путешествія, и насмотрѣлся вволю.

Головы лежали плоско, одни профилемъ, другія прямо къ намъ. Ихъ можно было видѣть отчетливо. Если бы не громоподобные вздохи, отголоски которыхъ долетали къ намъ, и если бы не фонтаны воды, выкидываемые животными изъ ноздрей,—глядя невооруженнымъ глазомъ, я могъ бы принять эти головы за обломки черныхъ скалъ, выступающихъ изъ воды. Мы подъѣхали еще ближе. Животныя, наконецъ, обратили на насъ вниманіе, въ стадѣ замѣтно было движеніе. Нѣкоторыя головы тихо погрузились въ воду, другія обернулись въ сторону лодки, храпя и поводя ушами. Мы плыли теперь очень тихо, чтобы колебаніе шлюпки не мѣшало стрѣльбѣ. У меня былъ шпрингеровскій двѣнадцатикалиберный штуцеръ, въ лѣвое дуло котораго я положилъ экспансивный зарядъ на случай, если бы увидѣлъ животное на берегу, чтобы стрѣлять ему подъ лопатку; другой стволъ былъ заряженъ пулей со стальнымъ наконечникомъ. Въ голову только такой пулей и можно стрѣлять, потому что всякая другая скользнетъ подъ кожу, не пробивъ кости.

Выбравъ удобный моментъ, я выстрѣлилъ въ ближайшую голову изъ праваго ствола. на этотъ разъ съ бо́льшимъ, нежели предполагалъ, успѣхомъ, потому что послѣ выстрѣла животное стало бурлить воду. Перегнувшись черезъ бортъ, я присматривался къ послѣдствіямъ выстрѣла, какъ вдругъ случилось происшествіе, которое могло окончиться для насъ очень неблагополучно.

Изъ воды показалась тутъ же, подлѣ насъ, уродливая голова съ раскрытой пастью и поднялась, точно намѣреваясь ухватиться клыками за бортъ. Это произошло въ одно мгновеніе, такъ что я едва успѣлъ прицѣлиться. Къ несчастью, въ это время у меня мелькнула мысль, что въ голову можно стрѣлять только стальной пулею, вслѣдствіе чего я спустилъ курокъ разряженнаго ствола. А такъ какъ Тышшевичъ, сидѣвшій съ другой стороны, не могъ стрѣлять, потому что ему мѣшала ширина шлюпки, то разбойникъ ушелъ безнаказанно. Мы почувствовали только сильное сотрясеніе лодки, о дно которой чудовище ударилось спиной. очевидно, съ цѣлью ее опрокинуть. Затѣмъ гиппопотамъ вынырнулъ въ разстояніи нѣсколькихъ десятковъ шаговъ почти до половины туловища, и я сряду же послалъ ему пулю, послѣ которой онъ ужъ хорошо спрятался.

Если бы мы, вмѣсто тяжелой желѣзной шлюпки, сидѣли въ ка-

кой-нибудь легкой пирогѣ, то очень возможно, что все наше путешествіе окончилось бы въ водахъ рѣки Кингани. До берега было далеко, и кромѣ того здѣсь водится множество крокодиловъ. Правда, намъ во все время этой охоты не пришлось видѣть ни одного крокодила, но сборщикъ утверждалъ, что нельзя доплыть до берега, не наткнувшись на него.

Выстрѣливъ еще два раза въ «кибоко», мы рѣшили возвратиться, такъ какъ намъ угрожала серьезная опасность. Когда солнце въ тѣхъ странахъ поднимется высоко, лучи его до такой степени жгутъ, и отраженіе ихъ отъ воды такъ сильно, что съ человѣкомъ легко можетъ случиться солнечный ударъ. Былъ десятый часъ, послѣ котораго въ Африкѣ необходимо сидѣть или въ шатрѣ или подъ тѣнью дерева. Въ походѣ никогда не идутъ долѣе этого времени. Обыкновенный караванный день начинается съ пяти часовъ утра и продолжается до десяти, но остальную часть дня необходимо укрываться куда-нибудь отъ солнца. Однако, въ случаѣ необходимости, можно быть въ походѣ еще отъ четырехъ до шести часовъ пополудни.

На обратномъ пути сборщикъ разсказалъ намъ все, что зналъ о гиппопотамахъ. Стрѣлять въ этого звѣря кажется легко, но на самомъ дѣлѣ трудно, во-первыхъ, потому, что разстояніе на водѣ обманываетъ глазъ, во-вторыхъ—потому, что голова животнаго всегда лежитъ плоско, не представляя изъ себя большой мишени для выстрѣла. Кромѣ того, очень трудно послѣ удачнаго выстрѣла достать гиппопотама изъ воды.

Живучесть этихъ могучихъ существъ очень велика, и у животнаго, даже удачно подстрѣленнаго, всегда найдется столько силъ, чтобы нырнуть въ воду и затѣмъ вынырнуть въ какомъ-нибудь недоступномъ для лодки мѣстѣ, въ заросшемъ уголкѣ, среди залитыхъ водою кустовъ, гдѣ оно и умираетъ по прошествіи нѣсколькихъ часовъ.

Зато гиппопотама всегда можно подстеречь въ свѣтлую лунную ночь въ то время, когда онъ выходитъ на берегъ—на пастбище. Въ такихъ случаяхъ онъ атакуетъ охотника, если только рѣка находится далеко, но движенія его настолько медленны, что его атака не заключаетъ въ себѣ большой опасности. Негры убиваютъ гиппопотама при помощи гарпуновъ, чаще же всего ловятъ его въ ямы.

На обратномъ пути солнце было уже позади насъ, впереди же разстилалась залитая солнечнымъ свѣтомъ поверхность воды и заросли. Въ мелкихъ мѣстахъ, гдѣ просвѣчивало красное дно, вода въ рѣкѣ казалась расплавленнымъ хризолитомъ. Я былъ пораженъ необыкновенной прозрачностью воздуха надъ Кингани: онъ былъ прозраченъ, положительно, какъ кристаллъ. Хотя я и не обладаю особенной остротой зрѣнія, однако, на значительномъ разстояніи отчетливо видѣлъ каждый листикъ, каждый отливъ перьевъ на груди водяныхъ птицъ. Болѣе отдаленные предметы не казались слишкомъ много меньшими въ сравненіи съ болѣе близкими. Перспектива здѣсь совершенно иная, нежели у насъ. Я думаю, что эту необыкновенную прозрачность воздуха можно объяснить его влажностью. Позже я убѣдился, что, напри-

мѣръ, мокрое платье, развѣшенное на солнцѣ, высыхаетъ здѣсь гораздо медленнѣе, нежели въ нашемъ климатѣ.

По возвращеніи мы позавтракали и легли спать. Около четырехъ часовъ мы снова отправились на гиппопотамовъ, но на этотъ разъ вверхъ по рѣкѣ. Головы вновь показались въ большомъ количествѣ, а разъ на песчаномъ берегу мы увидали цѣлое животное. Стрѣлять было невозможно, потому что разстояніе было слишкомъ велико, но товарищъ мой снялъ съ него фотографію. Снимокъ, очевидно, не удался, потому что среди фотографическихъ снимковъ съ рѣки Кингани, присланныхъ мнѣ товарищемъ по возвращеніи нашемъ въ Европу, гиппопотама не оказалось. Мнѣ, наконецъ, наскучило охотиться на шлюпкѣ, отъ которой животное всегда оказывается на слишкомъ далекомъ разстояніи, и съ которой выстрѣлъ всегда невѣренъ, потому что она колеблется. Мы рѣшили выйти въ сухомъ мѣстѣ на берегъ и пробираться далѣе среди кустовъ. Способъ оказался удачнымъ.

Вскорѣ на поворотѣ рѣки показались двѣ головы, обращенныя къ намъ ноздрями, которыя то погружались, то опять высовывались изъ воды, точно забавляясь. Я опустился на колѣно, старательно прицѣлился и спустилъ курокъ. На этотъ разъ я былъ увѣренъ въ томъ, что выстрѣлъ удаченъ, хотя сразу не могъ увидѣть его послѣдствій. Но полтора часа спустя, когда мы уже находились въ М'Тони, наши негры, разгуливая у рѣки, замѣтили гиппопотама, влекомаго водой внизъ по рѣкѣ. Переводчикъ Франсуа сталъ кричать:

— Blessé! blessé!

И дѣйствительно: животное, вѣроятно, было тяжело ранено, такъ какъ по своей волѣ не поплыло бы внизъ по рѣкѣ именно въ ту пору, когда всѣ остальныя, уходя отъ соленой волны, стремятся вп противоположную сторону. Негры нѣкоторое время еще слѣдили зъ гиппопотамомъ, пока не спустилась внезапно темная экваторіальная ночь, окутавшая своимъ покровомъ и землю и воду.

Вечеромъ братъ Оскаръ прислалъ намъ изъ Багамойо еще пятерыхъ пагази и нѣсколько прощальныхъ словъ. Мы рѣшили на слѣдующее же утро снова двинуться въ путь, такъ какъ мѣстность М'Тони чрезвычайно нездорова. Если бы кто-нибудь изъ насъ заболѣлъ лихорадкой въ самомъ началѣ путешествія, то продолжать его было бы по меньшей мѣрѣ затруднительно, пожалуй, даже совсѣмъ невозможно.

Впрочемъ, мѣстность М'Тони съ ея гиппопотамами мы имѣли полную возможность посѣтить по возвращеніи своемъ въ Багамойо, который отсюда лежитъ въ разстояніи лишь нѣсколькихъ часовъ пути, да къ тому же для такой экспедиціи нѣтъ надобности въ караванѣ. Теперь намъ предстояло идти въ болѣе высокія и здоровыя страны, среди которыхъ течетъ рѣка Вами. И вотъ, послѣ дурно проведенной изъ-за москитовъ ночи мы распрощались со сборщикомъ и, переправившись на желѣзной шлюпкѣ на другой берегъ, двинулись черезъ болота, тростники и заросли въ дальнѣйшій путь.

XIV.

Восточно-африканское побережье. — Рѣки.—Низовья рѣкъ. — Растительность.— Времена года.—Массика и Ваули.—Фауна.—Овода.—Птицы.—Звѣри.—Люди.—Селенія.—Формы правленія.—Негры и нѣмцы

До сихъ поръ я такъ рѣдко обременялъ свои письма географическими свѣдѣніями, что теперь позволю себѣ сказать нѣсколько словъ объ этой части Африки для того, чтобы сдѣлать продолженіе моего путешествія болѣе понятнымъ для читателя.

Восточно-африканскія владѣнія нѣмцевъ тянутся вдоль значительной части побережья, начиная болѣе или менѣе отъ 4 и кончая 11 градусомъ южной широты. Въ глубинѣ материка владѣнія эти ограничены Великими озерами: Ніанца, Танганайка и Укереве или Викторія Ніанца. Страна, мало возвышающаяся надъ уровнемъ моря у морскихъ береговъ, въ серединѣ поднимается и образуетъ возвышенность, вначалѣ не особенно значительную, но затѣмъ постепенно все болѣе поднимающуюся. Потомъ уже возвышенность переходитъ въ цѣлыя гряды горъ, за которыми по направленію къ озерамъ простирается обширная степь. Гряды горъ идутъ преимущественно съ сѣвера на югъ и образуютъ водораздѣлъ. Рѣки, берущія начало на западныхъ склонахъ горъ, текутъ преимущественно къ Великимъ озерамъ: рѣки же восточныхъ склоновъ обильно орошаютъ низкое побережье и впадаютъ въ океанъ. На югѣ нѣмецкія владѣнія отдѣляются отъ португальскаго Мозамбика рѣкой Ро—воума. Направляясь къ сѣверу и минуя меньшія рѣки, мы на восьмомъ градусѣ южной широты встрѣтимъ значительнѣйшую изъ африканскихъ рѣкъ въ нѣмецкихъ владѣніяхъ—рѣку Руфиджи. Она образуется изъ сліянія двухъ рѣчекъ—Уланги и Руаги. Въ мѣстѣ ихъ сліянія живетъ то племя Вагеге, которое недавно уничтожило нѣмецкую экспедицію, высланную подъ начальствомъ Желевскаго. Руфиджи—это величественная, шириною въ нѣсколько тысячъ метровъ рѣка, образующая при устьѣ болотистую дельту, не уступающую Нильской по плодородію. Кингани и Вами, между которыми я пробылъ нѣсколько недѣль, несравненно меньше Руфиджи; ихъ можно назвать сестрами, потому что обѣ онѣ текутъ съ восточнаго склона горъ У'Загаро и, постепенно приближаясь другъ къ другу, впадаютъ въ океанъ противъ Занзибара. Сѣвернѣе ихъ есть еще рѣка Пангани, которая вытекаетъ изъ горъ, окружающихъ Килима-Нджаро, и въ верхнемъ своемъ теченіи отдѣляетъ нѣмецкія владѣнія отъ англійскихъ.

Вотъ и все, что мнѣ нужно было сообщить о географическомъ положеніи страны. Горы, въ которыхъ берутъ начало эти рѣки, задерживаютъ вѣтры, дующіе со стороны океана и насыщенные влагой. Вслѣдствіе этого болѣе высокія вершины почти постепенно закутаны туманомъ и тучами, и по этой же причинѣ существуетъ большая разница между климатомъ степного плоскогорья, на которомъ онъ сухой, и между климатомъ побережья, гдѣ дожди выпадаютъ въ такомъ боль-

номъ количествѣ, что, по Реклю, годовой осадокъ равенъ тремъ метрамъ и болѣе. Такъ какъ вѣтры, дующіе на побережьи, несутся преимущественно съ разогрѣтыхъ солнцемъ тропическихъ пространствъ океана, то климатъ восточнаго побережья очень теплый, теплѣе климата странъ, расположенныхъ подъ той же широтою вдоль береговъ Атлантическаго океана на 4 градуса. Въ этой жарѣ и сырости растительность развивается съ поразительной силой. Кажется, это одна изъ самыхъ плодородныхъ странъ на всемъ земномъ шарѣ. Въ Занзибарѣ отъ маніока получается четыре сбора зерна въ годъ, на материкѣ же прекрасно растутъ кофейныя и хинныя деревья, хлопчатникъ и разные другіе тропическіе виды культурныхъ растеній. Низменности вдоль рѣкъ покрыты большей частью дѣвственными лѣсами, среди которыхъ въ изобиліи встрѣчается каучуковое дерево. Сикоморы, тамариски, гигантскія энфорбіи, акаціи, мимозы и баобабы поднимаются надъ кустарниками и травами и покрываютъ тѣнью всю мѣстность. Низовья рѣки Руфиджи поросли сплошнымъ лѣсомъ, черезъ который трудно проложить себѣ дорогу даже съ топоромъ въ рукахъ, такъ какъ деревья и кусты перепутаны ліанами, достигающими иногда толщины человѣческаго бедра. Нѣкоторыя селенія, черезъ которыя мнѣ случалось проходить, буквально тонутъ въ этой густой растительности, и на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ отъ нихъ нельзя догадаться, что здѣсь находится человѣческое жилье, развѣ только мѣстоположеніе его обнаружитъ запахъ дыма или видъ самихъ черныхъ, выбѣгающихъ встрѣчать бѣлаго гостя. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вовсе невозможно пройти, потому что травы доходятъ до четырехъ метровъ высоты и совсѣмъ заслоняютъ свѣтъ.

Берега Кингани, особенно въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы переправились черезъ нее, отличаются печальнымъ характеромъ; въ общемъ видъ страны веселый, особенно съ первой возвышенности, съ которой взорамъ открывается широкое пространство. Отсюда видишь подъ собою море деревьевъ, травъ и цвѣтовъ. Одни деревья усѣяны красными цвѣтами, другія бѣлыми или лиловыми, а на фонѣ темной зелени каждая краска кажется болѣе яркою и жизненною. Надъ деревьями летаютъ стаи яркоокрашенныхъ птицъ съ перьями то матовыми, какъ бархатъ, то блестящими, какъ металлъ. Всюду раздается удивительное щебетанье птицъ, напоминающее людскіе голоса или мяуканье кошекъ. Воздухъ пропитанъ множествомъ опьяняющихъ ароматовъ, которые плывутъ, точно ручейки, на фонѣ общаго аромата влажныхъ травъ, пригрѣтыхъ солнцемъ. Отдаленные предметы здѣсь не такъ сильно подернуты мглой дали, какъ у насъ. Здѣсь, какъ я уже говорилъ, каждый предметъ обрисовывается рельефнѣе, а глубина пространства несравненно прозрачнѣе, очевидно, благодаря капелькамъ влаги постоянно насыщающимъ воздухъ.

Въ этихъ странахъ двѣ дождливыя поры: одна, извѣстная подъ названіемъ «массики», начинается въ формѣ періодическихъ дождей еще въ февралѣ, но совсѣмъ устанавливается въ первыхъ числахъ апрѣля и длится два мѣсяца; другая пора «воули» продолжается отъ октября до конца года. Но и тогда небо не бываетъ закрыто

постоянной сѣрой пеленою; вѣтеръ гонитъ насыщенныя дождемъ тучи, онѣ сталкиваются, лопаются, точно бочки съ водой. и ливнемъ падаютъ на землю. Но въ промежуткахъ между дождемъ ежеминутно показывается солнце, освѣщаетъ залитую водой окрестность и блеститъ въ тысячахъ капель росы. Это время наиболѣе сильнаго роста заросли, травы и тростниковъ. Всюду стоятъ лужи, рѣки разливаются, болота. напримѣръ, такія, какія я переходилъ у Кингани, превращаются въ необозримыя озера. Движеніе каравановъ пріостанавливается, потому что тропинки размываются дождями, а другихъ дорогъ нѣтъ. Черные прячутся въ свои хижины, на поляхъ царитъ тишина, нарушаемая лишь паденіемъ дождевыхъ капель въ лужахъ и озерахъ. Вся страна находится во власти грозъ, воды и лихорадки.

Когда дожди прекращаются, все снова оживаетъ. Женщины съ заступами выходятъ въ поле, мужчины выгоняютъ стада на возвышенности, по тропинкамъ снова тянутся караваны, идущіе изъ глубины къ берегамъ или съ береговъ въ область Великихъ озеръ и несущіе: слоновые клыки, коленкоры, бусы шкуры,—словомъ, все, что на черномъ материкѣ служитъ предметомъ торговли.

Очевидно, что въ такой богатой растительностью странѣ должна быть и соотвѣтствующая фауна. Сырость и тепло прежде всего благопріятствуютъ развитію насѣкомыхъ. Я уже описывалъ обѣдъ въ Багамойо, во время котораго разные жуки и бабочки шлепались о наши лица, а мухи и комары дюжинами падали въ наши рюмки. Что касается москитовъ, то какъ въ Занзибарѣ, такъ и здѣсь, они очень надоѣдливы, однако—не представляютъ такого наказанія, какъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Южной Америки.

Мы прожили нѣсколько недѣль въ шатрѣ. Часто ночевали такъ же, какъ надъ Кингани, на берегу рѣки, вблизи болотъ и лужъ, причемъ порядкомъ страдали отъ укусовъ насѣкомыхъ; однако въ отчаяніе не приходили и не болѣли «комариной горячкой», которую непремѣнно получаешь въ Панамѣ или ниже—на берегахъ Оринако и другихъ американскихъ рѣкъ. При путешествіи по Африканскимъ рѣкамъ надо сильнѣе всего остерегаться осъ о которыхъ столько говоритъ Стэнли, и гнѣзда которыхъ висятъ надъ водой, напоминая большіе бутоны розъ. У кого нѣтъ желанія, чтобы кожа его въ одно мгновеніе преобразилась въ шагрень, тотъ долженъ тщательно обходить эти бутоны.

Скорпіоновъ мы видѣли много. Намъ не разъ случалось втаптывать въ землю коблуками очень большіе экземпляры. Вообще здѣсь не безопасно садиться на траву, на пни или камни, не осмотрѣвъ предварительно мѣста. Кто опускается на землю слишкомъ скоро, тому иногда приходится вскочить еще скорѣе. Но ни мы, ни наши люди, спавшіе прямо на травѣ, ни разу не подверглись сильнымъ укусамъ.

Истинный бичъ Африки представляютъ муравьи и термиты. Въ глубинѣ страны намъ ежеминутно попадались гнѣзда термитовъ, изрѣдка достигающія высоты въ нѣсколько метровъ. Иногда на тропинкахъ среди травы намъ встрѣчались цѣлыя арміи муравьевъ, для которыхъ движеніе по вытоптанной тропинкѣ тоже пріятнѣе, нежели по зарос-

шему травой пространству. Мы, обутые въ кожаные башмаки съ штиблетами, не страшились муравьевъ, но наши негры, шедшіе босыми, дѣлали такіе прыжки, которые могли бы вызвать зависить даже въ шимпанзе. Муравьи здѣсь пробираются всюду и точатъ все: людей, деревья, дома, травы, объѣдаютъ мясо убитаго или издохшаго животнаго, воюютъ съ каждымъ живымъ существомъ и истребляютъ другъ друга. Маленькій бѣлый муравей точить стѣны; большой красный кусается, какъ собака, причемъ послѣ укуса остаются очень чувствительные, долго незаживающіе пузыри; большой черный муравей соперничаетъ въ этомъ съ краснымъ.

Оба эти вида взбираются на деревья и оттуда, какъ я слышалъ и читалъ, низвергаются на проходящихъ жгучимъ дождемъ, точно изъ расплавленной сѣры. Къ счастью, мнѣ приходится говорить объ этомъ обычаѣ муравьевъ только со словъ другихъ путешественниковъ, главнымъ образомъ—Стэнли, и я радъ, что могу сослаться на чужое свидѣтельство, а не на свой личный опытъ.

Самая большая опасность всякимъ запасамъ живости грозитъ со стороны черныхъ муравьевъ. Когда мы просыпались рано утромъ въ шатрѣ, то оказывалось, что горлышки нашихъ бутылокъ съ виномъ и нашихъ манерокъ буквально облѣплены ими. Мелкій сахаръ, несмотря на то, что мы тщательно прятали его въ жестяную коробку, сдѣлался, наконецъ, какъ выражаются англичане, half and half (половина на половину). Сначала мы надѣялись отвлечь вниманіе муравьевъ тѣмъ, что оставляли сладкій чай или кофе, но это ни къ чему не привело: они попрежнему продолжали точить наши сухари и съ особеннымъ ожесточеніемъ старались добраться до молочнаго экстракта Либиха. Намъ приходилось переливать содержимое банокъ въ бутылки и тщательно закупоривать ихъ, и все-таки, несмотря на это, на каждой пробкѣ оказывалось цѣлая куча этихъ насѣкомыхъ.

Купаясь въ лужахъ негритянскихъ деревушекъ, я часто замѣчалъ на листьяхъ или на берегу нѣчто въ родѣ гусеницъ, длина которыхъ равняется длинѣ указательнаго пальца, сверху совершенно черныхъ, имѣющихъ снизу множество ногъ желтаго цвѣта. Во мнѣ онѣ возбуждали чувство боязни и гадливости: я принималъ ихъ за тѣхъ многоножекъ, о ядовитости которыхъ я слышалъ отъ миссіонеровъ. Однако, впослѣдствіи мнѣ приходилось видѣть, какъ наши люди снимали ихъ руками съ шеи и бросали въ воду безъ всякаго для себя вреда.

Что касается мухи тсэ-тсэ, то она опасна лишь для животныхъ. Мнѣ разсказывали, что между волами, услыхавшими ея жужаніе, начинается цѣлый переполохъ. Для людей укушеніе этой мухи не болѣе опасно, нежели укушеніе комара. За рѣкой Вами ихъ больше. Я часто видѣлъ тсэ-тсэ, садившихся на наши шляпы, когда мы располагались на отдыхъ подъ тѣнью дерева и бросали свои шляпы на траву. Одну я убилъ и хотѣлъ сохранить, но дорогою она истерлась. Мнѣ говорили, что тамъ, гдѣ мѣстность обработана, муха тсэтсэ вовсе не водится.

Бомондъ среди насѣкомыхъ образуютъ бабочки. Товарищъ мой собиралъ ихъ и привезъ въ Европу значительную коллекцію. Надъ травами, въ лѣсахъ, въ негритянскихъ деревушкахъ, вблизи водъ и на поросшихъ мимозами возвышенностяхъ, всюду—мелькаютъ порхающія бабочки. Однѣ достигаютъ очень значительныхъ размѣровъ, другія же такъ миніатюрны, что когда порхаютъ надъ травами, то фраза «ясная игла мотыльковъ» вполнѣ къ нимъ примѣнима. На крылышкахъ, вышитыхъ бѣлыми, золотыми и жемчужными арабесками, преобладаютъ цвѣта желтые, голубые, фіолетовые и пурпуровые. Когда онѣ сидятъ на стебляхъ травы или на листьяхъ, то часто похожи на цвѣты, но лишь только протягиваешь руку, цвѣтокъ улетаетъ въ воздушное пространство, точно онъ легче самого воздуха.

Въ царствѣ пресмыкающихся королемъ является крокодилъ. Онъ водится почти во всѣхъ рѣкахъ въ значительномъ количествѣ и очень затрудняетъ переправы. Во время своего пребыванія въ Африкѣ мнѣ ни разу не пришлось слышать о несчастныхъ случаяхъ съ людьми, однако, при своей неосторожности негры, вѣроятно, часто дѣлаются жертвами этихъ хищниковъ. У спокойной воды можно насмотрѣться на крокодиловъ вволю: стоитъ лишь стать на берегу, чтобы черезъ нѣсколько мгновеній увидѣть на гладкой поверхности воды три медленно подвигающіяся впередъ точки. Эти точки получаются отъ возвышеній надъ глазами и надъ пастью. На Кингани мнѣ не удалось хорошо разсмотрѣть крокодила, зато на рѣкѣ Вами я наглядѣлся на нихъ вволю. Часто они выходятъ изъ воды на берегъ и лежатъ по цѣлымъ днямъ на пескѣ или въ лужѣ, покрытые грязью, напоминая сгнившіе пни. Можно простоять цѣлый день, не замѣтивъ какого-либо движенія: лѣниваго поворота головы, лапъ или хвоста. Въ этой лѣни кроется что-то зловѣщее, потому что стоитъ чудовищу лишь встревожиться или замѣтитъ добычу, какъ тотчасъ же движенія его дѣлаются быстрыми, какъ молнія. Эти гигантскія пресмыкающіяся имѣютъ какую-то первобытную форму туловища, точно принадлежащую какой-то допотопной эпохѣ, и словно олицетворяютъ собою коварную слѣпую жестокость. Впрочемъ, безсмысленность этихъ пресмыкающихся кажущаяся, точно такъ же какъ и лѣнь: часто они устраиваютъ такія засады противъ другихъ животныхъ, которыя доказываютъ, что въ этихъ сплющенныхъ чашкахъ черепа рядомъ съ жестокостью живутъ хитрость и отвага.

Змѣй въ Африкѣ меньше, нежели въ Новомъ Свѣтѣ. Откровенно говоря, за все время путешествія я видѣлъ лишь одну змѣю хотя во время охоты мы часто сворачивали съ протоптанныхъ тропинокъ въ сторону и пробирались сквозь высокія травы. Въ такихъ мѣстахъ водятся очень ядовитыя сорта змѣй, но, кромѣ нихъ, встрѣчаются и питоны, достигающіе, какъ говорятъ, иногда такихъ гигантскихъ размѣровъ, что разсказы о нихъ, хотя и слышанные отъ людей, заслуживающихъ полнаго довѣрія, казались мнѣ фантастичными.

О большихъ ящерицахъ, которыя очень распространены въ Египтѣ, мнѣ ничего не приходилось слышать въ здѣшнихъ странахъ. Малыя ящерицы—напримѣръ, хамелеоны и тому подобная мелочь, во-

дятся около человѣческаго жилья. Ихъ много на Занзибарѣ, въ Багамойо и около всѣхъ миссій. Онѣ встрѣчаются не только на наружныхъ стѣнахъ зданій, но и въ комнатахъ, образуя какъ бы орнаменты на карнизахъ. Можетъ быть, онѣ приносятъ даже пользу тѣмъ, что истребляютъ насѣкомыхъ, вредить человѣку онѣ безусловно не могутъ, и фамильярность ихъ никогда не простирается до посѣщенія кроватей.

Въ теплыхъ болотахъ, въ очеретахъ, лужахъ и озерахъ благодушествуютъ милліоны лягушекъ. Онѣ квакаютъ здѣсь не такъ, какъ у насъ; то есть не образуютъ большихъ хоровъ, какъ бы возносящихъ шумную молитву къ лунѣ, но квакаютъ въ одиночку и безъ ритма. Когда соединяется множество такихъ голосовъ, то кажется, точно слышишь какой-то неспокойный говоръ, о чемъ я уже упоминалъ при описаніи М'Тони. Многіе виды лягушекъ живутъ на деревьяхъ и монотонными звуками точно отмѣчаютъ часы ночи. Въ нашемъ шатрѣ часто попадались жабы, очень лѣнивыя, полныя меланхоліи, сказалъ бы—словно огорченныя собственнымъ безобразіемъ. Надъ Кингани одна жаба такъ настойчиво посѣщала нашъ шатеръ, точно хотѣла повѣдать намъ ночью какую-то грустную тайну или разсказать о какомъ-то событіи, быть можетъ, о томъ что нѣкогда она была богиней этихъ водъ, но затѣмъ за свои многочисленные проказы и грѣхи силой колдовства была превращена въ такое отвратительное существо. Но такъ какъ безобразіе не вызываетъ сочувствія, то она выбрасывалась нами безъ всякой церемоніи и жалости.

Птицъ всюду—несмѣтныя количества. Это очень безпокойная и крикливая республика, но для глазъ—самая пріятная. Чтобы воздать каждому должное, начну со страусовъ. На побережьи они не водятся. Когда-то было иначе, но, очевидно, этимъ неснисходительнымъ птицамъ не понравилась торговля ихъ перьями, вслѣдствіе чего онѣ переселились на сухія, пустынныя обширныя возвышенности, простирающіяся по ту сторону горъ У'Загаро. Быть можетъ, на самомъ побережьи было для нихъ слишкомъ сыро. Кажется, болѣе къ сѣверу отъ рѣки Вами встрѣчаются еще маленькія стаи, но намъ самимъ не пришлось видѣть не только стаи, но даже ихъ слѣдовъ.

Зато водяныя птицы составляютъ главное богатство окрестности. Въ мелкихъ мѣстахъ рѣки, на берегахъ подъ навѣсомъ свѣсившихся вѣтвей живутъ кулики, кулоны, цапли, журавли, выпи и многіе другіе виды, названія которыхъ я даже не знаю: однѣ со снѣжно-бѣлыми перьями, другія съ розовыми, пестрыми или черными. Яркіе, живые цвѣта ихъ перьевъ рѣзко отражаются въ водѣ, придавая пейзажу дѣвственный и экзотическій характеръ.

Утокъ, гусей и нырковъ меньше. Изъ зерноядныхъ часто попадается цесарка, мало отличающаяся отъ нашей; но нигдѣ мнѣ не приходилось видѣть этихъ птицъ въ ручномъ состояніи, хотя въ негрітянскихъ деревняхъ держатъ много куръ. Дорогою мы подстрѣливали птицъ, достигавшихъ величины индюка, съ перьями сѣраго цвѣта и съ высокими ногами. Прежде чѣмъ подняться на воздухъ, онѣ пускаются бѣжать, потому что сразу имъ очень трудно взлетѣть. Изъ нихъ получался очень вкусный супъ.

На одиночныхъ большихъ деревьяхъ встрѣчались дятлы или, по крайней мѣрѣ, птицы, очень похожія на нихъ, съ крѣпкими, пустыми внутри клювами. Онѣ-то именно и издавали тѣ звуки, которые напоминали мяуканье кошекъ. Эти птицы отличаются крайней осторожностью, и подойти къ нимъ довольно трудно. Стрѣлять въ нихъ приходилось издалека, вслѣдствіе чего нерѣдко случался промахъ.

Негры, которыхъ стрѣльба очень забавляетъ, и которые имѣютъ необыкновенно острое зрѣніе, ежеминутно указывали намъ новыхъ птицъ, крича: «Ндегэ! ндегэ» (Птица)! Они, кажется, даютъ это названіе всякому крылатому существу.

Самыми красивыми птицами этой части Африки можно считать тѣхъ изъ нихъ, которыхъ миссіонеры называютъ «вдовами». Ихъ маленькое тѣльце покрыто черными блестящими перьями, но головка, горлышко, спинка и длинныя, свѣсившіяся перья въ хвостѣ отливаютъ всѣми цвѣтами драгоцѣнныхъ каменьевъ, и цвѣтъ перьевъ этой птички постоянно измѣняется, соотвѣтственно освѣщенію. Зеленыхъ попугаевъ здѣсь очень много. Сѣрыхъ съ красными головами попугаевъ мнѣ приходилось видѣть лишь въ ручномъ состояніи: они водятся въ дикомъ состояніи въ окрестностяхъ Великихъ озеръ. Въ зарослях копошатся птицы, похожія на нашихъ соекъ, преимущественно съ голубымъ опереніемъ. Около негритянскихъ деревень я стрѣлялъ голубей бѣлаго и кирпичнаго цвѣта, которые величиною не превосходятъ нашего жаворонка. Здѣсь очень много такихъ видовъ птицъ, которые еще неизвѣстны наукѣ; изъ экземпляровъ, привезенныхъ въ Европу моимъ товарищамъ, орнитологи могли опредѣлить лишь нѣсколько видовъ. А сколько же должно существовать еще такихъ видовъ, о которыхъ никто ничего не слыхалъ, среди той мелюзги, которая копошится въ травѣ, въ очеретахъ въ глубинѣ зарослей?! Есть прелестныя страны какъ, напримѣръ, итальянская Ривьера, изъ которыхъ, если проживешь тамъ долго, выносишь тоскливое впечатлѣніе, благодаря тому, что въ нихъ нѣтъ птицъ. Африка, по крайней мѣрѣ, та часть ея, о которой я говорю,—не можетъ сѣтовать на отсутствіе птицъ: ея лѣса, рощи и степи переполнены жизнью. Взоры путешественника всюду встрѣчаютъ движеніе и краски, слухъ поражается щебетаніемъ и перекликаніемъ, отъ которыхъ окрестность дрожитъ съ утра до вечера.

Перехожу къ млекопитающимъ. Въ дорогѣ ихъ встрѣчается мало. Негры тянутся длинной вереницею, то поютъ, то перекликаются и пугаютъ всѣхъ животныхъ, встрѣчающихся въ дорогѣ. Впрочемъ, крупный звѣрь и безъ этого избѣгаетъ тропинокъ, по которымъ движутся караваны. Если есть желаніе охотиться, то слѣдуетъ раскинуть шатеръ гдѣ-нибудь у воды, вдали отъ дорогъ и деревень, въ пустошной и лѣсной мѣстности жить на одномъ мѣстѣ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Только тогда убѣждаешся на самомъ дѣлѣ, что весь этотъ край является какъ-бы сплошнымъ зоологическомъ садомъ. Однако, нѣкоторые виды животныхъ, слишкомъ упорно преслѣдуемые людьми, удалились съ побережья въ недоступныя чащи лѣсовъ, покрывающихъ центральную часть Африки. Слоны, цѣлыми стадами живущіе по склонамъ Ка-

лима-Нджаро, въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ океану, совсѣмъ вывелись на побережьи. Не видѣли мы также ни одного буйвола, можетъ быть, потому, что именно въ это время ихъ будто бы истребила эпидемія. Впрочемъ, это животное довольно обыкновенное. Только гиппопотамы всегда чувствуютъ себя на побережьи прекрасно; они живутъ вдоль рѣкъ, купаясь и играя цѣлый день, а на пастбище выходятъ ночью. Негры мало охотятся на нихъ. Правда, изъ кожи гиппопотама въ Занзибарѣ приготовляются трости, а клыки замѣняютъ иногда слоновую кость, однако—все это плохо идетъ въ торговлѣ, и поэтому животное, которое почти не истребляютъ, спокойно живетъ и размножается на свободѣ. Иногда, будучи въ дурномъ настроеніи, оно перевертываетъ какую-нибудь негритянскую пирогу и клыками убиваетъ чернокожихъ но чаще всего гиппопотамъ, сидя въ водѣ, весело выбрасываетъ черезъ ноздри фонтаны и очень доволенъ своей судьбой.

Въ степяхъ и по возвышенностямъ водятся многочисленные виды антилопъ. Среди нихъ антилопа-корова достигаетъ бо̀льшихъ размѣровъ, нежели нашъ лось. Она вооружена огромными рогами, заворачивающимися при основаніи въ спираль, а дальше—прямыми. Охота на нее можетъ быть очень опасною, такъ какъ, будучи ранена, она нападаетъ на охотника. Къ несчастью для себя, она останавливается передъ нимъ за пять, шесть шаговъ, вѣроятно, какъ бы изумляясь собственной отвагѣ; тогда, конечно, надо стрѣлять ей въ лобъ, въ противномъ случаѣ она бросается вторично на охотника и поднимаетъ его на рога.

Самымъ опаснымъ животнымъ, однако, кромѣ слона, можно считать африканскаго буйвола (Bos Cafer). Онъ часто нападаетъ на человѣка, даже не будучи задѣтъ имъ. Иногда онъ атакуетъ цѣлые караваны и приводитъ ихъ въ сильное замѣшательство. Серпа Пинто говоритъ, что въ нѣкоторыхъ частяхъ Африки караванныя тропинки усѣяны по обѣимъ сторонамъ могилами убитыхъ буйволами людей.

Носорогъ—тоже въ нѣкоторомъ родѣ воинственная особа, хотя онъ, несмотря на свою силу и величину, представляетъ изъ себя весьма комичную фигуру. Онъ производитъ такое впечатлѣніе, точно на немъ надѣтъ шлафрокъ не по его росту, и точно съ него сваливается извѣстная, нижележащая часть костюма. Это послѣднее обстоятельство стѣсняетъ его движенія. Послѣ перваго выстрѣла онъ обращается въ бѣгство, потомъ вдругъ оборачивается и яростно нападаетъ на охотника, но вслѣдствіе природной глупости бросается и первый попавшійся предметъ: на камень ли, кустъ, гнѣздо термитовъ, дерево,—ему все равно: что на первомъ планѣ, то, по его мнѣнію, и есть непріятель. Носороги всегда держатся вдали отъ тропинокъ и вообще на побережьи встрѣчаются рѣдко, а если и попадаются, то случайно: чаще всего попадаютъ сюда старые самцы, которые вслѣдствіе какихъ-либо семейныхъ недоразумѣній принуждены искать себѣ убѣжища по эту сторону горъ.

Возвращаюсь къ антилопамъ. Кромѣ той крупной породы антилопъ, о которой я говорилъ выше, здѣсь водится еще другая,—«бейса», достигающая по размѣрамъ величины нашего оленя. Эти антилопы-

прыгуны перебѣгаютъ степи стадами въ штукъ двадцать. Названіе свое онѣ получили потому, что на пастбищѣ безпрестанно подпрыгиваютъ вверхъ, точно ихъ подбрасываетъ стальная пружина. Самый обыкновенный видъ антилопы «гну» напоминаетъ лошадь съ бычачьей головой. Это животное имѣетъ довольно страшный видъ, глаза его дики, лобъ ужасенъ, но на самомъ дѣлѣ это кроткое и пугливое существо. Есть также одинъ видъ антилопъ, проводящихъ большую часть жизни въ водѣ. Наконецъ, въ лѣсахъ, тянущихся вблизи озеръ, водится еще антилопа-карлица (nanstragus), представляющая изъ себя антилопу въ миніатюрѣ. Цвѣтъ ея шерсти—коричневый; она очень стройна, размѣрами не превосходитъ величины комнатной собачки. Когда-то она была очень распространена и въ Занзибарѣ.

Къ сѣверу отъ рѣки Кингани, недалеко отъ устья, въ болотахъ, черезъ которыя мы проходили, я видѣлъ слѣды цѣлыхъ стадъ зебръ. Иногда въ пути негры указывали на что-то на отдаленныхъ возвышенностяхъ, что издали въ блескѣ солнечныхъ лучей, имѣетъ видъ сухихъ, обнаженныхъ деревьевъ; но когда караванъ подходитъ на версту или ближе, эти мнимыя деревья приходятъ въ движеніе и вскорѣ исчезаютъ въ рощахъ акацій. Это — жирафы. Онѣ рѣдко встрѣчаются въ одиночку, чаще же всего ходятъ по нѣскольку штукъ вмѣстѣ. Жирафы обладаютъ удивительно тонкимъ чутьемъ, и охота на нихъ считается одною изъ самыхъ трудныхъ.

Виды животныхъ, принадлежащихъ къ породѣ грызуновъ, въ этой части Африки очень немногочислены. Мы вовсе не видѣли зайцевъ, которыхъ, какъ я слышалъ, очень много въ странѣ Сомали. Кролики тоже не являются здѣсь такимъ бичомъ, какъ въ Австраліи и въ нѣкоторыхъ странахъ Америки, а наши бѣлки здѣсь совсѣмъ не водятся. Изъ семейства крысъ я привезъ въ Европу нѣсколько интересныхъ экземпляровъ, которыхъ получилъ въ подарокъ въ миссіи Мандера. Это такъ называемыя «macrocelides», т. е. крысы, у которыхъ мордочка оканчивается трубкой. Одинъ сортъ, покрытый темно-бронзовой шерстью, съ трубкообразной мордочкой, достигающей длины одного дюйма,— очень рѣдкій.

Въ Занзибарѣ, Багамойо и во всѣхъ миссіяхъ мы видѣли прирученныхъ обезьянъ и поэтому предположили, что ихъ здѣсь много; между тѣмъ въ теченіе всего нашего путешествія въ глубь материка, мы не видѣли ни одной. Но порою, когда я, по своему обыкновенію, проводилъ ночь, сидя передъ шатромъ и вслушиваясь въ окружающіе голоса, до моего слуха доносился изъ заросли точно лай. Я спрашивалъ у негровъ,—что бы это могъ быть за звѣрь, и они рѣшительно увѣряли меня, что это «кима» (обезьяна). Миссіонеры въ Мандерѣ подтвердили эти слова, сказавъ, что въ этихъ странахъ водится лающая обезьяна, но она держится въ густыхъ зарosляхъ, совершенно недоступныхъ для человѣка, поэтому можно пробыть въ странѣ долгое время и не встрѣтить ни одного экземпляра. Я допускаю (на свой страхъ), что это могутъ быть такія ночныя животныя, какъ, напримѣръ, лемуры.

Очень правдоподобно, что и другіе виды обезьянъ живутъ въ за

росляхъ, прячась отъ жары и людей, но въ общемъ ихъ на побережьи не должно быть слишкомъ много. Мы не видѣли ни одной обезьяны даже тогда, когда сварачивали съ тропинокъ и въ теченіе нѣсколькихъ дней шли черезъ заросли и совсѣмъ дикія мѣста. Можетъ быть, красивенькая, граціозная обезьяна Colobus kirkii, совсѣмъ исчезнувшая на Занзибарѣ, еще встрѣчается на материкѣ, но настоящая область обезьянъ простирается за горами, на возвышенностяхъ и въ окрестностяхъ Великихъ озеръ.

Левъ нѣкогда былъ очень распространенъ на всемъ восточно-африканскомъ побережьи; по словамъ Реклю, цѣлымъ деревнямъ приходилось иногда переселяться, чтобы избѣгнуть такого сосѣдства. Теперь онъ еще встрѣчается, но уже не такъ часто. Объ одномъ, который во время нашего пребыванія въ Занзибарѣ появился въ окрестностяхъ Багамойо, я уже говорилъ. Отецъ Стефанъ разсказалъ мнѣ о приключеніи, случившемся съ однимъ ботаникомъ въ самомъ саду миссіи. Онъ полезъ въ кусты, въ которые упала подстрѣленная имъ на пальмѣ кукушка, и вдругъ столкнулся лицомъ къ лицу съ громаднымъ, покрытымъ косматой гривой львомъ, котораго его выстрѣлъ, очевидно, поднялъ отъ послѣобѣденнаго сна. Ботаникъ остолбенѣлъ, левъ тоже. Но повелитель звѣрей, вѣроятно, подумалъ, что существо, которое такъ безстрашно проникло въ его убѣжище, должно быть очень увѣрено въ своихъ силахъ, вслѣдствіе этого сдѣлалъ прыжекъ назадъ и исчезъ. Благодаря такой счастливой случайности, ботанику не пришлось завязать со львомъ болѣе близкое знакомство.

Вообще, трудно встрѣтить льва или другихъ кровожадныхъ животныхъ днемъ. Въ Африкѣ днемъ можно ходить повсюду, ночью—никуда, даже въ собственный садъ, если онъ не огороженъ высокимъ заборомъ. Къ намъ доносилось, напримѣръ, рычаніе леопардовъ изъ большого кокосоваго сада Багамойской миссіи, а послѣ нашего отъѣзда пантера растерзала тамъ собаку тутъ же подлѣ часовни, въ нѣсколькихъ десятковъ шаговъ отъ дома. Зато за все время своего путешествія я только разъ слышалъ рычаніе льва, именно—на ночлегѣ въ Гугуруму. Всѣ кровожадные звѣри: львы, пантеры, леопарды, гіены и др., прячутся днемъ въ чащѣ зарослей, черезъ которыя только они одни и могутъ пробираться, устроивъ себѣ низкіе проходы среди ліанъ и кустовъ, напоминающіе темные коридорчики. Ночью все это выходитъ на охоту. Негры утверждали, что эти животныя не очень боятся огня. Можетъ быть, именно по этой причинѣ караваны и не ходятъ по ночамъ, хотя ночью, при лунномъ свѣтѣ, не трудно было бы различать тропинку, а идти ночью гораздо пріятнѣе, нежели днемъ, подъ знойнымъ солнцемъ.

Теперь нѣсколько словъ о людяхъ. Жители этихъ странъ принадлежатъ къ многочисленному племени Банту, занимающему Африку отъ экватора до самыхъ крайнихъ ея границъ на югѣ. Въ нѣмецкихъ владѣніяхъ они образуютъ многочисленные народы и народцы, сильно отличающіеся другъ отъ друга по своему образу жизни, обычаямъ и языку. Я полагаю, что всѣ эти нарѣчія ведутъ свое происхожденіе отъ какого-нибудь прежняго, общаго языка Банту; въ этомъ мене

убѣждаютъ нѣкоторыя общія всѣмъ этимъ языкамъ особенности. Во всѣхъ гласная У означаетъ страну, слогъ *Ма* или *Ва* множественное число, а отсюда и народъ даннаго края. Говорятъ: Угеге и Вагеге, Узагара и Вазагара, Уганда и Ваганда, Угенге и Вагенге. Языкъ ки-суачили, на которомъ говорятъ въ Занзибарѣ, имѣетъ тѣ же самыя формы. Очевидно, нѣтъ правила безъ исключенія, и часто названіе страны означаетъ людей, и наоборотъ. Языкъ ки-суачили распространенъ болѣе другихъ: на немъ можно объясняться вездѣ, куда только заходятъ караванныя тропинки; на немъ говорятъ еще даже за озерами и вдоль теченія рѣки Конго, почти до самаго Атлантическаго океана. Этотъ языкъ является языкомъ двѣнадцати самыхъ распространенныхъ въ Африкѣ народовъ.

Жители побережья и областей, простирающихся до самыхъ горъ, служащихъ водораздѣломъ между океаномъ и Великими озерами, занимаются преимущественно земледѣліемъ. Воздѣлываютъ, главнымъ образомъ, маніокъ, корни котораго доставляютъ отличную муку, затѣмъ рисъ и сорго, родъ проса. По ту сторону горъ, на плоской возвышенности, живутъ пастушескія племена, между которыми самое могучее племя—Массаи. Народы, населяющіе самое побережье, именно Суачилисы, съ незапамятныхъ временъ занимаются торговлей. Они-то именно,—сами или подъ предводительствомъ арабовъ, доходили до самыхъ Великихъ озеръ, они же заселили острова: Мафію, Занзибаръ и Пембу. На Занзибарѣ они, очевидно, смѣшались съ коренными жителями острова, которые слились съ ними окончательно, затѣмъ они смѣшались еще съ туземнымъ населеніемъ острововъ Коморскихъ, Сешельскихъ и съ арабами. Языкъ ихъ отъ наплыва этихъ чуждыхъ элементовъ нѣсколько измѣнился, обогатился новыми выраженіями, преимущественно арабскими, однако, не только не былъ побѣжденъ арабскимъ языкомъ, но поглотилъ его до такой степени, что сами арабы въ своихъ сношеніяхъ съ индусами, самолисами и даже европейцами объясняются только на языкѣ ки-суачили.

Тѣ же суачилисы, принявъ отъ арабовъ магометанство, распространили его въ прибрежныхъ странахъ: въ Узарамо, Узигуа и Узамбаро. Народы, живущіе дальше, поклоняются фетишамъ. Нравы и обычаи ихъ обусловливаются тѣмъ, насколько они живутъ ближе или дальше не отъ побережья, но отъ караванныхъ дорогъ. Есть даже очень отдаленныя мѣстности, въ которыхъ жители носятъ европейскія ткани, живутъ въ довольно порядочныхъ деревняхъ и не выражаютъ никакого удивленія или страха при видѣ бѣлыхъ людей; но есть и такія деревни, которыя хотя и лежатъ недалеко отъ побережья, посреди лѣсовъ, а, однако, совсѣмъ дикія; негръ тамъ ходитъ голый или прикрываетъ наготу травами, продѣваетъ въ губы «пелеле», т. е. кусочки дерева, живетъ въ шалашѣ и, какъ дикій звѣрь, скрывается въ чащу зарослей при извѣстіи о приближеніи чужихъ.

Такая разница наблюдается иногда среди одного и того же народа. Напримѣръ, негры изъ Узарамо, живущіе въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Багамойо и Доръ-эсъ-Салямомъ, настолько же цивилизованы, какъ и занзибарцы; тѣ же, которые живутъ дальше, въ раз-

ныхъ заброшенныхъ углахъ, между небольшими притоками Кингани, ведутъ прежнюю первобытную жизнь. Тотъ, кому извѣстно, что и у насъ въ Бѣловѣжской пущѣ можно встрѣтить людей, никогда не выходившихъ изъ лѣсовъ и, кромѣ своего прихода, не видѣвшихъ никакого другого мѣстечка,—тотъ легко пойметъ, что подобныя явленія тѣмъ болѣе могутъ встрѣчаться въ Африкѣ

Деревни, которыя я видѣлъ, устроены большей частью такимъ образомъ, что хижины стоятъ по краямъ обширнаго двора. расчищеннаго отъ травы и хорошо утоптаннаго. Царская хижина больше другихъ, часто расположена посреди двора, подъ широкимъ деревомъ, подъ которымъ собираются для совѣта старѣйшины. Въ нѣмецкихъ владѣніяхъ этотъ послѣдній обычай скоро исчезнетъ, благодаря стараніямъ нѣмцевъ, но прежде прихо илось въ каждомъ селеніи терять по нѣскольку часовъ на переговоры объ условіяхъ, при которыхъ будетъ дозволенъ переходъ черезъ территорію, и о выкупѣ (гонго), который царьки требовали отъ каравановъ.

Хижины выстроены изъ глины и хвороста и всегда имѣютъ круглую форму. Остроконечная тростниковая крыша дѣлается настолько низкой, чтобы края сильно выступали впередъ, образуя родъ навѣса, который служитъ защитою отъ солнца. Въ хижинѣ ничего нѣтъ, кромѣ глиняной посуды для воды и кроватей. Кровать («китанда») состоитъ изъ деревянной рамы, поддерживаемой четырьмя столбиками и переплетенной узкими ремешками. Когда являешься въ деревню, чернокожіе тотчасъ же выносятъ эти китанды и просятъ бѣлыхъ путешественниковъ усѣсться на нихъ, затѣмъ подносятъ имъ въ видѣ подарковъ яйца, иногда куръ или козъ. Очевидно, за эти подарки нужно отблагодарить, поэтому запасы «американи» (кол нкоровъ) и «индустани» (индійскихъ платковъ) постепенно уменьшаются.

На глиняной посудѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мнѣ пришлось ее видѣть, нѣтъ никакихъ особенныхъ рисунковъ или орнаментовъ. словомъ,—ничего. Въ деревняхъ, заселенныхъ фетишистами. меня приводило въ удивленіе отсутствіе божковъ, сдѣланныхъ изъ дерева, глины или слоновой кости. Почти всѣ носятъ амулеты, состоящіе изъ чего попало: изъ зубовъ крокодила, когтей леопарда, иногда крестика. Если на негрѣ замѣтите крестъ, то это не всегда признакъ того, что онъ христіанинъ: часто онъ считаетъ крестъ могущественнымъ амулетомъ бѣлыхъ, которымъ и хочетъ защитить себя отъ всякихъ чаръ и дурныхъ вліяній.

Оружіе состоитъ изъ луковъ, дротиковъ и ножей самой разнообразной формы. Луки народа Мафита достигаютъ длины человѣческаго роста, щиты же изъ львиной шкуры бываютъ длиною около метра. Дротики оканчиваются большей частью небольшимъ узкимъ наконечникомъ; только у Массаевъ эти наконечники всегда большіе и обоюдоострые. Вообще оружіе всѣхъ народовъ изъ племени Банту не можетъ выдержать сравненія съ великолѣпными издѣліями Сомалисовъ: оружіе этого племени—копья, щиты изъ кожи гиппопотамовъ и особенно ножи—могутъ служить украшеніемъ любого музея.

Тѣмъ не менѣе народы, подчиненные нынѣ нѣмцамъ, славились

когда-то своей воинственностью, а нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Ма-Канда и Вегеге, живущіе на югѣ, и жители страны Угого, лежащей по ту сторону горъ Узагаро, и т перь еще очень воинственны. Нѣмцы безпрестанно принуждены усмирять воинственный пылъ разныхъ подвластныхъ имъ народовъ, что, впрочемъ, приноситъ пользу болѣе спокойнымъ и малочисленнымъ племенамъ, которые прежде много терпѣли отъ жестокости своихъ грозныхъ сосѣдей.

Формы правленія—самыя разнообразныя. Ясно одно, что всѣ признаютъ начальникомъ бѣлаго «М'буана Куба» изъ Багамойо. Болѣе отдаленные народы представляютъ его себѣ какимъ-то миѳическимъ существомъ, поэтому тамъ время отъ времени происходятъ возстанія. Царьки правятъ иногда неограниченно, иногда власть ограничиваютъ старѣйшины. Однако, есть народы, которымъ монархическая власть неизвѣстна; таковы, напримѣръ, могучіе воинственные Моссаи. Они живутъ группами, безъ всякой власти и только на время войны выбираютъ изъ своей среды предводителя,—обыкновенно самаго славнаго воина,—котораго временно облекаютъ властью диктатора. У другихъ народцевъ, очень раздробленныхъ, въ каждой деревушкѣ есть свой царекъ, который по отношенію къ нѣмецкой власти занимаетъ такое же положеніе, какое занимаетъ у насъ старшина по отношенію къ администраціи.

Однако, со времени покоренія страны нѣмцами старыя формы жизни разрушаются, измѣняются и обновляются, Миссіи со своей стороны содѣйствуютъ этимъ премѣнамъ, которыя въ общемъ выгодны и полезны для черныхъ. Прежде ихъ угнетали собственные царьки поголовно избивали болѣе могущественные сосѣди, захватывали въ неволю арабы.... Нигдѣ мнѣніе, что самые счастливые народы тѣ, у которыхъ нѣтъ исторіи—не оказалось болѣе неосновательнымъ. Вся сторона была переполнена страданіями, кровью и людскими слезами. Человѣкъ по отношенію къ другому человѣку былъ въ буквальномъ смыслѣ слова волкомъ, потому что пожиралъ его. Теперь все это прекратилось, куда только проникла энергичная нѣмецкая нація. Въ настоящее время нашъ пріятель Муэпо-Пира, если когда и сжаритъ себѣ бифштексъ изъ человѣческаго мяса, то дѣлаетъ это крайне рѣдко, хранитъ въ большое тайнѣ и, тревожимый безпокойствомъ, посылаетъ на всякій случай въ Багамойо въ видѣ подарка корову. Лѣтъ десять слишкомъ тому назадъ онъ принималъ безоружнаго отца Стефана, дико вращая глазами и поднося копье къ его груди; теперь старикъ при видѣ двухъ бѣлыхъ переступаетъ съ ноги на ногу, смѣется, угощаетъ помбой, лѣснымъ медомъ и, только убѣдившись, что пришедшіе къ нему въ гости люди не нѣмцы, таинственно скажетъ въ шатрѣ: «Daki akuna msuri! akuna msuri!» (Нѣмцы не добрые, не добрые)!

Онъ не принимаетъ во вниманіе того, что если бы его селеніе не лежало въ двухъ дняхъ пути отъ Багамойо, то, быть можетъ, кости его давно были бы разнесены гіенами по полямъ. Какъ онъ, такъ и его вѣрные подданные составляютъ жалкій остатокъ нѣкогда многочисленнаго народа У—Доэ, не особенно давно подвергшагося полному разгрому со стороны сосѣдей, истребленнаго, съѣденнаго или проданнаго въ неволю.

XV.

Дальнѣйшій походъ.—Порядокъ похода.—Сухая степь.—Кикоко.—Лужи.—Мади-бундуки.—Полдень.—Колоритъ страны.—Туканы.—М'Са.—Деревни.—Завѣдываніе запасами.—Первый царекъ.—Обмѣнъ подарками.—Наши люди.—Дѣти въ деревняхъ.—Хижины.—Погода.

День ясный и хорошій. Со стороны океана несется стая растрепанныхъ облачковъ, точно кто разбросалъ по небу перистыя листья пальмъ; но въ общемъ лазурное небо чисто и глубоко. Отославъ двухъ аскарисовъ обратно и переправившись черезъ Кингани, мы входимъ въ чащи тростниковъ и зарослей. Тропинка узка, мѣстами грязна. По обѣимъ сторонамъ стоятъ лужи, издающія запахъ гнили и сырости болота и навоза, истоптаннаго ногами гиппопотамовъ.

Мы идемъ въ такомъ порядкѣ: впереди выступаетъ малый Томъ съ двумя фотографическими аппаратами на головѣ, за нимъ мы, потомъ негры, несущіе наши ружья, остальные пагази по обыкновенію растянулись длинной вереницей. Часто надъ высокимъ очеретомъ виднѣются лишь одни тюки, качающіеся на головахъ; иногда кусты и камыши совсѣмъ скрываютъ караванъ, который вслѣдствіе неудобства дороги растягивается всѣ болѣе и болѣе, такъ что люди, идущіе въ арьергардѣ, находятся отъ насъ на разстояніи нѣсколькихъ сотъ шаговъ. На окликъ: «Айа!», который живо подхватывается ближайшими неграми, присвоивающими этимъ себѣ право приказывать остальнымъ, всѣ спѣшатъ, сбѣгаются и соединяются въ одну цѣпь.

Первые полчаса пути вокругъ насъ видны однѣ заросли, до невозможности переплетенныя ліанами, которыя перебрасываются съ однаго куста на другой и связываютъ ихъ тысячами то тонкихъ, то толстыхъ канатовъ. Болото постепенно уменьшается, высыхаетъ,—очевидно, здѣсь кончается то пространство, которое Кингани заливаетъ водой во время «массики» и «воули». Кое-гдѣ виднѣются уже деревья, которыя вовсе не встрѣчались вблизи рѣки; на нѣкоторыхъ кустахъ висятъ плоды, напоминающіе по величинѣ и формѣ наши дыни. Заросли всѣ рѣдѣютъ, наконецъ—начинается обширная сухая степь, поросшая лишь мѣстами рѣдкой мимизой, мѣстами кустиками красныхъ, какъ кровь, цвѣтковъ и травой по поясъ.

Кругомъ не видно ни звѣрей, ни большихъ птицъ. Солнце начинаетъ замѣтно припекать, но по степи время отъ времени проносится вѣтерокъ. Послѣ часового похода мы приходимъ въ деревню Кикока и безъ труда занимаемъ ее, такъ какъ въ ней нѣтъ ни одной живой души. Бо̀льшую бѣдность трудно себѣ представить. Вся деревня состоитъ изъ восьми шалашей, сложенныхъ изъ травы и хвороста и такихъ низкихъ, что намъ они только по поясъ; въ серединѣ деревни стоитъ одинокое не очень большое манговое дерево,— вотъ и все. Если бы не это дерево и не стебли ананасовъ, несомнѣнно посѣянныхъ человѣческою рукой, то эту деревню можно было бы принять за временное мѣсто для стоянки; но вдали поднимается нѣсколько банановъ,—значитъ здѣсь все-таки обитаетъ какая-нибудь африканская голытьба.

которая при нашествіи бѣлыхъ попряталась въ ближайшіе кусты. Переводчикъ Франсуа объяснилъ мнѣ, что жители деревни, если и убѣжали, то не отъ насъ, а отъ той экспедиціи, которая двинулась въ У'Загаро еще до нашего выхода, убѣжали, очевидно, изъ страха, какъ бы ихъ не взяли въ носильщики. Нѣмцы часто поступаютъ такимъ образомъ, да, впрочемъ, другого способа и нѣтъ. Хотя такимъ приневоленнымъ носильщикамъ платятъ аккуратно, но они, боясь далекаго путешествія, а больше всего войны, стремятся при первомъ извѣстіи объ экспедиціи спрятаться въ непроходимыхъ чащахъ, гдѣ и живутъ по цѣлымъ недѣлямъ. Когда я спросилъ, почему въ Кикокѣ такіе бѣдные шалаши, Франсуа объяснилъ, что здѣсь живетъ le petit monde. Я и самъ сообразилъ, что не grand monde, однако, большаго не могъ добиться отъ переводчика: впослѣдствіи я убѣдился, что эта деревенька является исключеніемъ по своей бѣдности, такъ какъ всѣ остальныя деревни несравненно порядочнѣе и богаче.

Въ Кикокѣ нашлась и лужа съ водой, но вкусъ воды отзывался запахомъ кошачьяго трупа, а цвѣтъ ея и густота дѣлали похожей на шоколадъ. Я благословлялъ счастливую мысль, которая побудила меня захватить съ собой нѣсколько десятковъ бутылокъ содовой воды. Правда, она была почти теплая, но зато не имѣла ничего общаго ни съ шоколадомъ, ни съ кашкой. Негры наши съ благодарностью брали себѣ пустыя бутылки, а хлопанье пробокъ чрезвычайно ихъ забавляло. Они придумали даже особое названіе для этой воды: «мади бундуки», т. е. вода—ружье.

Такъ какъ содовая вода не годилась для варки кушанья, то пришлось употреблять въ дѣло мѣстную воду и даже не фильтрованную. Чтобы профильтровать необходимое для завтрака количество воды, нужно потратить нѣсколько часовъ, а человѣку, желающему отдох нуть, хочется поѣсть какъ можно скорѣе и затѣмъ лечь спать. Эта вода, прокипяченая, не такъ вредна, какъ въ сыромъ видѣ, и послѣ нѣсколькихъ разъ употребленія не всегда вызываетъ заболѣванія дизентеріей; но все-таки она далеко не вкусна. Особенно не нравился намъ кофе, сваренный на ней: онъ имѣлъ черный, какъ смола, цвѣтъ даже тогда, когда мы прибавляли молоко.

Одиннадцатый часъ. Настаетъ время тропичес:аго яркаго блеска и молчанія,—когда весь міръ точно умираетъ отъ жары. Послѣ завтрака мы легли спать въ тѣни манговаго дерева, густая листва котораго не пропускаетъ ни одного солнечнаго луча. Мы проснулись около трехъ часовъ, бодрые, отдохнувшіе и рѣшили идти дальше, такъ какъ въ Кикокѣ нечего дѣлать, и намъ сказали, что черезъ нѣсколько часовъ встрѣтится болѣе порядочная и богатая деревня, въ которой есть цѣлыя двѣ лужи чистой воды. Я съ удовольствіемъ замѣчаю, что люди идутъ охотно, очень о насъ заботятся и безпрекословно подчиняются всякому приказанію. Послѣ завтрака они устроили намъ постель изъ сухихъ травъ подъ манговымъ деревомъ, а теперь чуть послышалась команда: «Айа!»,—шатеръ моментально разобрали, свернули, тюки уже обвязаны пальмовыми шнурками; осталось только тронуться въ путь.

Мы идемъ степью. Жара стоитъ невыносимая, но свѣтъ уже не такъ ослѣпительно бѣлъ, какъ въ полуденное время. Солнце становится болѣе золотистымъ и пропитываетъ золотомъ пространство. Травы, кусты, деревья и возвышающіяся кое-гдѣ копны термитовъ точно слегка подернуты прозрачной янтарной поволокой, вслѣдствіе чего небо кажется болѣе голубымъ, а окрестность болѣе веселой; это время напоминаетъ намъ лѣтній теплый день. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видны высокія пожелтѣвшія травы, издали напоминающія наши поля спѣлой ржи, однимъ словомъ, получается такое впечатлѣніе, точно идешь по нашей деревнѣ. Чудится, что вотъ-вотъ съ другого конца поля долетятъ звуки пѣсни, зазвенятъ серпы или замелькаютъ красные платки на головахъ жницъ. Мы дышимъ теперь болѣе свѣжимъ и здоровымъ воздухомъ, потому что оставили уже далеко за собою болота Кингани. Все это приводитъ насъ въ великолѣпное настроеніе: намъ нравится и путешествіе, и страна. И дѣйствительно, она становится все болѣе и болѣе красивою. Степь немного возвышается, а кругомъ поднимаются густыя чащи, отчетливо обрисовывающіяся на яркой лазури горизонта. Иногда онѣ смѣняются зарослями, покрывающими большую часть пространства, иногда—группами нѣсколькихъ штукъ деревьевъ. Вблизи окрестность напоминаетъ роскошный паркъ, вдали имѣетъ видъ сплошного лѣса; но по мѣрѣ того какъ мы приближаемся, деревья разступаются, и открывается свободное пространство. Мы видимъ сикоморы гигантской величины, подъ тѣнь которыхъ свободно можетъ укрыться десятокъ-другой людей. Между деревьями летаютъ стаи тукановъ; въ листвѣ раздаются ихъ громкіе крики, производящіе такое впечатлѣніе, точно тамъ собралась какая-то комиссія, ревизующая африканскія деревья. Съ одного дерева птицы перелетаютъ на другое и тамъ снова совѣщаются. На тропинкѣ мы подстрѣлили двухъ большихъ птицъ съ сѣрыми перьями и очень длинными ногами. Поваръ М'Са съ удовольствіемъ разсматриваетъ ихъ и утверждаетъ, что это «ныама мсури», т. е. хорошее мясо.

Въ дальнѣйшемъ пути намъ все чаще попадаются драцены и эвфорбіи. Послѣднія имѣютъ форму канделябровъ. Изящество, прямота и основательность этихъ растеній представляютъ странный контрастъ съ фантастической путаницей ліанъ. Я замѣтилъ, что здѣсь всюду породы деревьевъ необыкновенно перемѣшиваются между собою: нигдѣ не увидишь нѣсколькихъ экземпляровъ одной и той же породы, растущихъ рядомъ. Точно такъ же и кусты: почти у каждаго иная форма, другая кора, другіе листья и плоды.

Солнце склоняется къ западнымъ возвышенностямъ. Янтарный блескъ постепенно исчезаетъ и смѣняется красновато-золотистымъ. Верхушки эвфорбій горятъ подъ солнцемъ, словно свѣчи, пространство отличается румяной прозрачностью и вечерней прелестью. Часто это можно наблюдать и у насъ, когда лѣтомъ послѣ погожаго дня наступаетъ хорошій вечеръ, предвѣстникъ звѣздной ночи. Тогда во всей природѣ разлито точно хорошее настроеніе, точно радость жизни и отдыхъ. Кусты, деревья и птицы точно поютъ: «День нашъ прошелъ хорошо, а теперь сотворимъ молитву и такъ уснемъ, что просто прелесть».

Такой же именно вечеръ, мягкій и свѣтлый, наступилъ и здѣсь, въ Африкѣ. Солнце сдѣлалось большимъ, какъ колесо, нижній край его уже касался возвышенности, и само оно вотъ-вотъ готово было совсѣмъ скрыться.

Нѣкоторое время мы шли черезъ кусты, въ которые повела насъ наша тропинка. Вдругъ въ самой густой заросли, изъ-за сѣти ліанъ, передъ нами мелькнулъ частоколъ и нѣчто въ родѣ воротъ. Это уже деревня. Очевидно, военная экспедиція здѣсь не проходила, потому что обитатели ея не разбѣжались. Дворъ наполняется нашими людьми: они снимаютъ съ головъ тюки и кладутъ ихъ на землю. Женщины и дѣти толпятся вокругъ насъ съ любопытствомъ и нѣкоторымъ страхомъ. Мужчины выносятъ намъ изъ хижины свои постели, сплетенныя изъ кожаныхъ ремешковъ: мы усаживаемся на этихъ постеляхъ въ ожиданіи, пока люди разобьютъ нашъ шатеръ и приготовятъ намъ наши собственныя походныя кровати.

Мы порядочно утомились послѣ длиннаго похода. Хотѣлось бы прежде всего броситься на постель и отдохнуть, но у путешественника, остановившагося на ночлегъ, найдется не мало дѣла. Нужно указать мѣсто для шатра, присмотрѣть за людьми, которые ее ставятъ, распаковать тюки, выдать кофе, чай, муку и консервы; затѣмъ, принимая во вниманіе слабость человѣческой натуры вообще, а негритянской въ особенности,—запереть на замокъ ящики, въ которыхъ содержатся такія вещи, какъ сахаръ, соль, вино, коньякъ. Все это отнимаетъ довольно много времени и утомляетъ не менѣе похода. При этомъ обитатели деревушки слѣдятъ глазами за каждымъ движеніемъ бѣлаго человѣка: сначала это кажется забавнымъ, но впослѣдствіи наскучаетъ и раздражаетъ.

Настала ночь, мы развели огонь. Пламя освѣтило низкія крыши поставленныхъ кружкомъ хижинъ, передъ которыми стоятъ или сидятъ группы негровъ, мужчинъ и женщинъ. Народъ высокій и сильный. Въ красномъ блескѣ, прекрасно освѣщающемъ могучіе мускулы ихъ груди и плечъ, они кажутся изваяніями изъ чернаго мрамора. Мужчины и женщины имѣютъ лишь пояса на бедрахъ, поэтому можно хорошо разсмотрѣть ихъ формы и сложеніе, тѣмъ болѣе, что они, заглядѣвшись на насъ, стоятъ неподвижно, и только глаза, въ которыхъ отражается блескъ огня, поворачиваются вслѣдъ за каждымъ нашимъ движеніемъ.

Тѣмъ временемъ прибѣгаетъ царекъ деревни, который, несмотря на темноту ночи, былъ гдѣ-то въ поляхъ; онъ прибѣгаетъ въ видимомъ испугѣ, срываетъ съ головы платокъ, встаетъ передъ нами во фронтъ, подобно солдату, и ожидаетъ нашихъ приказаній. Сейчасъ замѣтно, что Багамойо находится всего въ двухъ дняхъ пути. Однако, дружеское: «Иямбо!» разсѣиваетъ его опасенія, такъ же, какъ отсутствіе въ нашемъ караванѣ аскарисовъ, вооруженныхъ карабинами со штыками. Повидимому это послѣднее обстоятельство, не уменьшая услужливости царька, приводитъ его въ хорошее настроеніе; онъ уходитъ, и черезъ мгновеніе возвращается съ козой, которую даритъ

намъ, затѣмъ приноситъ намъ еще съ десятокъ яицъ, которыя оказались всѣ гнилыми.

Разумѣется, при уходѣ мы отблагодаримъ его нѣсколькими кусками цвѣтного коленкора, но для перваго случая подносимъ ему стаканъ вина, послѣ котораго онъ возводитъ глаза къ небу, точно въ экстазѣ. Впрочемъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что и намъ двухфранковое бургундское кажется здѣсь божественнымъ нектаромъ. Выпивъ одинъ стаканъ, царекъ не смѣетъ просить другой, но зато созерцаетъ бутылку съ такой любовью, съ какой женихъ созерцаетъ любимую, молодую невѣсту. Но такъ какъ вина мы съ собой взяли немного, да и царьку послѣ нашего ухода жизнь показалась бы слишкомъ сѣрой,—то изъ чувства человѣколюбія мы не хотимъ догадаться, чего ему хочется.

Мы приступаемъ къ обѣду, состоящему изъ птицъ, подстрѣленныхъ во время похода. Большой ящикъ съ консервами замѣняетъ намъ столъ, два меньшихъ—стулья. Мы не желаемъ умалять славу «365 обѣдовъ», но сомнѣваемся, чтобы нашъ поваръ М'Са читалъ это сочиненіе, ибо весь его кулинарный талантъ выражается въ томъ, что онъ бросаетъ въ воду все, что ему дадутъ, и затѣмъ мѣшаетъ чѣмъ ни попало подъ руку до тѣхъ поръ, пока не будетъ готово. Онъ съ трудомъ отличаетъ сало отъ молочнаго экстракта Либиха, вслѣдствіе чего часто подаетъ намъ чай, приготовленный необыкновенно оригинально. Несмотря на все это, нашъ поваръ чрезвычайно доволенъ собою и съ улыбкой смотритъ на то, какъ мы уписываемъ за обѣ щеки птицу, которую онъ разорвалъ на мелкіе куски и подалъ намъ въ какомъ-то водяномъ соусѣ. Длинный переходъ, оригинальность путешествія, новыя картины и хорошее настроеніе возбудили въ насъ великолѣпный аппетитъ. Особенно вкусными кажутся намъ консервы изъ овощей, какъ-то: зеленый горошекъ, спаржа и морковь. Будущимъ путешественникамъ я, главнымъ образомъ, совѣтую брать въ дорогу побольше овощей, потому что въ этихъ жаркихъ странахъ къ мясу чувствуешь отвращеніе, зато овощи истребляешь съ жадностью.

Время уже позднее. Огни постепенно гаснутъ, а негры, до сихъ поръ глазѣвшіе на меня съ товарищемъ и на нашу необыкновенную одежду, попрятались въ свои хижины. Мы слѣдуемъ ихъ примѣру и тоже ложимся спать, но въ Африкѣ, въ негритянской деревушкѣ, легче улечься, нежели заснуть. Во-первыхъ, много спишь днемъ, въ пору самой сильной полуденной жары, такъ что успѣваешь выспаться; во-вторыхъ, сильно кусаются комары. Кромѣ того, въ описываемый моментъ подаренная намъ коза, привязанная возлѣ нашего шатра, извѣщаетъ своихъ товарищей о своемъ непріятномъ положеніи, и ея блеянье до того пронзительно, что даже въ ушахъ звенитъ. Я лежу, отдыхаю и раздумываю.

Наши люди выспались такъ же, какъ и мы, и, привыкнувъ къ походамъ, тоже не хотятъ спать. Они толкутъ при огнѣ кассаву въ ступѣ и болтаютъ, словно кумушки на ярмаркѣ. Слышны безконечные споры, постоянно оканчивающіеся протяжнымъ: «А—а!», въ которомъ звучитъ какое-то удивленіе и возмущеніе. Я увѣренъ, что они спо-

рятъ о какихъ-нибудь пустякахъ, лишь бы только говорить, а между тѣмъ ихъ перебранка образуетъ вмѣстѣ съ блеяньемъ козы невыносимый гамъ. Время отъ времени я приподнимаю край палатки и приказываю имъ замолчать: тогда каждый посиѣшно повторяетъ: «Тссс!.. М'буана Куба!», одинъ другому даетъ толчки въ животъ, и на нѣсколько минутъ всѣ замолкаютъ: но вскорѣ слышится сперва шопотъ, потомъ съ полчаса разговоръ, и меньше чѣмъ черезъ четверть часа всѣ уже забыли обо всемъ и снова кричатъ, словно школьники.

Меня это скорѣе забавляетъ, нежели сердитъ, потому что я люблю нашихъ людей. Въ первый день они казались мнѣ до такой степени похожими другъ на друга, что я не умѣлъ отличать ихъ одного отъ другого; теперь же, послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ надъ Кингани, я легко узнаю каждаго и знаю имена почти всѣхъ ихъ. Въ дорогѣ также скоро обнаруживается различіе темпераментовъ и характеровъ.

Христіанинъ Бруно, начальникъ каравана, очень порядочный человѣкъ. Не знаю, пользуется ли онъ въ этой роли достаточнымъ авторитетомъ, потому что слишкомъ много разговариваетъ. Переводчикъ Франсуа, тоже христіанинъ, менѣе мнѣ нравится: онъ считаетъ себя чѣмъ то выше другихъ потому, что носитъ фонарь и ружье, и что онъ—переводчикъ. Между тѣмъ его французскій языкъ до такой степени обезображенъ языкомъ ки-суачили, что мы почти не понимаемъ его; къ тому же Франсуа обладаетъ необыкновеннымъ талантомъ—никогда не быть подъ рукой, когда въ немъ есть надобность. Мои любимцы—М'Са и Симба. М'Са пользуется особымъ почетомъ среди нашихъ негровъ, благодаря остаткамъ отъ нашего обѣда, часть которыхъ поѣдаетъ самъ, а часть раздаетъ другимъ. Смѣется онъ постоянно, а по ночамъ Богъ знаетъ, до какого времени сидитъ у огня, упершись локтями въ колѣни, и мурлычетъ себѣ подъ носъ неизмѣнно одно и то же: «М'буана Куба, м'буана Ндого, Багамойо, венги рупія» и т. д., что въ переводѣ Франсуа означаетъ: «Господинъ старшій, господинъ младшій дадутъ въ Багамойо много рупій». Впрочемъ, эта надежда, выраженная въ столь поэтической формѣ, имѣла законное основаніе, такъ какъ всѣ наши люди получили въ Багамойо лишь задатокъ; въ дорогѣ они получаютъ на содержаніе четыре куска ситца, а окончательный разсчетъ получатъ лишь по нашемъ возвращеніи.

Симба носитъ часть нашего шатра. Негры вообще отличаются веселостью, но этотъ превосходитъ всѣхъ. Имя его означаетъ «левъ», но въ сущности онъ увеселитель каравана. Онъ вѣчно что-нибудь разсказываетъ, и люди, идущіе подлѣ него, безпрестанно разражаются хохотомъ. Я лѣчу ему глаза цинковыми каплями, за что онъ повидимому питаетъ ко мнѣ признательность. Вообще, это услужливый и симпатичный парень.

Сулимуэ, который носитъ наши ружья, имѣетъ тотъ недостатокъ, что боится насъ. Сначала, когда я требовалъ ружье, онъ подбѣгалъ ко мнѣ съ видимой боязнью. Я старался приручить его лаской. Должно быть, въ дѣтствѣ онъ былъ рабомъ у какого-нибудь араба, и возможно, что его необыкновенная услужливость ведетъ свое происхож-

деніе еще съ тѣхъ временъ. Но въ общемъ люди были подобраны братомъ Оскаромъ порядочные.

Въ Каирѣ мы встрѣтились съ однимъ знакомымъ, возвращавшимся изъ Мозамбика, съ рѣки Занбезе. Путешествіе его въ глубь страны было не длиннѣе нашего, но люди убѣгали отъ него такъ часто, что онъ былъ принужденъ сторожить ихъ даже тогда, когда это менѣе всего доставляло удовольствіе.

Между тѣмъ у насъ за все время путешествія не оказалось ни одного дезертира. Очевидно, что если бы мы направлялись въ страну Массаевъ, то было-бы совсѣмъ иначе.

Почти всѣ путешественники жалуются на то, что имъ день и ночь приходится слѣдить за носильщиками, которые, оставшись хотя бы на одно мгновеніе безъ присмотра, сейчасъ же разбѣгаются во всѣ стороны. Объясняется это тѣмъ, что чернокожіе большей частью легковѣрны и трусливы. Отправляясь куда-нибудь далеко, они разсказываютъ другъ другу неслыханныя вещи о жестокости и воинственности живущихъ въ глубинѣ материка племенъ и въ концѣ концовъ до того напугаютъ другъ друга, что готовы бѣжать при первомъ пустячномъ случаѣ. Правда, отправляются въ глубь Африки большей частью купцы или географы, которые путешествуютъ не ради художественныхъ впечатлѣній, какъ мы, а ради торговли или открытій; они, дѣйствительно, предпринимаютъ далекія экспедиціи, во время которыхъ много пагази гибнетъ отъ трудовъ и неудобствъ путешествія.

Раннее утро. Къ намъ приходитъ царекъ, предлагая свои услуги, и прежде всего оказываетъ ту услугу, что разгоняетъ толпу дѣтей, собравшихся вокругъ палатки. Это, однако, помогаетъ не на долго, и черезъ минуту дѣтвора снова окружаетъ насъ со всѣхъ сторонъ. Куда ни посмотришь, вездѣ торчатъ круглыя, кудрявыя головки, вытаращенные глаза, засунутые въ ротъ пальцы и вздутые черные животы на тоненькихъ ножкахъ.

То же бываетъ во всѣхъ деревняхъ. Мужчинамъ большей частью случалось видѣть бѣлыхъ, поэтому они не такъ надоѣдливы, женщины уже болѣе любопытны, а дѣти смотрятъ на бѣлыхъ, какъ на диво изъ дивъ. Сначала отъ страха они прячутся за..... чуть не сказалъ— за платья матерей, но для точности скажу—за ихъ формы, затѣмъ начинаютъ выглядывать издалека и присматриваться, потомъ понемногу подходятъ все ближе и ближе, и черезъ нѣсколько часовъ отъ нихъ уже нѣтъ покоя. Нашъ шатеръ, оружіе, хозяйственныя принадлежности, мы и всѣ наши дѣйствія,—все это представляетъ для нихъ цѣлый рядъ великолѣпныхъ безплатныхъ зрѣлищъ. Пойдешь осматривать хижины—толпа идетъ за тобой, подходишь къ дверямъ—толпа идетъ слѣдомъ, останавливаешься—и толпа останавливается, идешь дальше—и дѣтвора туда же. Черные ангельчики, да убирайтесь вы, наконецъ, къ чорту!

Бываютъ минуты въ жизни если не цѣлыхъ народовъ, то единичнаго человѣка, когда ему хочется остаться наединѣ съ самимъ собою. А тутъ ничего не подѣлаешь.

Наконецъ, оборачиваешься, хмуришь брови и гримасничаешь самымъ ужаснымъ образомъ. При видѣ такого лица толпа ребятишекъ мгновенно разбѣгается, но только заросли и ліаны могутъ разсказать, сколько черезъ нихъ смотритъ на тебя глазъ.

День не обѣщалъ быть хорошимъ. На небѣ показывались молочнобѣлыя облачка, похожія на вздутыя паруса, именно такія облачка, которыя въ этихъ странахъ орошаютъ землю непродолжительнымъ, но обильнымъ ливнемъ. Я научился узнавать ихъ еще въ Занзибарѣ, гдѣ они считаются предвѣстниками массики. Встали мы не рано, поэтому рѣшили идти дальше послѣ полудня, а тѣмъ временемъ осмотрѣть деревушку.

Она оказалась несравненно больше, нежели показалось намъ вчера впотьмахъ, такъ какъ, кромѣ хижинъ, расположенныхъ вокругъ вычищеннаго отъ травы дворика, есть и другія, скрытыя въ заросляхъ.

Все это огорожено частоколомъ, который прежде, очевидно, защищалъ деревню отъ нападеній сосѣдей, а теперь защищаетъ козъ отъ нападеній львовъ и леопардовъ.

Хижины довольно просторны, построены изъ хвороста и глины, неизмѣнно круглой формы съ тростниковой крышею, похожей на зонтикъ и спускающейся очень низко обширнымъ навѣсомъ. Внутреннее убранство незатѣйливо: китанды, мотыки, которыми копаютъ маніокъ, громадные сосуды для воды, кое-гдѣ два-три дротика, прислоненные къ стѣнѣ, — вотъ и все.

Стоитъ самая сухая пора, полевыя работы окончены, и всѣ жители деревушки дома. Женщины и мужчины сидятъ въ густой тѣни навѣсовъ и плетутъ цыновки. Вокругъ бедеръ у нихъ повязаны куски ситца, часто очень яркихъ цвѣтовъ, вслѣдствіе чего иногда кажется, что изъ тѣни выдѣляется множество цвѣтныхъ пятенъ.

Отдѣльныя группы, позы и движенія при выдѣлываніи цыновокъ бываютъ очень живописны. Эти хижины и группы людей, обрисовывающіяся на фонѣ большихъ деревьевъ и густой заросли, производятъ впечатлѣніе негритянской идилліи и могли бы доставить матеріалъ для интересной картины, если бы кто прочувствовалъ и тонко художественно передалъ ее.

На поляхъ и дома работаютъ преимущественно женщины. Мужчины дѣлаютъ лишь то, что имъ нравится, а такъ какъ имъ чаще всего нравится ничего не дѣлать, то живутъ они весело и беззаботно. Иногда, впрочемъ, они занимаются кузнечнымъ ремесломъ; быть можетъ, въ минуты особенно хорошаго настроенія духа берутъ на себя трудъ пасти козъ или выжигать траву подъ посѣвъ сорго и кассавы. Но какъ бы то ни было, въ этихъ странахъ не только не получаютъ приданаго за женою, но даже платятъ за нее, и молодые люди должны какимъ-то неизвѣстнымъ путемъ раздобыть необходимую для этого сумму.

Во всей деревнѣ нѣтъ ни одной коровы; все благосостояніе основывается на козахъ и курахъ. Правда, муха тсэ-тсэ препятствуетъ разведенію крупнаго рогатаго скота, но въ общемъ природа благопріятствуетъ занятію скотоводствомъ, да и сами негры любятъ его. На

этихъ никѣмъ незанятыхъ и густо поросшихъ травою степяхъ могли бы пастись тысячи воловъ. По словамъ нашихъ людей, первое стадо мы увидимъ въ Пира-Муэнэ, у царя людоѣдовъ У-Доэ, отца нашего Тома.

Здѣсь оказалось два пруда: въ одномъ вода бѣлая, негодная для питья, въ другомъ—отличная. Вкусъ ея отзывается немного бананомъ, а цвѣтъ янтарный, точно кто влилъ въ нее нѣсколько капель чернаго кофе. Этотъ цвѣтъ она сохраняетъ даже послѣ дестиллированія. Оба пруда скрыты въ густой тѣни деревьевъ и кустовъ, поэтому въ обоихъ вода сравнительно холодная. Купанье великолѣпно освѣжило насъ, хотя раздѣвались мы подъ весьма непріятнымъ впечатлѣніемъ: на листьяхъ, свѣсившихся подъ водой, ползало множество тѣхъ длинныхъ червей съ чернаго цвѣта спинкой, которыхъ я по количеству ихъ ногъ принялъ за стоножекъ. Однако, Бруно бралъ ихъ въ руки, и мы убѣдились, что они не ядовиты.

Дождя все еще не было: массика, очевидно, еще не наступила. Облака то сходились вмѣстѣ, заслоняя свѣтъ солнца, то вновь расходились, образуя прорѣхи, черезъ которыя пробивался ослѣпительный блескъ. Степь то темнѣла, то вновь разгоралась и похожа была на море, въ которомъ отражаются всѣ перемѣны, происходящія на небѣ.

Возвращаясь съ купанья, мы осмотрѣли могилу прежняго начальника деревни. Она была осѣнена крышей изъ сухихъ травъ и имѣла форму гриба. На самой могилѣ, образующей надъ поверхностью земли небольшое возвышеніе, стояла посудина съ остатками маніоковой муки.

Негры — люди практичные, поэтому я полагаю, что эти жертвы на могилахъ покойниковъ приносятся не изъ благоговѣнія къ ихъ памяти, а просто вслѣдствіе убѣжденія, что кто наѣлся, тотъ будетъ спать; короче говоря, негры боятся, какъ бы покойникъ не сталъ выходить по ночамъ изъ могилы и вредить жителямъ деревни. Однако, это свидѣтельствуетъ о вѣрѣ въ загробную жизнь.

Около трехъ часовъ я подалъ знакъ къ сборамъ въ походъ. Скоро все было убрано, оставалось только выразить царьку деревни свою коленкоровую благодарность, что мы и сдѣлали къ большой его радости. При выходѣ изъ деревни я вызвалъ удивленіе не только среди дѣтей, но и среди взрослыхъ, закуривъ трубку при помощи зажигательнаго стекла.

Очевидно, немного бѣлыхъ посѣщало эту деревню. Царекъ по требованію африканскаго обычая сопутешествовалъ намъ до самой границы своихъ владѣній.

XVI.

Походъ. — Какъ слѣдуетъ путешествовать. — Караванный день. — Недостатокъ въ водѣ.—Помба.—Дальнѣйшій походъ.—Прибытіе въ Пиро.—Муэнэ.—Король Муэнэ-Пира.—Людоѣдство.—Помба.—Визитъ въ шатеръ.—Исторія племени Удоэ. — Мы оставляемъ людоѣдовъ.

Не стоитъ описывать всѣ походы, такъ какъ они часто ничѣмъ не отличаются одинъ отъ другого. Встаемъ мы обыкновенно въ пять часовъ утра и выходимъ до восхода солнца. Въ дорогѣ стрѣляемъ

птицъ и дѣлаемъ короткіе отдыхи въ тѣни деревьевъ. Въ 10 часовъ уже долженъ быть разбитъ шатеръ. и весь караванъ долженъ ожидать слѣдующаго восхода солнца. Это такъ называемый караванный день. Пятичасовой переходъ сильно утомляетъ, но кто путешествуетъ такимъ образомъ, тотъ можетъ на долгое время предохранить себя отъ заболѣванія лихорадкой, даже совершенно избѣгнуть ее. Къ несчастью, если путь идетъ не вдоль рѣки, то не всегда можно соблюдать правила такого караваннаго дня. Остановку можно сдѣлать только у воды, иначе нельзя будетъ ничего сварить, поэтому приходится идти до тѣхъ поръ, пока не дойдешь до ручья или лужи. Ручьи здѣсь встрѣчаются не часто; у африканскихъ рѣкъ почти нѣтъ притоковъ, лужи отъ жары высыхаютъ; при такихъ обстоятельствахъ приходится идти и послѣ полудня, пока не найдешь воды.

Мы путешествовали въ самую сухую пору, и недостатокъ въ водѣ чувствовался постоянно. Не разъ случалось такъ, что мы посылали людей, несшихъ шатеръ, впередъ, приказывая имъ разбить шатеръ въ томъ мѣстѣ, гдѣ должна находиться лужа, и приготовить все для стоянки; между тѣмъ. когда мы подходили къ мѣсту, навстрѣчу намъ выходили наши чернокожіе съ вытянутыми физіономіями, объявляя, что «мади апана» (воды нѣтъ). Легко понять, какое настроеніе овладѣваетъ при такомъ извѣстіи человѣкомъ, который облитъ потомъ, задыхается, на половину испеченъ, у котораго дрожатъ ноги, стучитъ въ вискахъ, и языкъ сохнетъ во рту. Но ничего не подѣлаешь. Приходится пережидать самый сильный полуденный зной, а затѣмъ раскрыть зонтикъ, изорванный мимозами, и тащиться дальше. Хорошо, если запасена вода въ манеркѣ, или есть содовая вода въ ящикѣ; но когда все это израсходовано, дорога становится нестерпимою. Не скрашиваютъ ея даже новые пейзажи, тѣмъ болѣе, что край на большихъ пространствахъ бываетъ иногда очень однообразенъ. Всюду та же самая степь, заросли, фантастическія гирлянды ліанъ, рощи или одинокія деревья, издали имѣющія видъ сплошного лѣса, но въ дѣйствительности стоящія на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ другъ отъ друга, какъ яблони на нормандскихъ лугахъ.

Недалеко отъ Муэнэ-Пира люди наши попробовали первый разъ поступить самовольно. Случилось, что мы съ товарищемъ и нѣсколькими неграми увлеклись охотой и остались позади, а остальныхъ пагази отправили впередъ, приказавъ имъ не останавливаться до тѣхъ поръ, пока они не дойдутъ до деревни людоѣдовъ, въ которой мы рѣшили переночевать. Между тѣмъ, дойдя до первой деревни, лежащей ближе Муэнэ-Пира, мы съ удивленіемъ узнали, что наши люди разбили въ ней шатеръ и приготовили все для стоянки. Что случилось? Мы выслали впередъ Бруно, который вскорѣ узналъ, въ чемъ дѣло. Въ деревнѣ справлялось празднество помба. Такъ называется напитокъ вродѣ пива, приготовляемый изъ зеренъ сорго. Негры приготовляютъ этотъ напитокъ въ такомъ большомъ количествѣ что ни одна деревня не въ состояніи выпить его одна, а такъ какъ помба черезъ два дня киснетъ, то приходится приглашать на помощь сосѣдей, которые, очевидно, не отказываютъ въ сосѣдской услугѣ и, собравшись толпами, пьютъ до одури, бьютъ въ бубны и танцуютъ до тѣхъ поръ, пока не

будетъ выпита последняя капля помбы. Мы какъ разъ попали на такое торжество. Когда мы подошли къ деревнѣ, на встрѣчу намъ вышло болѣе трехсотъ чернокожихъ. Они встали стѣной, точно намѣреваясь загородить намъ дорогу. Было часовъ пять пополудни: солнце стояло уже довольно низко и обливало черныхъ красноватымъ цвѣтомъ, въ которомъ они имѣли очень дикій и живописный видъ. Это была чисто африканская картина. Племена, населяющія побережье, отличаются сильнымъ сложеніемъ. Мускулы, груди и плечи точно взяты прямо изъ музея. У большинства были надѣты ситцевые пояса, у нѣкоторыхъ бедра были закрыты сухими травами. У многихъ я замѣтилъ въ губахъ «пелеле»; у многихъ волосы были старательно зачесаны въ рогъ надъ лбомъ, согласно обычаю, распространенному среди народа У-Зарамо. Оружія, за исключеніемъ десятка дротиковъ, ни у кого не было.

Вся эта толпа была въ сильно возбужденномъ состояніи подъ вліяніемъ выпитой помбы. Издали доносились шумъ, крики и смѣхъ, которые, однако, прекратились при нашемъ приближеніи. Изъ за плечъ толпы выглядывали неспокойныя лица нашихъ людей, неувѣренныхъ въ томъ, разрѣшимъ ли мы имъ остаться и воспользоваться представившимся случаемъ угоститься или прикажемъ идти дальше. Мы оба были сильно изнурены, такъ какъ совершили два похода въ одинъ день; солнце почти садилось уже. Намъ сильно хотѣлось остаться хотя бы для того, чтобы посмотрѣть на танцы и церемоніи черныхъ, но сдѣлать это нельзя было. Необходимо было проучить нашихъ людей за этотъ первый случай непослушанія и показать имъ, что они должны сообразоваться только съ нашей волей и исполнять наши приказанія. Мы, кромѣ того, приняли въ соображеніе и то обстоятельство, что пагази наши, оставшись въ деревнѣ, перепились бы, могла выйти какая-нибудь ссора или драка между ними и туземцами, и тогда вмѣсто отдыха пришлось бы судить ихъ, придумывать наказанія и пр.

Этотъ случай привелъ насъ въ дурное настроеніе духа. Гнѣвъ, съ которымъ мы приказали идти дальше, былъ на самомъ дѣлѣ преувеличенъ, но онъ перешелъ бы и въ настоящій, если бы наши люди высказали бы хоть тѣнь сопротивленія. Но у негра до сихъ поръ понятіе о службѣ соединяется съ понятіемъ о неволѣ, поэтому онъ никогда не ослушивается приказаній. Надо было видѣть ту поспѣшность, съ какой они подняли ящики на головы и двинулись въ путь. Несомнѣнно, что бѣдняжки искренно сожалѣли о вкусной помбѣ, но утѣшались мыслью о томъ, что гнѣвъ нашъ ограничится выговорами и не пуститъ въ дѣло палокъ: между тѣмъ кой-кто успѣлъ таки хлѣбнуть вкуснаго напитка.

Между гостями, собравшимися на празднество, навѣрно много было жителей деревни Муэнэ-Пира, потому что мы находились уже въ предѣлахъ земель племени У-Доэ, и обѣ деревушки были заселены этимъ народомъ. Нашъ Томъ, быть можетъ, уже забылъ дорогу къ родному гнѣзду; нашимъ проводникомъ вызвался быть другой подростокъ-негръ, присоединившійся къ нашему каравану. Путь былъ дальній, и мы въ глубинѣ души жалѣли о томъ, что не остановились для отдыха въ последней деревнѣ. Въ Муэнэ-Пира мы пришли, когда уже

совсѣмъ стемнѣло, и тотчасъ же познакомились со старымъ королемъ носящимъ имя деревни.

Наконецъ то, мы у людоѣдовъ. Но времена перемѣнились и для нихъ. Старый король принималъ насъ уже не съ копьемъ въ рукѣ и привѣтствовалъ съ видимымъ страхомъ. Темнота препятствовала мнѣ разсмотрѣть его лицо, но я видѣлъ высокую черную фигуру, безпрестанно отвѣшивающую поклоны и трепещущую отъ страха, слышалъ его голосъ, ежеминутно прерываемый любезнымъ: «Хи, хи, хи!», которое должно было выражать радость по поводу нашего прибытія, но въ которомъ на самомъ дѣлѣ звучала тревога. Я уже упоминалъ, что старикашка по доброй старой памяти покупаетъ иногда тайкомъ невольника и приготовляетъ себѣ изъ него филе, sauce naturelle, поэтому совѣсть у него никогда не бываетъ покойна, и каждаго бѣлаго онъ принимаетъ за судью, пріѣхавшаго изъ Багамойо съ цѣлью свести съ нимъ окончательный разсчетъ.

Кстати сказать, въ каждой деревушкѣ, черезъ которую намъ приходилось идти, жители прежде всего выказывали при нашемъ появленіи страхъ. Быть можетъ, онъ остался отъ прежнихъ, арабскихъ временъ, когда процвѣтала охота на невольниковъ, а можетъ быть, онъ объясняется строгостью нѣкоторыхъ мелкихъ нѣмецкихъ комендантовъ, но преимущественно тѣми злоупотребленіями, которыя позволяютъ себѣ аскарисы по отношенію къ неграмъ во время военныхъ переходовъ; какъ бы тамъ ни было, негръ подъ нынѣшнимъ владычествомъ долженъ быть болѣе увѣренъ въ безопасности своей жизни, нежели прежде, и тотъ страхъ, который онъ выказываетъ при встрѣчѣ съ бѣлымъ человѣкомъ, трудно даже объяснить всецѣло вышеупомянутыми причинами. Я думаю, что этотъ страхъ какъ разъ подтверждаетъ то, что я высказывалъ уже по поводу психологіи черныхъ, именно: объ ихъ отношеніяхъ къ тѣмъ условіямъ жизни, которыя приноситъ съ собою цивилизація. Ея законы и предписанія, какъ бы просты они не были, для чернаго оказываются всегда черезчуръ сложными, вслѣдствіе чего онъ всегда опасается, не совершилъ ли чего-нибудь преступнаго, и не грозитъ ли ему наказаніе за это. Только сокращеніе бюрократическихъ предписаній и близкія отношенія негровъ къ миссіонерамъ могутъ искоренить это психическое безпокойство, въ которомъ живутъ первыя сталкивающіяся съ цивилизаціей поколѣнія.

Что касается Муэнэ-Пира, то прежде приходилось тратить по нѣскольку часовъ на переговоры относительно «ганго» (подать за переходъ черезъ территорію), приходилось продѣлывать церемонію смѣшиванія крови и т. п.; теперь же старый король даже не посмѣлъ сразу сѣсть при насъ. Только когда малый Томъ успокоилъ его, сказавъ, что мы не судить его пришли,—только послѣ этого онъ сталъ болѣе фамильяренъ, но все-таки и тогда его гостепріимство граничило съ униженіемъ.

Я думалъ, что увижу трогательную сцену свиданія отца съ сыномъ, между тѣмъ Томъ и старикъ едва-едва взглянули другъ на друга. Я даже не увѣренъ, привѣтствовали-ли они другъ друга словомъ «Цямбо» или только кивнули головами.

Впослѣдствіи миссіонеры объяснили мнѣ, что негръ несравненно болѣе привязанъ къ матери, нежели къ отцу, о которомъ онъ говоритъ просто: «мужъ моей матери». Это, очевидно, слѣдствіе многоженства. Мать окружаетъ своего ребенка всевозможными заботами и прежде всего любитъ его, между тѣмъ какъ отецъ особенно, если онъ начальникъ деревни и имѣетъ пять или шесть женъ, не всегда умѣетъ отличить свое потомство отъ чужого среди кружащейся въ деревнѣ дѣтворы, которую онъ въ минуту дурного настроенія угощаетъ пинками ногай въ мѣста, наиболѣе застрахованныя отъ перелома костей.

Нашъ Томъ ждалъ только нашего позволенія, чтобы бѣжать къ матери. На слѣдующій день мы вручили ему великолѣпный ситцевый платокъ «индустани», съ рисункомъ, изображающимъ красныхъ павлиновъ, для подарка матери, и онъ былъ необыкновенно счастливъ

Не успѣли еще поставить намъ шатеръ и развести огонь, какъ папа Муэнэ собственноручно принесъ намъ пить. Зная отъ миссіонеровъ, что онъ когда то угощалъ ихъ изъ человѣческаго черепа, я тщательно ощупалъ въ темнотѣ, поданную мнѣ посудину и, лишь удостовѣрившись, что это ткыва, а не голова, поднесъ ее ко рту. Въ ней оказался лѣсной медъ, очень холодный, но съ такимъ обиліемъ гусеницъ, что я съ отвращеніемъ отодвинулъ его, жестами объяснивъ хозяину, чтобы онъ спряталъ эти деликатессы для себя. Зато помба мнѣ необыкновенно понравилась. Теперь только я понялъ, почему наши люди готовы были лучше пожертвовать своими боками и остановиться въ той деревнѣ, нежели идти дальше.

Послѣ двухъ или, собственно говоря, трехъ переходовъ я былъ очень измученъ жаждой и поэтому долго не могъ оторвать чашки отъ рта. Помба одновременно утоляла голодъ и жажду, потому что была не только холодна и кисловата, какъ растворъ ржаного тѣста, но по вкусу походила на хлѣбъ и была густа, какъ похлебка. Цвѣта помбы невозможно было разсмотрѣть въ темнотѣ, да я въ ту минуту и не обращалъ на это никакого вниманія, точно такъ же, какъ на то, что время отъ времени въ ротъ попадали какіе-то твердые кусочки неизвѣстнаго происхожденія.

Товарищъ мой работалъ надъ помбой такъ же усердно, какъ и я. Видя это, Муэнэ, обрадовавшись тому, что угодилъ намъ, принялся радостно подпрыгивать, какъ Давидъ передъ ковчегомъ, выкрикивая: «Помбэ мсури! помбэ мсури»!

Дѣйствительно, ни одинъ напитокъ не освѣжалъ насъ такъ скоро. Мы не могли понять, какимъ образомъ негры ухитряются упиться помбой, которая есть ни больше ни меньше, какъ простое разведенное тѣсто, слегка тронутое броженіемъ. Это объясняется тѣмъ, что черные, живущіе дальше отъ побережья и непривыкшіе къ нашимъ спиртнымъ напиткамъ, пьянѣютъ отъ всякаго пустяка.

Утоливъ жажду, мы сѣли за обѣдъ. Затѣмъ пришелъ къ намъ съ визитомъ Муэнэ-Пира въ сопровожденіи двухъ своихъ сыновей, изъ которыхъ старшій, лѣтъ двадцати или старше, отличался красотой и умнымъ выраженіемъ лица. Къ нему должны перейти бразды правленія послѣ смерти отца. Нашъ Томъ въ сравненіи съ нимъ ка-

зался ребенкомъ и, будучи нашимъ слугой, и не подумалъ войти въ шатеръ. Въ палаткѣ было и безъ того тѣсно: кромѣ трехъ гостей, пришелъ еще Франсуа, котораго намъ пришлось позвать, какъ переводчика. Оба сѣли съ Франсуа на землѣ, отецъ на моей походной кровати, и завязался разговоръ, который ежеминутно прерывали наши гости восклицаніями удивленія по поводу разныхъ европейскихъ приспособленій. Старикъ былъ менѣе сдержанъ, нежели сыновья: постоянно хватался за голову, ударялъ себя по бедрамъ, пищалъ или разражался хохотомъ надъ сыновьями каждой незнакомою имъ вещью.

Только теперь мнѣ удалось разсмотрѣть его. Это—человѣкъ лѣтъ шестидесяти или семидесяти, высокаго роста, здоровый, широкоплечій; лицо обрамлено маленькой сѣдѣющей бородкой, волосы окружаютъ лобъ, словно валикомъ изъ шерсти, выраженіе лица неспокойное и, благодаря постоянному смѣху, непріятное. Въ носу и ушахъ нѣтъ никакихъ украшеній. Сыновья его были перепоясаны въ бедрахъ, на немъ же было что-то вродѣ длинной рубахи изъ такой желтоватой матеріи, изъ какой англійскіе солдаты носятъ мундиры въ жаркихъ странахъ. Въ общемъ онъ имѣлъ очень неопрятный видъ.

Я угостилъ его виномъ; но когда я налилъ другой стаканъ и поднесъ его предполагаемому наслѣднику, старичекъ немедленно отнялъ вино у сына и выпилъ его самъ. Очевидно, онъ руководствовался той мыслью, что ничто не облагораживаетъ такъ души юноши, какъ воздержаніе отъ роскоши. Однако, мы не позволили ему постоянно выказывать подобнымъ образомъ свою родительскую любовь: два стакана вина и безъ того привели его въ великолѣпное расположеніе духа. У него появилась говорливость и склонность къ политической откровенности, которыхъ не повторяю, потому что уже говорилъ о нихъ. Мнѣ ужасно хотѣлось спросить у него, какъ давно онъ ѣлъ человѣческое мясо, но это вызвало бы въ немъ опасеніе и недовѣріе. Поэтому я рѣшилъ лучше воздержаться и слушать его разсказы по исторіи народа У-Доэ. Правда, переводъ Франсуа трудно было понять, однако, кое-что мнѣ удалось понять, а остальное пополнили миссіонеры.

Народъ У-Доэ, нѣкогда многочисленный и воинственный, былъ побѣжденъ и почти истребленъ войнами съ еще болѣе многочисленнымъ народомъ У-Замбаро. Прежде они жили выше, на сѣверномъ берегу Пангани. На это мѣсто, которое теперь занято ими, привелъ ихъ онъ, Муэнэ-Пира, и этимъ спасъ народъ отъ окончательнаго истребленія. Ихъ оставалось уже такъ немного, что они заселили едва нѣсколько деревушекъ. Мѣстныя племена У-Зиуда и У-Зарамо отнеслись къ этой иммиграціи очень недоброжелательно, и вотъ снова загорѣлась война на всемъ междурѣчьи, заключенномъ между Кингани и Вами.

Арабы, которые будто бы владѣли этимъ краемъ, не думали о томъ, чтобы положить конецъ этой войнѣ по той простой причинѣ, что это мало безпокоило ихъ и даже было выгодно для нихъ: въ Занзибарѣ цѣна на невольниковъ упала. Но старый Муэнэ-Пира, предводительствуя закаленными въ постоянныхъ войнахъ людьми, храбро отражалъ нападенія и не позволилъ себя согнать съ занятаго мѣста.

Народъ У-Доэ имѣлъ еще то преимущество передъ противниками, что для него не существовалъ вопросъ о продовольствіи арміи, который теперь терзаетъ головы въ Европѣ: они попросту поѣдали убитыхъ и плѣнныхъ, и такимъ образомъ война питала войну. Наконецъ, ихъ оставили въ покоѣ, тѣмъ паче, что занятыя ими земли раньше были пусты. Съ тѣхъ поръ для Муэнэ-Пира настали лучшія времена. У-Доэ былъ народъ пастушескій, они привели поэтому съ собою свои стада, которыя пасутся ими и донынѣ. Несмотря на муху тсэ-тсэ, стада эти увеличились, а благосостояніе народа и короля замѣтно поднялось. Но удачи иногда портятъ людей. Неизвѣстно — по традиціи ли или въ видахъ гигіены, предписывающей, какъ извѣстно, разнообразіе въ пищѣ, Муэнэ началъ первый задѣвать сосѣдей и охотиться за человѣческимъ мясомъ, которое ему и его воинамъ пришлось больше по вкусу, нежели бычачье. Это подняло новую вражду, которая неизвѣстно какъ окончилась бы для благороднаго народа У-Доэ, если бы не пришли нѣмцы. Они усмирили всѣхъ и предложили благородному старичку, если ему не по вкусу бычачье мясо, сдѣлаться вегетаріанцемъ. Inde irae.

Достойно вниманія то обстоятельство, что будто бы У-Доэ никогда не ѣли бѣлыхъ людей. Братъ Оскаръ говорилъ мнѣ, что среди нихъ живетъ повѣрье, что если съѣдятъ бѣлаго, то страна ихъ погибнетъ. По моему, это повѣрье, вѣроятно, основывается на какомъ-нибудь печальнымъ опытѣ. Быть можетъ, они когда-нибудь съѣли какого-либо репортера, который сталъ имъ костью въ горлѣ, быть можетъ, ученаго, послѣ истребленія котораго всѣ мѣстныя средства оказались недостаточными, а быть можетъ — поэта, послѣ котораго со всѣми стали дѣлаться обмороки.... Однимъ словомъ «въ этомъ что-то скрывается», какъ говорила одна добродѣтельная дама каждый разъ, когда видѣла молодую замужнюю женщину, разговаривавшую со знакомымъ мужчиной. Для путешественника эта новость остается тайной, но вмѣстѣ съ тѣмъ и гарантіей, особенно, если онъ принадлежитъ къ пишущей братіи.

Визиты у народа У-Доэ длятся, очевидно, необыкновенно долго. Часы шли, спать мы хотѣли все сильнѣе, однако, Муэнэ и не думалъ уходить изъ шатра. Сыновья его тоже сидѣли, точно вросли въ землю. Наконецъ, я зажегъ магніеву ленту, предполагая, что такой яркій огненный блескъ съ одной стороны достойно завершитъ наше гостепріимство, а съ другой — будетъ для гостей знакомъ, что пора уходить. Но, увы, я ошибся! Лента засіяла, подобно солнцу, и начала капать на землю бриллiантовыми слезами; старикъ моментально присѣлъ на полъ и началъ кричать голосомъ испуганнаго попугая: «Ака! ака! ака!...» Однако, любопытство пересилило страхъ, и вскорѣ онъ до того развеселился, что и не думалъ уходить. Нѣкоторое время мы еще ожидали окончанія визита, однако — напрасно. Что намъ было дѣлать? Мы не знали, насколько согласовалось съ требованіями мѣстнаго этикета — похлопать свѣтлѣйшаго представителя народа У-Доэ по лопаткѣ и указать ему дверь: и однако, намъ пришлось прибѣгнуть именно къ этому радикальному средству.

Такъ какъ мы были сильно изнурены, то проспали эту ночь очень крѣпко. На слѣдующее утро мы убѣдились, что Муэнэ-Пира не обидѣлся вчерашнимъ обращеніемъ съ нимъ, такъ какъ въ дверяхъ палатки была поставлена большая глиняная посуда, наполненная до верху помбой. Кто-то поставилъ ее тамъ, когда мы еще спали. Но наше восхищеніе помбой успѣло остыть за ночь. Быть можетъ, насъ непріятно поразилъ грязно-сѣрый цвѣтъ напитка, или, быть можетъ, на насъ произвели непріятное впечатлѣніе крупныя и мелкія насѣкомыя, которыя нашли въ немъ преждевременную смерть, однако, мы позвали Бруно и всю посудину съ помбой отдали нашимъ людямъ. Излишне прибавлять, что она была принята и осушена съ наслажденіемъ.

При дневномъ свѣтѣ мы увидѣли, что деревня Муэнэ-Пира почти вся состоитъ изъ пепелищъ. Они не могли быть послѣдствіемъ прежнихъ войнъ, потому что слѣды пожара были совсѣмъ свѣжіе. Даже на большихъ деревьяхъ, стоящихъ на дворѣ, остались слѣды огня. Пожаръ этотъ былъ произведенъ ураганомъ, который разметалъ горѣвшій костеръ и бросилъ пылающія головни на тростниковыя крыши. Всѣ хижины сгорѣли, но для черныхъ это не большое несчастіе: они не терпятъ недостатка ни въ глинѣ, ни въ хворостѣ. И вотъ изъ густыхъ чащъ поднимаются новыя хижины.

Муэнэ-Пира—это большое поселеніе въ нѣсколько сотъ душъ. У-Доэ—отличается отъ сосѣдей тѣмъ, что у нихъ подточены передніе зубы. Эти зубы расположены у нихъ нѣсколько вкось, но не такъ наклонно, какъ у сосѣдей У-Зарамо и У-Зигуа, вслѣдствіе чего лицевой уголъ болѣе приближается къ прямому. Такихъ красивыхъ дѣтей, какъ здѣсь, я не видалъ болѣе нигдѣ въ Африкѣ. Они гораздо смѣлѣе, нежели въ другихъ деревняхъ, и охотно подходятъ, когда ихъ подзываешь. Особенно тронулъ насъ одинъ мальчикъ двухъ лѣтъ, который довѣрчиво подбѣгалъ къ намъ на своихъ еще слабенькихъ ножкахъ и, приблизившись, обнималъ своими лапками наши ноги, прининимая ихъ, очевидно, за подпорки, созданныя именно для того чтобы маленькому черному джентльмену въ случаѣ нужды было за что ухватиться. Съ неменьшимъ довѣріемъ онъ отправлялъ въ ротъ все то, что мы ему давали. Мать этого мальчика, слѣдовавшая за нимъ, улыбалась съ такой нѣжностью, съ какой улыбается самая благовоспитанная бѣлая женщина. Въ этой улыбкѣ проглядовала гордость умомъ и бойкостью мальчика и вмѣстѣ съ тѣмъ опасеніе, какъ бы онъ не надоѣлъ. Другія дѣти сидѣли чернымъ вѣнкомъ вокругъ нашей палатки, глядя на насъ съ удивленіемъ по цѣлымъ часамъ, причемъ сосредоточенно молчали.

Въ общемъ, деревня, несмотря на слѣды пожара, имѣетъ зажиточный и относительно благоустроенный видъ. У-Доэ богаче сосѣдей. Земледѣліемъ они занимаются лишь настолько, насколько нуждаются въ сорго для приготовленія помбы; зато у нихъ есть стада. Со времени выхода изъ Багамойо я въ первый разъ увидѣлъ здѣсь стадо горбатыхъ, тяжелыхъ зебу. Очевидно, въ этой мѣстности муха тсэтсэ водится не въ такомъ большомъ количествѣ, какъ въ другихъ мѣстахъ.

Мы пробыли въ Муэнэ-Пира до трехъ часовъ пополудни. Люди наши очень желали остаться еще на одну ночь, потому что во всѣхъ хижинахъ имѣлись еще остатки недопитой помбы; Бруно попытался было объяснить намъ, что по дорогѣ мы не найдемъ воды, но я отвѣтилъ ему, что если ея нѣтъ, то завтра будетъ не такъ хорошо идти, какъ теперь, и приказалъ двинуться въ путь.

XVII.

Деревня Тебэ.—Берега Вами.—Картины во вкусѣ Беклина.—Дѣвственный лѣсъ.—Переходъ черезъ рѣку.—Средство противъ крокодиловъ.—Лѣсъ на другомъ берегу рѣки.—Видъ Мандеры.

Снова потянулись однообразныя, широкія пространства, испещренныя холмами. Вся прелесть путешествія заключалась лишь въ томъ, что мы шли по совершенно неизвѣстной, глухой странѣ, гдѣ человѣкъ погружается въ пространство все глубже и глубже, безъ конца, и живетъ новой жизнью, свободной отъ всего того, что стѣсняетъ свободу въ городахъ.

Я ежеминутно повторялъ одно мѣсто изъ стихотворенія Мицкевича «Фарисъ»:

„...Здѣсь природа объята сномъ;
Здѣсь не слышны людскіе шаги;
Здѣсь стихіи дремлютъ въ тишинѣ,
Какъ звѣри, что не боятся человѣка
И не бѣгаютъ, увидѣвъ, его впервые...“

Когда здѣсь съ вершины холма смотришь вдаль, то получается такое впечатлѣніе, точно передъ взорами разстилается сплошной дремучій лѣсъ; но это только иллюзія. Здѣсь деревья стоятъ далеко другъ отъ друга, и только меньшая растительность образуетъ кое-гдѣ густой пластъ, заполняющій пространство между большими деревьями. Долины, въ которыхъ скопляется влажность, покрыты травянистой растительностью, высотою достигающей роста человѣка. Люди ползутъ по тропинкѣ, точно мурашки, погружаются въ это зеленое озеро,—и только колебаніе тростниковъ указываетъ на то, что въ нихъ ныряетъ караванъ.

По утрамъ стебли и листья обильно покрыты росою. Одежда наша промокаетъ насквозь до нитки, а голыя плечи негровъ блестятъ, точно послѣ купанья. Впрочемъ, и имъ, и намъ это доставляетъ лишь удовольствіе, потому что когда утренній вѣтерокъ обвѣваетъ мокрое платье или тѣло, то становится холодно, а въ этотъ климатѣ нельзя получить насморкъ, въ особенности, когда находишься въ постоянномъ движеніи.

Идя такъ то по долинамъ, то по холмамъ, доходимъ мы, наконецъ, до деревни Тебэ, которая лежитъ въ одномъ же пути отъ Мандеры. Мы думали захватить съ собой короля Тебэ, о которомъ слы-

шали, что онъ по профессіи охотникъ, но деревня оказалась пустою: въ хижинахъ не было ни единой живой души. Переночевали и съ первыми проблесками дня отправились дальше, а около восьми часовъ находились уже на берегу рѣки Вами. Это вторая африканская рѣка, черезъ которую намъ предстоитъ переправиться.

Берега Вами въ этомъ мѣстѣ покрыты не зарослью, какъ берега Кингани, но настоящимъ дѣвственнымъ лѣсомъ. Рѣка течетъ по фарватеру очень быстро, а ближе къ берегамъ, гдѣ выдаются впередъ скалы, она образуетъ маленькіе заливы и стоитъ неподвижно. Высокія купы деревьевъ спокойно глядятся въ эти заливчики, которые, отражая вмѣстѣ съ тѣмъ лазурь небесъ, кажутся бездонными. Причудливыя гирлянды ліанъ перебрасываются съ одного дерева на другое и висятъ тутъ же, надъ водой, а дальше, въ глубинѣ, онѣ образуютъ нѣчто въ родѣ сводовъ надъ дверями мрачныхъ лѣсныхъ святынь. Внутри этихъ святынь свѣтъ какой-то торжественный и немного затемненный, точно онъ льется сквозь готическія окна; стволы деревьевъ напоминаютъ колонны въ алтаряхъ, глубина же закрыта для глазъ. Всюду царятъ спокойствіе и безмолвіе: вода въ рѣкѣ окаймлена съ обѣихъ сторонъ стѣною лѣсовъ... Удивительная, почти мистическая тишина.

Человѣку, проникнутому этой тишиною, кажется, точно онъ нарушаетъ своимъ присутствіемъ какую-то тайну, и что кого-то оскорбляетъ. Въ этой обстановкѣ всякое сверхъ-естественное существо показалось бы столь же реальнымъ, какъ на картинахъ Беклина. Инстинктивно начинаешь прислушиваться,—не раздастся ли въ лѣсныхъ глубинахъ крикъ дріады. Невольно представляется, что здѣсь иногда кто-то оглашаетъ воздухъ смѣхомъ или крикомъ, а когда никто не смотритъ на лѣсъ и рѣку, изъ-подъ завѣсы ліанъ выглядываютъ какія-то сверхъестественныя существа, которыя сначала быстро оглядываются кругомъ, затѣмъ выскакиваютъ цѣлыми сонмами и плещутся и нѣжатся въ затѣненныхъ водахъ.

Кое-гдѣ съ деревьевъ осыпаются цвѣты, и тутъ же, на водномъ зеркалѣ, лежатъ ихъ разноцвѣтные лепестки. Въ мѣстахъ, гдѣ берегъ не заросъ кустарниками, видна черная, сырая земля, подобная той, которая употребляется въ теплицахъ; выше поднимается прозрачная зелень папоротниковъ, еще выше — стволы деревьевъ, обвитые словно корабельными канатами и, наконецъ, одинъ большой лиственный куполъ, въ которомъ перемѣшаны зеленые, красные, золотистые, большіе, малые, вѣерообразные, мечевидные и перистые листья.

Лѣсъ, какъ и вообще всѣ тропическіе лѣса, заключаетъ въ себѣ различныя породы деревьевъ: здѣсь растутъ пальмы, драцены, каучуковыя деревья, сикоморы, тамариски, мимозы, однѣ приземистыя и толстыя, другія стрѣльчатыя и стройныя. Иногда даже трудно различить, какіе листья какому дереву принадлежатъ, потому что все это смѣшалось другъ съ другомъ и съ стеблями ліанъ, толпится, сплетается, душитъ другъ друга и тянется къ свѣту.

Тамъ, гдѣ лѣсъ поросъ снизу зарослью, на разстояніи одного шага впереди ничего не видно, кромѣ живой стѣны листьевъ. Чело-

вѣкъ среди этой дѣвственной, могучей растительности, гдѣ каждый папоротникъ поднимается надъ ними, подобно балдахину, умаляется въ собственныхъ глазахъ и кажется самому себѣ какой-то ничтожной жалкой улиткой, которая, неизвѣстно для чего, забралась сюда.

Мы долго стоимъ и молча любуемся видомъ. Однако, пора переправиться черезъ рѣку. Переправа кажется намъ не особенно привлекательной, потому что въ Вами водится множество крокодиловъ. На всякій случай я беру револьверъ и стрѣляю въ глубь воды пять разъ, послѣ чего, не долго думая, вхожу въ воду въ сопровожденіи нѣсколькихъ чернокожихъ. Впереди меня идутъ Киршали и Франсуа, за мною Сулимэ, Сямба и М'Камба. Хотя я и люблю негровъ однако, признаюсь, въ эту минуту не безъ удовольствія вспомнилъ, что крокодилы тоже любятъ ихъ и въ общемъ предпочитаютъ мясо чернокожихъ мясу бѣлыхъ.

Переправа поистинѣ несносная. Теченіе, котораго въ прибрежныхъ заливчикахъ почти нѣтъ, въ фарватерѣ рѣки необыкновенно быстрое. Хотя это и предохраняетъ отъ нападенія крокодиловъ, но зато затрудняетъ переходъ. Я хорошо помню, что если теченіе подхватитъ кого-нибудь изъ насъ и унесетъ въ глубокое и спокойное мѣсто, то крокодилы, навѣрное, нападутъ на того, поэтому изо всѣхъ силъ опираюсь на дротикъ, взятый мною отъ одного пагази, и, несмотря на это, подвигаюсь впередъ съ большимъ трудомъ. Наконецъ, дротикъ ломается у меня въ рукахъ, я хватаюсь рукою за шею Франсуа и такъ иду далѣе. На днѣ рѣки масса подводныхъ камней, я то поднимаюсь, такъ что вода доходитъ лишь до колѣнъ, то вновь опускаюсь въ воду почти по грудь. Пріятная вещь, нечего сказать,— стоять на подводномъ камнѣ и искать ногой почву, съ боязнью, что, быть можетъ, въ дырѣ скрытъ какой-нибудь чортъ, который схватитъ за ляжку.

Наконецъ, мы выходимъ на болѣе спокойную воду, а изъ нея поднимаемся на низкую скалу, отдѣленную отъ берега однимъ маленькимъ заливчикомъ. Я смѣюсь теперь надъ всѣми крокодилами, но вмѣстѣ съ тѣмъ проклинаю переправу, потому что измучился и ободралъ ноги объ острые подводные камни. Желая посмотрѣть на то, насколько удачно перейдетъ рѣку мой товарищъ и остальные пагази, я выхожу на скалу, гдѣ сталкиваюсь съ новой пріятной неожиданностью. Босыми ногами я чувствовалъ, что скала, залитая солнцемъ, сильно разогрѣта, но едва сѣлъ на нее, какъ вскочилъ быстрѣе молніи и убѣжалъ въ лѣсъ, въ тѣнь деревьевъ и папоротниковъ.

Негры, очевидно, имѣютъ болѣе толстую и менѣе чувствительную кожу; нашъ М'Са сидѣлъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ на этой же самой скалѣ, и я не замѣтилъ, чтобы ему было больно.

Товарищъ мой совершилъ переправу черезъ рѣку въ обществѣ нѣсколькихъ чернокожихъ такъ же удачно, какъ и я; послѣ этого мы оба слѣдили за переходомъ нашихъ людей.

Картина очень интересная. Негры идутъ другъ за другомъ, держа ящики на головахъ. Въ мѣстахъ, гдѣ рѣка глубже, они изъ предосторожности поднимаютъ ящики вверхъ и тогда съ поднятыми

вверхъ руками имѣютъ такой видъ, точно приносятъ въ даръ небу вещи, содержащiяся въ ящикахъ.

Взволнованная движенiемъ вода играетъ на солнцѣ; черныя, голыя тѣла то поднимаются изъ воды почти совершенно, то скрываются чуть не до плечъ, а надъ поверхностью воды видна только линiя ящиковъ, при чемъ кажется, точно они сами переплываютъ рѣку. Тѣ, которые уже перешли, бродятъ въ мелкихъ заливахъ или собираются въ тѣни деревьевъ. Всюду раздаются ихъ смѣхъ и восклицанiя, пустыня оживаетъ и оглашается людскимъ гамомъ. Наконецъ, всѣ собираются на эту сторону, противоположный берегъ пустѣетъ, поверхность воды снова дѣлается гладкой, большiя пятна свѣта и тѣней занимаютъ свое прежнее мѣсто, и великолѣпная картина снова прiобрѣтаетъ обыкновенный дѣвственный видъ.

Мы одѣваемся и идемъ далѣе. Небольшая тропинка извивается среди лѣса въ глубокой тѣни. Вѣтви и листья образуютъ вверху сводъ, сквозь который солнечные лучи не могутъ проникнуть. На лицахъ нашихъ лежитъ зеленоватый оттѣнокъ, тѣла негровъ напоминаютъ почернѣвшую отъ старости бронзу. Направо и налѣво слышится иногда трепетанье крыльевъ птицъ, увидѣть которыхъ невозможно. Иногда какая-нибудь птица засвиститъ, какъ нашъ черный дроздъ, иногда закричитъ, точно ребенокъ: въ папоротникахъ по временамъ слышится какой-то шорохъ или шелестъ, по временамъ колыхнутся фестоны лiанъ, но вскорѣ все опять смолкаетъ.

Внезапно лѣсъ кончается, точно кто отрѣзалъ ножомъ. Глаза щурятся отъ обилiя свѣта. Впереди разстилается свѣтлая и веселая страна: широкiя возвышенности купаются въ блескѣ солнца, вдали поднимаются купы деревьевъ, какъ возлѣ нашихъ деревень. Далеко на одномъ холмѣ что-то бѣлѣетъ, не то домъ, не то часовня. Вдругъ Бруно подходитъ ко мнѣ и, указывая на бѣлѣющiйся вдали предметъ, говоритъ:

— Мандера! Мандера!

XVIII.

Мандера.—Прiятныя впечатлѣнiя.—Отдыхъ.—Полюбовный судъ.—Влiянiе миссiонеровъ.—Краснорѣчiе негровъ.—Наши люди.—„Большой свѣтъ“.—Походъ въ М'Понгвэ.

Мандера представляетъ маленькую миссiю, которая расположена на границѣ земель У-Доэ и У-Зигуа. Живутъ въ ней всего три священника; настоятель Корманъ, отецъ Эндерлинъ и братъ Александръ. Домъ низкiй, построенъ изъ того же матерiала, какъ и негритянскiе дома, обширный, прямоугольный, съ низкими квадратными окнами, а въ серединѣ выштукатуренъ. Къ этому дому примыкаетъ небольшая пристройка, въ которой помѣщаются столовая и кухня. Дальше нахо-

дятся помѣщенія, въ которыхъ живутъ, учатся и шалятъ дѣти. На концѣ двора расположилась негритянская деревушка, состоящая изъ десятка, другого хижинъ. Очевидно, прежде имѣлось въ виду основать здѣсь большую миссію, которая могла бы для черныхъ защитой въ случаѣ нападенія на нихъ; всѣ постройки, дворъ и садъ миссіи обнесены широкимъ рвомъ. На каждой сторонѣ рва стоитъ каменная бойница съ амбразурами. Эти бойницы служатъ теперь воротами, ведущими во дворъ миссіи. По обѣимъ сторонамъ рва посажены агавы и кактусы. Они до того разрослись, что образовали настоящій валъ изъ твердыхъ, острыхъ и торчащихъ, подобно штыкамъ, листьевъ. Ни звѣрь, ни человѣкъ не могутъ пробраться черезъ нихъ. Если бы кому-нибудь и удалось перейти черезъ первый валъ, то онъ попадетъ въ широкій ровъ и встрѣтитъ другой валъ, еще болѣе высокій и широкій. Такое укрѣпленіе было бы трудно взять даже регулярному войску, не говоря ужъ о нашихъ неграхъ или полунагихъ арабахъ.

Миссіи, расположенной между племенами людоѣдовъ и, кромѣ того, вблизи арабовъ, прежде часто приходилось защищать свою паству отъ нападеній различныхъ волковъ; въ настоящее же время укрѣпленіе служитъ защитою для козъ миссіи отъ нападеній пантеръ, которыя водятся на лѣсистыхъ берегахъ рѣки Вами.

Послѣ тяжелыхъ переходовъ и ночлеговъ въ негритянскихъ деревушкахъ, культурный видъ миссіи производитъ пріятное впечатлѣніе. Кругомъ все очень бѣдно, но зато на каждомъ шагу видны слѣды труда, видны дома европейскаго характера, тѣнистыя аллеи манговыхъ деревьевъ, кокосовыя пальмы, которыя не встрѣчались намъ въ пути со времени выхода изъ Багамойо разныя другія фруктовыя деревья, грядки овощей и даже цвѣты. ,

Нужно самому испытать, что значитъ путешествіе по Африкѣ, чтобы понять, какую радость можетъ доставить такая картина, въ особенности, когда путешественникъ видитъ сіяющія лица такихъ же, какъ и онъ, людей. Мы съ удовольствіемъ думаемъ объ отдыхѣ и о томъ, что въ теченіе двухъ дней будемъ свободны отъ заботъ по хозяйству, не будемъ хлопотать объ обѣдѣ, ужинѣ, будемъ спать, снявъ съ себя одежду, и, кромѣ того, на настоящихъ кроватяхъ.

Здѣсь, и вездѣ миссіяхъ, принимаютъ очень гостепріимно и сердечно. За обѣдомъ мы ближе знакомимся съ хозяевами. Настоятель отецъ Карисанъ—человѣкъ лѣтъ сорока, свѣтловолосый, низенькій, очень худой, съ измученнымъ лицомъ, на которомъ ясно видны слѣды лихорадки. Онъ, такъ же какъ и отецъ Эндерлинъ и большинство миссіонеровъ, уроженецъ Эльзаса. Климатъ наложилъ на него свой отпечатокъ; несмотря на свою необыкновенную подвижность, онъ имѣетъ видъ человѣка, недавно вставшаго съ постели послѣ тяжкой болѣзни. Въ общемъ, чувствуетъ себя здоровымъ и ходитъ по горамъ, точно антилопа, въ чемъ впослѣдствіи я имѣлъ случай убѣдиться цѣною своихъ ногъ.

Отца Эндерлина поддерживаетъ молодость. Онъ одинъ отличается такимъ бодрымъ видомъ, точно живетъ въ Европѣ; не знаю, есть ли

ему лѣтъ тридцать. Старѣе всѣхъ въ миссіи братъ Александръ. Мнѣ припоминается грустная улыбка, которая появилась на его устахъ при вопросѣ моего товарища, не боленъ ли онъ. Во время путешествія, совершеннаго имъ недавно по дѣламъ миссіи, онъ схватилъ лихорадку, не оставлявшую его до сихъ поръ. Это, однако, не препятствовало ему исполнять свои ежедневныя обязанности по отношенію къ дѣтямъ, занимать насъ и работать при постройкѣ церкви, которой до сихъ поръ нѣтъ въ Мандерѣ. Тѣмъ не менѣе онъ былъ слабъ и предчувствовалъ приближеніе смерти, вслѣдствіе чего не могъ отдѣлаться отъ тоски по родинѣ. Я думаю, что мысль о смерти въ такой дали отъ своихъ близкихъ наполняла его сердце тоскою. Все это можно было прочесть на его лицѣ, которое въ то же время выражало покорность судьбѣ. Это человѣкъ образованный, онъ продолжительное время занимался изученіемъ зоологіи и ботаники, посылалъ въ музеи интересные экземпляры и умѣлъ ихъ препарировать. Признаюсь, я удивлялся его нѣсколько скромному положенію въ миссіи, но о причинѣ этого не хотѣлъ его разспрашивать.

Когда мы оставляли Мандера, братъ Александръ чувствовалъ себя нѣсколько лучше, но потомъ я не получалъ о немъ никакихъ извѣстій.

Первый день пролетѣлъ очень быстро. Мы то спали, то сидѣли въ креслахъ на верандѣ, глядя на утопающій въ блескѣ солнечныхъ лучей садъ. Бесѣда съ монахами сокращала время до ужина. Послѣ небольшой прогулки передъ заходомъ солнца прибѣжали дѣти изъ миссіи и объявили, что между балками, предназначенными для крыши церкви, спряталась «ніока» (змѣя). Такъ какъ мнѣ до сихъ поръ не случилось видѣть въ Африкѣ ни одной змѣи, то я, схвативъ ружье, побѣжалъ къ тому мѣсту, которое указали дѣти. Они стали очень смѣло и отважно растаскивать бревна и, наконецъ, выгнали изъ нихъ несчастную «ніаку», въ которую я пустилъ зарядъ дробью, разорвавшій ее на двое, такъ что другую половину я отыскалъ на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ отъ первой. Интересно то, что передняя часть змѣи перестала шевелиться сейчасъ же послѣ выстрѣла, между тѣмъ какъ вторая извивалась еще полчаса. Эта змѣя была длиною около метра, черная, съ двумя продольными полосками, шедшими отъ головы до хвоста; цвѣтъ ея походилъ на цвѣтъ піявки. Братъ Александръ сказалъ, что это очень ядовитый видъ змѣи; къ несчастью, кожа ея была такъ испорчена, что не представлялось возможности сохранить ее.

За ночь я великолѣпно отдохнулъ: во-первыхъ, потому, что спалъ раздѣтый и въ кровати, во-вторыхъ, потому, что со времени выѣзда моего изъ Адена ни разу не было такой холодной ночи. Мандера лежитъ на значительной высотѣ надъ уровнемъ моря, такъ какъ по мѣрѣ удаленія отъ океана страна поднимается все выше, а послѣ перехода Вами до самой миссіи приходится идти все время въ гору. Я чувствовалъ себя здоровымъ и способнымъ къ дальнѣйшему путешествію; зато товарищъ мой, который ночевалъ въ одной изъ каменныхъ башенъ, пришелъ блѣдный, невыспавшійся и разсказалъ, что всю ночь

подобно королю Попели, отчаянно сражался съ крысами, устроившими себѣ гнѣздо въ его кровати и принявшими его, очевидно, за «ныаму» (дичь). Братъ Александръ немедленно же объявилъ крысамъ войну, въ которой онѣ выказали чудеса храбрости, однако, въ концѣ концовъ были изгнаны изъ башни въ дикое поле.

Въ тотъ же день утромъ мы имѣли случай убѣдиться, какимъ громаднымъ вліяніемъ на окрестное населеніе пользуются миссіонеры. Около десяти часовъ пришла цѣлая толпа негровъ судиться изъ-за женщины. Я сейчасъ догадался, что это не-христіане, потому что у христіанъ женщина принадлежала бы тому, кто обвѣнчался съ нею. Я полагалъ, что это были негры изъ ближайшей окрестности, однако, они пришли изъ мѣстности, лежащей въ разстояніи четырехъ дней пути отсюда. Два молодыхъ негра встали, какъ спорящія стороны, также и молодая, мимоходомъ говоря, очень недурненькая негритянка; за нею всталъ отецъ, котораго обвиняли въ томъ, что онъ взялъ задатки отъ обоихъ молодыхъ людей; наконецъ, пять или шесть другихъ чернокожихъ, пришедшихъ въ качествѣ свидѣтелей.

Я наблюдалъ эту сцену суда съ большимъ интересомъ. Настоятель отецъ Корманъ сѣлъ у веранды, черные расположились передъ нимъ въ шеренгу и говорили по очереди. Конечно, я не понималъ ни слова, кромѣ восклицаній: «О, М'буанамъ Куба», которымъ каждый изъ нихъ начиналъ свою рѣчь. Меня удивляли легкость, съ которою лилась ихъ рѣчь, обиліе словъ, сила и выразительность интонацій. Ни разу не случилось, чтобы они прервали другъ друга, только въ то время, какъ одна сторона говорила, другая ударами рукъ о руку, воздѣваніемъ глазъ къ небу и подниманіемъ плечъ вверхъ призывала, казалось, всемогущее небо къ отмщенію за такую наглую ложь. Барышня говорила очень долго и много, причемъ по временамъ прищуривала глаза, точно желая упиться собственнымъ краснорѣчіемъ.

Отецъ Корманъ молча выслушалъ всѣхъ, затѣмъ задалъ нѣсколько вопросовъ и, наконецъ, произнесъ приговоръ, по которому черная прелестница присуждалась одному изъ претендентовъ. Тотъ не теряя времени, обхватилъ ее за шею, и вся группа отошла подъ тѣнь навѣса, чтобы отдохнуть послѣ продолжительнаго и длиннаго пути. Проигравшая сторона не выказала ни малѣйшаго неудовольствія, никакого ропота. Дѣло послѣ нѣсколькихъ тихихъ словъ священника окончилось сразу, точно кто ножомъ отрѣзалъ. Это казалось мнѣ тѣмъ болѣе удивительнымъ, что миссіонеры не облечены никакой исполнительной властью. Это доказательство слѣпой вѣры чернокожихъ въ мудрость и справедливость миссіонеровъ. Настоятель говорилъ мнѣ, что ему часто случается играть роль мирового судьи, и что ни разу не бывало такъ, чтобы его приговоры не признавались окончательными.

Этотъ день былъ днемъ пріема. Спустя часъ, ко мнѣ пришла депутація отъ нашихъ людей, обратившаяся ко мнѣ съ просьбой, чтобы я далъ имъ по нѣскольку пезъ на прожитье. Франсуа между ними не было, поэтому братъ Александръ объяснилъ мнѣ, въ чемъ дѣло; я отвѣтилъ, что для меня безразлично, дать ли мнѣ теперь

деньги или по возвращеніи въ Багамойо. но что мнѣ. однако, жаль, что я не нанялъ пагази изъ занзибарцевъ: тѣ какъ бы то ни было—мужчины, здѣсь я вижу, что имѣю дѣло съ глупыми дѣтьми, которыя не знаютъ того, что въ Мандерѣ ничего нельзя достать за деньги. Напоминаніе о занзибарцахъ было особенно чувствительно для нашихъ людей, и когда братъ Александръ перевелъ имъ мои слова. они очень сконфузились и сейчасъ же ушли, и потомъ въ теченіе дальнѣйшаго путешествія никто ничего не просилъ. Послѣ пришелъ Бруно и объяснилъ, что онъ ничего не просилъ, что онъ не участвовалъ въ затѣѣ и что вовсе не такъ глупъ, какъ другіе.

Принимая во вниманіе даже всѣ условія нашего путешествія, которое для негровъ было относительно легкое, я полагаю, что врядъ ли можно гдѣ-либо на свѣтѣ найти людей, болѣе послушныхъ. болѣе впечатлительныхъ и услужливыхъ. Я убѣжденъ, что путешественнику, составившему свой караванъ, напримѣръ, изъ египетскихъ арабовъ, пришлось бы ежедневно прибѣгать къ помощи палки. а, можетъ быть,— кто знаетъ,—и къ револьверу. Между тѣмъ въ отношеніяхъ съ нашими людьми не приходилось возвышать даже голосъ. Ясно, что такія отношенія на половину уменьшаютъ трудность путешествія.

Въ первый день пребыванія въ Мандерѣ наши пагази сидѣли подъ навѣсомъ и шили рубахи изъ бѣлаго коленкора. выдаваемаго имъ въ качествѣ ежедневной платы на содержаніе. На слѣдующій день они нарядились въ эти рубахи и необыкновенно важно разгуливали по Мандерѣ, свысока поглядывая на мѣстныхъ жителей и изображая изъ себя «большой свѣтъ». Впрочемъ, въ Мандерѣ они чувствовали себя хорошо: кассавы было вволю: мнѣ можно было ѣсть ее съ солью, которую негры ужасно любятъ, но которая вообще является такой роскошью, какою негръ не имѣетъ возможности наслаждаться каждый день.

Въ Мандерѣ мы пробыли цѣлыхъ два дня, чтобы какъ слѣдуетъ быть отдохнуть. Эти дни прошли быстро; мы то осматривали миссію, то бесѣдовали со священниками. Настоятель говорилъ то же, что мы слышали уже отъ брата Оскара въ Багамойо, то есть, что мы пришли въ самую неблагопріятную для охоты пору. Стоялъ мартъ мѣсяцъ, составляющій на южномъ полушаріи конецъ лѣта, періодъ самой сильной жары и высыханія лужъ, когда даже звѣрь бѣжитъ въ горы, чтобы укрыться тамъ отъ зноя. Особенно зебры, антилопы и буйволы, живущіе не въ лѣсу, а на открытыхъ мѣстахъ, перекочевываютъ въ менѣе теплыя страны, а за ними тянется толпа хищниковъ. Впрочемъ, вблизи рѣкъ еще можно встрѣтить малыя стада, а настоятель утверждалъ, что если мы пойдемъ въ сторону горы М'Понгвэ, которую мы избрали конечнымъ пунктомъ своей экспедиціи, то, навѣрно, увидимъ антилопъ.

Такъ какъ мы чувствовали себя здоровыми, то очень хотѣли добраться, по крайней мѣрѣ, хоть до горъ У-Загаро, отстоящихъ отъ Мандеры въ разстояніи восьми или десяти дней ходьбы; однако, въ виду поздняго времени года намъ пришлось отказаться отъ этого плана. Массика ожидалась со дня на день, а во время массики звѣрь

прячется въ чащу лѣсовъ, человѣкъ—подъ кровлю хижины, караваны не выходятъ въ путь, весь край въ дождѣ, болотахъ и испареніяхъ. Путешествовать въ такую пору рѣшается лишь тотъ, кто, предпринявъ большое путешествіе, не можетъ окончить свой походъ, окончить его до массики, въ сухое время года. Единственный выходъ — переждать дождливую пору въ какой-нибудь миссіи и затѣмъ идти дальше; но къ такому способу могутъ прибѣгнуть лишь тѣ, у которыхъ путешествіе обратилось въ профессію, и у которыхъ никого не осталось дома.

Кромѣ того, мы могли бы заняться охотой и на обратномъ пути, именно въ странѣ Гугуруму, лежащей къ сѣверу отъ рѣки Кингани, недалеко отъ ея устья, и совершенно незаселенной. Тамъ есть лужа прѣсной воды, а такъ какъ другой, подобной ей, по близости нѣтъ, а вода въ Кингани солона, вслѣдствіе близости моря, то крупному звѣрю приходится ходить къ этой лужѣ, какъ къ единственному мѣсту водопоя. Настоятель Корманъ уговаривалъ насъ, чтобы мы на обратномъ пути непремѣнно разбили шатеръ въ Бугуруму или въ сосѣдней Карабакѣ и пробыли тамъ нѣсколько дней. Мы рѣшили послѣдовать этому совѣту.

Тѣмъ временемъ намъ предстояла прогулка къ верховьямъ Вами, къ самому подножію горъ М'Понгвэ, въ которыхъ беретъ начало маленькая рѣчка М'Суа, впадающая въ Люнгеренгере, единственный притокъ рѣки Кингани. При этомъ мы съ удовольствіемъ приняли извѣстіе о томъ, что и настоятель хочетъ участвовать въ этомъ переходѣ, равняющемся нѣсколькимъ днямъ пути.

И вотъ, на третій день послѣ полудня мы отправились втроемъ, въ сопровожденіи нашихъ людей и одного царька сосѣдней деревушки, котораго настоятель зналъ, какъ страстнаго и опытнаго охотника. Передъ выходомъ мы послали извѣстіе охотнику Тебэ, чтобы онъ пришелъ въ Мандеру и ожидалъ нашего возвращенія, такъ какъ долженъ былъ проводить насъ до красивыхъ деревушекъ Віанци и Ибрагиму, находящихся подъ Вами, на пути къ Гугуруму.

XIX.

Второй переходъ черезъ Вами.—Охота.—Жара.—Антилопа Куду.—Король дикарей.—Ночлегъ въ лѣсу.—Хозяйство.—Цесарки.—Возвращеніе во время жары.—Приближеніе массики.—Охотничьи надежды.

Второй разъ мы переправились черезъ Вами въ другомъ мѣстѣ, но тоже лѣсистомъ и красивомъ. Надвигалась ночь. Намъ разбили шатеръ тутъ-же, надъ берегомъ, на небольшой, окруженной деревьями полянкѣ. Въ травѣ были скорпіоны, поэтому мы велѣли выщипать ее на пространствѣ нѣсколькихъ шаговъ, чѣмъ избавили себя отъ посѣщенія незванныхъ гостей. Ночь мы провели спокойно: гиппопотамовъ совсѣмъ не было слышно, потому что въ Вами, вслѣдствіе быстроты ея теченія, ихъ гораздо меньше, чѣмъ въ Кингани. Правда, когда идешь

по берегу, то часто встрѣчаешь ихъ слѣды, и возможно, что чѣмъ ближе къ океану, гдѣ рѣка разливается шире и течетъ спокойнѣе, тѣмъ этихъ животныхъ больше. Въ окрестностяхъ Мандеры они рѣдки еще по той причинѣ, что миссіонеры охотились за ними, что видно изъ того, что у брата Александра хранится съ десятокъ слишкомъ ихъ череповъ. Ловятъ этихъ толстокожихъ большей частью въ ямы, потому что гиппопотамъ, подстрѣленный въ водѣ, исчезаетъ, неизвѣстно куда.

Съ разсвѣтомъ мы оставили берега Вами. Такъ какъ по дорогѣ намъ хотѣлось охотиться, то, минуя всѣ тропинки, мы направились прямо къ М'Понгвэ, на перерѣзъ, черезъ возвышенности. Насъ велъ настоятель отецъ Корманъ и тотъ король, который наканунѣ пришелъ въ Мандеру. Это былъ великолѣпнѣйшій типъ негра-охотника. Сухой, низенькій, съ выпуклыми мускулами и дикимъ взглядомъ, онъ напоминалъ пантеру или рысь. Въ окрестностяхъ за нимъ установилась слава неутомимаго ловца и, что между неграми большая рѣдкость, хорошаго стрѣлка. Очевидно, что онъ стрѣлялъ дѣйствительно необыкновенно хорошо, потому что умѣлъ попадать въ цѣль изъ своего карабина, которому было, по меньшей мѣрѣ, лѣтъ пятьдесятъ.

Въ шестомъ часу утра, едва показалось солнце, жара сразу сдѣлалась невыносимою. Чтобы занять возможно большее пространство. мы образовали длинную цѣпь, держась другъ отъ друга на разстояніи двадцати метровъ и болѣе. Надолго останется въ памяти у меня этотъ походъ, потому что я въ жизни не встрѣчалъ человѣка, который могъ бы такъ быстро ходить по горамъ, какъ отецъ Корманъ. Мнѣ иногда казалось, что онъ несется на крыльяхъ. Только что видишь его у подножія возвышенности, какъ черезъ минуту ужъ онъ наверху. Король дикарей носился тоже такъ быстро, точно его гналъ вѣтеръ. Изъ самолюбія и опасенія, какъ бы не разорвать цѣпи, мы старались идти на одной линіи съ ними, но это стоило намъ большого труда, потому что подвигаться впередъ было довольно затруднительно. Дорогу часто преграждали овраги, правда, неглубокіе, но почти съ отвѣсными стѣнами, на которыя нужно было карабкаться; иногда встрѣчались долины, поросшія зарослями, достигавшими высоты нѣсколькихъ метровъ; на вершинахъ препятствовала свободному движенію трава или, что еще хуже, шиповники - мимозы. А все-таки приходилось летѣть впередъ.

Мнѣ пришла въ голову злостная мысль—утомить отца Кормана и его дикаго пріятеля. Съ этой цѣлью я понесся впередъ еще скорѣе ихъ; однако, прошелъ часъ, потомъ другой, а мои усилія повидимому только еще больше воодушевляли ихъ. Я, наконецъ, сдался и, столкнувшись съ ними въ открытомъ мѣстѣ, категорически объявилъ имъ. что такъ какъ не обладаю крыльями, то отказываюсь идти дальше такимъ же аллюромъ.

Впрочемъ, такой походъ, въ которомъ мы легко могли свернуть себѣ шею, оказался безусловно непригоднымъ для охоты, потому что запыхавшійся охотникъ непремѣнно промахнется, хотя бы стрѣлялъ даже на близкомъ разстояніи. Отцу Корману самому пришлось убѣ-

диться въ этомъ, когда онъ далъ промахъ по красивой антилопѣ-прыгуньѣ. Онъ увѣрялъ, однако, что подстрѣлилъ ее, но кровавыхъ слѣдовъ мы нигдѣ не нашли.

Вскорѣ я замѣтилъ на склонѣ возвышенности своего товарища, подносившаго къ плечу тяжелый десяти-калиберный карабинъ. Послѣ выстрѣла, которой грянулъ какъ изъ пушки, мимо насъ пронеслась гигантская антилопа-куду и тотчасъ же исчезла въ мимозахъ. Стоя на разстояніи какихъ-нибудь трехсотъ метровъ, я видѣлъ все и былъ убѣжденъ въ томъ, что выстрѣлъ попалъ въ цѣль. И, дѣйствительно, приблизившись, я замѣтилъ слѣды крови на травѣ и на мимозахъ. Мы тотчасъ-же отправили людей по слѣду, сами же пошли впередъ, такъ какъ все стадо, состоявшее изъ пяти штукъ, показалось на отдаленныхъ возвышенностяхъ.

Однако, мы убѣдились, что безъ подгонки охота невозможна, особенно когда чуткія уши животныхъ настороженны. Сколько разъ мы ни взбирались на ка ую-нибудь возвышенность, всегда антилопы оказывались на разстояніи трехсотъ, четырехсотъ метровъ. Онѣ паслись, повидимому, очень спокойно, но ежеминутно поднимали головы и, прядя ушами, точно давали намъ понять, что видятъ насъ или чуютъ наше приближеніе, а затѣмъ все стадо легкими прыжками убѣгало впередъ, чтобы снова остановиться на разстояніи двухъ, трехъ выстрѣловъ. Видъ этихъ бѣгущихъ красивыхъ, граціозныхъ животныхъ, изящно рисовавшихся на фонѣ зеленыхъ холмовъ, приводилъ насъ въ восхищеніе. Желтыя спины ихъ и бѣлые животы то блестѣли на солнцѣ, то гасли въ тѣни. Я испытывалъ такое впечатлѣніе, точно вижу стадо оленей въ какомъ-нибудь роскошнѣйшемъ англійскомъ паркѣ.

Старый самецъ останавливался всегда первый, поворачивалъ въ нашу сторону голову, вооруженную могучими спиральными рогами, смотрѣлъ нѣсколько минутъ, точно соображая, отдѣляетъ ли его отъ насъ достаточно приличное разстояніе, и послѣ этого продолжалъ спокойно пастись. Антилопы обладаютъ, должно быть, очень тонкимъ слухомъ, потому что насъ нерѣдко скрывали кусты и выступы почвы, и все-таки стадо всегда успѣвало во-время спастись бѣгствомъ. Пытались мы обходить ихъ, но и это ни къ чему не привело. Не знаю, сколько времени продолжалась бы наша неудачная погоня, если бы антилопамъ не наскучила эта забава, такъ какъ онѣ вскорѣ совсѣмъ скрылись изъ виду.

Тѣмъ временемъ солнце поднялось уже высоко, и жара стала нестерпимою. Во избѣжаніе солнечнаго удара, намъ необходимо было какъ можно скорѣе укрыться подъ тѣнь шатра. Съ этимъ въ Африкѣ шутить нельзя. Мы дошли до ближайшаго лѣса и тамъ ожидали людей, у которыхъ находился шатеръ и всѣ приспособленія и вещи. Къ счастью, тутъ же въ оврагѣ нашлась вода. Охота этого дня принесла намъ ту пользу, что, во-первыхъ, дала намъ возможность увидѣть антилопъ, безъ которыхъ немыслимо представить себѣ Африку, во-вторыхъ, заставила пройти большой кусокъ пути, потому что мы шли

къ Понгвэ такимъ сумасшедшимъ ходомъ, что нашъ сегодняшній переходъ равнялся двумъ обыкновеннымъ переходамъ.

Отдыхъ былъ вполнѣ заслуженъ нами, но, увы! насъ ожидали еще хлопоты по хозяйству. Тѣ, которые не испытали этихъ хлопотъ, могутъ считать ихъ пустячными; однако, онѣ являются самой непріятной стороной путешествія. Нѣкоторые ящики заперты на замокъ, нужно подбирать ключи; консервы, правда, завернуты въ рогожи, но ярлыки на жестяныхъ коробкахъ, благодаря теплу и сырости, отвалились,—приходится угадывать, что содержится въ каждой банкѣ. Необходимо открывать банки самому, потому что если это поручить негру, онъ выжметъ все содержимое вмѣстѣ съ соусомъ на землю. Переводчикъ въ лѣсу, его нѣтъ подъ рукой, поваръ не понимаетъ вашихъ словъ, вы—его; поэтому если хотите ѣсть, если не желаете, чтобы поваръ всыпалъ чаю въ овощи, сахару въ сардинки, соли въ кофе, то принуждены сами наблюдать за всѣмъ и торчать у огня при жарѣ въ сорокъ градусовъ и выше.

Когда мы выспались послѣ обѣда, подошли наши люди, посланные мною за антилопой, которую подстрѣлилъ товарищъ. Они нашли ее лежащей въ лужѣ крови, но, увидѣвъ ихъ, она вскочила и убѣжала, несмотря на то, что одинъ изъ негровъ выстрѣлилъ въ нее изъ карабина. Дальнѣйшіе поиски окончились неудачей. Полагая, что далеко она не могла уйти, я рѣшилъ послать за нею еще разъ на разсвѣтѣ. Я разсчитывалъ, что если пантеры и задушатъ ее ночью, то все же останется кусокъ свѣжаго мяса и на нашу долю. Когда разсвѣло, король-охотникъ отправился въ сопровожденіи нѣсколькихъ пагази, и снова повторилась вчерашняя исторія: антилопу нашли въ лужѣ крови, но она снова вскочила и убѣжала. Этотъ случай показываетъ, до чего живучи крупныя африканскія животныя. Антилопа могла быть неудачно подстрѣлена, но зато въ нее была всажена пуля десятикалибернаго штуцера, и я самъ видѣлъ, что она обливалась кровью, и несмотря на это, по истеченіи сутокъ она не только была еще жива, но и на столько сильна, что могла спасаться бѣгствомъ.

На лѣсной полянкѣ, на опушкѣ лѣса, гдѣ разбитъ былъ нашъ шатеръ, было много цесарокъ, поэтому мы имѣли свѣжее мясо. На слѣдующій день послѣ труднаго похода во время дождя мы дошли до М'Понгвэ. Это—не особенно высокая гора, напоминающая по формѣ лежащій на землѣ выпуклый щитъ. Група такихъ холмовъ большей или меньшей высоты непрерывной цѣпью направляется къ западу, доходитъ до самыхъ горъ У-Загарь и образуетъ красивую, волнообразную мѣстность, покрытую небольшими групами деревьевъ, иногда очень большихъ, но издали кажущихся одинаковыми.

Деревни въ этой сторонѣ почти не попадаются. Всюду здѣсь пустота и такая тишина, что когда вѣтеръ не колышетъ травы, то слышишь дыханіе собственной утомленной груди. Въ этомъ скрыто необыкновенное обаяніе. Землю, деревья, пространство, блескъ солнца, словомъ—всю природу точно оживляетъ одна душа, непостижимая, великая, но словно погруженная въ сонъ. Люди, которые хотя разъ въ жизни ощущали тоску по безконечности и безстрастномъ покоѣ, могли бы обрѣсти здѣсь то, чего напрасно искали бы въ другомъ мѣстѣ.

Съ вершины холмовъ мы видѣли по временамъ Вами: ее легко узнать по темнымъ лентамъ дѣвственныхъ лѣсовъ, окаймляющихъ оба ея берега. На ея берегу мы провели еще одну ночь, затѣмъ, переправившись черезъ нее въ третій разъ, проводили отца Кормана въ Мандеру.

Вопреки обычаю, принятому въ караванахъ, вышли мы поздно, около 10 часовъ, пришли въ Мандеру въ два часа, а такъ какъ день былъ хорошій, и небо безоблачно, то намъ пришлось идти въ такую жару, какую можно испытать въ Африкѣ. Когда живешь подъ нашей широтою, трудно представить себѣ, до какой температуры доходитъ жара на этихъ возвышенностяхъ, палимыхъ отвѣсными лучами солнца. Мнѣ казалось, что это былъ исключительно жаркій день. Съ неба лился живой огонь, наши легкія дышали настоящимъ баннымъ воздухомъ. Пока дорога шла лѣсомъ, еще можно было терпѣть, но когда мы взобрались на возвышенности, на которыхъ негры обыкновенно выжигаютъ траву передъ массикой, я каждую минуту ждалъ, что вотъ-вотъ кто-нибудь изъ насъ упадетъ. Стекляшстая черная земля была раскалена, какъ печь. Въ довершеніе всего, какъ и всегда въ полуденное время, не чувствовалось ни малѣйшаго дуновенія вѣтерка: листья на деревьяхъ висѣли неподвижно, эвфорбіи точно лишились своей стройности и точно таяли въ жарѣ. Если бы не обиліе влажности въ воздухѣ, ни одно растеніе не могло бы переносить такую страшную температуру: но для человѣка эта влажность дѣлаетъ жару еще болѣе нестерпимою.

Я былъ золъ на себя и на отца Кормана, потому что никто изъ насъ не имѣлъ надобности въ такой спѣшкѣ. Но въ путешествіи часто случается такъ, что человѣкъ идетъ хотя бы подъ страхомъ смерти, идетъ лишь потому, что вышелъ или просто изъ самолюбія. Никому не хочется сказать первому: «Не пойду дальше», а между тѣмъ черезъ нѣсколько минутъ человѣкъ можетъ упасть, точно пораженный молніею.

Собравъ послѣднія силы, мы дотащились до Мандеры. Особенно страшенъ былъ послѣдній конецъ пути, когда вдали уже показались зданія миссіи. Товарищъ мой пришелъ съ сильной головной болью, которая, впрочемъ, скоро прошла въ закрытой комнатѣ миссіи, продуваемой сквознякомъ. Только къ четыремъ часамъ пополудни, послѣ хорошаго отдыха и обѣда, мы отправились и снова почувствовали прежнюю бодрость. Къ вечеру появились тучи, закрыли солнце, а вѣтеръ значительно охладилъ воздухъ.

Братъ Александръ сказалъ намъ, что пасмурные утра и вечера при исключительно знойныхъ дняхъ предвѣщаютъ наступленіе массики. Ея ожидали со дня на день, а съ нею насталъ бы конецъ нашему путешествію. Такъ какъ никто изъ насъ до сихъ поръ не заболѣлъ серьезно, не смотря на всѣ невзгоды путешествія, то мы стали хвастаться этимъ и считать себя людьми, на рѣдкость приспособившимися къ путешествію по Африкѣ.

Мы оставили Мандеру на слѣдующій день послѣ полудня, причемъ получили отъ добрыхъ миссіонеровъ множество разныхъ породъ

птицъ, которыя нисколько насъ не обременили, такъ какъ запасы наши значительно уменьшились. Вино и содовая вода были почти выпиты, такъ что многимъ изъ нашихъ людей нечего было нести.

Мы рѣшили теперь направиться большими и быстрыми переходами на сѣверъ отъ рѣки Кингани, къ Гугуруму, лежащему въ разстоянiи одного дня пути отъ Багамойо, и пробыть тамъ до тѣхъ поръ, пока проливные дожди не сдѣлаютъ жизнь въ шатрѣ невозможной.

XX.

Маленькiя деревушки.—Дигвасу.—Трудный переходъ надъ Вами.—Мѣстоположенiе деревни.—Гигантское дерево.—Крокодилы.—Убитый крокодилъ.—Король Брагиму.—Походъ въ Брагиму.—Продолжительный путь.—Работающiя женщины.—Остановка въ лѣсу.—„Багари".—Гугуруму.—Ночь.—Горячка.—Лихорадка.—Стоны льва.

Нѣсколько маленькихъ безыменныхъ деревушекъ, а затѣмъ поселки: Дигвасу, Тебэ, Вiанзи, Брагиму,—вотъ главные пункты нашихъ остановокъ на обратномъ пути, не считая остановокъ въ мѣстахъ незаселенныхъ, но обезпеченныхъ водою. Прежде всего мы перешли небольшой рукавъ Вами, окруженный роскошнымъ дѣвственнымъ лѣсомъ, и остановились на ночлегъ въ небольшой, совершенно пустой деревушкѣ. Король Тебэ, сопровождавшiй насъ до М'Понгвэ, былъ отправленъ нами впередъ въ Брагиму, съ порученiемъ приготовить все необходимое для дороги въ Гугуруму и для побывки тамъ. Въ Дигвасу мы пришли на другой день. Дорога наша почти все время шла по берегу Вами, окрестность была покрыта лѣсомъ и очень живописна. Это былъ трудный и даже не безопасный переходъ. Болѣе часа мы шли по глинистой тропинкѣ, шириною въ одинъ футъ, причемъ съ одной стороны тутъ же у плеча поднималась отвѣсная стѣна берега, съ другой—прямо подъ ногами разстилалась спокойная и глубокая вода Вами. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ тропинка спускалась внизъ, или гдѣ перепутанные корни деревьевъ преграждали дорогу, намъ приходилось употреблять всѣ усилiя, чтобы не поскользнуться и не упасть въ воду, потому что тогда спасенiе, благодаря множеству крокодиловъ, было бы почти немыслимо. На гладкой поверхности воды то и дѣло появлялись три черныя точки, которыя были не что иное, какъ возвышенiе надъ глазами и пастью крокодиловъ. Эти точки возбуждали въ насъ поразительное желанiе держаться тропинки руками и ногами, а когда глина въ нѣкоторыхъ мѣстахъ скользила подъ нашими ногами, мы прилагали всѣ старанiя къ тому, чтобы подвигаться впередъ съ легкостью зефировъ. При такихъ обстоятельствахъ человѣкъ обнаруживаетъ необыкновенные эквилибристическiе таланты.

Мысль о томъ, что намъ предстоитъ еще разъ перейти въ бродъ эту живописную рѣку, доставляла мнѣ мало удовольствiя и, признаюсь, я желалъ въ душѣ, чтобы она была лучше менѣе живописна, но

зато не такъ богата крокодилами. Къ счастью, въ Дигвасу нашлась пирога, на которой мы и переѣхали на другой берегъ безъ всякихъ приключеній, причемъ даже зловѣщія черныя точки не показывались надъ водой.

Деревня расположена на полянѣ, среди кустовъ, въ нѣсколькихъ десяткахъ шагахъ отъ рѣки. Круглыя хижины стоятъ вокругъ двора, на которомъ когда-то происходили совѣты старѣйшинъ, собиравшихся подъ тѣнью великолѣпной мимозы. Это было если не самое толстое, то самое раскидистое дерево, какое я видѣлъ въ Африкѣ. Можетъ быть, я неправильно назвалъ его мимозой; во всякомъ случаѣ — нѣжные перистые листья его похожи на листья мимозы. Гигантская корона этого дерева покрывала своей тѣнью землю на нѣсколько десятковъ метровъ вокругъ себя, между тѣмъ какъ нашъ шатеръ въ сравненіи съ ея тѣнью напоминалъ бѣлый лепестокъ цвѣтка. Подъ этимъ деревомъ помѣстились всѣ: и наши люди, и туземцы, сбѣжавшіеся по обыкновенію поглазѣть на насъ. Послѣ полудня я взялъ ружье и отправился къ рѣкѣ въ надеждѣ, что удастся подстрѣлить крокодила. И дѣйствительно, пройдя не болѣе полкилометра, я замѣтилъ надъ водой знакомыя мнѣ уже три точки, которыя легко подвигались впередъ. Я тщательно прицѣлился между двумя верхними точками и спустилъ курокъ. Такъ какъ я стрѣлялъ на близкомъ разстояніи и при очень благопріятныхъ условіяхъ, то не думаю, чтобы промахнулся. Послѣ выстрѣла голова тотчасъ же исчезла подъ водой, оставивъ меня въ неизвѣстности и сомнѣніи. Очевидно, что такого рода охота доставляетъ слишкомъ мало удовольствія. Подождавъ нѣкоторое время, я хотѣлъ уже идти назадъ, перемѣнить штуцеръ на обыкновенное ружье и отправиться на охоту на птицъ, какъ вдругъ ко мнѣ прибѣжали нѣсколько человѣкъ изъ нашего каравана съ Франсуа во главѣ и объявили, что на противоположномъ берегу рѣки вышли на песчаный полуостровокъ цѣлыхъ два крокодила, какъ разъ напротивъ самой деревни.

Скоро я увидѣлъ, что они говорили правду. Очевидно, въ Дигвасу не охотились за этими пресмыкающимися: они лежали спокойно, не обращая вниманія на крики и громкія разсужденія нашихъ людей, собравшихся на берегу почти всей гурьбой. Оба крокодила были еще молодые. Я выбралъ большого и всадилъ ему подъ лопатку пулю со стальнымъ наконечникомъ. Животное, раненое, подскочило вверхъ на цѣлый метръ и затѣмъ бросилось въ воду, но, спустя нѣсколько минутъ, выплыло на ближайшую мель, на которой можно было отлично его разсмотрѣть. Симба хотѣлъ сейчасъ же идти за нимъ, но я не позволилъ ему этого до тѣхъ поръ, пока не увидѣлъ въ бинокль, что крокодилъ началъ конвульсивно открывать пасть, пересталъ дышать и перевернулся бѣлесоватымъ животомъ кверху. Тогда только Симба и нѣсколько другихъ пагази отправились за добычей, но тутъ случилось необыкновенная неожиданность: крокодилъ снова перевернулся и, уткнувшись въ самый берегъ, началъ сопротивляться. Чернокожіе начали прыгать вокругъ него, тщательно охраняя собственныя ляжки: эта исторія продолжалась около получаса. Наконецъ, они поймали его при помощи вѣтки, которую изогнули въ видѣ петли, и притянули его

на нашъ берегъ съ такимъ одушевленіемъ, что вода бурлила вокругъ нихъ.

Когда его приволокли ко мнѣ, онъ былъ уже мертвъ. Осмотрѣвъ трупъ, я убѣдился, что пуля со стальнымъ наконечникомъ не только пробила панцырь, но прошла на вылетъ, и, несмотря на это, жизнь держалась въ пресмыкающемся болѣе получаса. Крокодила, застрѣленнаго въ водѣ или возлѣ нея, нельзя вытащить на берегъ, точно такъ же, какъ и гиппопотама; этого же намъ удалось вытащить исключительно благодаря тому, что онъ всплылъ на мелкомъ мѣстѣ.

Негры съ тріумфомъ понесли крокодила въ деревню и положили его возлѣ нашей палатки.

Передъ закатомъ солнца мы съ товарищемъ ходили охотиться на птицъ. Я, между прочимъ, подстрѣлилъ двухъ попугаевъ, изъ которыхъ отыскалъ только одного, и голубя изъ породы, кажется, самой маленькой на свѣтѣ. Это—красивая птичка съ перьями бѣлаго и кирпичнаго цвѣта, величиною съ нашего жаворонка. Мнѣ ужасно хотѣлось сдѣлать изъ нея чучело, но, не имѣя подъ рукою необходимыхъ приспособленій, я не могъ исполнить своего желанія.

Успѣшная охота на крокодила обѣщала, казалось, столь же успѣшную охоту и въ Гугуруму, поэтому я легъ спать въ самомъ радужномъ настроеніи. Но заснуть я не могъ, потому что негры всю ночь толкли кассаву, а М'Са, усѣвшись передъ огнемъ, пѣлъ себѣ подъ носъ свою безконечную пѣсенку: «М'Буана Куба, м'буана н'дого, Багамойо, венги рупія...» и т. д.

Утромъ пришелъ Брагиму, король деревушки Брагиму; онъ представлялъ собою удивительную фигуру,—все время разговаривалъ съ самимъ собою или внезапно разражался смѣхомъ безъ всякаго повода. Онъ произвелъ на меня впечатлѣніе сумасшедшаго. Я сейчасъ же послалъ его домой, поручивъ ему задержать тамъ охотника Тебэ, сами же мы двинулись на ночь въ Віанзи, причемъ по дорогѣ неудачно охотились за цесарками. Къ вечеру опять собрались тучи; но вскорѣ онѣ были разсѣяны поднявшимся вѣтромъ.

Мы должны были торопиться въ Гугуруму, поэтому не жалѣли ногъ, тѣмъ болѣе, что чувствовали себя здоровыми. Термометръ для измѣренія температуры тѣла, который необходимо долженъ имѣть каждый путешественникъ въ Африкѣ, показывалъ 36°, т. е. температуру, свидѣтельствующую объ анеміи и слабости въ Европѣ, но вполнѣ нормальную и желательную въ Африкѣ. Поэтому мы хотѣли пробыть въ Гугуруму какъ можно дольше и даже застать начало массики, чтобы увидѣть, какова она.

Ночлеги въ кустарникахъ прекратились: мы постепенно сходили къ низкому побережью, на которомъ ночи бываютъ душныя и жаркія. Изрѣдка тучи закрывали солнце, что доставляло намъ большое облегченіе въ пути.

Въ Віанзи мы догнали короля Брагиму. На слѣдующій день онъ игралъ роль проводника къ своему селенію. Онъ шелъ впереди быстрымъ шагомъ, всю дорогу разговаривалъ самъ съ собою, махалъ руками и по временамъ громко хохоталъ. Это былъ большой переходъ

мы вышли, когда едва стало разсвѣтать, а пришли въ Брагиму въ первомъ часу. Мы были такъ-же изнурены, какъ во время охоты за антилопами подъ М'Понгвэ. При видѣ каждой деревушки мы думали, что уже пришли на мѣсто, но на вопросъ: «Брагиму карибу?» (Близко ли Брагиму?)—мы слышали отъ негровъ все одинъ и тотъ же отвѣтъ: «Бали!» (Далеко!).

Мнѣ бросилось въ глаза одно обстоятельство. Когда нашъ караванъ проходилъ мимо деревень и встрѣчалъ женщинъ, работавшихъ въ полѣ, то онѣ при видѣ чужихъ людей въ испугѣ бросали всѣ орудія и обращались въ бѣгство. Этотъ страхъ сохранился еще отъ тѣхъ временъ, когда занимались охотой на невольниковъ, и когда женщина являлась самой завидной добычей.

Въ Брагиму мы встрѣтили единствrнную за все время путешествія негритянку, которую можно было, пожалуй, назвать красивою. Это была дѣвушка лѣтъ пятнадцати. Тебэ—охотникъ принесъ ее къ намъ на плечахъ, потому что до сихъ поръ ей ни разу не приходилось видѣть бѣлыхъ, и она ихъ ужасно боялась. Обхвативъ его руками и ногами, она глядѣла на насъ изъ-за его плечъ, точно испуганный звѣрекъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ любопытствомъ. Формы ея были еще почти дѣтскія, вьющіеся волосы, неуложенные въ прическу, торчали вверхъ цѣлой копной. вслѣдствіе чего голова казалась вдвое болѣе нормальной величины. Однако, эта дикая красотка скоро освоилась съ нами.

Брагиму раздражалъ меня своими постоянными разговорами съ самимъ собою. Онъ обращался къ намъ рѣдко и лишь съ однимъ словомъ: «Дивни!» (Вина!), вытягивалъ при этомъ руки и качалъ ими, точно ребенокъ, который чего-то проситъ. Намъ самимъ приходилось уже пить воду съ коньякомъ: у насъ осталась только одна бутылка хиннаго вина, такого горькаго, что мы отчаянно кривлялись и гримасничали, когда пили его. Желая наказать короля за навязчивость, я налилъ ему полстакана этой микстуры. Онъ выпилъ, облизался, сказалъ: «Мсури!» (Хорошее!) и попросилъ еще. Въ концѣ концовъ я съ досады обозвалъ его нищимъ и приказалъ убираться вонъ.

Въ этотъ день мнѣ пришлось еще разъ обратиться къ своей походной аптечкѣ: кромѣ хиннаго вина, я выдалъ еще кастороваго масла. Вечеромъ заболѣлъ нашъ пагази М'Камба, пришелъ ко мнѣ сѣро-пепельный, испуская стоны и держась обѣими руками за животъ. Догадавшись по этому жесту о томъ, что у него болитъ животъ, я далъ ему пять большихъ капсюль, которыя онъ разгрызалъ зубами, точно сливы. Съѣвъ ихъ, этотъ тоже сказалъ, что лекарство «мсури». На другой день онъ былъ здоровъ, какъ левъ, и несъ свой тюкъ въ наилучшемъ настроеніи духа. По дорогѣ въ Занзибаръ я слышалъ, что касторовое масло подъ этой широтою дѣйствуетъ почти, какъ ядъ; однако, миссіонеры рѣшительно опровергали это мнѣніе, и примѣръ М'Камба убѣдилъ меня, что они были правы.

Отъ Брагиму дорога шла по пустынной мѣстности. Мы находились отъ Гугуруму въ разстояніи двухъ переходовъ и рѣшили сдѣлать ихъ въ одинъ день. Первая стоянка состоялась въ густыхъ ку-

ста..., подлѣ лужи съ загнившей водою, напоминавшею цвѣтъ кофе съ молокомъ. Такъ какъ мы рѣшили идти дальше, то шатра не разбивали и легли спать съ товарищемъ подъ тѣнь кустовъ. Въ большой шляпѣ, которая надѣвается во время похода, спать нельзя, поэтому я замѣнилъ ее легкой холщевой шапочкой и крѣпко заснулъ. Тѣмъ временемъ солнце совершило большой поворотъ, и лучи его, пробравшись сквозь листья, упали на мой лобъ. Я сразу проснулся, но уже съ головной болью, которая становились все сильнѣе. Мокрый платокъ, положенный подъ шляпу, нѣсколько облегчилъ боль. Около двухъ часовъ, т. е. въ обыкновенное время, негры сами начали собираться въ путь, такъ какъ до Гугуруму было еще далеко, а мы должны были дойти туда къ закату солнца. Вскорѣ головная боль у меня прошла совсѣмъ, однако, я ощущалъ во всемъ тѣлѣ какое-то неопредѣленное недомоганіе и тяжесть. Съ трудомъ я шелъ впереди каравана. Передо мною шелъ Тебэ—охотникъ и, какъ на зло, постоянно прибавлялъ шагу, посматривая на солнце. Мѣстность постепенно понижалась терассами. На одной изъ нихъ Тебэ остановился и, указавъ пальцемъ на свѣтившееся необыкновеннымъ блескомъ пространство, сказалъ:

— Багари! (Море!).

Это слово сразу облетѣло весь караванъ и вызвало всеобщую радость. Хотя наше путешествіе не было ни слишкомъ длиннымъ, ни утомительнымъ, однако, не только негры, неспособные скрывать свои ощущенія, но и мы съ волненіемъ смотрѣли вдаль, на блестящую полоску воды. Я испытывалъ такое впечатлѣніе, точно предо мной кто-то открылъ ворота къ дому, за которымъ все, что я видѣлъ: всѣ горы, рѣки, лѣса, негритянскія деревушки, ночлеги въ шатрѣ,—все это скроется въ голубой мглѣ дали и отойдетъ въ область воспоминаній.

Мнѣ было все болѣе не по себѣ. Иногда мнѣ казалось, что у меня горячка. Мы еще ускорили шагъ и неслись, точно въ атаку. За нами опускалось солнце все ниже и ниже, а тѣни наши становились все длиннѣе. Вдругъ охотникъ Тебэ останавливается, пагази слѣдуютъ его примѣру и начинаютъ складывать тюки на землю

— Что это означаетъ?—задаю я вопросъ Франсуа.

— Гугуруму!—отвѣчаетъ онъ.

Ахъ! такъ это и есть Гугуруму? Я полагалъ, что этимъ названіемъ обозначаютъ какую-нибудь деревушку или поселеніе, состоящее хотя изъ нѣсколькихъ хижинъ, однако, кругомъ не видно было ни малѣйшихъ признаковъ присутствія человѣка: одна степь и степь, куда ни посмотришь, и только кое-гдѣ виднѣются одиночные группы деревьевъ.

Но тутъ же въ травѣ оказалось нѣчто въ родѣ ямы, наполненной водою, вѣрнѣе —густымъ, желтымъ, болотистымъ супомъ. Послѣ длиннаго перехода люди жадно бросились къ водѣ. Я хотѣлъ запретить имъ пить эту воду, но Бруно успокоилъ меня, сказавъ, что вода постоянно бьетъ изъ-подъ земли свѣжая. И дѣйствительно, въ этомъ мѣстѣ, навѣрно, течетъ подземный источникъ. Благодаря этому, Гу-

гуруму и его окрестность славятся, какъ лучшее мѣсто для охоты, такъ какъ всѣ остальныя воды побережья, не исключая и Кингани, текущей нѣсколько южнѣе Гугуруму, солоны. Каждому животному приходится идти сюда къ этой ямѣ, наполненной прѣсной водою. Такъ какъ окрестность совершенно не заселена, то дикія животныя водятся здѣсь въ изобиліи. Особенно распространенъ видъ кабана, называемый туземцами «ндири».

Когда негры вырывали траву для установки шатра, я замѣтилъ необыкновенно большихъ скорпіоновъ. Нѣсколькихъ мы втоптали каблуками въ землю. Послѣ того, какъ разбили шатеръ, я еще выдалъ провизіи для ужина, но чувствовалъ себя все хуже. Головная боль возобновилась, а въ костяхъ, преимущественно въ колѣняхъ, появилась ломота. Между тѣмъ быстро наступила ночь, и на небѣ показалась луна. Сбросивъ съ себя шляпу, патронташъ, манерку и бинокль, я принялся ходить вокругъ шатра, чтобы освѣжить голову и избавиться отъ ломоты, не позволявшей мнѣ сидѣть на мѣстѣ, хотя я въ этотъ день совершилъ два перехода. Но едва я отошелъ на нѣсколько десятковъ шаговъ отъ огня, какъ охотникъ Тебэ и Франсуа послѣдовали за мной, точно тѣни.

— М'Буанамъ Куба, здѣсь нельзя отходить отъ огня.

Я вернулся. Мнѣ дѣлалось все хуже. Я не могъ ни сидѣть, ни лежать, ни стоять, хоть изъ кожи вонъ полѣзай. М'Са подалъ ужинъ. но у меня внезапно появилось сильное отвращеніе къ пищѣ. Я взялъ термометръ.—онъ показалъ 39,5°. Въ Африкѣ, въ которой даже 37° считаются выше нормальной степени, такая температура является признакомъ сильной горячки.

Я взялъ памятную книжку, съ которой никогда не разставался, и при блескѣ огня написалъ крупными буквами подъ числомъ этого дня: «Лихорадка». Нѣсколько позднѣе въ моемъ мозгу неслась борьба между сознаніемъ и бредомъ. Перевѣсъ брала то та, то другая сторона: однако, я не уступалъ и, несмотря на мгновенія, въ которыя мною овладѣвала галлюцинація, старался думать, какъ здравомыслящій человѣкъ. Помню, что я нарочно не поставилъ термометра во второй разъ, потому что мнѣ пришло въ голову, что если градусникъ покажетъ 40° или больше, то я пойму. что уже нѣтъ средства, и окончательно поддамся болѣзни, а я не хотѣлъ поддаваться ей, хотѣлъ побѣдить ее и вернуться домой. Я думалъ, кромѣ того, что въ Гугуруму лихорадка можетъ овладѣть мною, но разъ я доберусь до Багамойо подъ опеку миссіонеровъ, то ни за что не поддамся ей. Въ виду этихъ соображеній, я тотчасъ же позвалъ Бруно и приказалъ ему, чтобы на завтра, чуть свѣтъ, половина людей готова была двинуться въ путь безъ шатра. но съ моей кроватью, на которой они понесутъ меня, если понадобится.

Товарищъ мой хотѣлъ непремѣнно сопутствовать мнѣ. Я уговаривалъ его не дѣлать этого. убѣждалъ въ томъ, что въ дорогѣ онъ все равно ничѣмъ мнѣ не поможетъ, а въ теченіе одного дня я доберусь до Багамойо, подъ охрану отца Стефана. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ мы пришли къ такому рѣшенію: если на завтра я

буду чувствовать себя лучше, онъ останется и воспользуется случаемъ поохотиться въ Гугуруму: если же мнѣ будетъ хуже, то пойдетъ со мною.

Сильная доза хинина прекратила горячку. Появилась лишь слабость и полное равнодушіе ко всему окружающему, такое сильное, что когда ночью, въ то время, какъ я сидѣлъ передъ шатромъ на охотничьемъ стулѣ, послышалось рыканіе льва, оно не произвело на меня никакого впечатлѣнія, не разбудило ни моихъ охотничьихъ инстиктовъ, ни инстикта самосохраненія. Я былъ точно жилецъ какого-то другого міра. Я готовъ былъ допустить, что это рыканіе лишь галлюцинація моего слуха, но оно было очень выразительно и могуче; кромѣ того, его слышали также и всѣ наши люди. Очевидно, звѣрь направлялся къ водѣ, но, замѣтивъ огонь, почуявъ дымъ и присутствіе людей, выражалъ этимъ рыканіемъ свое неудовольствіе по поводу появленія незванныхъ пришельцевъ. Въ Гугуруму львы встрѣчаются не случайно, какъ въ Багамойо, но живутъ здѣсь постоянно. Это подтверждается самымъ названіемъ мѣстности, которое на языкѣ кисуачили означаетъ «рыканіе льва». Но настоящаго рыканія льва во весь голосъ мнѣ не пришлось слышать ни разу: ни здѣсь, ни въ теченіе всего путешествія.

На слѣдующее утро припадокъ лихорадки прошелъ, осталась только большая слабость. Я понималъ, что схватилъ ту злую лихорадку, только два приступа которой переносятся человѣкомъ, за третьимъ же всегда слѣдуетъ смерть. Я рѣшилъ, что могу допустить себя самое большое до второго приступа, но никакъ не до третьяго. Съ этой цѣлью, чтобы успѣшнѣе бороться съ болѣзнью, я на разсвѣтѣ всталъ и потащился въ Багамойо.

XXI.

Карабака.—Походъ черезъ болото.—Переправа черезъ Кингани.—Степь.—Пальмовый лѣсъ.—Упадокъ силъ.—Миссіонеры.—Ночь.—Второй приступъ лихорадки.—Слабость.—Лѣкарство.—Визитъ Висмана.—Пароходъ „Висманъ“.—Море.—Переѣздъ въ Занзибаръ.—Госпиталь.

Пройдя часъ, я пришелъ въ Карабаку. Подъ этимъ названіемъ извѣстна скорѣе мѣстность, нежели какое-нибудь человѣческое поселеніе, потому что тамъ оказалась лишь одна покинутая, полуразрушенная негритянская хижина. Впрочемъ, возможно, что негры приходятъ сюда и поселяются на извѣстное время въ теченіе года, потому что здѣсь виднѣлись кое-гдѣ выжженныя мѣста. Мнѣ не хотѣлось останавливаться въ этой хижинѣ, чтобы слабость не овладѣла мною окончательно. Изъ Карабаки мы шли узкимъ оврагомъ, наполненнымъ соленою грязью. Люди погружались въ эту грязь очень глубоко. Мнѣ нельзя было постоянно раздѣваться и одѣваться, поэтому неграмъ пришлось нести меня. Симба, который несъ меня, вслѣдствіе двойной

тяжести, уходилъ въ грязь еще глубже, качался и буквально стопалъ подо мною: но едва мы выбрались на берегъ, какъ онъ сейчасъ-же начиналъ смѣяться отъ радости, что не уронилъ въ грязь своего М'Буана Куба. Всякій другой негръ на его мѣстѣ сыпалъ бы проклятія.

На одномъ изъ возвышеній, вблизи Кингани, я увидѣлъ самый большой баобабъ изъ тѣхъ, какія мнѣ приходилось видѣть за все время путешествія. Стволъ его отличался необыкновенной толщиною. Издали мнѣ показалось, что между его вѣтвями сидитъ притаившійся леопардъ, но когда я поднялъ штуцеръ и приблизился къ дереву, то оказалось, что это былъ кусокъ отставшей отъ дерева пестрой коры.

Вскорѣ мы вышли къ большимъ болотамъ, тянувшимся между рѣкой и моремъ. Они занимаютъ пространство въ нѣсколько километровъ и доходятъ до самой ложбины Кингани, отдѣленной отъ нихъ лишь поясомъ низкорослыхъ кустовъ. Къ моему несчастью, день былъ ясный; въ восьмомъ часу солнце стало сильно припекать, и, кромѣ того, непріятно раздражалъ блескъ его лучей, отражавшихся отъ зеркальной поверхности болотъ. Нѣкоторое время негры несли меня на моей походной кровати, но это принесло мнѣ мало облегченія. Я задыхался отъ испареній тѣлъ негровъ, а солнце жгло все сильнѣе. Я сново потащился пѣшкомъ.

Куда ни взглянешь, всюду одни болота, иногда наполненныя соленою водою, иногда открытыя, но насыщенныя влагою и блестящія. Гдѣ не было воды, было труднѣе идти: на каждомъ шагу къ каблукамъ прилипали большіе комья ила, вѣсомъ по нѣсколько фунтовъ. Это окончательно меня истомило; въ концѣ концовъ мнѣ пришлось снять башмаки и идти босикомъ. Кромѣ горячки и дороги, меня томила жажда, такъ какъ я опорожнилъ уже свою манерку и поглотилъ запасы негровъ. Жажда была тѣмъ мучительнѣе, что кругомъ насъ простиралась вода. Кое-гдѣ среди этого пространства болотъ торчали въ видѣ островковъ сухія, возвышенныя мѣста, покрытыя непроходимою зарослью. Иногда они занимали пространство приблизительно въ квадратный километръ. Въ тѣни ихъ я отдыхалъ, но черезъ минуту сново приходилось тащиться черезъ болота, гдѣ не было ни кусочка тѣни. По дорогѣ по гладкой поверхности ила попадалось множество очень отчетливо отпечатлѣвшихся слѣдовъ большихъ звѣрей: тамъ виднѣлись слѣды гиппопатамовъ, ндири, антилопъ, зебръ, жирафовъ и леопардовъ, всѣ направлялись къ оставкамъ, порсшимъ зарослью. Несмотря на болѣзнь и слабость, мнѣ было жаль уходить изъ этихъ мѣстъ, и я съ завистью думалъ о томъ, что вотъ мой товарищъ остался въ Гугуруму, гдѣ находится единственный во всей окрестности источникъ воды. Я даже рѣшилъ въ душѣ, что если вполнѣ выздоровѣю въ миссіи, то возвращусь туда хотя бы на нѣсколько дней. Я былъ золъ на себя за то, что не началъ путешествія съ Гугуруму, тѣмъ болѣе, что легко могъ это сдѣлать.

Жара становилась все сильнѣе. Я шелъ съ большимъ трудомъ, причемъ мнѣ казалось, что болота никогда не кончатся. Не знаю, на-

сколько они широки, но полагаю, что тянутся на очень большомъ пространствѣ. Наконецъ, я добрался до кустовъ, которые окаймляютъ самую ложбину рѣки. Я опять увидѣлъ среди нихъ странные кусты съ плодами, похожими на нашу дыню. Дорога и здѣсь была очень болотиста, но тѣнь кустовъ значительно облегчала путь.

Внезапно мы остановились надъ рѣкою. Въ этомъ мѣстѣ она была вдвое шире нежели въ М'Тони, расположенномъ выше. На противоположномъ берегу стояла хижина; на этой же сторонѣ мои негры нашли какую то пирогу, длинную, но чрезвычайно узкую, да еще дырявую. Когда я вошелъ въ нее, вода начала бить фонтаномъ черезъ отверстіе въ днѣ Несмотря на это, негры вошли въ пирогу всѣ сразу, но я приказалъ имъ выйти, позволивъ остаться лишь тремъ гребцамъ. Мы кое-какъ заткнули дыру и отчалили отъ берега. Во время переправы я держалъ ружье наготовѣ, потому что если бы какому-нибудь гиппопотаму или крокодилу пришла фантазія ударить въ нашу лодку, она сейчасъ же перевернулась бы вверхъ дномъ. Гиппопотамы, правда, бѣгутъ отъ соленой воды, въ чемъ я имѣлъ случай убѣдиться въ М'Тони, но на соляномъ болотѣ, которое мы только что перешли, попадались въ числѣ другихъ и ихъ слѣды, поэтому можно было предположить, что они есть и въ рѣкѣ.

Мы, однако, переправились благополучно. Я вышелъ на берегъ совсѣмъ больной и съ неудовольствіемъ думалъ, что до Багамойо осталось еще часа два пути, въ теченіе которыхъ придется идти въ самую сильную жару. Я отослалъ пирогу на другой берегъ за остальными людьми, самъ же спрятался отъ зноя поскорѣе въ хижину. Въ ней не было ни единой живой души, однако, убранство и разныя принадлежности указывали на то, что въ ней живетъ или бѣлый человѣкъ или цивилизованный негръ. Между другими вещами нашлись двѣ кубическія жестянки, такія, въ какихъ у насъ держатъ керосинъ и... о роскошь! онѣ были наполнены прѣсной водою. Не знаю, давно ли она стояла тамъ, но мнѣ она показалась божественнымъ нектаромъ. Въ довершеніе удачи я, отыскивая въ дорожной сумкѣ стаканъ, обнаружилъ въ немъ присутствіе десятка слишкомъ маленькихъ зеленыхъ лимоновъ, которые положилъ мнѣ въ сумку братъ Александръ, и о существованіи которыхъ я совсѣмъ забылъ. Сокъ ихъ, прибавленный къ водѣ, освѣжилъ меня и прибавилъ силъ для дальнѣйшаго похода.

Пройдя еще нѣсколько верстъ болотомъ, мы поднялись на болѣе возвышенную мѣстность. Вокругъ насъ простирались теперь волнистыя степи, на которыхъ кое-гдѣ были разбросаны одиночныя деревья, словно дремавшія на солнопекѣ. Съ восточной стороны доносилось по временамъ легкое дуновеніе морского вѣтерка. Окрестность показалась мнѣ знакомою. Наконецъ, пройдя еще часъ, я замѣтилъ на горизонтѣ что-то, похожее на темную ленту. Среди людей поднялся радостный шумъ, у меня же сердце забилось сильнѣе: я узналъ лѣсъ миссіи и Багамойо.

По мѣрѣ того какъ мы приближались, темная лента все явственнѣе превращалась въ перистыя верхушки пальмъ. Пріятный видъ, въ особенности для больного человѣка! Разстояніе было еще велико, но

было пройдено нами, самъ не знаю когда. Тропинка перешла въ дорогу. Вмѣсто желтой стены вокругъ насъ тянулись теперь зеленыя плантаціи кассавы и банановъ... Совсѣмъ другой міръ — болѣе гостепріимный, нарядный, на каждомъ шагу представляющій плоды усилій и трудовъ человѣка.

А вотъ и безконечные ряды пальмовыхъ стволовъ, наверху надъ ними слышится шумъ большихъ листьевъ, внизу мелькаютъ лучи свѣта и тѣнь. Я дошелъ, но силы меня оставили окончательно. Несмотря на всѣ усилія и энергію, я вдругъ почувствовалъ, что не въ состояніи идти дальше, развѣ если прикажу нести себя. Однако, мнѣ стыдно было явиться въ миссію на носилкахъ. Къ счастью, одинъ изъ пагази вспомнилъ, что тутъ же, при дорогѣ скрытъ колодезь, подлѣ котораго нашелся и черпакъ изъ скорлупы кокосоваго орѣха. Мнѣ принесли въ немъ чистой и холодной воды, которая снова поставила меня на ноги.

Лѣсъ этотъ тянулся еще на разстояніи двухъ или трехъ километровъ. Я помню, что онъ казался мнѣ необыкновенно длиннымъ. Наконецъ, показались бѣлыя стѣны миссіи, и, спустя минуту, я подошелъ со всѣмъ караваномъ къ верандѣ.

Миссіонеры высыпали мнѣ навстрѣчу, сердечно привѣтствуя меня и съ безпокойствомъ разспрашивая объ оставшемся въ Гугуруму товарищѣ. Я притворился менѣе больнымъ, нежели былъ въ дѣйствительности; въ эту минуту я почувствовалъ, что выйду побѣдителемъ изъ борьбы со своей лихорадкой. Усѣвшись въ полотнямъ креслѣ въ тѣни веранды, я отдыхалъ, пилъ вино и смотрѣлъ на знакомыя лица, на хозяйство и садъ. Доги тоже подошли ко мнѣ здороваться и положили свои гигантскія головы на мои колѣни. Я испытывалъ такое впечатлѣніе, точно родился и выросъ въ Багамойо. Я пришелъ въ хорошее настроеніе и не думалъ ложиться въ постель.

Вскорѣ отецъ Стафанъ пригласилъ меня къ себѣ на обѣдъ. Передъ обѣдомъ я принялъ большую дозу хинина, вслѣдствіе чего за обѣдомъ держался недурно. Только когда надо было вставать изъ-за стола, я почувствовалъ, что блѣднѣю, и что силы оставляютъ меня. Такое болѣзненное состояніе проявляется иногда очень странно. Я былъ болѣе чѣмъ увѣренъ, что если не пересилю себя и сяду снова, то больше уже не встану. И я пересилилъ себя и вмѣстѣ съ отцомъ Стефаномъ отправился въ садъ. Часъ спустя, я пошелъ спать и уснулъ мертвымъ сномъ.

Послѣ полуночи начался второй приступъ лихорадки. Я проснулся въ сильной горячкѣ, которой, однако, не могъ измѣрить, потому что термометръ выскользнулъ у меня изъ рукъ и разбился въ дребезги. На столѣ я увидѣлъ приготовленную отцомъ Стефаномъ дозу хинина и настойку изъ какихъ-то зелій, которую онъ далъ мнѣ вмѣсто прохладительнаго питья. Эта настойка показалась мнѣ такой вкусной и освѣжающей, точно я пилъ само здоровье.

До утра я кое-какъ перемогался. Иногда предметы двоились въ моихъ глазахъ, иногда мнѣ казалось, что я со всей кроватью лечу въ пропасть, или что моя комната—шатеръ, но такой большой, какъ нѣ-

лый міръ. Лай договъ на верандѣ приводилъ меня въ сознаніе—тогда я узнавалъ комнату и горѣвшую на столѣ лампу.

Подъ утро я совсѣмъ пришелъ въ сознаніе и рѣшилъ не только встать, но и одѣться, какъ подобаетъ цивилизованному человѣку. Въ сундукѣ, оставленномъ мною въ миссіи, все заплѣсневѣло отъ сырости а башмаки стали совсѣмъ зелеными. Я одѣлся, и костюмъ мой казался мнѣ отвѣчающимъ всѣмъ требованіямъ моды. Одному Богу извѣстно, сколько я употребилъ усилій на то, чтобы преобразиться въ франта, но я дѣлалъ это съ той мыслью, что борюсь съ своей болѣзнью. Въ общемъ я проявилъ въ этой борьбѣ съ болѣзнью много выносливости, потому что непремѣнно хотѣлъ возвратиться домой. Я зналъ, что третій приступъ лихорадки повлечетъ за собою смерть, но не допускалъ и мысли о томъ, что третій приступъ можетъ случиться. Можетъ быть, поэтому онъ и не случился.

Днемъ вернулся мой товарищъ съ остальными людьми. Онъ тоже былъ нездоровъ, но, главнымъ образомъ, тревожился изъ-за меня. Въ Гугуруму онъ убилъ кабана идири, котораго въ первую минуту принялъ за льва.

Послѣ общаго обѣда у отца Стефана я снова почувствовалъ, что если не встану со стула, то умру. На всемъ тѣлѣ выступилъ холодный потъ. Около четырехъ часовъ миссію посѣтилъ Висманъ. Я не въ силахъ былъ выйти къ нему навстрѣчу и только взглянулъ на него сквозь спущенныя жалюзи окна. Его здоровенная фигура, ласковое и вмѣстѣ съ тѣмъ здоровое лицо удивили меня. Онъ только что вернулся изъ отдаленной экспедиціи противъ массаевъ. До меня съ веранды доносились отрывки его разсказовъ объ этой экспедиціи. Я вынесъ о немъ впечатлѣніе, какъ о человѣкѣ недюжинной силы и энергіи. Впрочемъ, здоровье его было лишь кажущееся: вскорѣ послѣ моего отъѣзда онъ заболѣлъ лихорадкой въ тяжелой формѣ и долженъ былъ искать спасенія отъ нея въ сухомъ и укрѣпляющемъ воздухѣ Египта.

Онъ принесъ намъ хорошее извѣстіе о томъ, что пароходъ его имени уходитъ завтра же изъ Багамойо въ Занзибаръ. Я рѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ, главнымъ образомъ, потому, что все то, что ускоряло мое возвращеніе, исключало возможность появленія третьяго приступа лихорадки. Климатъ Багамойо менѣе здоровъ, нежели морской климатъ Занзибара, къ тому же тамъ я могъ помѣститься въ госпиталѣ французскихъ сестеръ милосердія. Окна этого госпиталя выходятъ на океанъ, такъ что день и ночь дышишь свѣжимъ солоноватымъ морскимъ воздухомъ. При этомъ въ немъ несравненно больше комфорта, нежели во всѣхъ отеляхъ: пріѣзжающіе съ материка часто прикидываются больными лихорадкой, лишь бы попасть подъ опеку сестеръ и на пищу больныхъ, которая состоитъ изъ самыхъ лучшихъ вещей, какія только можно найти въ Занзибарѣ.

И вотъ на четвертый день послѣ полудня, простившись съ миссіонерами и разсчитавшись съ людьми, мы взошли на палубу парохода «Висманъ». Это было большое счастье, что намъ не пришлось ѣхать на арабской фелюкѣ. Хотя я былъ очень слабъ, однако, сознательно

ощущалъ ту перемѣну, которая должна быть замѣтна каждому, кто послѣ путешествія по материку вдругъ очутится на морѣ. Тамъ солнечный свѣтъ поглащается зелеными мягкими цвѣтами, горизонтъ замкнутъ возвышенностями, здѣсь же всюду одинъ блескъ, одна безконечность лазури сверху и снизу, всюду ясно, просторно и масса воздуха! Человѣкъ съ наслажденіемъ дышитъ, съ наслажденіемъ протягиваетъ утомленныя походами ноги, радуется и отдыху, и жизни...

Прошло четыре часа пути, мы не успѣли даже распить бутылку шампанскаго, какъ надъ свѣтло-голубой поверхностью воды начали вырисовываться сначала башня съ фонаремъ, затѣмъ дворецъ султана, зданіе англійскаго консульства, наконецъ, показался цѣлый рядъ зданій, глядѣвшихъ окнами на море. Занзибаръ! Пароходъ пристаетъ, и мы выходимъ на берегъ. Цѣлая артель чернокожихъ несетъ мои вещи въ госпиталь. Меня охватываетъ запахъ гвоздики, сандала и мяса сушеной акулы, который носится во всемъ Занзибарѣ. Недавно еще я смотрѣлъ на этотъ городъ и островъ, покрытые деревьями манго, какъ на верхъ экзотичности: теперь же этотъ уголокъ кажется мнѣ давно знакомымъ, словно никогда и не представлялъ для меня ничего новаго. Звоню у дверей госпиталя, гдѣ меня уже ждутъ, потому что я черезъ отца Руби заблаговременно далъ знать о своемъ пріѣздѣ. Открываются ворота, и я вижу блѣдныя, ласковыя лица сестеръ, обрамленныя крыльями бѣлыхъ чепчиковъ. При свѣтѣ солнца, которое заходитъ и золотитъ чепчики, эти лица кажутся точно вырѣзанными изъ картинъ Фра-Анжелика. Въ саду госпиталя масса деревьевъ, по бѣлымъ каменнымъ стѣнамъ вьются виноградъ и горошекъ, всюду царитъ какое-то затишье. Я чувствую, что мнѣ будетъ здѣсь хорошо, что я отдохну и тѣломъ и душой. Солнце опускается все ниже, небо все болѣе краснѣетъ, слышится звонъ на «Angelus».

XXII.

Перемѣны въ Занзибарѣ.—Жатва смерти.—Пребываніе въ госпиталѣ.—Виды.—„Pei Ho“—Теченіе болѣзни.—Полуденные часы.—Островъ мертвыхъ.—Спокойствіе въ госпиталѣ.—Пароходъ.—Прощаніе.—Отъѣздъ.—Перемѣна впечатлѣній.

Во время нашего путешествія по материку въ Занзибарѣ произошли значительныя перемѣны. Генеральный консулъ Ивэнъ Смитъ уѣхалъ въ Марокко, куда былъ назначенъ на должность англійскаго уполномоченнаго; прекрасная мистриссъ Джемсонъ, поручивъ брату покойнаго своего мужа дальнѣйшее собираніе свидѣтельствъ противъ Стэнли, возвратилась въ Европу; восемь другихъ болѣе или менѣе извѣстныхъ намъ лицъ умерли. Когда товарищъ мой пошелъ мѣнять деньги въ англійскій банкъ, то ему сказали, что тамъ появилась эпидемическая лихорадка, и что трое единственныхъ въ банкѣ чиновниковъ покоятся уже на ближайшемъ островкѣ, т. е. на кладбищѣ. На меня, выдержавшаго уже два приступа лихорадки, это извѣстіе не

произвело впечатлѣнія. Теперь только я понялъ вполнѣ, что съ здѣшнимъ климатомъ шутить нельзя, и, принявъ это къ свѣдѣнію, рѣшилъ съ первымъ уже пароходомъ отправиться въ Европу.

Всѣ эти вѣсти приносилъ мнѣ мой товарищъ, ежедневно заходившій ко мнѣ изъ нашего прежняго отеля. Онъ же сообщилъ мнѣ, что «биби Клара» еще болѣе похорошѣла, что г-жа Лазаревичъ, ссорясь изъ-за Клархенъ съ мужемъ, дѣлаетъ ему признанія чисто африканской искренности, а господинъ Лазаревичъ попрежнему утверждаетъ, что знаетъ лишь то, что ѣстъ и пьетъ, а кромѣ этого ничего не знаетъ, не понимаетъ и ничего знать не хочетъ.

Изъ миссіонеровъ никто не выбылъ и не заболѣлъ. Какъ они, такъ и другіе знакомые часто навѣщали меня въ госпиталѣ, въ которомъ я просидѣлъ нѣсколько дней подрядъ, вовсе не выходя на воздухъ. Мною овладѣла такая слабость, что я могъ подняться съ постели лишь на нѣсколько часовъ. Я въ одно и тоже время выздоравливалъ отъ лихорадки и оправлялся отъ усталости. Мнѣ отвели прелестную угловую комнату, въ которой живетъ во время болѣзни монсиньоръ де-Курмонъ. Изъ однихъ оконъ виденъ былъ садъ съ растущими въ немъ пальмами, изъ другихъ—океанъ, находящійся такъ близко отъ госпиталя, что во время прилива волны его ударяютъ о стѣны, построенныя изъ кораловаго рифа. У этихъ оконъ я просиживалъ по цѣлымъ часамъ, потому что видъ моря дѣйствовалъ на меня необыкновенно укрѣпляющимъ образомъ и поддерживалъ во мнѣ бодрое настроеніе. Мнѣ казалось, что предо мною разстилается открытая дорога домой. Море всегда производитъ такое впечатлѣніе на людей, снова возвращающихся на его берега послѣ продолжительной разлуки съ нимъ.

Изъ окна мнѣ были видны плывшіе мимо суда, съ бѣлѣвшими на солнцѣ парусами, или лодки туземцевъ. Легкія мои вдыхали самый чистый воздухъ. Бѣлая комната была наполнена лазурью и свѣтомъ. Все это вмѣстѣ съ удобствами и необыкновенно заботливымъ уходомъ вызывало такое настроеніе, которое необходимо для противодѣйствія болѣзни. Я отдыхалъ такъ полно, какъ никогда. Спустя нѣсколько дней, я началъ жить чуть ли не растительной жизнью, въ которой растительные процессы играютъ бо́льшую роль, нежели воспріятіе впечатлѣній.

Передо мной разстилалось неизмѣримое пространство океана, на немъ вдали виднѣлся тотъ островокъ, который служитъ кладбищемъ для бѣлыхъ. Въ полуденное время, когда пески островка горѣли на солнцѣ сильнѣе, нежели въ другое время, казалось, что онъ приближается, зоветъ къ болѣе полному отдыху и соблазняетъ, какъ сирена. Смерть шла отъ этого острова Мертвыхъ черезъ море и была покрыта не траурнымъ флеромъ, какъ въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ, а залита яркимъ блескомъ, вслѣдствіе чего въ ея спокойствіи было больше сладостной, тихой грусти, нежели страха.

Я много спалъ днемъ и вставалъ до полудня. Почти ежедневно я видѣлъ восходъ солнца на океанѣ. Зари, какъ я уже писалъ, здѣсь совсѣмъ не бываетъ. Ночь блѣднѣетъ внезапно. На гребняхъ

волнъ показываются двѣ или три широкія молніи, точно кто-нибудь освѣтилъ воду изъ-подъ низу, солнце выходитъ изъ воды прекрасное, рѣзвое, точно отдохнувшее послѣ сладкаго сна. Міръ разгорается, точно по мановенію волшебнаго жезла, цвѣта выступаютъ сразу. За минуту передъ этимъ все было скрыто темнотой, и вдругъ сразу открывается морская даль, видны пароходы, лодки, люди, чайки: все затоплено свѣтомъ. Мнѣ не разъ казалось, что поднялся вѣтеръ и однимъ дыханіемъ сдунулъ ночь. Здѣсь, правда, никогда не увидишь золотыхъ и розовыхъ оттѣнковъ нашей зари, но зато этотъ быстрый переходъ отъ мрака къ свѣту производитъ впечатлѣніе громадной силы. День приходитъ, какъ всемогущій владыка, и въ одно мгновеніе сворачиваетъ шею ночи.

Меня развлекало утреннее движеніе передъ окнами госпиталя. Во время отлива съ восходомъ солнца приходили негры-магометане и негритянки—совершать омовенія по предписанію корана. Потомъ показывались группы пирогъ, выѣзжавшихъ на рыбную ловлю. Море иногда было совершенно гладко, лодки и люди отражались въ водѣ, какъ въ зеркалѣ, образуя картины, напоминающія свѣтлыя венеціанскія акварели, на которыхъ изображены окрестности Кіоджіо или Лидо. Вся группа пирогъ плыла отъ береговъ сначала вмѣстѣ и затѣмъ уже разсѣивалась въ пространствѣ, лодки, постепенно уменьшаясь и превращаясь вдали въ маленькія пятнышки, въ концѣ концовъ совершенно утопали въ лазуревой дали.

Я поправлялся съ каждымъ днемъ. Сестры давали мнѣ хинину даже при температурѣ въ 37°, но особенно благотворно дѣйствовалъ на меня морской воздухъ. Въ комнатѣ, занимающей такое положеніе, какъ моя, трудно не поправиться. Правда, и здѣсь ящерицы разгуливали по карнизамъ, потому что это въ Занзибарѣ почти неизбѣжно; приходилось мнѣ воевать и съ мурашками, съ которыми воюютъ во всей Африкѣ; но въ общемъ послѣ утомительной экспедиціи эта чистенькая бѣлая комната, удобная кровать со снѣжно-бѣлой тюлевой занавѣской для защиты отъ москитовъ, кресло-качалка, словомъ все это казалось мнѣ верхомъ удобства. При этомъ я ѣлъ, подобно Лукуллу, но не консервы, а необыкновенно свѣжія кушанья, и такіе превосходные плоды, какихъ раньше никогда не ѣдалъ.

Когда кто-нибудь умиралъ въ городѣ или въ госпиталѣ, я узнавалъ объ этомъ только тогда, когда подъ вечеръ замѣчалъ на гладкой поверхности океана одинокую ладью, мѣрнымъ ходомъ направлявшуюся въ сторону ос рова мертвыхъ. Здѣсь было нѣсколько больныхъ, и между ними одинъ молодой нѣмецъ, которому раненый кабанъ-ндири распоролъ животъ однимъ ударомъ клыковъ. Сходя въ садъ, я встрѣчалъ и другихъ товарищей по госпиталю, съ лицами прозрачными и бѣлыми, какъ бумага, окончательно истощенныхъ анеміей. Нѣкоторые изъ нихъ съ тоской глядѣли на пароходы, отправлявшіеся въ Европу, нѣкоторые ожидали смерти.

Что касается меня, то я безпокоился лишь объ одномъ, именно—какъ бы французское судно «Реi - Но», на которомъ мы рѣшили возвратиться въ Суэцъ, не ушло по какому-нибудь исключительному слу-

чаю, не захвативъ меня. Я увѣренъ, что если-бы это случилось, то у меня не хватило бы болѣе той силы воли, съ какою я боролся съ болѣзнью, и со мной приключился бы третій припадокъ лихорадки. Еще за недѣлю до прибытія парохода я просилъ товарища запастись билетами и невольно думалъ, что лихорадка не посмѣетъ уцѣпиться за того, кто уже заплатилъ за обратный путь. Это—чудачество нервовъ, но впослѣдствіи мнѣ говорили, что извѣстное состояніе духа имѣетъ большое вліяніе на развитіе болѣзни, и часто отъ него зависитъ жизнь или смерть.

Съ каждымъ днемъ здоровье мое улучшалось, и спустя недѣлю я началъ уже выходить. Въ первый день я ходилъ въ Мназимоѣ, точно опьянѣвшій: на другой день я чувствовалъ себя еще лучше, затѣмъ доходилъ уже до индійскихъ магазиновъ за покупками. По городу пошла молва, что въ госпиталѣ живетъ бѣлый, который покупаетъ шкуры и оружіе, вслѣдствіе чего черные начали приносить въ мою комнату образцы того и другого. Приходили преимущественно негры изъ племени Сомали, принося великолѣпные ножи, копья и щиты изъ кожи гиппопотамовъ. Во время торга на меня находили минуты болѣзненнаго раздраженія, въ особенности—когда ужъ слишкомъ нагло старались меня надуть. Тогда я выкидывалъ за дверь и торгашей, и ихъ товары. д

Массика давала себя чувствовать почти ежедневно. Образовались бѣлыя, круглыя и выпуклыя облака, разрывались надъ городомъ и заливали его потоками дождя. Однажды я попалъ подъ дождь на рынкѣ при таможнѣ, куда отправился посмотрѣть новый транспортъ слоновыхъ клыковъ. Въ одно мгновеніе рынокъ превратился въ озеро, а всѣ переулки, выходящіе къ морю, — въ стремительные потоки. Я промокъ до костей и возвратился въ госпиталь со страхомъ, что со мною случится третій приступъ лихорадки, но, къ счастію, этого не случилось. Только вечеромъ у меня сдѣлалась сильная головная боль, отъ которой я избавился послѣ пріема сильной дозы хинина.

Мой багажъ увеличивался съ каждымъ днемъ. Я купилъ нѣсколько дюжинъ великолѣпныхъ мадагаскарскихъ цыновокъ, шкуру леопарда, громадный рогъ насорога и много другихъ вещей. Цѣна слоновыхъ клыковъ была такъ высока, что мнѣ пришлось отказаться отъ нихъ.

За пять дней до прибытія «Pei-Ho» мнѣ вдругъ сдѣлалось хуже. Болѣла голова и всѣ кости, ночью появилась горячка. Я сново началъ бороться съ болѣзнью, тѣмъ болѣе, что это былъ пятнадцатый день. отъ ея начала, т. е. какъ разъ тотъ срокъ, въ которой чаще всего случается третій приступъ лихорадки. Позже этого срока онъ рѣдко наступаетъ: если же человѣкъ снова заболѣетъ лихорадкой уже по прошествіи двадцати дней, то приступы считаются заново. На шестнадцатый день я проснулся сново бодрымъ.

Я былъ очень разстроенъ. Бѣлые Братья, миссія которыхъ расположена вблизи госпиталя, окончили постройку повильона, поставленнаго ими ради большаго доступа воздуха почти къ морю. Негры крыли крышу этого павильона, причемъ пѣли какую-то чрезвычайно дикую пѣснь, ритмъ которой вторилъ стуку молотка. Черные иначе и

не работаютъ. Вначалѣ эта пѣснь не только не дѣйствовала на меня раздражающимъ образомъ, но даже усыпляла въ теченіе дня своей монотонностью; теперь она меня до того мучила, что я убѣгалъ изъ госпиталя, чтобы только ея не слышать.

Я началъ скучать изъ-за того, что пароходъ долго не приходилъ, и съ утра до вечера высчитывалъ дни и часы. Желая быть готовымъ къ отъѣзду въ каждую минуту, я принялся за укладку своихъ вещей. Это была работа нелегкая, особенно при занзибарской температурѣ. Отъ дождей жара не уменьшалась, а духота увеличивалась. Бывало такъ, что днемъ рѣшительно нечѣмъ было дышать. Въ полдень въ госпиталѣ водворилась мертвая тишина и печаль. Тогда получалось такое удивительное впечатлѣніе, точно надъ городомъ виситъ какая-то катастрофа, и когда среди этой мертвой тишины раздавался бой часовъ въ полдень, то казалось, что вотъ-вотъ начнется что-то недоброе. Около трехъ часовъ пополудни чувствовалось нѣкоторое облегченіе, но ночи были еще болѣе душны, нежели дни. Ночью я не могъ спать, но метался въ безсонницѣ по кровати до самого утра. Часто я вставалъ по ночамъ и смотрѣлъ на игру лунныхъ лучей въ волнахъ прилива.

Это нездоровое время года. Въ городѣ свирѣпствовала лихорадка. Странно, что англичане болѣе подвержены ей, нежели нѣмцы. Мнѣ говорили, что именно смерть упомянутыхъ трехъ чиновниковъ «Восточнаго банка» такъ сильно подѣйствовала на англичанъ, что они легче поддавались болѣзни. Нѣкоторые переживали уже одинъ или два приступа болѣзни и, какъ спасенія, ожидали «Pei-Ho». Они готовы были оставить все, лишь бы уѣхать скорѣе на родину.

Простуду схватить въ Занзибарѣ не особенно легко, однако, я ухитрился сдѣлать и это. Чрезмѣрно измучившись укладкой вещей, я всталъ на сквознякѣ въ коридорѣ госпиталя и сейчасъ же почувствовалъ дрожь во всемъ тѣлѣ. Подъ вечеръ у меня начался насморкъ, который прошелъ только на морѣ.

Въ тотъ же день я съ радостью узналъ, что отецъ Стефанъ прибылъ сюда изъ Багамойо и отправляется въ Европу на томъ же пароходѣ, на которомъ поѣдемъ и мы. На другой день онъ навѣстилъ меня. Я замѣтилъ, что въ теченіе этихъ послѣднихъ дней онъ сильно пожелтѣлъ и похудѣлъ. Съ своей бархатной шапочкой на головѣ онъ, несмотря на худобу и прозрачность лица, ужасно походилъ на Леонардо да-Винчи, точно живой портретъ.

Надежда увидѣть Францію наполняла его радостью. Онъ говорилъ, что надѣется выздоровѣть вполнѣ и затѣмъ, уже на склонѣ лѣтъ, вернуться въ миссію; ему хотѣлось еще разъ въ жизни увидѣть родину, на позволеніе уѣхать онъ смотрѣлъ, какъ на милость и награду со стороны монсиньора де-Курмона. И то и другое принадлежало ему по праву. Никто не трудился такъ много, какъ онъ, никто столько лѣтъ не пробылъ на своемъ посту, никто не перенесъ столько разъ лихорадки, и никто не пріобрѣлъ такого уваженія среди людей разныхъ цвѣтовъ кожи. Въ Занзибарѣ отца Стефана знаютъ отлично англичане, нѣмцы, арабы, индусы, мальгары и суахилисы,—всѣ скло-

няютъ предъ нимъ голову. Его отъѣздъ радовалъ меня вслѣдствіе чисто эгоистическихъ побужденій, и потому, что трудно было найти товарища такого симпатичнаго, простого, разсказывающаго столько интересныхъ вещей....

Братъ Оскаръ пріѣхалъ проводить его. Здоровье этого желѣзнаго труженика было по прежнему прекрасно, но я замѣтилъ въ немъ нѣкоторую грусть. Вѣроятно, глядя на отца Стефана, и онъ взгрустнулъ по родинѣ: но его очередь еще наступала, и Богъ знаетъ когда наступитъ

Уже нѣсколько дней дулъ южный муссонъ, во время котораго въ Занзибаръ пріѣзжаютъ мадагаскарскіе мальгаши, а сомалисы возвращаются въ свои пустынные камыши. Для насъ этотъ вѣтеръ былъ тоже попутный, потому что намъ надо было ѣхать на сѣверъ.

Въ эти нѣсколько дней, прошедшихъ въ ожиданіи «Рei-Но», у меня появилась легкая горячка, которая была, вѣроятно, слѣдствіемъ не лихорадки, но выжиданія. Я не спалъ всю ночь. Еще серебряные огоньки отражавшихся въ водѣ звѣздъ дрожали въ воздухѣ, когда я сѣлъ у окна съ биноклемъ въ рукѣ, ожидая пріѣзда «Рei-Но», который долженъ былъ войти въ каналъ на разсвѣтѣ. И едва ночь поблѣднѣла, и первые лучи солнца освѣтили поверхность воды, какъ вдали показалось сѣрое пятнышко, постепенно увеличивавшееся и, наконецъ, превратившееся въ большое облако дыма. Я уже не сомнѣвался, что приближается большой пароходъ, но не зналъ навѣрное, тотъ ли это, который ожидался мною. Тѣмъ временемъ обрисовались мачты и реи, а наконецъ,—и черный корпусъ парохода. Приблизившись къ острову, пароходъ выкинулъ на главной мачтѣ флагъ, но я не могъ разсмотрѣть его. Полчаса спустя, пароходъ, красивый и громадный, какъ левіафанъ, прошелъ недалеко отъ моего окна. Признаюсь, что когда я прочиталъ на его носу надпись: «Рei-Но», то лобъ мой покрылся каплями холоднаго пота, и мнѣ сдѣлалось почти дурно. Я былъ еще боленъ, да къ тому же сильно скучалъ по родинѣ.

Я хотѣлъ сейчасъ же проститься съ почтенными сестрами и ѣхать; между тѣмъ пришелъ мой товарищъ и сообщилъ, что пароходъ принимаетъ пассажировъ только завтра, въ день выхода изъ порта. Однако, въ девять часовъ мы оба пошли безъ вещей, чтобы осмотрѣть каюты и выбрать себѣ хорошее мѣсто. Послѣ продолжительнаго пребыванія въ Занзибарѣ и на материкѣ этотъ европейскій комфортъ,—зеркала, позолота, бархатъ, выбритая прислуга во фракахъ и бѣлыхъ галстухахъ—возбуждаютъ въ человѣкѣ робость. Здѣсь такъ все проникнуто цивилизаціей, такъ отъ всего этого мы отвыкли и до такой степени освоились и съ голой черной кожей негровъ, и съ простымъ образомъ жизни. Зато суматоха на пароходѣ и видъ палубы, мачты, реи, канаты, лѣстницы... все это приводитъ человѣка въ радостное настроеніе. Возвращеніе на родину изъ области желаній переходитъ въ дѣйствительность. Впереди мелькаетъ жизнь на пароходѣ. Даже странно подумать, что черезъ двѣнадцать дней мы очутимся въ Суэцѣ, а пройдя каналъ, выплывемъ на европейскія воды! Въ первыя минуты просто не вѣрится этому.

Въ самый полдень мы возвратились въ городъ. Въ эту пору каналъ обыкновенно бываетъ пустъ, но прибытіе судна все измѣняетъ. Кругомъ сновали лодки, мелькали черные гребцы и бѣлыя шляпы европейцевъ. Даже тѣ, которые никуда не уѣзжаютъ, тѣ, которымъ некого провожать, стремятся на пароходъ, чтобы хотя въ теченіе одной минуты пожить жизнью Европы.

Возвратясь съ парохода, я нанялъ себѣ лодку и съ десятокъ чернокожихъ носильщиковъ для переноски моихъ вещей. Остальная часть дня ушла на визиты. Послѣ полудня я простился съ сестрами, причемъ точно чувствовалъ нѣкоторое угрызеніе совѣсти изъ-за того, что съ такой радостью покидаю этихъ кроткихъ созданій, выказавшихъ по отношенію ко мнѣ столько заботливости и доброты, которымъ не предстоитъ въ жизни никакого другого отъѣзда, кромѣ отплытія на островъ мертвыхъ. Я былъ у монсиньора де-Курмона, у отца Леруа, а вечеромъ на Мназимоѣ, чтобы въ послѣдній разъ насладиться этимъ роскошнымъ тропическимъ видомъ, съ которымъ завтра долженъ былъ распрощаться, вѣроятно, навсегда. Закатъ солнца предвѣщалъ хорошую погоду. Въ спокойной водѣ лагунъ, наполненныхъ приливомъ до краевъ, отражались пальмы и манговыя деревья; въ глубинѣ островъ казался однимъ большимъ букетомъ, рисовавшимся на красноватомъ фонѣ неба. Я уже отчасти привыкъ къ этому виду, но теперь въ настоящій моментъ меня снова поразила эта роскошная фантастичность, похожая не на дѣйствительность, но скорѣе на самыя горячечныя видѣнія.

Вернувшись въ госпиталь, я узналъ, что на нашемъ «Pei-Ho» уже умеръ одинъ изъ пассажировъ. Это былъ англичанинъ, представитель большого торговаго дома въ Занзибарѣ. Онъ былъ сильно боленъ и ожидалъ прибытія парохода, какъ спасенія; благодаря усиленнымъ стараніямъ консульства, онъ выхлопоталъ себѣ право перейти на палубу сейчасъ же послѣ прихода судна. Онъ надѣялся этимъ избавиться отъ лихорадки, но третій приступъ захватилъ его въ каютѣ и доканалъ. Впослѣдствіи я слышалъ, что бѣдняга ужасно боялся этого третьяго приступа, а потому и подвергся ему.

Ночь я провелъ въ безсонницѣ, а утромъ въ семь часовъ былъ уже на пароходѣ со всѣми своими вещами. Скоро пришелъ и мой товарищъ. Кое-какъ устроившись въ каютѣ, мы опять поднялись на палубу, на которой происходила обыкновенная въ минуту отъѣзда суматоха. Казалось, словно весь Занзибаръ назначилъ себѣ rendez-vous на палубѣ «Pei-Ho». Европейцы, какъ мужчины, такъ и женщины, арабы, индусы, негры, которые принесли вещи, и французскіе матросы,—все это суетилось въ неописуемомъ замѣшательствѣ среди груды ящиковъ, сундуковъ, пароходныхъ стульевъ, бочекъ и т. п. Цѣлыя вереницы нагихъ суачилисовъ таскали каменный уголь, ледъ, запасы говядины, овощей и фруктовъ. Пароходъ окружало такое громадное количество фелюкъ, барокъ и лодокъ, что вокругъ него образовался какъ бы подвижной островокъ. Съ лодокъ, которыя подъѣзжали позже, гребцы отчаянно кричали, чтобы пропустили ихъ; пріѣхавшіе раньше не желали уступать, вслѣдствіе чего поднимались крики, шумъ, проклятья, маханье веслами и толкотня, словно на ярмаркѣ. Для меня это было

не ново, но кто увидитъ такую картину въ первый разъ, тотъ подумаетъ, что люди съ ума сошли, и что единственными разсудительными существами являются чайки, которыя, относясь равнодушно къ этой ярмаркѣ, рѣютъ въ воздухѣ на распростертыхъ крыльяхъ и посматриваютъ, не покажется ли на поверхности воды что-нибудь съѣдобное.

На палубѣ нѣтъ недостатка въ прощаніяхъ, восклицаніяхъ, объятіяхъ и поцѣлуяхъ. Каждаго отъѣзжающаго провожаютъ чуть ли не всѣ знакомые. На палубѣ до того тѣсно, что нельзя пошевельнуться. Въ толпѣ узнаю отца Стефана, котораго провожаютъ: моньсиньоръ де-Курмонъ, братъ Оскаръ и почти всѣ миссіонеры, не исключая настоятеля Бѣлыхъ Братьевъ и отца Руби. Всѣ тѣ, съ которыми я успѣлъ познакомиться въ городѣ, тоже тутъ: или въ качествѣ пассажировъ или какъ провожающіе близкихъ лицъ.

Между прочими здѣсь же находится и сынъ Муэнэ-Пира, малый Томъ, взятый моимъ товарищемъ въ качествѣ служащаго въ Занзибаръ. Онъ пріѣхалъ теперь на пароходъ съ вещами. Я пробираюсь къ нему сквозь толпу и, желая оставить ему что-нибудь на память, сую въ руку новую бѣлую рупію; но Томъ такъ пораженъ величиной и роскошью парохода, что мою рупію принимаетъ машинально и вмѣсто благодарности шепчетъ, вытаращивъ глаза: «О, М'буана Куба! мсури! мсури!..» Во всю жизнь Тому приходилось видѣть лишь нѣмецкій пароходъ «Висманъ», и, навѣрно, ему и въ голову не приходило до сихъ поръ, чтобы такія чудовищно большія «пироги» могли плавать по морю.

Но вотъ слышенъ первый свистокъ. При звукѣ его подвижной островокъ лодокъ ломается. Прежде всего отплываютъ барки, привезшія каменный уголь: онѣ пробираются среди лодокъ и оставляютъ за собой широкій запыленный углемъ каналъ, который внезапно наполняется лодками. На палубѣ говоръ усиливается, потому что времени уже немного. Второй свистокъ! Потокъ людей бѣлыхъ и черныхъ по сходнямъ быстро спускается къ водѣ. Гребцы поднимаютъ ужаснѣйшій крикъ, толкаются и чуть ли не дерутся изъ-за того, кто изъ нихъ первый доберется до сходней. Потокъ людей течетъ и течетъ, рой платковъ мелькаетъ снизу, такой же рой отвѣчаетъ съ палубы. Глядя черезъ бортъ, я замѣчаю тамъ и сямъ поднятые кверху заплаканные глаза, грустныя лица. Тѣ, которые здѣсь прощаются, слабо надѣются еще разъ увидѣться когда-нибудь. Разыгравшіяся волны подбрасываютъ лодки вверхъ, словно хотятъ еще разъ сблизить людей. Маханіе платками продолжается: они мелькаютъ въ блескѣ солнечныхъ лучей точно молнія, но вокругъ парохода становится все просторнѣе. Третій свистокъ! Слышится шумъ воды, которую ударяютъ легкіе обороты винта, и въ то же время лодки, фигуры людей, дома, берегъ и пальмы начинаютъ удаляться.

Удивительное чувство охватываетъ человѣка, который никого изъ близкихъ здѣсь не покидаетъ, но, наоборотъ, возвращается къ себѣ на родину! Въ этомъ чувствѣ смѣшиваются и радость возвращенія, и глубокое удовольствіе, что труды кончились, и что изъ этихъ убійственныхъ странъ удалось уйти цѣлымъ и невредимымъ, и, нако-

нецъ, удивленіе передъ тѣмъ, какъ быстро одна дѣйствительность смѣняется другою. Мы только что тронулись, еще видны городъ, дворецъ султана, дома, кисти пальмъ и темная листва манго, вѣтерокъ еще доноситъ съ острова запахъ гвоздики и сандала, а ужъ все это начинаетъ казаться одной грезой. Дѣйствительность представляетъ пароходъ, море и та дорога, которая впереди, тамъ позади — одно сновидѣніе.

Пространство постепенно дѣлается болѣе лазурнымъ, дома и пальмы скрываются въ водѣ, одна султанская башня долго виднѣется среди лазури и, даже когда очертанія ея становятся незамѣтными, все еще свѣтится вдали блестящимъ столбомъ.

На пароходѣ начинается обыкновенная жизнь. Большинство пассажировъ сидитъ, правильнѣе—лежитъ на складныхъ стульяхъ въ тѣни полотняной крыши. Винтъ работаетъ учащеннымъ темпомъ, за пароходомъ тянется полоса пѣны, за душой человѣческой нѣтъ воспоминаній. Земля измѣняется въ тучку, въ мглу и, наконецъ, исчезаетъ изъ глазъ, а кругомъ только двѣ бѣздны: океанъ и лазурное небо.

XXIII.

На океанѣ.—Дѣти.—Пассажиры.—Старая Франція.—Ноги.—Пароходъ.—Передняя часть парохода.—Ноевъ ковчегъ.—Жизнь на пароходѣ.—Человѣкъ въ морѣ.—Безуспѣшная попытка спасти.—Мы ѣдемъ дальше.—Ноги на палубѣ.—Мысъ Гвардафуй.—Аденъ.—Странная буря.—Обокъ.—Негры.—Видъ земли.—Аѳина-Паллада.—Красное море.—Суэцъ.

Первый день мы плывемъ въ открытомъ морѣ. Массика, по увѣренію отца Стефана уже начавшаяся на материкѣ съ недѣлю тому назадъ, здѣсь совершенно не замѣтна. Небо безоблачно, погода стоитъ все время хорошая, только ночью осаждается обильная роса. Пароходъ великолѣпный. Если всѣ французскія суда компаніи «Messageries Maritimes» отличаются такимъ же устройствомъ, какъ «Pei-Ho», то ни англійскіе, ни нѣмецкіе пароходы не выдержатъ сравненія съ ними. Пассажировъ много, въ первомъ классѣ нѣтъ ни одной свободной каюты. Среди пассажировъ есть французы, англичане, нѣмцы и цѣлыя толпы дѣтей. Дѣло въ томъ, что дѣтей, родившихся въ тропическомъ поясѣ Индійскаго океана, необходимо вывозить на нѣкоторое время въ Европу, именно между 4—10 годами жизни, иначе они умираютъ. Легко понять, сколько ѣдетъ ихъ изъ этихъ странъ на каждомъ суднѣ. «Pei-Ho», какъ французскій пароходъ, собралъ болѣе шестидесяти: съ острова Бурбона (Резоньонъ), съ острова Святого Маврикія (Иль де-Франсъ), который хотя и составляетъ собственность англичанъ, однако, заселенъ французами, съ Мадагаскара, съ Коморскихъ острововъ, наконецъ—съ Занзибара, въ которомъ имѣется нѣ-

сколько французскихъ торговыхъ домовъ. И взрослые и дѣти цѣлый день проводятъ на палубѣ, потому что въ залѣ и каютахъ такая жара, что туда спускаются только къ обѣду. Какая ярмарка происходитъ на палубѣ, пойметъ и прочувствуетъ лишь тотъ, кому приходилось путешествовать при подобныхъ условіяхъ дней двѣнадцать подрядъ. Дѣти повсюду: ползаютъ подъ ногами, залѣзаютъ подъ стулья, влѣзаютъ на колѣни къ тѣмъ, которые хотятъ читать или разговаривать, вертятся, кружатся, плачутъ, смѣются, кричатъ, стаскиваютъ покрышки со стульевъ,—словомъ, властвуютъ неограниченно и жестоко. Хочешь пройтись по палубѣ,—невозможно, потому что дѣти вздумали взяться за руки, занять палубу во всю ея ширину и громко пѣть; хочешь ли вздремнуть,—нечего и думать объ этомъ, такъ какъ на палубѣ стоитъ такой вой, точно на пароходъ напала цѣлая орда людоѣдовъ. Со стульями чистое горе. Только что выберешь себѣ тѣнистое, удобное мѣсто, нацѣпишь карточку на стулъ и думаешь, что никто его не займетъ. Куда тамъ! Стóитъ только отойти на мгновеніе, какъ на стулъ усядутся пятеро; возвратишься,— не найдешь не только карточки на стулѣ, но и самого стула, или разыщешь его гдѣ-нибудь въ углу, на сто шаговъ дальше, на другомъ концѣ парохода. Кромѣ того, на палубѣ постоянная толкотня, потому что за дѣтьми присматриваютъ не только матери, но еще и няни,—черныя, шоколадныя, желтыя, родомъ съ острововъ Реюньонъ, Святого Маврикія, Мадагаскара, Сешельскихъ и Коморскихъ. Окликаютъ онѣ дѣтей на всевозможныхъ негритянскихъ діалектахъ. На палубѣ происходитъ настоящее вавилонское столпотвореніе, отъ котораго голова трещитъ.

Я не вѣрю тѣмъ людямъ, которые говорятъ, что не любятъ дѣтей: кто самъ имѣетъ дѣтей, тотъ всегда готовъ расчувствоваться надъ чужими, но эти херувимчики, когда соберутся въ значительномъ количествѣ въ одномъ тѣсномъ мѣстѣ, бываютъ иногда надоѣдливы, и это не подлежитъ спору. Часто они производятъ такую суматоху, что люди съ увеличенной селезенкой приходятъ въ отчаяніе и, навѣрно, не одному приходила въ голову мысль, что Иродъ былъ великій царь, и что эту великую, энергичную личность исторія совершенно неосновательно заклеймила презрѣніемъ.

Несмотря на это, путешествіе обставилось удачно. На французскихъ пароходахъ царитъ веселье; люди быстро знакомятся и охотно развлекаются. Въ хорошую погоду настроеніе у всѣхъ превосходное. Женщинъ ѣдетъ много: нѣкоторыя изъ нихъ къ первому же обѣду явились въ очень нарядныхъ костюмахъ. Общество очень интересное, потому что за исключеніемъ немногихъ иностранцевъ состоитъ преимущественно изъ колоніальной Франціи, которая рѣзко отличается отъ современной «декадентской» и «опортюнистской» Франціи. Эти креолки со смуглыми лицами, громадными прическами, длинными рѣсницами и глазами съ поволокой—это героини Бернардена Де-Сентъ Пьера, Шатобріона, Ламартина, пожалуй, отчасти Бальзака, но только отнюдь не Буржэ и не Мопассана. Та волна еще не дошла до нихъ, не успѣла еще переработать ихъ душъ, вслѣдствіе чего онѣ будутъ играть въ Парижѣ наивныя или сентиментальныя роли. Мужчины съ

ихъ дѣтски-наивной вѣрой въ идеалы, которые въ департаментѣ Сены и Уазы давно уже сданы въ архивъ, тоже будутъ казаться анахронизмомъ. Легко угадать, что какъ эти господа, такъ и эти дамы, не въ состояніи будутъ ужиться съ людьми метрополіи, что имъ предстоитъ впереди много разочарованій, заблужденій, а можетъ быть, и много горечи, и что черезъ какой нибудь годъ они съ радостью вернутся на свои острова, омываемые водами могучаго океана, на которыхъ дышется шире и свободнѣе.

На пароходѣ они образуютъ очень интересное и симпатичное общество. Въ первый же вечеръ у нихъ устраиваются танцы и концертъ: піанино помѣщается тутъ же, на палубѣ. Смѣло можно сказать, что здѣсь танцуютъ если не на вулканѣ, то надъ бездной. Пароходъ идетъ въ открытомъ морѣ, подъ нимъ глубина, равняющаяся десяткамъ тысячъ футъ. Удивительное впечатлѣніе производитъ эта группа людей, освѣщенная свѣтомъ электрическихъ лампъ, весело кружащаяся на суднѣ, затерявшемся среди мрака и пустоты. Ночь тихая, поверхность океана спокойна, но ее начинаетъ вздымать ночной приливъ, вслѣдствіе чего слышится тихій, но широкій и могучій шумъ, доносящійся точно издали. Эти гигантскіе вздохи океана и ритмическіе удары винта образуютъ фонъ, на которомъ льются звуки какого - то стариннаго Ланнеровскаго вальса, кажущіеся вслѣдствіе незначительности отражающей поверхности такими слабыми дрожащими и глухими, точно это играютъ не на піанино, а на какихъ-то старомодныхъ клавикордахъ минувшаго вѣка. Есть что-то грустное и въ то же время комическое въ сопоставленіи этого маленькаго мірка съ величиной и спокойствіемъ океана: но зато вся наша земля въ свою очередь кажется такой же ничтожной въ сравненіи съ тѣмъ необозримымъ, безконечнымъ пространствомъ вселенной, среди котораго она несется, подобно судну, въ даль, еще болѣе глухую и еще менѣе извѣстную.

Тѣмъ временемъ веселье продолжается, какъ ни въ чемъ не бывало. Пары танцующихъ то проносятся по пространству, освѣщенному электрическимъ свѣтомъ, который отражается въ мечтательныхъ глазахъ креолокъ и озаряетъ ихъ лица, то отдаляются къ бортамъ, погруженнымъ во мракъ. Дамы эти одѣты въ платья, заказанныя не у Ворта и не у мадамъ Ляферьеръ, и, вѣроятно не знакомы съ тѣмъ ходячимъ мнѣніемъ, что хорошій корсетъ стоитъ болѣе хорошей фигуры, и тѣмъ не менѣе многія изъ нихъ очень красивы. На нихъ лежитъ отпечатокъ чего-то экзотическаго; онѣ гибки, какъ ліаны, и, очевидно, безумно любятъ развлеченія. Въ одиннадцать часовъ еще звуки Оффенбаховскаго контраданса доходятъ до ушей удивленныхъ акулъ, а если не доходятъ, то только потому, что у акулъ нѣтъ ушей.

Только въ полночь толпа рѣдѣетъ на палубѣ—и дамы спускаются въ каюты.

Однако, палуба не совсѣмъ пуста, такъ какъ многіе изъ пассажировъ предпочитаютъ лучше ночевать на свѣжемъ воздухѣ, нежели

въ душныхъ каютахъ. Правда, термометръ показываетъ и на палубѣ 32°, но все-же есть вѣтерокъ. Непріятную сторону такого ночлега представляетъ только сырость, воздухъ которой до того насыщенъ, что въ самое непродолжительное время платье становится совершенно мокрымъ, а борты парохода, до которыхъ не доходитъ брезентъ,—какъ бы облиты водой.

Въ первомъ часу гасятъ электрическія лампы; палуба погружается во мракъ, въ которомъ можно различить вытянувшіяся на стульяхъ фигуры. Вода за нашимъ пароходомъ свѣтится фосфорическимъ свѣтомъ и шумитъ сильнѣе, но качки нѣтъ никакой. Въ темной безднѣ неба горитъ Южный Крестъ; со стороны материка луна бросила широкую, свѣтлую дорогу, которая блещетъ золотистымъ огнемъ. Направляясь къ носу парохода между темными очертаніями канатовъ, я вижу низко расположенную Большую Медвѣдицу, на половину погруженную въ океанъ, и привѣтствую ее, какъ старую знакомую.

Такое ночное шатанье по палубѣ имѣетъ для меня много прелести. Я вслушиваюсь въ сонный шумъ моря, блуждаю глазами по усѣянному звѣздами водному пространству, да и на самой палубѣ замѣчаю множество интересныхъ вещей. Напримѣръ, на нашемъ пароходѣ ѣдетъ какая-то парочка, которая, очевидно, недавно поженилась. Онъ имѣетъ видъ здороваго, смуглаго цыгана, у нея глаза антилопы. Оба они ведутъ жизнь отшельниковъ, ни съ кѣмъ не знакомятся, не принимаютъ участія въ увеселеніяхъ и, повидимому, влюблены другъ въ друга по уши. Теперь они сидятъ на палубѣ возлѣ руля, глядятъ иногда на освѣщенное луною пространство океана, иногда другъ другу въ глаза и молчатъ или разговариваютъ вполголоса, навѣрное, объ «ангельскихъ вещахъ». Когда становится уже поздно, она кладетъ ему голову на грудь и засыпаетъ, точно ребенокъ. Даже смотрѣть завидно!...

Но ничего не подѣлаешь. Путешествіе, тропическія ночи, незнакомыя созвѣздія, безконечный просторъ океана,—все это заключаетъ въ себѣ невыразимую прелесть даже для одинокаго путника....

Утромъ, часу въ девятомъ, волна дѣтей заливаетъ палубу и сразу наполняетъ воздухъ радостнымъ гамомъ. Когда видишь ихъ днемъ, при ясномъ утреннемъ освѣщеніи, то невольно является состраданіе къ нимъ и готовность позволить имъ все, что угодно. Климатъ уже наложилъ свой отпечатокъ и на эти маленькія созданія. Личики ихъ блѣдны и болѣзненны, бѣлки глазъ желты, губы безцвѣтны. Всѣ они смѣются и прыгаютъ, но кажется, что смерть слѣдуетъ за ними, какъ нянька. Она, того и гляди, схватитъ кого-нибудь изъ нихъ своей рукою. Поэтому-то дѣтей и необходимо вывозить изъ этихъ убійственныхъ странъ. Уже самый морской воздухъ является для нихъ какъ бы цѣлительнымъ бальзамомъ.

Погода чудесная, море точно изумрудная скатерть, на немъ ни одной волны. Хорошо знакомыя мнѣ стаи серебристыхъ летающихъ рыбъ вырываются изъ воды, то блестя на солнцѣ чешуею, то сливаясь съ лазурью пространства. Я иду на носъ судна, чтобы посмо-

трѣть помѣщенныхъ тамъ звѣрей, причемъ проходъ между пассажирами второго и третьяго классовъ, между которыми есть арабы, индусы и даже сомалисы изъ Обока. Отъ послѣдней мачты начинается настоящій Ноевъ ковчегъ. Въ боковыхъ клѣткахъ помѣщаются быки и коровы, закупленные пароходомъ; они просовываютъ сквозь рѣшетку свои влажныя морды, съ которыхъ на подобіе сталактитовъ свѣшивается слюна. Въ другихъ загородкахъ скучены овцы, услаждающія слухъ пассажировъ меланхолическимъ блеяньемъ. Средина наполнена курами, цесарками и другими видами птицъ, которыя всѣ будутъ истреблены нами къ пріѣзду въ Суэцъ. На тюкахъ у бортовъ размѣстилась цѣлая толпа обезьянъ, напоминая японскія статуетки боговъ. Здѣсь царитъ невообразимый хаосъ. Однѣ занимаются гимнастическими упражненіями, другія тащутъ своихъ сосѣдокъ за хвосты, третьи дерутся, царапаются и визжатъ отъ злости. Между ними кое-гдѣ выдѣляются солидныя полуобезьяны съ острова Мадагаскара и держатся вдали отъ этой оргіи, точно возмущенныя, что ихъ заставили ѣхать въ столь неподходящемъ обществѣ. Масса попугаевъ и другихъ мелкихъ птицъ. Все это представляетъ очень забавную картину, но зато причиняетъ слуху сильныя страданія

Я покупаю красивую мадагаскарскую обезьяну, цвѣтъ шерсти которой такой же, какъ у бѣлки, однако, оставляю ее до пріѣзда въ Суэцъ въ прежнемъ обществѣ. Это милое созданіе, которое, кстати сказать, причинило мнѣ не мало хлопотъ въ Египтѣ и въ дальнѣйшемъ пути, до сихъ поръ пользуется завиднымъ здоровьемъ, обростаетъ на зиму густой шерстью и истребляетъ все, что только попадетъ ей подъ руку: одеколонъ, спиртъ, вино,—для нея это безразлично.

«Pei-Ho» отличный пароходъ и идетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ англійскіе и нѣмецкіе суда. Тѣ проходятъ разстояніе отъ Суэца до Занзибара въ четырнадцать дней, а «Pei-Ho» всего въ одиннадцать, а при противномъ вѣтрѣ—въ четырнадцать. Кто имѣетъ возможность выбирать, тотъ пусть выбираетъ всегда французскіе пароходы, такъ какъ они превосходятъ другіе въ отношеніи благоустройства, кухни и всякихъ иныхъ удобствъ. Только большіе пароходы, курсирующіе между Европой и Соединенными Штатами превосходятъ ихъ роскошью. Во всю длину «Pei-Ho» тянется палуба, что даетъ возможность путешественникамъ совершать болѣе продолжительныя прогулки и, кромѣ того, днемъ забавляться подъ навѣсами разными играми, чрезвычайно сокращающими время переѣзда. Хорошее расположеніе духа и любезность какъ офицеровъ, такъ и всего экипажа дѣлаютъ путешествіе болѣе пріятнымъ. Вообще, здѣсь живется такъ, какъ въ первоклассномъ парижскомъ отелѣ, съ тою, однако, разницею, что здѣсь не только заботятся объ удовлетвореніи потребностей, но и о доставленіи удовольствія путешественникамъ. Въ большой залѣ весь день на столахъ стоятъ графины, наполненные водою со льдомъ, тутъ же вино, красное и бѣлое, ромъ, сахарный песокъ, цѣлыя груды лимоновъ, померанцевъ и мандариновъ, чтобы каждый, если захочетъ, могъ приготовить себѣ лимонадъ Легко понять, какое это доставляетъ наслажденіе въ такомъ климатѣ, гдѣ система

ОГЛАВЛЕНІЕ.